

ДЖЕК ЛОНДОН

Андрей
Манасейчук

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Можно сказать, Джек Лондон (1876–1916) стал писателем, преодолевая семейный рок. Не признанный отцом еще до рождения, подростком он побывал «устричным пиратом», бродягой, заключенным, «мальчиком-социалистом», участвовал в революционных маршах по дорогам Америки. Позже искал счастья в золотоносном Клондайке, освоил писательство, проехал Штаты с лекциями о социализме... Джек Лондон прожил поистине сверхчеловеческую жизнь. За 16 лет литературной деятельности написал 50 книг, стал всемирно знаменит — на одном лишь его романе «Мартин Иден» выковало характер не одно поколение молодежи по обе стороны океана. Три великих иллюзии XX века — брак на разумной основе, социализм как всеобщее равенство и теорию сверхчеловека — Джек Лондон материализовал на себе. «Разумный брак» отомстил ему отчуждением дочерей, социализм — поджогом его «буржуазного» «Дома Волка», а с третьей иллюзией он расстался сам. Андрей Танасейчук многие сложившиеся, романтические представления о Джеке Лондоне пересматривает, «обмирщает» — и в этом книга полемична, зато дает возможность составить о великом писателе личное мнение.

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал mefysto

-
- [Андрей Танасейчук](#)
    -
    -
    - [НЕСКОЛЬКО ВСТУПИТЕЛЬНЫХ СЛОВ](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)

- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)

- [Книги Джека Лондона,](#)

- [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [INFO](#)
- [СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)
  - [34](#)
  - [35](#)

- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)

- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)

- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)

- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)

- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)

- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)

- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)

- [309](#)
  - [310](#)
  - [311](#)
  - [312](#)
  - [313](#)
  - [314](#)
  - [315](#)
-

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1859

(1659)

Андрей Танасейчук

ДЖЕК ЛОНДОН
Одиночное плавание

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

© Танасейчук А. Б., 2017
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2017

Марине

НЕСКОЛЬКО ВСТУПИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Об «интертекстуальности»,

биографическом жанре и Джеке Лондоне

Наука о литературе (та, что называется литературоведением) использует множество всевозможных терминов. Среди них немало весьма мудреных. Есть и такой: «интертекстуальность». В конце 1960-х годов его ввела в оборот Юлия Кристева — человек в области гуманитарных наук известный и авторитетный. Если коротко, то суть термина заключается в следующем: между текстами существуют явные и неявные связи, благодаря которым тексты разнообразными способами взаимодействуют друг с другом. Это могут быть сознательные реминисценции и отсылки автора к конкретным произведениям (жанровым, сюжетным и тому подобным схемам) или совершенно бессознательные, но они существуют и их можно обнаружить.

Что касается биографического жанра, то он, конечно, изначально интертекстуален. Особенно когда речь идет о писателе. Автор его биографии постоянно «оглядывается»: на суждения и оценки современников и потомков, близких и дальних родственников, друзей и недругов, учитывает мнения и высказывания других биографов, постоянно обращается к разным *текстам* писателя: его произведениям, эпистолярному наследию, письменным реакциям на события своей эпохи. Очень большую роль играет и то, в какую эпоху и в какой стране создается биография — нравы, установки, идеология общества, в котором существует биограф, формируют его угол зрения на жизнь и творчество писателя. Вольно или невольно автор жизнеописания какие-то обстоятельства и факты игнорирует, а какие-то, напротив, усиливает. И это тоже проявление интертекстуальности.

С Джеком Лондоном в России ситуация непростая. О жизни и творчестве американского литератора у нас написано много. Одних только книг наберется десятка два, статьи исчисляются сотнями! Лондон до сих пор остается самым издаваемым на русском языке англоязычным писателем. Его книги (да что там книги — собрания сочинений!) начали

выпускаться еще до революции, очень активно издавались в СССР, продолжают они выходить и сейчас. Общий тираж его произведений исчисляется десятками миллионов экземпляров!^[1] Разумеется, выходили и биографии писателя. В том числе — в молодогвардейской серии «Жизнь замечательных людей»^[2].

В Советском Союзе Джек Лондон воспринимался как писатель «идеологический». Во-первых, о его рассказах тепло отзывался сам Владимир Ильич Ленин (Надежда Константиновна Крупская этот факт зафиксировала). Во-вторых, художник симпатизировал социалистическим идеям и не скрывал своих взглядов. Более того, в 1901–1914 годах Лондон являлся членом Социалистической партии США. Данные обстоятельства во многом предопределили его издательскую судьбу в российском культурном пространстве — не только массовые тиражи произведений, но и тщательный их отбор. Социалистом Джек Лондон был непоследовательным и своеобразным, а потому далеко не все произведения вписывались в идеологически «правильный» облик писателя. Так что из его обширного литературного наследия до советского читателя доходила только часть. Однако книги не исчезают. Так или иначе, но постепенно почти все произведения Лондона дошли все же до русскоязычного читателя. Симптоматично вместе с тем: наиболее полным собранием сочинений до сих пор остается 24-томник, выпущенный в годы нэпа издательством «Земля и Фабрика» (ЗИФ)^[3].

Самое известное повествование о жизни Джека Лондона из вышедших на русском языке — многократно переизданная книга американца Ирвинга Стоуна «Моряк в седле». Книга, безусловно, очень интересная. И портрет писателя — живописный, яркий. Но Стоун написал все-таки не биографию, а «биографический роман», что, согласитесь, не одно и то же. Поэтому его «роман», как, разумеется, любой роман, не свободен от каких-то домыслов и искажений. К тому же в русском переводе имеются неизбежные для советского времени изъяты. Не говоря о том, что многое тогда («Моряк в седле» впервые опубликован в США в 1938 году) было попросту не известно (а возможно, и не интересно) автору.

Не дошла целиком до нашего читателя и довольно спорная, но, без сомнения, весьма содержательная биографическая книга Чармиан Лондон — жены писателя^[4]. Неоднократно переизданный в СССР труд американца Ф. Фонера «Джек Лондон — американский бунтарь», хотя и считается биографией, по сути таковой не является, поскольку, как честно сообщает издательская аннотация, «основное внимание автор уделяет анализу

общественно-исторических взглядов великого американского писателя, его связям с рабочим и социалистическим движением и практической деятельности члена американской Социалистической партии». Более удачной в биографическом смысле представляется изданная в 1981 году книга англичанина-социалиста Роберта Балтропа «Джек Лондон, человек, писатель, бунтарь», но и она не лишена «идеологических перегибов» и умолчаний.

Жизнеописания Джека Лондона отечественных авторов — изданные в разные годы книги В. Богословского, В. Быкова, А. Садагурского, С. Батурина, А. Зверева^[5] — вряд ли могут претендовать на статус полновесных биографий. Они созданы в советское время, а потому несут отпечаток именно того восприятия, о котором мы говорили выше. И по этой причине почти остались «за бортом» для автора настоящих строк. Как, собственно, и литературоведческие сочинения — писалась биография, а не исследование, интерпретирующее тексты.

Иное отношение к биографическим работам соотечественников Лондона. Конечно, среди них много неравноценных, тенденциозных, но большинство свободно от идеологических акцентов, наполнено (особенно это касается работ последнего времени) новым, очень интересным материалом, к которому автор этой книги неизбежно обращался.

Совершенно особая ситуация с тем, что написано самим Лондоном. Тексты любого автора «интертекстуальны» (раз уж мы пользуемся этим термином). И во многих произведениях Лондона отчетливо слышна перекличка (иногда сознательная, но чаще всего — нет) с сюжетами и мотивами его современников — Р. Киплинга, Г. Уэллса и др. Вместе с тем книги писателя, начиная почти с самых первых опытов, отличались насыщенной автобиографичностью. Разумеется, каждый автор черпает материал прежде всего из личного опыта. Однако Лондон в данном смысле уникален. У его героев много общего с автором. И не только потому, что жизнь писателя была чрезвычайно богата впечатлениями, — он сам был необычайно восприимчив. Его произведения можно интерпретировать как развернутую художественную автобиографию. Разумеется, Лондон постоянно додумывает и перетолковывает собственное прошлое. В этом сложность восприятия, но не отрицание значения описываемого. Тем более что оно постоянно (явно или неявно) перекликается с реальными событиями жизни. Конечно, «интертекстуальность» такого рода автор биографии игнорировать не в праве. Так что обращение к произведениям Лондона — неизбежно и необходимо.

Настоящая книга помимо названия имеет подзаголовок: «Одинокое плавание». С «плаванием», кажется, все понятно: Джек Лондон был по-настоящему влюблен в водную стихию, плавал по рекам и заливам Калифорнии, ходил по морям и океанам, побывал в водах Арктики, в южных морях, не раз пересекал Тихий океан и Атлантику.

Но, по течению или против, «плавание» Лондона — это еще и *странствие*, В самом широком смысле: он странствовал с бродягами по «Дороге», с золотоискателями по «Белому безмолвию», с бездомными по трущобам Ист-Энда, с коллегами-журналистами по Корее и Мексике...

Странствовал не только физически. Куда интенсивнее — странствия духовные: прочитанные книги, увлечение философией, изучение социальных теорий... Встречи, дружбы, любовные связи — то же. И борьба с обстоятельствами, схватка с самим собой...

Может показаться, что прилагательное «одинокое» в случае Лондона звучит диссонансом. Какое же плавание — одинокое? «На борту» всегда находилась «команда». Были мать и любящий отчим, сводные сестры, в юношеские годы — приятели, в зрелые — семья (даже две), дети, родственники, возлюбленные, попутчики и случайные встречные...

И тем не менее писатель был одинок. Одинокость Лондона было одиночеством Художника. Творца, который уже в силу дарования вынужден сам торить свой путь. Этот путь проходят в одиночку.

Глава 1

ДЖОННИ

Увы, все начинается со скандала: 1875—1876

На какие только ухищрения не идут иные биографы, дабы оживить повествование! Какие только сюжетные ходы не придумывают — лишь бы поразить воображение читателя! Не хотелось бы, чтобы автора настоящих строк заподозрили в чем-то подобном, но у него просто нет выхода: жизнь Джека Лондона действительно начинается со скандала. Точнее, скандал предшествовал его появлению на свет. 4 июня 1875 года газета «Сан-Франциско кроникл» вышла с очередным кричащим (иных у данного издания не было!) заголовком — очень крупным шрифтом на первой странице было набрано: «Отвергнутая жена». Ниже, шрифтом чуть помельче (но только чуть) — подзаголовок: «Почему миссис Чейни дважды пыталась покончить жизнь самоубийством». А дальше излагалась душераздирающая история о несчастной женщине, брошенной мужем, едва узнавшим про ее беременность; о «профессоре» — спирите и гипнотизере, видимо, загипнотизировавшем бедную женщину и тем добившемся взаимности; о муже — «синей бороде», схоронившем уже несколько предшественниц «миссис Чейни».

Как обычно, публикация в «Кроникл», — а в те годы эта газета была самой скандальной на тихоокеанском побережье США, — представляла собой причудливую смесь из правды, слухов, домыслов и откровенной лжи. Правды было немного: наличествовали выстрел из револьвера (впрочем, его никто не слышал), беременность героини, ссадина на ее лице (якобы след от пули) и отношения с Уильямом Г. Чейни, сорока четырех лет, — астрологом, лектором и литератором. Бесспорным был и факт нежелания последнего признать будущего ребенка своим. Все остальное — домыслы и ложь. Тем более что в результате публикации полицейские предприняли тщательное расследование, «профессора» доскональным образом допросили и... отпустили на свободу «ввиду отсутствия в его действиях состава преступления». После этого будущий папаша спешно покинул Сан-Франциско и переехал в другой штат (Орегон), а Флора Уэллман (она же «миссис Чейни») перебралась на жительство к супружеской паре —

Аманде и Уильяму Слокам, которые жили в просторном доме с окнами на залив.

Средств к существованию у будущей матери не было, но Слокамы приютили ее не только из сострадания. Они довольно давно и близко были с ней знакомы (как, впрочем, и с Уильямом Чейни) и, можно сказать, являлись единомышленниками.

Слокамы считались людьми «прогрессивными», были атеистами, придерживались свободных взглядов, издавали журнал «Здравый смысл»^[6], в котором публиковались статьи по самым различным вопросам: от женского равноправия и «свободной любви» до размышлений о противоречиях между трудом и капиталом. Поскольку 1870-е годы были временем повального увлечения спиритизмом, издание предоставляло трибуну приверженцам оккультного знания. Имелся и раздел, посвященный астрологии. В нем начиная с 1874 года публиковался и Уильям Чейни.

Ирвинг Стоун, знакомый с писаниями «профессора», утверждал: «Статьи Чейни написаны хорошим языком, аргументация — убедительна, манера изложения — четкая, ясная. Видишь, что автор — человек всесторонне образованный, достаточно смелый, чтобы говорить откровенно. Он любит людей и хочет научить их стремлению к совершенству»^[7]. Статьи он писал по разным поводам. Его волновали состояние современного общества, причины преступности и проблемы воспитания подрастающего поколения, шахматы и естественные науки, но главной страстью была астрология. Интересовалась гороскопами и Флора Уэллман, но ничто не увлекало ее так, как спиритические сеансы и общение с душами умерших.

Известно, как эти двое — мать будущего писателя и возможный его отец — нашли друг друга. Осенью 1873 года оба жили в Сиэтле и общались с мэром упомянутого города — Генри Иеслером. Тот, во-первых, верил гороскопам и доверял оккультным практикам, а во-вторых, очень хотел переизбраться на очередной срок. Так в его доме оказался Уильям Чейни, составлявший гороскопы мэра и его соперников. Что касается Флоры Уэллман, она, по некоторым сведениям, жила в доме мэра (то ли в качестве гостя, то ли — прислуги), где они и познакомились. Похоже на то, что уже тогда они решили быть вместе и договорились осуществить задуманное в Сан-Франциско. Во всяком случае, в этом главном городе тихоокеанского побережья — экономической и культурной столице американского Запада — оказались почти одновременно и с мая 1874 года жили совместно.

Мисс Уэллман требовала, чтобы ее называли миссис Чейни, хотя в

действительности тазовой являлась вряд ли: документов о регистрации брака не найдено^[8]. Скорее всего, их и не существовало, поскольку Уильям Чейни официально был женат (к тому времени уже в четвертый раз). Впрочем, к такому положению вещей «миссис Чейни», а тем более мистер Чейни относились спокойно. Мать будущего писателя годилась «профессору» в дочери, хотя ей и сравнялось уже тридцать и ее спутник явно не был первым мужчиной в ее жизни. Но женщины — всегда женщины! И в роли жены она, конечно, воспринималась куда респектабельнее, нежели сожительницы. К тому же «профессор» был весьма импозантен: высокий, смуглый, с густой бородой и шевелюрой, тронутой благородной сединой, с пронзительным взглядом темных глаз. Прекрасный оратор с глубоким бархатистым голосом. Правда, богат не был. Зато — очень умный. Это признавали все, кто когда-нибудь с ним общался.

Они поселились в дешевых меблированных комнатах. Она давала уроки музыки и устраивала спиритические сеансы. Он много читал и писал — статьи и брошюры, составлял гороскопы. Время от времени выступал с лекциями. В такие дни его «вторая половина» ему помогала: взимала плату со слушателей и следила за порядком.

Такая жизнь продолжалась до конца мая — начала июня 1875 года. Где-то в этот период Флора сообщила «супругу», что беременна, и тот 3 июня разорвал с ней отношения.

В большинстве жизнеописаний Джека Лондона поступок Чейни объясняют примерно одинаково: не хотел ребенка и просто-напросто сбежал от ответственности. Тем более что «послужной список» астролога, в котором были пять супружеств с последовательными бегствами от жен, множество внебрачных связей и не было ни одного ребенка, — об этом авторы жизнеописаний сообщают подробно — иного не предполагал. Если, конечно, Уильям Чейни действительно являлся отцом ребенка. А вот здесь существуют серьезные сомнения. Начать с того, что Чармиан Лондон, жена писателя и автор весьма подробной его биографии, уделив большое внимание предкам супруга по материнской линии, совершенно проигнорировала линию отцовскую и о предках Джека Лондона с этой стороны даже не упомянула. Довольно странно. Хотя бы потому, что мистер Чейни, как видим, был человеком незаурядным, к тому же обладал даром сочинителя — в молодые годы написал и опубликовал несколько романов и рассказов. Вполне логично было бы объяснить писательский дар Лондона наследственным. Тем более что со стороны матери даже мало-мальскими литературными способностями никто отмечен не был. Судя по

всему, Чармиан не считала астролога отцом супруга. И эта убежденность (как и основная информация в жизнеописании мужа) исходила от самого Джека Лондона. А вопрос: «Кто мой отец?» — его явно мучил. В 1897-м, в возрасте двадцати одного года, он разыскал У. Чейни (тот жил тогда в Чикаго) и, по секрету от матери, написал ему письмо, в котором спросил, является ли тот его отцом. При этом уверил адресата, что «сохранит всё в молчании и тайне». В ответном письме предполагаемый родитель решительно отказался от отцовства.

«Я никогда не был женат на Флоре Уэллман, — писал Чейни, — но с 11 июня 1874 года по 3 июня 1875 года мы жили вместе. В то время я не мог быть ей мужем: сказались лишения, нужда, чрезмерная умственная работа. Отцом вашим, следовательно, я быть не мог и кто ваш отец, не знаю». А также сообщал: «В свое время я был весьма нежно привязан к Флоре, но наступили дни, когда я возненавидел ее со всей силой, на какую способен страстный человек. Как многие, кто побывал в подобных обстоятельствах, я даже собирался убить ее и себя самого. <...> В газетах писали, будто я выгнал ее из дому за то, что она не соглашалась сделать аборт. Статья была перепечатана и разослана по стране. В Мэне ее прочли мои сестры, и две из них стали мне врагами. Одна умерла, убежденная, что я виноват. Вся родня, за исключением одной сестры в Портленде, в штате Орегон, — мои враги, которые по сей день клянут меня за то, что я их опозорил. В то время я напечатал брошюру, где приводилось полученное от начальника полиции донесение сыщика. Из него было ясно, что меня оклеветали».

Писателя этот ответ, видимо, не убедил. Вскоре Джек Лондон написал ему еще одно послание. Пожилой профессор ответил и, среди прочего, сообщил следующее: «Расстались мы вот почему: в один прекрасный день Флора сказала: «Ты знаешь, чего мне хочется больше всего? Стать матерью. Ты слишком стар. Предположим, я найду мужчину, — хорошего, милого человека, — неужели ты не согласишься, чтобы у меня был от него ребенок?» Я ответил, что да, соглашусь. Только этому человеку придется содержать ее. <...> Приблизительно через месяц она сказала, что беременна от меня. Я подумал, что она просто решила испытать меня, не поверил и поднял страшный шум в надежде отговорить Флору от ее затеи. Споры шли весь день и всю ночь. Когда рассвело, я встал и сказал ей, что она никогда больше не будет мне женой»^[9]. Привел Чейни и еще одну — жестокою для корреспондента — подробность: во время «замужества» Флора Уэллман (вероятно, с его разрешения) имела отношения еще с одним мужчиной, а возможно, и с двумя. Он назвал имя одного из них — некий

Ли Смит. И сардонически заметил: «Наши соседи по меблированным комнатам нередко путались, обращаясь к ней попеременно то, как к мисс Уэллман, то как к миссис Смит, то как к миссис Чейни...»^[10]

Хотя такие авторитетные биографы писателя, как Ирвинг Стоун и Джоан Лондон, заявляли о поразительном внешнем сходстве Уильяма Чейни и Джека Лондона, эти утверждения вызывают большие сомнения: ни тот ни другая с Чейни никогда не виделись. Их умозаключения базируются по сути на единственной сохранившейся фотографии Чейни — на ней профессору уже изрядно за шестьдесят. Да и качество снимка, надо сказать, неважное.

Так что вопрос о том, кто же в действительности был отцом писателя, остается без ответа. Нет ответа на него, разумеется, и у автора этих строк.

Обратимся теперь к матери Джека Лондона. О Флоре Уэллман у читателя уже могло сложиться довольно неблагоприятное впечатление, но едва ли это справедливо.

Мать писателя была натурой сложной, противоречивой, с непростой судьбой. Жизнь ее, скажем прямо, совсем не баловала. Впрочем, судьбу свою она строила самостоятельно, и во всех ее извивах винить ей было некого. Разве что свой характер. Ну, может быть, еще и внешность.

По американским меркам XIX века Флора Уэллман происходила из вполне благополучной семьи. Ее предки перебрались в Америку из Уэльса еще в XVII столетии. Были они людьми предприимчивыми, фермерами и бизнесменами и, несмотря на все трудности жизни в Новом Свете, преуспевали. Отец, Маршалл Уэллман, немало поскитавшись по стране, в конце концов осел в штате Огайо, в городе Мэссилон (*Massillon*). Городок был небольшой, но перспективный. Здесь предприниматель организовал небольшую компанию по проектированию и строительству сложных инженерных сооружений; занимался изобретательством, получал патенты и выгодно продавал их. Выстроил большой просторный дом — в то время самый красивый в городе. В нем в 1843 году (17 августа) и родилась его дочь Флора.

Семья была состоятельной, и девочка получила хорошее образование: сначала училась дома, а потом окончила женский колледж (учительскую семинарию). Неплохо рисовала, умело и с удовольствием музицировала на пианино.

Судьбу девочки из богатой провинциальной семьи предсказать нетрудно: завершение образования, возвращение домой, «выход в свет», помолвка, замужество, дети, спокойная обеспеченная жизнь. Так всё поначалу и выстраивалось. Но с Флорой Уэллман что-то пошло не так, и

первопричиной этого, судя по всему, стал недуг. В 14 лет (по другим источникам — в шестнадцать) она заболела тифом. В то время лечить подобные заболевания толком не умели, да и лекарств, собственно, не было. Болезнь протекала тяжело, с осложнениями. Seriously испортилось зрение, остановился рост, выпали почти все волосы, пострадали зубы. Можно представить, как все это повлияло на девушку. Она и так не была красавицей. А тут — такое! Пришлось надеть парик. Видела она совсем плохо, но очки с негодованием отвергла. А ростом — ну что с этим поделаешь? — так и не вытянулась даже до полутора метров, не хватило сантиметра.

Характер у нее с раннего детства был неуравновешенный, а после болезни с ней совсем не стало сладу: со всеми спорила, на всех обижалась, дерзила, ссорилась. После одной, вероятно, очень серьезной ссоры с родителями (подробности неизвестны, но в своей книге Чармиан Лондон намекает на ссору с мачехой^[11]), она собрала вещи и навсегда покинула отчий дом. В то время даже для свободной Европы подобный демарш — нечто из ряда вон выходящее. Что уж говорить о куда более консервативной Америке. Тем не менее Флора Уэллман сделала это. Тогда ей было около двадцати пяти лет^[12]. И более ни с кем из родных она никогда не виделась и переписки не поддерживала.

Флора отправилась на Запад — маршрут ее передвижений в подробностях неизвестен, но, по некоторым сведениям, на ее пути были Сент-Луис и, вероятно, Чикаго. Оттуда она перебралась в Сиэтл, а затем уже в Сан-Франциско.

Как она жила, с кем? Чем зарабатывала на жизнь? Ответов на эти вопросы нет. Жила, скорее всего, очень непросто. Ирвинг Стоун, интригуя читателя, заметил: «Имеющиеся сведения наводят на мысль, что это была неприглядная история». Но располагал ли он какими-то, хотя бы маломальски достоверными сведениями? Вряд ли. Иначе не прозвучало бы: «Биограф Джека Лондона был бы готов пожертвовать многим, чтобы проследить скрытые от нас три года жизни Флоры Уэллман». Это речение произнесено без малого 100 лет назад. Так что и мы, вероятно, ничего и никогда не узнаем. Но нетрудно предположить, что с изнанкой жизни она познакомилась сполна. Что же здесь удивляться словам ее сына: «Не могу даже вспомнить, когда моя мать не была старой... Она всегда была такой же, как и сейчас (в 1900-е годы. — А. Т.)». Объясняя слова супруга, Чармиан Лондон заметила: «Похоже на то, что болезнь навсегда лишила ее юности и веселого настроения. В глазах у нее навсегда застыли горечь и

разочарование»^[13]. Поправим: болезнь только спровоцировала эту самую «старость» молодой еще женщины, а «горечь и разочарование» в глазах поселил непростой жизненный опыт, в котором три «темных» для биографов года, видимо, сыграли далеко не последнюю роль.

Первые годы в Сан-Франциско: 1876-1879

Будущий автор «Рассказов о Севере», «Мартина Идена», «Морского волка» и других замечательных книг появился на свет 12 января 1876 года, в доме упоминавшейся выше четы сердобольных Слокумов, по адресу: город Сан-Франциско, Третья улица, 615. По свидетельствам, из окон дома на высоком холме открывался потрясающий вид на залив и лес корабельных мачт. Увы, теперь не проверишь: дом был деревянный, и если даже он пережил знаменитое землетрясение 1906 года, то грандиозный пожар, вызванный катаклизмом и уничтоживший почти всё вокруг, его, конечно, не пощадил.

Два дня спустя после появления на свет мальчика на событие отреагировала всё та же «Кроникл», сообщив о рождении «Джона Гриффита Чейни». Да, да, именно так — Джона! Известный всем Джек Лондон стал Джеком не сразу. Он довольно долго оставался Джоном, точнее, Джонни — в силу юного возраста. А вот под фамилией Чейни младенец прожил только первые восемь месяцев. Потом его мать вышла, наконец, замуж по-настоящему и стала миссис Флорой Лондон, а малыш — Джоном Гриффитом Лондоном.

Когда и как пересеклись судьбы Флоры Уэллман и Джона Лондона, при каких обстоятельствах они встретились впервые, достоверно неизвестно. Чармиан Лондон в книге о муже эту тему деликатно обходит. Молчат об этом и многочисленные биографы писателя. Только у Ирвинга Стоуна встречается такой пассаж: «Джону Лондону в те дни было лет за сорок. <...> Он еще оплакивал жену и сына (умерших в течение года. — А. Т.), когда один приятель по работе уговорил его пойти на спиритический сеанс. «Пойди, Джон. Может быть, они дадут о себе знать». Но вместо вестей от старой жены Лондон получил новую».

Можно, конечно, предположить, что их знакомство произошло на одном из спиритических сеансов, что устраивала госпожа Уэллман до и после рождения ребенка. Но это будет предположением, и только.

Интересно, что же такое особенное разглядел во Флоре Уэллман этот уже немолодой, спокойный, рассудительный человек. Вероятно, нечто, чего

не хватало ему самому, — энергию, полет фантазии, авантюризм. Чего-чего, а последнего у нее всегда хватало, и в дальнейшем это не раз омрачит существование семьи. К тому же, по сравнению с ним, она была весьма образованна. Не преминула, видимо, намекнуть и на свое происхождение — куда как более высокое, нежели у избранника. Такие вещи, разумеется, действуют. А еще она была волевым человеком. Джон Лондон силой воли не отличался.

В Калифорнию он попал волей случая и семейных обстоятельств. Родом из Пенсильвании, из простой фермерской семьи, в 17 лет он устроился обходчиком на железную дорогу, работником был добросовестным, и уже в девятнадцать его поставили старшим обходчиком. Тогда же он счастливо женился. С супругой они нажили 11 детей (двое из них умерли в младенчестве). Потом сражался добровольцем на Гражданской войне Севера и Юга. Воевал за северян, несколько раз был ранен, в результате последнего потерял легкое. В то время орденами не награждали, но таким, как он, государство дарило землю. Получил надел и Джон Лондон — на плодородном Среднем Западе, в штате Айова, возле города с милым каждому русскому человеку названием — Москва. Обрел дело, которое приносило ему радость и удовлетворение, — фермерство. «Человеком полей» назвала его Чармиан Лондон в своей книге^[14] — очень точно. Таким он и был: знал и любил землю, умел за ней ухаживать, а она платила ему сторицей, и он был счастлив. Но... сначала умерла жена. Потом сын получил травму, вызвавшую легочный процесс. Джон продал землю и с младшими детьми (двумя девочками и мальчиком — старшие уже были пристроены) поехал в Калифорнию, в надежде на исцеление ребенка. Ехать ему нужно было, конечно, на юг Калифорнии, куда-нибудь в Сан-Диего или Лос-Анджелес, а еще лучше — в Техас, в район Сан-Антонио. Но он оказался в Сан-Франциско, влажный переменчивый климат которого убил мальчика. Мужчина остался наедине со своим горем и двумя девочками на руках. Тогда он и повстречался с будущей второй женой.

Есть основания считать, что впервые встретились Джон и Флора всё же не на спиритическом сеансе, а в доме Вирджинии (Дженни) Прентисс — чернокожей кормилицы маленького Джонни. Дело в том, что мать (вследствие перенесенной болезни или по причине общей ослабленности организма) не могла вскармливать сына — грудного молока у нее не было. Врач настоял на кормилице и дал адрес миссис Прентисс, потерявшей в родах ребенка. Муж ее, плотник, тоже был ветераном Гражданской войны, как свидетельствует один из биографов писателя, работал вместе с Джоном

Лондоном, который в Сан-Франциско подвизался на том же поприще^[15]. Скорее всего, у Прентисс и произошла первая встреча двух одиноких сердец.

Мисс Флора Уэллман превратилась в миссис Флору Лондон 7 сентября 1876 года. Правда, на брачном свидетельстве она поставила другую подпись: «Флора Чейни» (на что, разумеется, никакого права не имела, поскольку «миссис Чейни» никогда не была). Но, в отличие от восточных и южных штатов, в Калифорнии в то время сведения записывались со слов брачующихся, без подтверждающих документов. Не то чтобы своим гражданам этот штат доверял больше, чем другие, просто на Западе традиции несколько иные — более демократичные. Тогда же «молодая» перебралась в квартиру мужа — в рабочем районе Сан-Франциско, к югу от Маркет-стрит. Через несколько дней в квартире водворились и его дочери, до этого жившие в приюте. Старшую звали Элиза, ей было тогда восемь лет, и она будет играть важную роль в жизни Джека Лондона; младшую — Ида, ей исполнилось пять. В жизни маленького Джонни, однако, ничего не изменилось — он остался в семье кормилицы.

Без малого два года маленький Джонни прожил в семье «матушки Дженни». Вот как Ирвинг Стоун описал ее: «Высокого роста, большегрудая и ширококостная, няня Дженни была черна как уголь. Женщина она была работящая, верила в Бога и гордилась своим домом, семьей и положением в обществе. Она брала Джека на колени, пела ему негритянские колыбельные песни, щедро дарила ему всю бурную любовь, какая досталась бы ее собственному ребенку, если бы он был жив. Она и стала Джеку кормилицей, приемной матерью и другом на всю жизнь». Лучше, пожалуй, и не скажешь. Тем более что всё это — правда. Джонни, конечно, повезло, что на его пути оказался такой человек — даривший теплоту, заботу и искренне любивший его.

В возрасте около двух лет ребенка у кормилицы забрали. Причина самая обыденная: Лондоны переехали в другой район Сан-Франциско и теперь жили довольно далеко от Прентиссов. Да и в грудном вскармливании малыш уже не нуждался. В роли няни кормилицу заменила его сводная сестра — Элиза. Ей исполнилось уже десять лет, и со своими обязанностями она справлялась вполне успешно. Как любой ребенок, она тяготилась возложенной на нее ношей, видимо, дававшейся ей нелегко. Но в этом — очевидный источник ее особых чувств, которые, став взрослой, она всегда будет испытывать к младшему брату. Ведь она в какой-то степени заменила ему мать, а «трудные дети», как известно, — самые любимые.

Теперь Лондоны жили на окраине города, но условия жизни улучшились: в доме на Фолсом-стрит они снимали квартиру из шести комнат. Места было много, и предприимчивая, как всегда, Флора решила устроить пансион и пустила жильцов. Теперь она еще меньше внимания уделяла детям, но к этому ее подталкивали финансовые трудности. Хотя муж старался, как мог (плотничал, работал наладчиком в компании по производству и обслуживанию швейных машин^[16]), денег постоянно не хватало. А тут случилась эпидемия дифтерии: Элиза и Джонни заболели.

Обычно этот широко известный эпизод с болезнью детей биографы приводят как иллюстрацию бессердечия их матери и мачехи. И в самом деле, разве можно прийти к иному выводу, прочитав такие строки: «Лежа в карантине в одной кровати, дети были при смерти. Как-то Элиза ненадолго пришла в сознание и успела услышать, как Флора спрашивает у врача: «Скажите, а можно их будет похоронить в одном гробу, чтобы подешевле?» Пока мать Джека беспокоилась о похоронах, отчим метался по городу в поисках опытной сиделки и врача, чтобы спасти детям жизнь»^[17].

С позиций человека наших дней, когда недуги подобного рода успешно лечатся, такое отношение Флоры действительно выглядит бесчеловечно. Но в то время прививок еще не делали, антибиотиков не существовало, и дифтерия была настоящим бедствием, ежегодно уносившим миллионы и миллионы детских жизней по всему свету. Эта болезнь считалась фатальной. Так что едва ли стоит строго судить миссис Лондон. К тому же она, безусловно, была растеряна и в отчаянии.

Но если эти эмоции явно деморализовали Флору, на ее мужа они оказали обратное воздействие — он сумел-таки отыскать врача. Тот отсосал пленки, прижег дифтерийные язвы и... вылечил детей. Он же настоятельно рекомендовал родителям поменять место жительства и уехать из промозглого, открытого всем ветрам прибрежного Сан-Франциско.

Собственно, в этом была и житейская необходимость. Существовать в городе становилось все труднее: он оказался в эпицентре экономического кризиса, охватившего в 1876 году всю страну. Массово закрывались предприятия, безработица росла. Тем, кто еще имел работу, резко снизили заработную плату. Да и небезопасно стало в Сан-Франциско: на фоне экономических неурядиц город сотрясали расовые волнения — громили китайские кварталы, жгли столовые и прачечные, случались и убийства китайцев. Безработные объединились вокруг экстремистски настроенного и харизматичного Денниса Кирни. Бывший моряк и ломовой извозчик оказался талантливым оратором и прекрасным организатором. Он создал

Рабочую партию Калифорнии, формировал боевые дружины, открыто отказывался повиноваться полиции и грозил захватить власть ^[18].

Судя по всему, указанные факторы и определили отъезд семьи из Сан-Франциско. Вскоре после выздоровления детей Лондоны перебрались на другую сторону залива — в город Окленд.

Маленький сельский житель: 1879—1886

В биографиях писателя Окленд нередко именуют пригородом Сан-Франциско. Это, конечно, не соответствует действительности. И тогда, и теперь Окленд — вполне самостоятельный город, со своим экономическим укладом, особенностями жизни. Хотя поселение возникло здесь еще в 1851 году, подлинная история города началась в 1868-м, когда туда пришла трансконтинентальная железная дорога и Окленд стал финальной точкой на долгом пути от Атлантики к Тихому океану. Данное обстоятельство и обусловило энергичное его развитие в 1870-е годы. Поначалу это был всего лишь перевалочный центр для грузов, прибывающих по железной дороге. Помимо подъездных путей, депо и прочей инфраструктуры там появились пакгаузы, огромные склады, причалы, порт, начали ремонтировать и строить суда. Поскольку в окрестностях были плодородные земли, развивалось сельское хозяйство; в заливе ловили рыбу, а в городе открывали консервные фабрики. Кроме того, Окленд быстро превратился в региональный центр текстильной промышленности. Логика экономического развития требовала и иных промышленных отраслей — создавались механические мастерские, а затем и металлообрабатывающие заводы. В общем, в 1879 году, когда семейство Лондонов оказалось в Окленде, он уже был большим, активно развивающимся городом.

Неизвестно, чья это была идея — Джона Лондона или его супруги — открыть собственное дело. Скорее всего, последней. В наши дни Флору называли бы женщиной «креативной», поскольку у нее всегда имелось множество задумок и планов. Цель была всегда одна — обогащение. И обогащение быстрое. Насколько овощной магазин, который они открыли, укладывался в схему «быстрого обогащения», сказать трудно. Но о том, что торговля — дело в принципе выгодное, спорить не приходится. Свое «предприятие» они устроили на первом этаже двухэтажного деревянного дома на углу Кэмбелл-стрит и Седьмой улицы. И просуществовало оно почти два года, которые можно считать самыми благополучными в жизни семьи.

Никаких следов строения в наши дни не сохранилось. Но тогда, по воспоминаниям, место было бойкое и дело быстро развивалось. Флора стояла за прилавком, муж занимался закупкой и доставкой овощей и фруктов. У Джона Лондона в этом смысле оказался настоящий талант — он чувствовал, что будет пользоваться спросом; пригодился и крестьянский опыт юности при выборе помидоров, перца, картошки, зелени, персиков, абрикосов и апельсинов. А Флора, когда хотела, умела быть занимательным собеседником и доброжелательным советчиком для покупателей, окрестных хозяек. Но проблема была в том, что одним и тем же делом она долго заниматься не могла — ей надоедало, от однообразия она уставала. Да к тому же и дело развивалось не такими темпами, как ей хотелось бы. И она нашла супругу компаньона — некоего господина по фамилии Соуэлл. Теперь за торговлю в магазине отвечал он, а Джон Лондон занимался поставками. Но получилось совсем не «так хорошо», как обещала фамилия компаньона^[19]. В один не самый прекрасный день Лондон, вернувшись из поездки с очередной партией заключенных договоров о поставках продукции, обнаружил, что магазин пуст: все запасы распроданы, продано и все оборудование, а партнер с деньгами исчез в неизвестном направлении.

Инцидент этот не только положил конец относительному благополучию семьи Лондонов, но вынудил их покинуть Окленд.

Поскольку глава семейства объездил все окрестности и хорошо знал, «что, где, как и почему», он здраво рассудил, что «на земле» им будет выжить легче. К тому же, помним, опыт фермерства у него имелся. После краха торгового дела у семьи тем не менее оставалась некоторая сумма денег, и Джон Лондон арендовал относительно небольшой — в 20 акров (то есть примерно восемь гектаров) — участок земли, скорее всего, ферму, к югу от Окленда, возле местечка под названием Аламеда. Здесь он собирался заняться выращиванием фруктов и овощей.

Позднее, уже взрослым, Джек Лондон вспоминал: «Жизнь на ранчо казалась мне ужасно скучной...»^[20] И еще говорил об одиночестве и неприкаянности среди узлов, пакетов и коробок. Похоже, что ребенку было не только одиноко, но и страшно оставаться одному в пустом доме, заваленном нераспакованными вещами.

Нельзя не сказать еще об одном эпизоде, относящемся к данному периоду времени. Эпизоде неприятном, к тому же, вероятно, изрядно напугавшем мальчишку. Речь о самом первом знакомстве будущего писателя с алкоголем и его воздействием. Об этом рассказывается в

автобиографическом романе «Джон Ячменное Зерно»^[21] (1913):

«Мне было пять лет. День был жаркий, мой отец пахал в поле за полмили от дома. Меня послали отнести ему пива. «Да смотри, не расплескай по дороге!» — наказали мне на прощание. Пиво было, помнится, в деревянном ведерке с широким верхом и без крышки. Я нес его и плескал себе на ноги. Я шел и размышлял: почему это пиво считается такой драгоценностью? Небось, вкусно! А то почему мне не велят его пить? Ведь всё, что родители запрещают, всегда очень вкусно. Значит, и пиво тоже. Уж эти взрослые понимают, что к чему! А тут, как назло, полное ведро. Пиво выливается мне на ноги и на землю. Чего же зря добру пропадать? Никто не узнает, пролил я или выпил? Я был так мал, что пришлось сесть и поставить ведерко себе на колени, чтобы отхлебнуть. Сперва я лизнул пену. Бог ты мой! Где же этот дивный вкус? Значит, не в пене, уж слишком она противная. Тут я вспомнил, что взрослые ее сдувают и только потом пьют. Я сунул нос в ведро и принялся лакать густую жидкость. Ну и дрянь же! Все-таки япил. Не может быть, чтобы взрослые так ошибались! Трудно сказать, сколько я выпил тогда: я был карапуз, а ведро казалось огромным, а я все хлебал, не отрываясь, погрузив лицо по самые уши в пену. Но глотал я, признаться, как лекарство: меня тошнило и хотелось скорее покончить с этим мучением. Наконец я встал, передергиваясь от отвращения, и пошел дальше. Наверное, после все же будет приятно, думал я. По пути я прикладывался к ведерку еще несколько раз и вдруг заметил, что там изрядно недостает. Но я вспомнил, что пиво размешивают, и, схватив палочку, принялся мешать, пока пена не вздулась до краев. Отец ничего не заметил. Ему очень хотелось пить, и, быстро осушив ведерко, он снова взялся за плуг. Я попробовал пойти рядом, но, сделав несколько шагов, упал под лошадь, едва не напорвшись на стальной лемех. Отец так резко осадил назад, что лошади едва не растоптали меня. Потом отец рассказывал, что я был на волосок от гибели. Смутно помню, как он нес меня на край поля, где росли деревья, и все передо мной качалось и ходило ходуном. Меня страшно тошнило и мучил страх, что я совершил дурной поступок. Я проспал под деревьями до вечера. На закате отец разбудил меня, и, с трудом поднявшись, я побрел за ним. Я был еле жив: ноги казались свинцовыми, резало в животе, к горлу подступала тошнота. Я чувствовал себя отравленным. Собственно говоря, это и было самое настоящее отравление»^[22].

Оба эпизода относятся к самым первым месяцам пребывания мальчика на ранчо. Похоже на то, что это было не самое лучшее время в его жизни.

В 1882 году Джонни исполнилось шесть лет, и он пошел в школу.

Элиза вспоминала: учиться ее брат отправился с удовольствием и в школу ходил с интересом. Прежде всего потому, что в школу он пошел подготовленным — читать и писать уже умел. Благодарить за это нужно мать. У Флоры при всех странностях характера, «прохладном» отношении к материнству, непоследовательности и прочем «социальные инстинкты» работали. Ценность образования она признавала и полагала само собой разумеющимся, что сын ее должен и будет учиться. Пусть без системы — под настроение, урывками — с ребенком она занималась и первым знакомством с печатным словом и навыками письма он обязан, конечно, ей^[23]. Не испытал мальчик и естественного для его возраста «социального шока». Школа была ему хорошо знакома: еще в Окленде, четырехлетним, он на протяжении по крайней мере нескольких месяцев сопровождал в школу (разумеется, вынужденно) свою старшую сестру. Вот что по этому поводу пишет Ирвинг Стоун: «<Элиза> стала ходить в школу с ним вместе, иначе ей пришлось бы сидеть дома. Она объяснила учительнице, почему ей приходится приводить братишку с собой. Та поставила для него около кафедры деревянный ящик и давала малышу книжки с картинками, которые он сосредоточенно рассматривал, сидя за ящиком, как за партой. На школьном дворе мальчуган наслаждался, играя с детьми; Элизе часто перепало от девочек то яблоко, то какое-нибудь украшение, только бы она разрешила Джеку посидеть с ними»^[24].

Думается, выразительные детали («деревянный ящик около кафедры», «яблоки» и «украшения», желание девочек «посидеть» с ребенком — во время урока?) известный мастер биографического жанра, скорее всего, дофантазировал, но сам факт вынужденной (но, наверное, занимательной для ребенка) адаптации к школе бесспорен.

Несмотря на то что учиться он ходил с удовольствием и в школе, видимо, преуспевал, сведений о том, кто, как и чему его там учил, с кем он учился, — не сохранилось. Более связные воспоминания — о другой школе, где Джонни учился в следующем году. Эта школа находилась на другой стороне залива, в поселке под названием Сан-Матео, в десятке миль к юго-востоку от Сан-Франциско.

Почему Лондоны вдруг покинули прежнюю ферму, где прожили почти два года и где дела шли очень и очень неплохо? На жизнь хватало, земля родила, они не бедствовали и даже могли откладывать кое-что на «черный день». Судя по всему, инициатором переезда была Флора — то ли ей не нравилась жизнь в захолустье, то ли не устраивали масштабы предприятия:

дело спорилось, овощи продавались успешно, но, возможно, благосостояние увеличивалось не так быстро, как хотелось бы.

В Сан-Матео земли у Лондонов было в два раза больше, выращивали они в основном картофель, который подрядились поставлять в пригородные бары, салуны и иные точки питания.

В памяти Джека Лондона год, что они провели здесь, — печальный. Местность, где они жили, была пустынной, неживописной, а жизнь — монотонной и скудной. Ирвинг Стоун сообщает, что в Сан-Матео Лондоны чуть ли не голодали (приводит случай, когда изголодавшийся ребенок украл у девочки-одноклассницы ломтик мяса). Эту информацию не подтверждают ни жена, ни дочь писателя, но жили, видимо, всё же невесело. Самые яркие события, оставшиеся в памяти будущего писателя, — редкие выезды в Сан-Франциско с отцом на рынок с грузом картошки. Правда, два или три раза он бывал и по несколько дней жил у своей молочной мамы — Дженни Прентисс. Вот это был для мальчика настоящий праздник!

А настоящим разочарованием стала местная школа. Мало того что товарищами по учебе были в основном дети иммигрантов в первом поколении (главным образом итальянцы), учили из рук вон плохо. Занятия в нескольких классах проводил (обычно одновременно) один учитель — и тот забулдыга и алкоголик. Соответственной была и дисциплина — старшие учащиеся педагога демонстративно игнорировали (а то и били), он собственную злобу и отчаяние вымещал на младших. Поэтому дети Лондонов занятия часто пропускали, предпочитая им прогулки по побережью.

А с картошкой не заладилось: и урожай не тот, на который надеялись, и оплату задерживали. Стоит ли тут удивляться тому, что в Сан-Матео Лондоны прожили всего лишь год, перебравшись опять на другую сторону залива, в окрестности Окленда. Теперь они обосновались в Ливерморской долине — примерно в 20 милях к северо-востоку от города.

По разным сведениям, Джон Лондон то ли купил, то ли арендовал настоящее ранчо в 75 (по другим источникам — 85) акров обрабатываемой земли, лугов и пастбищ. Здесь он вернулся к привычному занятию — выращиванию овощей, а также решил заняться коневодством.

«Я не знал людей достойнее моего отца, — говорил уже взрослый Джек Лондон, — он был самым лучшим — и в то же время слишком хорошим, чтобы победить эту бездушную жизнь и выжить в хаосе капиталистической системы, где не существует ни законов, ни правил»^[25]. Слова эти прозвучали, когда Джона Лондона давно не было в живых, но

память о нем, искреннюю любовь и признательность писатель продолжал хранить многие годы спустя. В Ливерморе он уже знал, что этот седой, очень добрый и немногословный человек не родной ему отец^[26]. Но это никак не влияло на особые отношения между ними — такие, которые существуют между отцом и сыном. Связь эта, конечно, устанавливалась постепенно, но именно в Ливерморе укрепилась окончательно. Джонни сравнялось восемь лет, он подросток, окреп, и теперь отец стал брать его в поле — сажать и убирать урожай, помогать по хозяйству. Появились у него и собственные постоянные обязанности: носить воду из колодца, кормить кур и собирать яйца, снабжать дровами кухню. Доставка овощей и фруктов заказчикам, поездки на рынок — это теперь тоже была его привилегия. Разумеется, занимался он этим вместе с отцом. А что еще может сплотить сильнее, чем общее дело и общие заботы? Есть все основания предполагать, что позднейший интерес писателя к сельскому хозяйству, к жизни на ранчо шел как раз отсюда — из ливерморского детства, из здешнего опыта, тех трудов, что он выполнял совместно с отчимом.

В Ливерморе повезло и со школой. Трудно сказать, насколько хорошие здесь были учителя. Но это и не так важно. Куда важнее, что им удалось привить мальчику интерес к чтению. Именно здесь Джонни и начал читать. Собственных книг в семье не было. В те годы домашняя библиотека — роскошь, доступная только богатым людям. Книгами делились с учениками педагоги. Одной из первых художественных книг, прочитанных Джонни, стал сборник «восточных» историй и сказок «Альгамбра» Вашингтона Ирвинга^[27]. Большинству читателей, несомненно, знакома эта книга — полная экзотики, тайн и волшебства. Можно только представить, какое впечатление она произвела на мальчика!

«Альгамбру» мне дала почитать школьная учительница, — вспоминал много лет спустя писатель. — Я был застенчивый мальчуган, — в отличие от Оливера Твиста, у меня язык не повернулся попросить еще, хотя, возвращая Ирвинга, я надеялся, что учительница предложит мне что-нибудь сама. Но она ничего не предложила, видимо, сочла меня неблагодарным, и я проплакал от обиды все три мили от школы до дома. Долго еще потом я ждал с замирающим сердцем, что она даст мне какую-нибудь книжку. Не раз, бывало, совсем уже решусь попросить, но в последнюю секунду у меня отнимался язык»^[28].

От одного из учителей попала к нему и другая книга, увлекшая его. Это был прекрасно изданный, со множеством иллюстраций том Пола де Шейю — ученого, который умел писать образно и увлекательно^[29]. Книга

называлась «Исследования и приключения в Экваториальной Африке; с описаниями привычек и уклада местных народов, рассказами о горилле, крокодиле, леопарде, слоне, гиппопотаме и прочих удивительных животных». Впоследствии Джек Лондон вспоминал, что именно эта книга пробудила в нем интерес к дальним странам и путешествиям, разбудила любознательность.

Опять же по признанию самого писателя, самое большое впечатление на него — восьмилетнего ребенка — произвела история, поведенная заурядным, в общем-то, автором. Речь идет о романе «Синья» Мэри Луизы Рэми, писавшей под псевдонимом Уида^[30]. Это история жизни мальчика (внебрачного сына итальянской девушки-крестьянки и талантливого, но бедного художника), который, испытав нужду и лишения, становится признанным композитором. Некоторые биографы писателя увидели в этом детском восхищении героем сентиментальной истории символический смысл — мол, и Джек Лондон повторил его судьбу! Комментировать здесь особенно нечего — едва ли весьма заурядная история поздневикторианской беллетристики могла стать путеводной звездой для автора «Рассказов о Севере». Вместе с тем сам Лондон утверждал, что роман «Синья» повлиял на него больше, чем любая другая книга^[31]. Что ж, это вполне объяснимо — яркость детских впечатлений не всегда соотносится с художественными достоинствами прочитанных историй.

Но что интересно: оказывается, тот экземпляр романа, которым владел мальчишка и который неоднократно в эти годы перечитывал, был не полным — финал истории отсутствовал, страницы были вырваны (по словам Лондона: «не хватало последних сорока страниц»^[32]), и как сложилась судьба героя, ему было неясно. Вот это обстоятельство, конечно, куда важнее художественных достоинств, — тут было о чем помечтать, погрезить, это будило воображение. По воспоминаниям самого писателя, «открытый финал» мучил его долго — до тех пор, пока, уже став взрослым, он-таки не разыскал полный текст и не прочитал его окончание^[33].

Конечно, читал Джонни и другие книги. Жена писателя, основываясь на его воспоминаниях, упоминала прочитанные тогда же дешевые издания романов Горацио Элджера, биографию погибшего от рук убийцы президента Гарфилда^[34] и т. д. Но ничто из прочитанного не оставило такого глубокого следа, как «Синья» мадам Рэми. Парадоксы детского сознания...

Лондоны прожили в Ливерморскрй долине чуть больше года. На новом месте всё повторилось с точностью *дежавю*. Сначала дела шли

успешно. Глава семьи знал, как вести хозяйство и как выращивать овощи и фрукты. И все у него получалось: он был добросовестным поставщиком и предлагал продукты высокого качества. К тому же думал на перспективу: посадил виноградник, оливы. В планах у него было заняться и животноводством.

Но медленное обогащение, как уже говорилось, совершенно не устраивало Флору — она жаждала богатства быстро. Как всегда, развернула кипучую деятельность, была полна проектов, «изучала рынок», вела переговоры. И нашла то, что сулило быстрый и солидный доход: выращивание кур. Она заключила договор на поставку курятины и яиц в ресторан одной из гостиниц Сан-Франциско. Настояла, чтобы муж взял кредит, заложив ранчо, построил курятники, приобрел инкубатор и специальный (паровой) отопитель, закупил молодняк.

Поначалу дело, что называется, «пошло». За курами ухаживала Элиза и, как всё, за что принималась, делала добросовестно. Тушки и яйца регулярно переплывали залив, чтобы очутиться на ресторанной кухне. Овощи и фрукты закупали снабженцы магазинов из Окленда и неизменно нахваливали товар. Но продлилась идиллия недолго. Сначала из процесса выпало чуть ли не самое важное звено — Элиза. Она... вышла замуж. И в этом тоже отчасти «виновна» Флора. Когда семья обосновалась в Ливерморе, миссис Лондон посчитала, что дом для них слишком велик. Да и лишние руки не помешают. А потому сдала несколько комнат некоему мистеру Шепарду — вдовцу с тремя дочерьми (старшей из которых было столько же, сколько и Джонни^[35]), человеку уже немолодому (за сорок) и к тому же, как ее супруг, ветерану Гражданской войны. Разумеется, Флора руководствовалась самыми благими намерениями: и деньги в дом, и поговорить мужу будет с кем. Но получилось по-другому... Можно только гадать, чем увлек немолодой мужчина шестнадцатилетнюю девушку, но факт остается фактом: Джеймс Шепард попросил ее руки (сердце, он, видимо, завоевал раньше) и получил согласие Джона Лондона — тот привык доверять своим детям. А вскоре молодожены с детьми уехали. С отъездом Элизы очень скоро закончилась и «куриная эпопея»: часть птицы погубила эпидемия, оставшиеся перестали нестись. Тут подошел срок вносить платеж по закладной. Денег не оказалось. «Реструктурировать» долг банк отказался и отобрал ферму. На этом последняя фермерская страница жизни семейства захлопнулась. Лондоны перебрались в Окленд.

Тяжелее всех возвращение в городскую жизнь пережил глава семейства. Можно утверждать, что этот — увы, не первый! — крах надломил его. И прежде не отличавшийся крепким здоровьем, он стал часто болеть, обычно веселый и компанейский, теперь улыбался мало, часто бывал задумчив и печален, явно искал уединения. Видимо, в связи с этим поменялись и его интересы — он внезапно полюбил рыбалку и часами пропадал на пирсе с удочкой. Кстати, подарил он снасти и Джонни — тот время от времени составлял отцу компанию, когда был свободен от школьных занятий или иных дел, а их хватало.

Лондоны поселились в западной части Окленда — это был рабочий район с дешевым жильем и массой мелких (и не очень) предприятий. Как и многие небогатые американцы, они часто переезжали (по меньшей мере четыре раза за два с небольшим года) — в поисках жилья подешевле и попросторнее, но всегда оставались в пределах Вест-Окленда: более respectable район им был не по карману.

Сразу по возвращении в Окленд они поселились рядом (буквально через два дома) с четой Шепардов — видимо, молодожены и нашли для них жилище. Но Элиза теперь не могла участвовать в жизни Лондонов — у нее была своя семья и свои заботы. Впрочем, к радости Джонни, совсем неподалеку обитали Прентиссы (они переехали в Окленд из Сан-Франциско уже несколько лет назад), и мальчик бывал у своей чернокожей кормилицы не реже раза в неделю, а то и куда чаще. По воспоминаниям самого писателя, там его всегда встречали с радостью и, как правило, сытным обедом. Но, конечно, куда важнее яств была дружеская теплая атмосфера этого дома — чего у себя в семье он был, увы, лишен. Впрочем, и обед не был лишним — Флора не слишком утруждала себя стряпней, да и поварихой была не ахти какой. К тому же Джонни с младшей дочкой Прентиссов оказался в одной школе.

Школа называлась «Коул Грэмар Скул» (*Cole Grammar School*). Это было куда более respectable заведение, чем те, в которых ему довелось учиться прежде. Размещалась школа в двухэтажном деревянном здании, дети, в соответствии с возрастом, делились на классы, занимались в разных помещениях. Предметов было больше и учителей тоже.

Сохранилась фотография десяти-двенадцатилетнего Джонни, где он снят вместе со своими одноклассниками и учителями на террасе школы, все внимательно и напряженно смотрят в объектив. Класс большой — почти 40 учеников и учениц, но последних совсем немного. В те годы девочкам из простых семей учиться в «грамматической» (то есть средней, не начальной) школе считалось лишним. Дети на фотографии хорошо и

чисто одеты, ухожены. Но, как вспоминал один из однокашников писателя, атмосфера была далеко не идиллической, все-таки западный Окленд — рабочая окраина, и часто свое «место под солнцем» приходилось отстаивать кулаками. От природы скромный, даже застенчивый, миролюбивый Джонни тоже дрался — просто вынужден был это делать.

Мальчик рос замкнутым, и в школе друзей у него не было, кроме единственного. На упомянутой фотографии Джонни Лондон — первый справа во втором ряду, а третий слева в третьем ряду — его школьный друг Фрэнк Аттертон. Много лет спустя, когда писателя давно уже не было в живых, Фрэнк написал книгу воспоминаний «Джек Лондон в мальчишеских приключениях». Воспоминания эти фрагментарны, непоследовательны, субъективны, но вместе с тем содержат и небезынтересные страницы. К сожалению, книга осталась неопубликованной, однако американским биографам писателя вполне доступна, и ее используют, хотя и не склонны особенно доверять ее автору.

А пишет Аттертон действительно о детских «приключениях». Например, о том, как они решили заработать много денег, занимаясь отстрелом кошек. Джонни где-то услышал, что китайцы, члены некоего тайного общества, отличаются поразительной силой и удивительной ловкостью, а всё потому, что питаются мясом диких кошек, но они в дефиците. «Вот мы настроляем их на окрестных холмах и продадим»^[36]. К счастью, до стрельбы дело не дошло. Немало страниц посвящено директору школы — персонажу с не самой благозвучной фамилией Гарлик^[37]. Аттертон вспоминает, как его друг подрался с главным хулиганом школы, директор решил их помирить, но Джонни отказался протянуть руку. А это уже характер. Другой фрагмент — о том, как друзья отправились кататься на лодке; у Лондона был револьвер (видимо, позаимствованный у отца), и они случайно уронили его в воду. «Фрэнк умел плавать, и Джек потребовал, чтобы друг нырнул за револьвером на глубину тридцать футов. Когда Фрэнк отказался, Джек в припадке ярости швырнул весла за борт, и мальчишкам пришлось несколько часов беспомощно болтаться на воде»^[38]. Гневливость — черта характера, не раз проявлявшаяся впоследствии у писателя. Есть воспоминания о том, что особой дружбы среди учеников не было, да и вообще в восприятии Фрэнка «школа была похожа на огромный ящик со змеями»^[39]. Есть там эпизод, связанный с матерью нашего героя — Флорой. Историю эту на разные лады пересказывают большинство биографов. Вот как ее воспроизводит Дэниэл Дайер (он ближе всех к оригиналу):

«Однажды, это была суббота, Фрэнк пришел к дому Лондонов, когда Флора проводила спиритический сеанс и действо было в самом разгаре. Джонни объяснил другу, что в это время в его мать вселяется дух древнего вождя американских индейцев по имени Плюм. Люди платят Флоре деньги за то, что Плюм, через ее посредство, контактирует с другими духами — умершими родственниками и друзьями клиентов. Фрэнк испугался, услышав доносившиеся из дома зловещие и жуткие завывания Флоры/Плюма, принимающих вести из загробного мира»^[40].

Живописная картина, что и говорить! Можно представить, какое впечатление произвело это действо на подростка. Что касается Джонни, для него всё это было привычно. Хотя в конце 1880-х уже мало кто верил в спиритизм, клиенты у Флоры не переводились.

Куда важнее другие свидетельства Аттертона — о том, что уже в возрасте одиннадцати-двенадцати лет его друг работал: по субботам и воскресеньям продавал вразнос газеты, а еще по выходным помогал торговцу льдом, потом подавал шары и устанавливал кегли в кегельбане.

Хотя сам Фрэнк не работал (его отец зарабатывал достаточно для содержания семьи), подработка друга удивления у него не вызывала. Не только потому, что среди одноклассников таких «предпринимателей» хватало (вообще в Америке и тогда, и сейчас работа подростков почти норма), но и потому, что ему были известны стесненные материальные обстоятельства семьи Лондонов.

Кстати, по поводу «стесненных обстоятельств». Никогда прежде Лондоны не жили так плохо, как в годы, когда Джонни завершал обучение в школе. Поначалу (как всегда!) все складывалось неплохо. Жилье, как помним, им подыскали Шепарды неподалеку от собственного. Дом был большой, с лишними комнатами. А рядом — буквально в квартале — находилась текстильная фабрика, хозяева которой «выписывали» работниц (молоденьких незамужних девушек) с Востока США и из-за границы, из Шотландии. Естественно, они нуждались в жилье. И в голову Флоры пришла очередная блестящая идея: организовать в своем доме пансион для работниц. Идея действительно замечательная и сулила твердый и постоянный доход. Флора договорилась с владельцами фабрики, и те, разумеется, ухватились за эту возможность. Сначала девушек было немного — пять или шесть. Довольно быстро их число возросло до двадцати. Как всегда, в начале каждого своего предприятия Флора работала энергично, даже самоотверженно. Затем встал вопрос о расширении дела. Был взят в аренду участок земли по соседству, и плотники во главе с ее мужем возвели дополнительное дощатое строение для пансионеров. А по истечении

нескольких месяцев всё дело рухнуло.

Виновата в крахе была, разумеется, Флора — именно она управляла предприятием и его финансами. Джоан Лондон и Ирвинг Стоун в своих книгах недоумевали, куда же Флора подевала деньги, на что растранижирила. А то, что она их растранижирила, — установленный факт: сначала платила по закладным исправно, но вдруг просрочила один платеж, следующий... и так несколько месяцев подряд. Плату с пансионеров, однако, получала вовремя. Закончилось всё как обычно: с делом пришлось расстаться, а семья переехала в район, где жила последняя беднота.

Один из позднейших биографов писателя раскопал-таки, на что Флора тратила деньги. Она играла в китайскую «быструю» лотерею (китайцев, завезенных в 1860-х годах на строительство трансконтинентальной железной дороги, жило на Западе много, имелся свой «Чайна-таун» и в Окленде)^[41]. Видимо, Флора просто не в силах была расстаться со своей идеей — разбогатеть быстро. Финансовый крах стал закономерным финалом ее очередной авантюры.

В результате семья осталась совершенно без средств к существованию. Тем более что Джон Лондон нигде не работал, занимаясь пансионом. Теперь он находился в поисках работы, а Флора вернулась к спиритическим сеансам. Пришлось работать и Джонни.

Как мальчик относился к необходимости трудиться? На этот вопрос ответил он сам десять лет спустя — в письме своей возлюбленной Мэйбл Эпплгарт:

«В восемь лет я впервые надел нижнюю рубашку, купленную в магазине. Долг! В десять лет я уже торговал на улице газетами. Каждый цент отдавался в дом. В школу я ходил, мучительно стыдясь своих ботинок, одежды, шапки. Долг! Из-за него у меня не было детства. На ногах с трех утра, чтобы успеть разнести газеты. Потом, не заходя домой, сразу в школу. Кончались уроки, а меня ждали вечерние газеты. По субботам я помогал развозить лед. По воскресеньям я ставил кегли в кегельбане для пьяных голландцев. Долг! Я отдавал каждый цент и был одет как пугало»^[42].

Хотя в «исповеди» Лондона и есть преувеличения (в десять лет он еще газетами не торговал), но в целом приведенные строки позволяют судить и о его отношении к необходимости работать, и о материальном положении семьи (по крайней мере тогда, когда провалилась затея с пансионатом).

Получал младший Лондон мало: три-пять долларов в месяц за газеты, двадцать-тридцать центов в день за кегли. Почти все деньги (за исключением какой-то мелочи, вырученной за лишние газеты и чаевые от

посетителей кегельбана) он действительно отдавал матери. Игрушек ему не покупали, да в рабочей среде и не водилось такого обычая. Но какой мальчишка может обойтись без перочинного ножа, сладостей и стакана лимонада?^[43] Ирвинг Стоун пишет: «Лишние газеты он выменивал на вложенные в пачки сигарет серии картинок с изображениями знаменитых скаковых лошадей, парижских красоток, чемпионов бокса. Собрав полный комплект, Джек мог получить взамен вождеденные сокровища, на покупку которых его сверстникам родители давали деньги».

Что касается «картинок», о них вспоминает также и Аттертон — многие одноклассники увлекались подобным коллекционированием. А вот следующая фраза: «Он стал заправским торгошом, что весьма пригодилось ему впоследствии, когда нужно было вытягивать из издателей деньги за рассказы» — уже на совести биографа. Впрочем, может быть, в какой-то степени он был и прав. Во всяком случае, источник информации биографа очевиден — это автобиографическая книга Лондона «Джон Ячменное Зерно», в которой можно встретить такие признания:

«Еще в раннем детстве я убедился, что должен всего добиваться сам. Воспитанный в бедности, я вырос скуповатым. Первыми моими самостоятельными приобретениями явились серии картинок от папирос, альбомы-премии табачных фабрикантов и их рекламные плакаты. Родители не давали мне денег из моего заработка, и я выменивал остававшиеся газеты на эти сокровища. Если попадались два одинаковых экземпляра, я выменивал их у ребят на что-нибудь другое; бегая по городу с газетами, я мог с легкостью совершать операции подобного рода и пополнять свои богатства. В скором времени я был уже обладателем всех серий табачных реклам: «Знаменитые скаковые лошади», «Парижские красавицы», «Женщины всех национальностей», «Флаги всех наций», «Знаменитые актеры», «Чемпионы бокса» и тому подобных. Каждая серия была в трех видах: на карточках, на плакатах и в альбомах. Затем я начал собирать вторые экземпляры альбомов и выменивать их на другие сокровища, которые ребята покупали на деньги родителей и, конечно, не могли понять их подлинной ценности — не то, что я, у которого никогда не было ни цента на расходы. Я менял почтовые марки, камни, птичьи яйца, игральные шарики. У меня была великолепная коллекция агатов, какой не было ни у кого из мальчишек. Моей гордостью было несколько штук, ценою не менее трех долларов; мне их оставил в залог за двадцать центов один паренек-рассыльный. Выкупить их он не успел, так как его забрали в исправительную колонию. Я готов был менять и менять, пока не получал тот или иной вождеденный предмет. В этом деле я достиг совершенства и

заработал себе репутацию сквалыги. У меня и старьевщик мог заплакать под конец нашего торга. Ребята звали меня на помощь, если им надо было продать тряпье, бутылки, старые мешки или бидоны из-под керосина, и платили мне комиссионные за услуги».

Удивительно другое. Аттертон не упоминает об иной, настоящей страсти своего друга — чтении. А ведь именно тогда — в 12–13 лет — Лондон читал запоем! В романе «Джон Ячменное Зерно» есть признание (оно относится к школьным годам в Окленде): «Я зачитывался до одури... Я проглатывал всё, что мне давали, но особенно любил исторические романы и книги о приключениях, а также воспоминания разных путешественников. Я читал утром, днем и ночью. Читал в постели, за едой, по дороге в школу и домой, читал на переменах, когда другие ребята занимались играми». Странно, что об этом не пишет его ближайший друг.

Читал Джонни бессистемно. Читал всё, что попадалось под руку: субботний выпуск газеты с литературным приложением, дешевую книжку в бумажной обложке (вроде «романов за десять центов», что выпускало издательство «Бидл энд Эванс»; впрочем, хватало тогда и двадцати-, и пятнадцати-, и даже пятицентовых «романов» других издателей), случайный журнал, забытый кем-то из посетителей кегельбана. Но этого ему, понятно, не хватало. Так он оказался в Публичной библиотеке Окленда.

Думается, подросток вряд ли догадывался о существовании подобного заведения. Попал он туда, скорее всего, случайно. Да и библиотека в Окленде появилась совсем недавно. Город, несмотря на экономический кризис, активно развивался, население его увеличивалось. В библиотеке руководители городского совета видели средство приобщить низшие классы к культуре, отвратив их тем самым от пьянства и правонарушений. К тому же городские власти хотели сделать Окленд своеобразным противовесом «греховному» Сан-Франциско и стремились превратить его в «Афины Дальнего Запада». Желая быть прогрессивными, они выступили пионерами — учредили в городе общедоступную бесплатную библиотеку. Во главе ее поставили Айну Кулбрит — поэтессу, человека высокой культуры, дружившую с такими замечательными калифорнийскими литераторами, как Фрэнсис Брет Гарт, Марк Твен, Амброз Бирс, Хоакин Миллер.

В книге о муже Чармиан Лондон говорит об Айне Кулбрит одной короткой фразой, но это высказывание стоит того, чтобы его привести: «Именно она стала первым его лоцманом в мире книг, и он никогда не переставал помнить и благодарить ее за это»^[44]. И это действительно так. В

1906 году, будучи уже всемирно известным писателем, Джек Лондон писал Айне Кулбрит: «Знаете ли Вы, что Вы были единственным человеком, кто поощрял мою страсть к чтению? Дома всем было наплевать, чем я занимаюсь и что я читаю. <...> В те годы всему, с чем я сталкивался, я давал название. Так вот, Ваше имя было «великодушная». В этом слове вмещается все, чем Вы были для меня... И когда я где-нибудь слышу это слово, в моей памяти всегда всплывает Ваш образ».

Почему же именно «великодушная»? Ответить на этот вопрос нетрудно. Во-первых, Айна Кулбрит обратила внимание на мальчишку (в библиотеку, предназначенную для взрослых, детей не записывали) и направляла его чтение. Уже одно это — немало. А во-вторых, она ему поверила и стала давать книги на дом, что запрещалось правилами библиотеки — читать можно было только в ее стенах: газеты и журналы — в зале на первом этаже, книги — в зале на втором (здание было деревянным, двухэтажным, весьма оригинальной архитектуры).

В свое время автор этих строк опубликовал статью, посвященную Айне Кулбрит и ее деятельности в качестве библиотекаря^[45], и ему есть что рассказать об удивительной судьбе этой женщины, но здесь вынужден ограничиться лишь некоторыми сведениями о первой литературной наставнице будущего писателя.

Библиотекарем А. Кулбрит стала в силу обстоятельств. Настоящее ее призвание — поэзия, и в истории литературы она известна прежде всего как поэт. Всё, что касалось прошлой жизни, она тщательно скрывала. Даже фамилия Кулбрит, под которой она стала известна, — не ее фамилия, а ее матери в девичестве. Настоящая фамилия поэтессы — Смит. Весьма распространенная в Америке фамилия, принадлежавшая самым разным по общественному статусу людям. Так, основателя религиозного движения мормонов, столь ненавистного в пуританской Америке, звали Джозеф Смит. А Джозефина Смит — полное настоящее имя поэтессы Айны Кулбрит, и приходилась она родной племянницей «президенту» мормонов. И родилась она (10 марта 1841 года) в колонии мормонов Науву в штате Иллинойс. После «резни в Науву», в которой погибли многие мормоны, матери Айны пришлось с малолетними детьми спасаться бегством, и в 1852 году вместе с остатками недавно большой семьи будущая поэтесса очутилась в Калифорнии. Когда она начала писать — точно неизвестно, но первые стихотворения были опубликованы в местной «Лос-Анджелес тайме» в 1854 году, когда Айне не исполнилось еще и четырнадцати. В семнадцать она вышла замуж и вскоре родила дочь, которая умерла в младенчестве. Пережитая трагедия сделала дальнейшее замужество

невозможным, и в 1862-м Айна уехала в Сан-Франциско. Там молодая, красивая и талантливая поэтесса сразу вошла в литературный круг, который к тому времени образовался близ начинающего, но уже известного в Калифорнии поэта и прозаика Фрэнсиса Брет Гарта. Кулбрит стала настоящим центром этого круга: спокойная, неизменно доброжелательная, она сумела объединить такие разные творческие личности, как Брет Гарт, М. Твен, Х. Миллер, Ч. У. Стоддард, А. Бирс, П. Малфорд. Скоро большинству из них предстояло прославить региональную, а затем и национальную литературу. «Звездный час» Айны Кулбрит наступил тогда, когда в Сан-Франциско начал издаваться знаменитый «Оверленд манфли». Во главе журнала встал Брет Гарт. Триумvirат, состоявший из тех, кто редактировал журнал, — Гарт, Кулбрит и Стоддард — определял не только политику периодического издания, но и вообще стал той силой, которая покровительствовала всем разрозненным литераторам огромного региона Дальнего Запада США, объединяла их. Расцвет региональной литературы был недолог. В начале 1870-х те, кто достиг в Сан-Франциско национальной (а то и всемирной) литературной славы, начали покидать Запад, перемещаясь ближе к традиционным «центрам цивилизации». Кто-то уезжал в НьюЙорк или Бостон, кто-то еще дальше — в Лондон. Возможно, судьба Айны Кулбрит — и человеческая, и творческая — сложилась бы иначе, последуй она за ними. Но она не могла этого сделать. На ее руках были престарелая мать, племянник и племянницы — дети умершей сестры. Так, в силу обстоятельств, продолжая оставаться поэтессой, она превратилась в библиотекаря.

Вернемся, однако, к тому, кому Кулбрит покровительствовала и помогала ориентироваться в мире книг, — к Джонни Лондону.

В биографиях и многочисленных статьях, посвященных писателю, справедливо указывается на то, что чтение, которому он хотя и отдавался истово, все же не было единственным его увлечением. С юных лет Лондон «болел» морем. Действительно, в возрасте двенадцати-тринадцати лет в его жизнь навсегда вошло море. Возникшей страсти способствовали два обстоятельства. Первое, конечно, книги. Второе — обстоятельства семейные и личные.

Направляемый Кулбрит, Джонни много читал о приключениях и на суше, и на море. А книги наставница подбирала ему самые лучшие. Естественно, прочитанное будило воображение, заставляло грезить о путешествиях и дальних странах. А тут старший Лондон, долгое время безработный, нашел, наконец, работу. Устроился в порт — сторожем в доки. Рядом с доками располагалась марина — небольшая гавань с

пирсами, причалами, эллингами и стоянками для небольших (частных) парусных судов. Там же находился и яхт-клуб. Скорее всего, поначалу Джонни туда привело естественное мальчишеское любопытство. Потом он открыл, что там можно и заработать: помыть палубу, надраить рынду и другие «медяшки». Платили, конечно, сущие гроши, но для мальчишки любые деньги не были лишними, тем более что почти всё, заработанное на газетах и «шарах», как помним, он отдавал матери.

Вполне закономерным был и следующий шаг. «Быть у воды, да не напиться?» Он купил себе лодку. Впрочем, с лодкой и морем связана следующая страница в жизни будущего писателя. Страница очень важная! Но мы обратимся к ней чуть позже, а пока завершим рассказ о его школьной жизни. И здесь необходимо проститься с единственным другом Джонни тех лет — Фрэнком Атгертоном.

Итак, дружили они все школьные годы, но по окончании школы закончилась и дружба — подростки пошли разными дорогами. Это естественно: как бы мальчишки ни дружили, принадлежали они к разным социальным слоям. Джонни — бедняк, а семья Фрэнка — крепкий средний класс. Поэтому последний продолжил учебу, а для Джонни с окончанием «грамматической» школы формальное образование завершилось.

Хотя жизнь писателя хорошо изучена и «белых пятен» в его *curriculum vitae* не так уж и много, среди биографов отсутствует единогласие по поводу времени окончания школы. Родственники — Д. Лондон и Ч. Лондон — обходят этот вопрос стороной. Видимо, их эта тема мало интересовала. Исследователи называют разные даты: Д. Даейр считает, что школу будущий писатель окончил в 1887 году, Д. Хейли указывает 1891-й, Р. Балтроп и И. Стоун — 1889-й, Э. Синклер — 1888-й и т. д. По мнению автора настоящих строк, наиболее вероятная дата — 1890 год. И вот почему: в Америке того времени существовала двухступенчатая система школьного образования. Первая ступень — начальная школа (*primary school*) в ней учились дети с пяти до девяти лет. Вторая ступень — базовая, основная школа (*grammar school*); в ней обучались с десяти до четырнадцати лет. Нам известно, что Джонни Лондон завершил образование и получил соответствующий документ. Так что, скорее всего, школу он окончил в 1890 году, когда 14 лет ему уже исполнилось — не раньше и не позже.

На этом образование Лондона не остановилось — он еще будет учиться, в основном самостоятельно. Правда, потом поступит и в университет. Но это — в будущем, а пока учеба позади, впереди так называемая взрослая жизнь. «Так называемая», потому что 14 лет — это

все-таки еще детство. Впрочем, в те времена взрослая жизнь для мальчиков из рабочих семей начиналась обычно задолго до окончания детского возраста.

«Рабочая скотина»: 1890—1891

«Мне исполнилось четырнадцать лет. Начитавшись о мореплавателях, мечтая о тропических островах и неведомых морских даях, я завел себе ялик с выдвигаемым килем и бороздил на нем прибрежные воды залива Сан-Франциско и Оклендской бухты. Мне хотелось стать моряком. Хотелось уйти от скуки и однообразия. Я был в расцвете юности, бредил необыкновенными приключениями и пиратской вольницей...» — эти слова написаны Джеком Лондоном в 1913 году, и речь как раз о событии, которое мы уже упоминали, — о покупке парусной лодки. Скорее всего, «корабль» он купил накануне или сразу после окончания школы. Флора, разумеется, ничего не знала, иначе категорически воспротивилась бы такой «безумной» трате денег, которых так не хватало. Знал ли о планах сына отец? Думается, тоже нет. Одиночество, неприкаянность, необходимость и умение зарабатывать давно сделали Джонни самостоятельным. Но в последствиях этой покупки отец, конечно, принимал участие — ведь судно надо было где-то хранить, присматривать за ним, тем более что такие небольшие суда принято извлекать из воды и держать на суше, а старший Лондон работал охранником в доках и мог в этом помочь.

Можно представить, что это была за посудина! Подросток заплатил за нее всего несколько долларов (источники называют разные суммы: от двух до восьми^[46]). Но пусть лодка была небольшой — всего 14 футов (то есть примерно 4,2 метра), «в возрасте» и подтекала — на ней можно было выйти в залив, ощутить напор соленого ветра и восторг свободы!

Как можно понять из книг Джека Лондона (а во многих из них автобиографические мотивы присутствуют), никто не учил подростка управляться с парусом и ходить в море, он всему научился сам. Хотя дело это и не такое уж хитрое, но смелость и упорство внушают уважение.

Интересно и вот что: из биографии в биографию кочует информация о том, что юный Лондон владел яликом. Во всяком случае, ялик фигурирует в русскоязычных биографиях и переводах англоязычных (И. Стоуна и др.). Честно говоря, у автора данной книги это всегда вызывало удивление: какой такой ялик? Куда на нем поплывешь? Что-то тут явно не так. Ведь ялик — это шлюпка. Маленькая шлюпка (не путать с ялом — большой

шлюпкой!) с одной-двумя парами весел, рассчитанная на два-три, максимум — четыре человека. Однако в оригинале (у самого Джека Лондона и у его англоязычных биографов) приобретение называется *skiff*, что, конечно, не равно ялику. Ялик — только одно из значений этого слова, среди других есть и «лодка», и «лодка-плоскодонка», и «скиф-одиночка». Переводчики, не мудрствуя лукаво и не заглядывая в толковый словарь, где обозначено: *skiff* — небольшая, плоскодонная беспалубная (открытая) лодка с острым носом и плоской (квадратной, «транцевой») кормой, — воспользовались первым значением и перевели просто: «ялик». Очевидно, что с яхтенным спортом никто из них связан не был. Так вот, у юного Лондона был швертбот — небольшое плоскодонное парусное беспалубное судно, с выдвигаемым килем (швертом), предназначенное для плавания по мелководью. Такие суда (иной раз и довольно большие — с палубой и водоизмещением в тонны, а то и в десятки тонн) были широко распространены в акватории заливов Сан-Франциско и Сан-Пабло. Глубины там небольшие, множество мелей, да и уровень воды постоянно меняется в зависимости от прилива и отлива.

Вот эти воды и бороздил юный Лондон на своем маленьком швертботе с гафельным (скорее всего) вооружением, — учась, привыкая, совершенствуя навыки плавания под парусом, — весной, летом и осенью 1890 года. Конечно, далеко от берега он не отходил и не совершал больших переходов, но все равно это был новый, захватывающий опыт и большая школа — он проверил себя и поверил в собственные силы. И не стоит с пренебрежением относиться к его плаваниям. В «Рассказах рыбацкого патруля» есть такие строки: «Залив Сан-Франциско так огромен, что штормы, которые на нем свирепствуют, для океанского судна подчас страшнее, чем самая яростная непогода в океане»^[47]. Все это он испытал сам и хорошо знал, о чем пишет.

Так — с маленьким швертботом и недалекими прогулками — в жизнь его вошло море. Такая новая и безграничная вселенная, о которой он только читал в приключенческих книгах, но которая преобразит его жизнь и с которой он теперь не расстанется никогда. Пока эта вселенная ограничивалась прибрежными водами залива, но впереди были моря и открытый океан. Джонни еще не знал, как это произойдет, но тогда, в четырнадцать, уже был уверен и предчувствовал, что это обязательно случится. И предчувствие это не обмануло, хотя окончание первой его навигации и зима 1890/91 года, казалось, не сулили ничего подобного. Впрочем, дадим слово самому Лондону:

«Едва мне стукнуло пятнадцать, я поступил на консервную фабрику.

Несколько месяцев подряд я работал самое меньшее по десять часов в день. Прибавьте к этому обеденный перерыв, ходьбу на фабрику и с фабрики, время на то, чтобы утром встать, одеться и позавтракать, а вечером — поужинать, раздеться и лечь, и от суток останется от силы девять часов — здоровому подростку успеть бы только выспаться! Бывало и так, что нас не отпускали домой до полуночи. А иногда рабочий день длился по восемнадцать и двадцать часов. Один раз мне пришлось простоять возле машины тридцать шесть часов без смены. Несколько недель подряд я уходил с фабрики не раньше одиннадцати, добирался до постели лишь к половине первого, а в половине пятого уже вставал и, наскоро одевшись и перекусив, спешил на работу, чтобы ровно в семь по гудку быть возле машины».

Консервная фабрика, о которой пишет Лондон в романе «Джон Ячменное Зерно», располагалась неподалеку от их дома, и большинство ее работников были такими же подростками, как он. Звали их «рабочей скотиной» (*working beast*) — в глаза и за глаза, на фабрике и вне ее. Но таков был удел большинства молодежи западного Окленда — идти работать за десять центов в час. Другой работы не было, а работать — необходимо, иначе на что есть и одеваться.

Разумеется, это был не его выбор, однако так сложились обстоятельства. Единственным добытчиком в семье был отчим (Флора постоянной работы не имела), но, возвращаясь как-то с работы, он попал под поезд и получил увечья. И, чтобы обеспечить семью, Джонни пришлось устраиваться на работу. Он, как помним, и так трудился, но одними газетами и кегельбаном семьи не прокормить. А теперь ему нужно было именно «кормить семью». Так он очутился на консервной фабрике.

Ирвинг Стоун в биографии писателя весьма живописно показал, «как все было»:

«Его рабочий день — самый короткий — продолжался десять часов, случалось работать и двадцать. Порой несколько недель подряд не удавалось кончить работу раньше одиннадцати часов ночи и предстояло еще проделать длинный путь пешком домой: на трамвай денег не хватало. В половине первого он добирался до постели, а в половине шестого Флора уже трясла его за плечо, стараясь сорвать со спящего мальчика одеяло, за которое он отчаянно цеплялся. Свернувшись калачиком в постели, Джек все-таки залезал под одеяло. Тогда собравшись с духом, Флора стягивала одеяло на пол. Спасаясь от холода, мальчик тянулся вслед, казалось, он вот-вот упадет. Но вспыхивало сознание, он успевал вовремя встать на ноги и просыпался. Одевшись в темноте, он ощупью шел на кухню к осклизлой

раковине. Обмылок, зловеще-серый от мытья посуды, не пенился, несмотря на все усилия. От сырого полотенца, грязного и рваного, на лице оставались волокна. Он садился за стол и получал кусок хлеба и чашку горячей бурды, ничем не напоминавшей кофе. На улице было ясно, холодно; он зябко ежился. Звезды еще не побледнели, город лежал, погрузившись во тьму. В фабричных воротах Джек всегда оглядывался на восток: между крышами на горизонте тускло брезжил рассвет»^[48].

Разумеется, неизвестно, «всегда» ли подросток «оглядывался на восток», стоя «в фабричных воротах». Да и насколько достоверны детали, вроде «осклизлой раковины», «зловеще-серого от мытья посуды обмылка» или «сырого полотенца, грязного и рваного», тоже сказать трудно. Но картина, созданная воображением биографа, впечатляет. Невольно веришь, что так или примерно так всё и было.

Подросток был физически сильным, крепким, коренастым, с развитой мускулатурой. Сил у него хватало. Однако всё в нем восставало против *такой* жизни: «Я спрашивал себя: неужели смысл жизни лишь в том, чтобы быть рабочей скотиной? Да и ни одна лошадь в Окленде не работает столько часов! Если это и есть жизнь, меня она ничуть не пленяет».

Это — его мысли, зафиксированные на бумаге более двадцати лет спустя. И через двадцать с лишним лет в них отчетливо слышны протест и отчаяние. Какой глубокий след оставили те впечатления в душе писателя — тогда еще подростка.

В лучшем случае раз в неделю и, как правило, в воскресенье, случались выходные. Тогда он бежал из дома и выходил в море на своем кораблике. Но чаще он «думал о своем скифе, обраставшем ракушками, вспоминал ветерок на заливе, восходы и закаты, видеть которых теперь не мог, вспоминал, как щекочет ноздри соленый запах моря и обжигает тело соленая вода, когда нырнешь за борт, вспоминал, что мир полон прекрасного, удивительного, необыкновенного, но все это недоступно».

Дни проходили за днями, складывались в недели, в месяцы — а Джонни «тянул свою лямку». Уставал настолько, что не мог даже читать. Да что там читать! Он и в библиотеку перестал ходить — его «великодушная» покровительница мисс Кулбрит стала даже беспокоиться, не случилось ли с ним чего-нибудь.

«Мне казалось, — вспоминал он впоследствии, — что единственный способ избавиться от этого каторжного труда — бросить все и уйти в море. В море я всегда заработаю кусок хлеба».

Но просвета не было — отчим оправлялся от полученных травм очень медленно. Прогулки под парусом на своем «корабле» были для подростка

редкой, но такой желанной отдушиной. Дочь писателя вспоминала, как отец рассказывал ей об этих плаваниях: «Один, в своей маленькой лодке, он был сам себе хозяином, а не рабом. Он мог плыть туда, куда хотел сам, а мог и просто лечь на дно, отдавшись на волю вод и мечтать, глядя в небо...»^[49]

«Последней каплей», возможно, стал эпизод, упомянутый позднее Джеком Лондоном в письме возлюбленной Мэйбл Эпплгарт: «Я копил деньги... по крохам я собирал медяки и откладывал. Наконец мне удалось скопить пять долларов, свою работу я ненавидел. Моя мать пришла на фабрику. Я стоял у машины. Она попросила отдать ей эти деньги. Той ночью я хотел убить себя. Выдержать целый год этого ада, только для того, чтобы тебя ограбили и лишили даже такой маленькой радости»^[50].

В один из выходных — скорее всего, в конце весны или в начале лета 1891 года — Джонни возился со своим швертботом и случайно услышал разговор: «устричные пираты», оказавшиеся неподалеку, обсуждали недавний набег на отмели, где выращивали деликатесных моллюсков. Он узнал, что каждый из них «зарабатывает» 20–25 долларов за ночь, а в целом судно, участвующее в набеге, приносит не меньше 200 долларов дохода. Это была компания людей отвязных, наглых и опасных, но по-своему живописных и, несомненно, смелых. Прежде парень чурался их, но теперь вдруг подумал: а что, если и ему взяться за это дело? Всяко лучше, чем ежедневно работать на фабрике без малейшего просвета, до тех пор, пока укупорочная машина не отхватит тебе палец, а то и руку, и тебя не вышвырнут на улицу.

«Я рвался туда, где дуют ветры приключений, — писал он, вспоминая свои тогдашние мысли и чувства. — А ветры приключений носили суда устричных пиратов вдоль сан-францисской бухты. Ночные набеги на чужие устричные садки, драки на отмелях, обратный путь с добычей вдоль городских причалов и ранним утром — рынок, покупатели: торговки и кабатчики... Набег на чужие садки считался уголовным преступлением, за это ждала тюрьма, полосатый костюм арестанта... Ну и что же, говорил себе я, даже в тюрьме рабочий день короче, чем на консервной фабрике! Куда романтичнее быть устричным пиратом или арестантом, чем рабом машины! Я был охвачен жаждой приключений, романтики, хмельная юность наполняла мне душу».

Решение стать устричным пиратом, зародившись, уже не отпускало. Джонни начал присматриваться к «пиратам» и почувствовал — ведь ему было только 15 лет! — острое желание стать одним из них. Таким же бесшабашным, отважным и... свободным!

И — надо же такому случиться! — всё будто совпало. Отчим окреп и нашел работу, а один из «пиратов» Фрэнк по прозвищу «Француз», как услышал Джонни, продает свой старый шлюп «Рэзл-Дэзл»^[51], потому что собирается покупать новый. И это всё решило...

Глава 2

ДЖЕК

На отменях: 1891—1892

В воспоминаниях о муже Чармиан Лондон приводит интересный эпизод:

«Когда он поступал в школу <Коул Скул>, рутинной процедурой был опрос учителем. Тогда он и настоял, чтобы его звали решительно и просто: «Джек Лондон».

— Как тебя зовут? — спросила учительница.

— Джек Лондон.

— Нет, — с укоризной произнесла учительница. — Ты, наверно, хочешь сказать *Джон* Лондон?

— Нет, мадам, — отвечал ребенок вежливо, но твердо, — меня зовут Джек Лондон!

Последовала дискуссия, но в результате в классный журнал, по меньшей мере на год, было записано имя Джек Лондон»^[52].

Конечно, это — апокриф, а проще говоря — не подтвержденная история. И не очень понятно, зачем жене писателя понадобилось придумывать эту историю. Впрочем, быть может, ее выдумал муж, а она только повторила с его слов. Во всяком случае, хорошо известно, что в школе никто Лондона не звал Джеком, всем (в том числе и учителям) он был известен как *Джонни*. А вот имя *Джек* появилось позднее — когда пятнадцатилетний подросток решил стать «устричным пиратом». Конечно, отрывистое и мужественное *Джек* звучало «круче», нежели неопределенно-детское имя *Джонни*. Разве с таким именем к тебе станут относиться как к равному в мире, где рядом с тобой будут «Француз» Фрэнк и «Сатана» Нельсон, «Виски» Боб или даже «портовая крыса» «Паук» Хили?!

Но 300 долларов — огромная сумма! Где взять такие деньги на покупку шляпа? Кто ему даст займы? Он, разумеется, собирался брать именно займы: если один набег «приносил не меньше двухсот долларов», то расплатиться он сможет без труда и быстро.

Неизвестно, легко ли далось ему такое решение, но ни к кому, кроме

своей кормилицы миссис Прентисс, обратиться он не мог.

«И вот я отправился к своей бывшей кормилице Дженни, чью черную грудь сосал младенцем, — рассказывал два десятка лет спустя писатель. — Она была немного богаче, чем мои родители: служила сиделкой и за это получала приличную плату. Не сможет ли она одолжить деньги своему «белому сыночку»? Что за вопрос? Бери сколько тебе надо!»

Трудно поверить, что именно так все и было. Но денег действительно у Прентиссов было больше, чем у Лондонов, и не только благодаря Дженни. Ее муж, в прошлом офицер армии северян, имел право на небольшую, 10–12 долларов в месяц, пенсию (в отличие от старшего Джона Лондона, «государственной» землей он не обзавелся, потому государство было ему «должно») и, скорее всего, получал ее. Разумеется, кормилица знала о положении в семье Лондонов, знала о выматывающей — и к тому же опасной! — работе Джонни на консервной фабрике и хотела «своему мальчику» добра. Интересно, раскрыл ли Джонни ей все карты, сообщил ли, что собирается заделаться «устричным пиратом»? Что бы ни говорил впоследствии по этому поводу сам писатель, всей правды мы все равно не узнаем — свидетелей того разговора не было. Да это и не особенно важно. Куда важнее, что деньги были обещаны, даны 20 долларов для задатка, чтобы Джек мог вручить его продавцу в знак серьезности намерений.

А теперь предоставим слово самому покупателю: «Затем я разыскал «Француза» Фрэнка, устричного пирата, который, по слухам, хотел продать свой шлюп «Карусель». Шлюп стоял на якоре на аламедской стороне близ Уэбстерского моста; когда я явился, Фрэнк принимал гостей, угощая компанию сладким вином. Побеседовать о деле он вышел на палубу. Да, он готов продать свой шлюп. Но сегодня воскресенье. К тому же у него гости. Завтра он приготовит купчую, и я смогу вступить во владение».

В автобиографическом романе «Джон Ячменное Зерно. Воспоминания алкоголика» (в некоторых изданиях подзаголовок романа переведен как «Исповедь алкоголика») Джек Лондон весьма подробно описал, как происходила покупка и какие события этому сопутствовали:

«Я был так счастлив... Вчера в это время я сидел за машиной, в духоте, в спертом воздухе, без конца повторяя одно и то же движение. Какой контраст с царящим здесь беспечным весельем! Я попал сюда чудом и вот сижу, как свой, в кругу устричных пиратов, искателей приключений, которые не желают быть рабами установленных порядков, которые презрели всяческие запреты и законы и стали хозяевами своей судьбы. <...

>

Предвечерний бриз весело врвался мне в легкие, рябил воды залива, гнал шаланды, которые нетерпеливо гудели, требуя, чтобы развели мост. Вокруг сновали буксиры с красными трубами, их пенистый шлейф покачивал наш шлюп. От склада вытянули баржу с грузом сахара, и она прошла мимо нас. Солнечные блики золотили морскую рябь; жизнь казалась великолепной»^[53].

Впрочем, в этом мире были свои непреложные законы, которым нужно было следовать. Чтобы стать «своим», необходимо было вместе со всеми пить. Юноша испытывал отвращение к спиртному, но вынужден был подчиниться этому закону. Алкоголь довольно скоро превратится для него в серьезную проблему, с которой до конца своих дней писатель так и не сможет справиться. Но тогда, как признавался: «Джон Ячменное Зерно помог мне отбросить смущение и страх и приобщиться к этому союзу вольных душ». Он полагал эту плату совсем небольшой за обретенную свободу. Тем более что в его восприятии «это был бунт, воплощение романтического духа, нечто запретное, но исполненное блеска и смелости. Я знал, что завтра не пойду на консервную фабрику. Завтра я стану устричником, начну разбойничать, как самый удалой пират...». И главное — начнется новая жизнь: «Наконец-то осуществится моя мечта: я буду спать на воде! На следующее утро проснусь, а вокруг — вода, и потом все время, день и ночь, на воде».

Тогда же, во время пирушки, он сговорился с бывшим матросом «Француза» — неким «Пауком Хили»: тот обещал остаться на судне и плавать вместе с ним, ну и, разумеется, ввести его в курс дела и помочь освоиться.

Уже через несколько дней «Рэзл-Дэзл» («Razzle-Dazzle») отправился «на дело», примкнув к флотилии «пиратов», и вернулся с богатой добычей. За первым рейсом последовали второй, третий...

«Чем ближе я знакомился с новой жизнью, тем больше прелести в ней находил, — вспоминал писатель годы спустя и добавлял: — Теперь, вспоминая прошлое, я понимаю, что занимался глупым и постыдным ремеслом. Но в те времена я не видел лучшего примера... Пиратская вольница была мне по душе; теперь я сам становился участником приключений, о которых до сих пор мнил только по книгам». К тому же в свой первый набег он «заработал» столько же, сколько получал за три месяца тяжелого монотонного труда на консервной фабрике.

Джек приобщился к регулярным выпивкам и, судя по всему, начал находить в них удовольствие. А они следовали почти без перерыва: после «дела», до него или даже вместо него. «Джон Ячменное Зерно, —

признавался Джек Лондон в одноименном романе, — казался другом, и я начинал уже привыкать к нему».

Новая жизнь захватила и закрутила его — дома он не появлялся, проводя все время на своем судне. Впрочем, разве не об этом он мечтал?

Не совсем понятно, как обстояли дела с долгом «матушке» Дженни, а также делился ли он своими доходами с Флорой. Советские биографы писателя единодушны: долг Джек вернул сполна, часть денег от своего «промысла» регулярно отдавал матери. Ирвинг Стоун не столь категоричен: «Он возвратил няне Дженни часть долга, а остальные отдал на хозяйство Флоре», но — только с первого «набега». По ходу дальнейшего повествования данные вопросы Стоун не уточняет^[54]. Обходят эту тему дочь и жена писателя, осторожны и другие биографы: «вроде отдал, — то ли всё, то ли только часть». Осторожность их понятна: невозвращенные долги компрометируют героя, а ведь хочется, чтобы он был безупречен. Для советских исследователей Лондон был прежде всего убежденным социалистом, почти коммунистом, а у того, как известно, не только «холодный ум и горячее сердце», но и «чистые руки». Впрочем, до «почти коммуниста» было еще далеко, а 300 долларов — большие деньги, даже для «пирата». Тем более что у него имелись изрядные «накладные расходы», которых избежать он не мог, да, честно сказать, и не хотел.

Необходимую ясность в щекотливый вопрос вносит сам писатель: «Угощая новых собутыльников, я вдруг подумал, что на этой неделе вряд ли смогу вернуть очередную часть долга моей кормилице Дженни. «Ну, ничего, — решил я... — Ты мужчина, тебе надо знакомиться с людьми. Няня Дженни обойдется без твоих денег. Она же не умирает с голоду. У нее наверняка есть еще деньги в банке. Пусть подождет, понемногу все выплатишь». Я перестал думать о своем долге няне Дженни и, знакомясь с новыми людьми, уже не жалел медяков». То есть какую-то часть долга он отдал, и, скорее всего, меньшую. А на остальное махнул рукой до лучших времен.

Но не стоит строго судить нашего героя: в будущем он расплатится с любимой няней, и расплатится сторицей.

К тому же «пиратствовать» юноше суждено было недолго, хотя ему и присвоили прозвище «Короля устричных пиратов»^[55].

«Королем» его прозвали не только потому, что молодой человек был как-то особенно удачлив в набегах на отмели с устричными плантациями (хотя и это было), и не в связи с тем, что был по-царски щедр, угощая «коллег» по криминальному бизнесу (и это справедливо), не пасовал в

драках и почти не имел равных по количеству выпитого спиртного (и такое случалось), но и потому, что у «Короля» была «королева». Звали ее Мэйми, и досталась она Джеку вместе со шлюпом. Собственно, «Королевой устричных пиратов» она была уже до того, как познакомилась с Джеком. «Королем» при ней состоял «Француз» Фрэнк. Но увидев новоявленного владельца «Рэззл-Дэззл» — такого юного и симпатичного, — Мэйми мгновенно прониклась к нему симпатией и дала «отставку» Фрэнку. Писатель вспоминал, как при первой встрече, когда обмывали сделку, она сразу принялась энергично кокетничать: «...на меня в упор глядела Королева, подняв свой стакан», а потом «поднялась на палубу подышать свежим воздухом и потащила меня за собой. Я ни о чем не догадывался, но она, конечно, знала, что внизу, в каюте Фрэнк бесится от злости». Разумеется, еще сильнее он «взбесился», когда «Королева попросила перевезти ее на берег отдельно <от всех> в моем ялике». Впрочем, пятнадцатилетний паренек был совершенно неискрушен в любовных играх. «Да и могло ли мне прийти в голову, — признавался он, — что седой пятидесятилетний дядя ревнует ко мне, мальчишке?.. К тому же я был совершенно равнодушен к Королеве устричных пиратов и понятия не имел, что Фрэнк... безумно влюблен в нее».

Ревновал Фрэнк не напрасно: с водворением Джека на шлюпе к нему в каюту переселилась и Мэйми. Разумеется, инициатива принадлежала «королеве», а не «королю», который никакого опыта общения с противоположным полом, помимо семейного и очень скромного школьного, не имел. Понятно, что у этого события были последствия: приятные и — наоборот: Фрэнк затаил злобу и пообещал потопить «Рэззл-Дэззл», что не раз и не два попытался исполнить. Ну а «приятные»... С этим немного сложнее.

Прежде всего, кто такая Мэйми? Известно о девушке немного. Она была старше Джека на год, отца и матери у нее не было, воспитывала ее тетка. Были сестра, помладше, и брат, постарше. Он занимался тем же устричным «бизнесом», но собственной лодки не имел, нанимался матросом. В том числе и к «Французу» Фрэнку. Последнего, видимо, считал достойным покровителем для сестры и был весьма недоволен, что она сменила «Француза» на юношу. О том, в каких отношениях Мэйми находилась с прежним владельцем шлюпа, мы можем только гадать, как, впрочем, и о том, действительно ли он собирался жениться на девушке. Скорее всего, нет: уж слишком резко она переменяла покровителя. Биографы строят только предположения, предостерегая от поспешных выводов в духе нашей «свободной» эпохи. Дескать, не стоит предполагать,

что с немолодым «Французом» (а затем юношей Джеком) у Мэйми была интимная связь. А тем более не следует мелькнувшую в одном из писем писателя ремарку, что они с Мэйми *make love*^[56], понимать в современном значении^[57]. Времена, мол, были другие, более целомудренные, потому всё скорее ограничивалось поцелуями при луне.

Что на это ответить? Давайте вспомним мать писателя, ее отношения с мистером Чейни и мистером Смитом, вспомним Викторианскую Англию и печальные судьбы детей в рабочих семьях... Да и вообще, какие у нас основания считать, что нравы припортовой бедноты в США были точно такими же, как у американских девочек из состоятельного среднего класса? Так что, скорее всего, физическую сторону любви Джек Лондон познал именно с Мэйми на борту «Рэзл-Дэзл». Но любви в полном смысле этого слова у нашего героя к «королеве» не было. Об этом Джек Лондон прямо говорит в автобиографическом романе «Джон Ячменное Зерно». Такая любовь придет к нему позже, в образе совсем другой девушки.

Как бы там ни было, с Мэйми или без Мэйми (которая не только дарила любовь, но и создавала уют, готовила пищу), но эти несколько месяцев на борту собственного шлюпа, конечно, были для Джека очень счастливыми. Особенно по сравнению с тем, что было в его жизни до этого. Да и с тем, что будет после. К тому же тогдашнее существование Джека состояло не только из набегов на устричные плантации и чуть ли не ежедневного пьянства (в которое он, по его собственному признанию, все глубже и глубже «втягивался»). Было и то, что ему приносило самую большую радость. Но Мэйми тут ни при чем.

Интересное признание делает писатель в том же романе «Джон Ячменное Зерно»:

«Сколько я ни пил, <алкоголь> не становился мне милее. Мне нравилось его умение создавать дружескую атмосферу и не очень нравился он сам. Находясь в обществе пьющих, я всегда старался поддерживать свое мужское достоинство, но в глубине души по-прежнему позорно мечтал о сладостях. Впрочем, я скорее бы умер, чем позволил другим узнать мою тайну. Зато спровадив «команду» на ночь в город, я предавался наедине своей страсти. Я шел в библиотеку, менял там книги, потом покупал на двадцать пять центов конфет разных сортов, какие можно долго сосать, шмыгал к себе на шлюп, запирался в каюте и, лежа на койке, часами блаженствовал за книгой, отправляя в рот одну конфету за другой. Вот тогда-то я действительно испытывал удовольствие. Четвертак, потраченный в кондитерской лавчонке, приносил мне куда больше радости, чем доллары,

выброшенные в кабаках».

Ценная информация. Она красноречиво указывает на то, что было важнее всего для юного Джека Лондона. И так ли необходимы были ему «приключения»? Очевидно, что куда больше он ценил свободу — свободу заниматься тем, что нравилось: читать, развивать ум и воображение. Вполне здоровые наклонности. А «приключения»? Пил он только за компанию — чтобы поддержать дружбу и сделать приятное товарищам; таков был ритуал, и он ему следовал. «Пиратство» являлось только способом обеспечить свободу. Если бы Джек знал другие, более достойные средства добиться материальной независимости, вполне возможно, что он выбрал бы их.

На этом, пожалуй, можно закончить с «пиратским» периодом в жизни будущего писателя — недолгим, но очень ярким. А кому недостает живописных подробностей, адресуем всё к той же его автобиографической книге — «Джон Ячменное Зерно». Там их немало: и про пьянство, и про набеги, и про месть «Француза» Фрэнка... Насколько этим историям можно доверять, вопрос иной. Но, во всяком случае, они вызывают куда больше доверия, нежели те «приключения», что живописал в своем романе «Моряк в седле» Ирвинг Стоун, увы.

Итак, «пиратская карьера» Джека Лондона завершилась довольно скоро: через несколько месяцев после приобретения шлюп подожгли. Была ли то месть отвергнутого Мэйми Фрэнка, или причиной стала особенная удачливость «короля» в набегах, и «коллеги» просто устраняли конкурента, но ущерб оказался значительным. Необходимых средств, чтобы восстановить судно, у юноши, разумеется, не было. Какое-то время (едва ли продолжительное) он ходил «на дело» с одним из своих товарищей, «Тигром» Нельсоном, на его шхуне «Северный олень». О тех временах у Джека остались, видимо, очень яркие впечатления, если он так живописно впоследствии рассказывал о плаваниях на «Северном олене».

«Признаться, я никогда не жалел, — вспоминал он, — что провел эти сумасшедшие месяцы с Нельсоном. Уж кто-кто, а он умел водить судно, хотя каждый, кто плавал с ним, трепетал от страха. Ему доставляло наслаждение быть всегда на волосок от гибели, выкидывать номера, о которых другие даже не мечтали. У него была мания, что брать рифы позор. За время нашего совместного плавания я не помню, чтобы на «Олене» были когда-нибудь зарифлены паруса, даже при самом сильном ветре. Оттого у нас никогда не просыхала палуба».

Увы, «не просыхала» не только палуба. Вот вам пример из того же источника:

«Помню, раз мы с Нельсоном сошли на берег. У меня было в кармане сто восемьдесят долларов. Я собирался первым делом купить кое-что из одежды, а потом уже выпить. Мне необходимо было приодеться. Все мое имущество было на мне: рваные резиновые сапоги, которые протекали так, что вода в них, к счастью, не задерживалась, рабочий комбинезон за полдоллара, сорокацентровая ситцевая рубаша да парусиновая матросская шляпа. Другой шляпы у меня не было, так что эту приходилось носить и на берегу. Заметьте, что я не упоминаю ни белья, ни носков по той причине, что я их не имел. Чтобы попасть в магазин одежды, надо было пройти мимо десятка кабачков. Поэтому я, прежде всего, зашел выпить. До магазина одежды я так и не добрался. На следующее утро я вернулся на шлюп без гроша в кармане, одурманенный, но довольный собой, и мы отчалили. На мне было то же тряпье, что и раньше, а от ста восьмидесяти долларов не осталось ни цента».

Похоже, «Джон Ячменное Зерно» затягивал его все глубже, а ведь парню в описываемое время не сравнялось еще и шестнадцати...

Но вот судьба «легла на другой галс», и из «пирата» он (вместе с Нельсоном) превратился в «сотрудника правоохранительных органов» — поступил на службу в так называемый рыбачий патруль. В автобиографических «Рассказах рыбачьего патруля», опубликованных в 1905 году, Джек Лондон писал: «Мне было шестнадцать лет, я отлично умел управлять парусным судном и знал залив как свои пять пальцев, когда мой шлюп «Северный олень» зафрахтовала рыболовная компания и я должен был временно стать одним из помощников патрульных».

Оставим без внимания утверждение «мой шлюп «Северный олень» (шлюп, разумеется, ему не принадлежал), заметим другое: из «преступника» (если называть вещи своими именами) Джек превратился в того, кто с преступниками борется. Странная, казалось бы метаморфоза. Но, согласитесь, кто, как не бывший «пират», хорошо знает акваторию и повадки бывших товарищей? Да это и вполне обычная практика. Особенно в те времена.

Впрочем, «охотился» он не на своих недавних коллег (тех, как красноречиво проиллюстрировал писатель, «крышевала» оклендская полиция), а главным образом на рыбаков — этнических греков, китайцев, итальянцев, густо населявших берега залива Сан-Франциско.

«Какой только рыбы нет в этом заливе, — восклицал он, — и какие только рыбачьи суденышки с командой из лихих удальцов на борту не бороздят его воды! Существует много разумных законов, призванных оберегать рыбу от этого пестрого сброда, и специальный рыбачий патруль

следит, чтобы законы эти неукоснительно соблюдались. Бурная и переменчивая судьба выпала на долю патрульных: часто терпят они поражение и отступают, не досчитавшись кого-нибудь из своих, но еще чаще возвращаются с победой, уложив браконьера на месте преступления, — там, где он незаконно закинул свои сети. Самыми отчаянными среди рыбаков были, пожалуй, китайские ловцы креветок. Креветки обычно ползают по дну моря несметными полчищами, но, добравшись до пресной воды, сразу поворачивают назад. Китайцы, пользуясь промежутками между приливом и отливом, забрасывают на дно ставной кошельковый невод, креветки заползают в него, а оттуда попадают прямехонько в котел с кипящей водой. Собственно говоря, ничего плохого в этом нет, да вот беда: ячейки у сетей до того мелкие, что даже крошечные, едва вылупившиеся мальки, длиной меньше четверти дюйма, и те не могут сквозь них пролезть. К чудесным берегам мыса Педро и мыса Пабло, где стоят поселки китайских рыбаков, просто невозможно было подступиться: там горами валялась гниющая рыба, и воздух отравлен ее зловонием. Против такого бессмысленного истребления рыбы и призван был бороться рыбачий патруль»^[58].

Вот что не очень понятно, так это обстоятельства, при которых Лондон «сменил флаг». Как это вообще случилось и почему? Сам писатель ни в одном из автобиографических текстов внятного объяснения не дает. Биографы, в большинстве своем, тоже хранят молчание.

Ирвинг Стоун озвучил такую версию: однажды, «когда с грузом устриц Джек и Сатана Нельсон шли к Бени-цийской пристани, их окликнул таможенный чиновник и предложил оставить сомнительное ремесло устричных пиратов и стать агентами службы рыбачьего патруля. Залив Сан-Франциско был битком набит греческими браконьерами — ловцами семги, китайцами — охотниками за креветками, нарушавшими государственные законы рыбной ловли. Поймав с поличным, их не сажали в тюрьму, а штрафовали. Условия работы были таковы: Джек получает половину суммы, изъятой у пойманных нарушителей», и «он с радостью согласился и был назначен агентом патрульной службы».

Насколько можно доверять повествованию Стоуна? Думается, что совсем чуть-чуть. Хотя бы потому, что с «Сатаной» Нельсоном (то есть Нельсоном-старшим) Джек не ходил. Устриц продавали не в Бениции — маленьком, заштатном городишке с тремя тысячами жителей (хотя и временной столице штата Калифорния^[59]), а в Окленде. Кстати, и устричные плантации располагались поблизости от последнего, а Бениция

находится в нескольких десятках километров к северу. Вода там почти пресная, и в такой воде устрицы не живут. Да и «таможенный чиновник», который их якобы «окликнул», предложить им ничего не мог — рыбачий патруль к его ведомству никакого отношения не имел. И, конечно, на «половину суммы, изъятой у пойманных нарушителей», рассчитывать Джек не мог, а только на часть (от одной трети до половины) взимаемого штрафа.

Р. Балтроп, который, похоже, весьма основательно проработал тему рыбачьего патруля, сообщает: «Обязанности, которые Джек выполнял в патруле, никоим образом не были официальными. Настоящие патрульные назначались советом штата и получали жалованье, но были еще и добровольцы, которым выплачивали определенную часть — иногда половину — штрафов, взимаемых с нарушителей закона. Рыбачий патруль был основан в 1883 году. Он должен был устанавливать нормы отлова лосося и другой рыбы на калифорнийском побережье, но главной его задачей было решение «китайской» проблемы. В докладе Рыбной комиссии за 1886 год сообщалось, что почти две тысячи китайцев в районе залива Сан-Франциско занимаются незаконной ловлей креветок и осетра. Наибольшая часть всей пойманной рыбы приходилась на китайских рыбаков, поэтому в рассказах Джека часто встречаются злоумышленники-китайцы»^[60].

Судя по всему, сообщество устричных пиратов Лондон покинул не по собственной воле. Дело обстояло, скорее всего, так. Джек и Нельсон перестали быть «пиратами» не без помощи «коллег». Коррупцированная оклендская полиция имела с «пиратов» свой гешефт: деньгами, выпивкой, продукцией (устрицами). Но любая служба должна демонстрировать свою эффективность. Поэтому время от времени преступники кого-нибудь из своих «сдавали». Нельсон-младший в силу необузданного нрава перессорился с доброй половиной пиратского сообщества, а Джек вообще был новичком и к тому же «Француз» Фрэнк имел на него зуб. Поэтому их, возможно, и решили «сдать». Но кто-то (вероятнее всего, Джонни Хейнголд, владелец припортового кабака «Последний шанс», который, как можно понять, искренне симпатизировал Джеку^[61] и всегда находился в курсе происходящего) их предупредил. Джеку и Нельсону-младшему не оставалось иного, как покинуть Окленд. Хотя бы временно. Да и обида была и у того и у другого на «товарищей». Так наш герой оказался в Венеции.

Однако в бывшей столице штата Калифорния он оказался один (не

считая, разумеется, Нельсона-младшего). К тому времени Мэйми с ним уже не было. «Королева», судя по всему, исчезла так же внезапно, как и появилась с ним рядом. Что случилось и что развело их дороги — можно только гадать. Возможно, она вернулась к «Французу» Фрэнку или увлеклась кем-то еще. Но то, что Джек не воспринял расставание как трагедию — очевидно. Впрочем, если любви, как он уверял, с его стороны и не было, то какая, в самом деле, трагедия?

Неясна также дальнейшая судьба «Рэзл-Дэзл» — парусника Джека. Продали ли его или — просто бросили. Во всяком случае, никакой информации об этом автору настоящих строк разыскать не удалось^[62].

В Бениции, которая находится в устье реки Сакраменто при ее впадении в залив Сан-Пабло (к северу от Окленда и Сан-Франциско, в северной части одноименной акватории), нравы были иными — здесь царили закон и порядок. Не в последнюю очередь потому, что в Бениции был расположен арсенал и расквартирована воинская часть. Здесь же находилась и штаб-квартира «рыбачьего патруля». Как следует из рассказов писателя, боролись они с браконьерами — теми, кто ловил креветок и лососевых, используя запрещенные орудия лова. В принципе, зоной их ответственности была вся акватория залива Сан-Франциско (то есть теоретически они могли бороться и с бывшими «коллегами» — устричными пиратами), но в реальности они действовали в северной его части, в заливе Сан-Пабло, богатом рыбой, и с «пиратами» не пересекались.

Из тех же рассказов писателя можно понять, что дело, которым занимался молодой «рыбинспектор», было трудное и часто опасное. Джек Лондон был там на хорошем счету, имел массу друзей и за чужими спинами никогда не прятался. Насколько доходной была служба, судить трудно. Понятно, что получал он несравнимо больше, чем на консервной фабрике, но, конечно, куда меньше, нежели в бытность свою «пиратом».

Такой поворот судьбы был, разумеется, благом для юноши, ведь «сколько веревочке ни виться, а конец будет». Так или иначе, печальной судьбы не избежал ни один из его «коллег» по пиратству. Кто-то погиб в перестрелке с полицией или охранниками устричных плантаций, кого-то подстерегла пуля «товарища», кто-то налетел на нож в пьяной драке, других сгубил алкоголь, некоторые утонули. Те же, кого «судьба хранила», в конце концов все равно очутились «на нарах». Показателен и дальнейший путь товарища Джека Лондона по «рыбачьему патрулю» Нельсона-младшего. В отличие от Джека он там не задержался — слишком пресной показалась ему новая жизнь, да и, как вспоминал писатель, «скучал он по

Окленду», а потому вернулся обратно, к прежнему промыслу. Через год его застрелили в очередной «разборке».

Так что «рыбачий патруль» (будем справедливы!), по сути, спас жизнь нашему герою, но, увы, не избавил юношу от пагубного пристрастия, обретенного за месяцы «пиратства». Как бы сам Джек Лондон ни убеждал читателей романа «Джон Ячменное Зерно» (да и самого себя), что он не алкоголик, что пить-де никогда не любил и вообще в любой момент с легкостью мог отказаться от спиртного, изложенная им история отношений с «зеленым змием» убеждает в обратном. Те пьяные эскапады, о которых он так живописно рассказывал, не закончились в Бениции. Скорее усугубились. Теперь он уже не ограничивался единичными пьяными загулами — начались запои, которые могли длиться несколько дней и даже недель. И вот однажды (в «патруле» к тому времени он пробыл около года), как он пишет, после «беспробудного трехнедельного пьянства... я решил: хватит!».

«Ускорил мое решение переменить жизнь, — вспоминал писатель, — новый чудовищный трюк Ячменного Зерна, показавший, в какую непостижимую бездну может свести опьянение. После одной грандиозной попойки я отправился в час ночи спать к себе на шлюп. В проливе Каркинез очень сильное течение, вода бурлит, как у мельничного колеса. В тот момент, когда я лез к себе на шлюп, был полный отлив. Я не удержался на ногах и бухнул в воду. Ни на причале, ни на шлюпе никого не было. Меня стало относить течением!.. Но я не испугался. Мне даже понравилось это неожиданное происшествие. Я хорошо плавал, вода ласкала мое разгоряченное тело, как прохладная простыня. <...> Я никогда не задумывался о смерти, тем более о самоубийстве. А тут мне взбрело на ум, что это будет прекрасный конец короткой, но яркой жизни. <...> Чаша переполнилась, я презирал себя за тот скотский образ жизни, который вел последнее время, и понимал, что меня ждет за мой грех. Живой пример — несчастные босяки и бездельники, пьянствовавшие за мой счет. У них в жизни ничего уже не осталось. Так что ж, хочешь тоже превратиться в такого? Нет, тысячу раз нет! <...> Вода была чудесная. Так и должен умереть мужчина. Нечего печалиться и плакать! Это смерть героя, который добровольно решил покончить счеты с жизнью. И я стал громко распевать предсмертную песню, пока бульканье и плеск воды не напомнили мне, где я нахожусь. Ниже Бениции, там, где пристань Солано выдается в море, пролив расширяется и образует так называемую Тернерскую бухту. Я плыл в полосе берегового течения, которое идет к пристани Солано и далее в бухту. Мне было давно известно, что в том месте, где течение огибает

остров Мертвеца и несется к пристани, образуется сильный водоворот. Меньше всего мне хотелось попасть на сваи. Тогда мне понадобится лишний час, чтобы выбраться из бухты. Я разделся в воде и, с силой выбрасывая руки, поплыл поперек течения. И лишь увидев, что огни пристани остались позади, позволил себе лечь на спину и передохнуть. Огромное усилие не прошло даром: я долго не мог отдышаться. <...> Я лежал на спине, под небом, усеянным звездами, смотрел, как проплывают мимо знакомые огоньки пристани — красные, зеленые, белые, — и сентиментально прощался со всеми вместе и с каждым в отдельности. <...> Так прошло несколько часов; перед рассветом холод протрезвил меня настолько, что я стал интересоваться, где я нахожусь, и гадать, успею ли выплыть в залив Сан-Пабло до того, как прилив начнет тащить меня назад. Затем я почувствовал, что ужасно устал и околел. Хмель прошел, и я уже не хотел умирать. <...> Я решил плыть к берегу, но, обессиленный и замерзший, сложил руки и вверил себя течению, лишь время от времени делая несколько взмахов, чтобы держаться на поверхности воды, которая становилась все беспокойнее, так как начинался прилив. И тут мне стало страшно. Я был уже совсем трезв и ни за что не хотел умирать. По многим и многим причинам стоило жить. Но чем больше я находил причин, тем меньше было шансов на спасение.

Рассвет застал меня у маяка Лошадиного острова. После четырех часов в воде я попал в опасную полосу водоворотов, образуемых быстрыми течениями из проливов Валлехо и Каркинез; вдобавок начавшийся прилив стал нагонять волны из Сан-Пабло, и все эти три силы вступили в борьбу. Поднялся ветер, короткие крутые волны то и дело захлестывали меня, и я уже начал глотать соленую воду. Как опытный пловец, я понимал, что скоро мне крышка. И вдруг, откуда ни возьмись, появился рыбацкий баркас — какой-то грек шел в Валлехо...»^[63]

Он-то и спас уже отчаявшегося юношу.

Может быть, следовало бы извиниться за обширную цитату, но какой смысл пересказывать то, что так ярко изложено самим героем нашего повествования.

В рассказе «Желтый платок» из сборника историй о «рыбачьем патруле» промелькнула фраза, где автор объясняет, почему собрался уйти из «рыбоохраны». Он пишет, что прослужил там «два года», а теперь «уходит... чтобы вернуться в город и закончить образование. Я скопил довольно денег, чтобы не знать нужды три года, пока не окончу среднюю школу, и, хотя до начала учебного года было еще много времени, я решил

хорошенько подготовиться к приемным экзаменам»^[64].

Хотя «Рассказы рыбацкого патруля» — ценный источник сведений и их автобиографический характер очевиден, но все же слова, приведенные выше, — художественный текст. Поэтому не следует полностью отождествлять героя с реальным Джеком Лондоном. Вполне может быть, что у самого Лондона уже тогда была мечта завершить образование (хотя верится в это с трудом), но вот чего у него точно не было, так это «довольно денег, чтобы не знать нужды три года». У него вообще не имелось никаких накоплений.

Свой уход он объяснял двумя причинами. Первую мы уже указали: та жизнь, которую он вел, тянула его «в никуда»; он просто испугался, что она может закончиться так же, как у многих его товарищей и врагов, — преждевременно и бессмысленно. Вторая причина — продолжение первой. Он хотел наполнить свое существование смыслом — тем, о котором мечтал. «Я рвался туда, — вспоминал писатель, — где дуют ветры приключений!» В открытое море, в океан! Залив Сан-Франциско был для него слишком мал.

Большое плавание: 1893—1894

Весьма соблазнительно согласиться с приведенной версией. Во всяком случае, именно «желанием увидеть большой мир» объясняют дочь и жена писателя прощание с «рыбачьим патрулем». Единодушны в этом и советские биографы. Такое объяснение пришлось бы по вкусу и самому Джеку Лондону. Наверняка эту версию слышали из его уст и современники. Как настоящий художник, он был мастак творчески корректировать и собственную биографию. Увы, реальность отличалась от озвученного — она прозаичнее, не так красива и совсем не романтична. Как ни мал был для нашего героя залив Сан-Франциско, всё же, думается, он с удовольствием побородил бы еще его воды. Но из «рыбачьего патруля» его... «попросили». И причина была неприглядной. Пьянство, которое превратилось в настоящую проблему. Много лет спустя, повествуя о «героических буднях» патрульных, писатель уверял, что спиртное на борт они никогда не брали, в море царил сухой закон. Что ж, вероятно, так и было. Но вот о пьяных загулах юного Лондона на суше в те дни любой может прочитать в автобиографическом романе «Джон Ячменное Зерно» — картина впечатляет. Разумеется, при таком образе жизни он просто не мог полноценно исполнять свои служебные обязанности. И его в конце концов

выгнали.

Сознавал ли он произошедшее как серьезную личную катастрофу. Или — в силу возраста, небольшого жизненного опыта — не видел в случившемся ничего фатального? На эти вопросы мог бы ответить сам писатель, но он, похоже, старался не вспоминать о том, что происходило сразу после «патруля». А происходило вот что.

Потерпев фиаско в Бениции, Джек, судя по всему, решил вернуться домой в Окленд. Если читатель помнит, в рассказе «Желтый платок», завершающем цикл историй «рыбачьего патруля», последнее приключение героя происходит, когда он плывет по заливу на патрульном судне, которое везет его в Окленд. Наверняка Джек и хотел таким образом вернуться домой, но в реальности добираться ему пришлось по суше. Беницию и Окленд тогда уже связывала ветка железной дороги, и он мог бы добраться домой на поезде. Но денег на билет у него не было. Тем не менее он оказался на станции — надеясь, видимо, как-то решить проблему. Уехать он не смог. А может быть, не захотел. Неподалеку от станции он познакомился с группой ребят примерно своего возраста. Они бродяжничали, жили мелким воровством, развлекались и пьянствовали. Джек прибил к ним и провел с ними около месяца. Себя они называли «дети дороги». Нетрудно догадаться почему: железная дорога давала им средства к существованию (по мелочи они «потрошили» почтово-багажные отправления), по ней они передвигались, вскакивая на ходу в вагоны. Но это бессмысленное времяпрепровождение Джеку быстро наскучило, к тому же однажды «атака» на проходящий поезд закончилась трагедией — один из подростков сорвался и попал под колеса^[65].

Вскоре после этого прискорбного события юноша вернулся домой. Здесь было безрадостно. Семья едва сводила концы с концами — работал только отчим, получая сущие гроши. В отсутствие Джека Лондоны опять переехали и жили теперь почти в трущобах — район назывался Баджер-парк, а дом походил на развалюху. Похоже, Джон Лондон скототил его сам — из остатков разрушенных домов, что стояли здесь прежде. Джек знал этот район: школьником он по субботам и воскресеньям подрабатывал в местном кегельбане. Да и в произведениях писателя можно найти его описание: в романе «Мартин Иден» район фигурирует под названием «Везел-парк».

«Из этого дома, — сообщает в своей книге жена писателя, — он отправился в большой мир»^[66]. Слова Чармиан Лондон справедливы, но не совсем точны. Вернувшись домой, Джек не переменялся и возобновил ту

же расхлябанную жизнь, к которой уже привык. «После Бениции, — признавался он, — мой путь снова лежал через кабаки... и моральных преград я не ощущал». Делая вид, что ищет работу, на самом деле проводил время в компании таких же выпивох и бездельников. Он возобновил дружбу с Нельсоном-младшим, со многими из тех, с кем устраивал «экскурсии» по барам в бытность «устричным пиратом».

О времяпрепровождении в этот период писатель довольно подробно рассказал (с весьма живописными примерами) все в той же «исповеди алкоголика». Один из эпизодов настолько ярок — и, главное, характерен! — что пройти мимо него просто жаль. Лондон вспоминает, как однажды вдвоем с приятелем они без гроша в кармане сидели в пивной и размышляли, как бы выпить. Дело было накануне муниципальных выборов — на них они и надеялись.

«Во время предвыборных кампаний местные политические дельцы обычно обходят пивные, охотясь за голосами избирателей. Ну, вот сидит за столиком человек, размышляет, чем бы промочить горло, не угостит ли кто-нибудь стаканчиком... как вдруг распахивается дверь и входит целая компания хорошо одетых джентльменов, которые держатся со всеми запросто и...» И всем наливают... «Не заставляя себя просить, ты устремляешься к стойке, осушаешь стаканчик-другой, и тебя просвещают насчет фамилий джентльменов и того, на какие посты они ждут народного избрания».

Но на этот раз «джентльмены» задерживались. Приятели было совсем отчаялись, когда в пивную влетел их общий знакомец. «Пошли, ребята, есть даровая выпивка, — говорит он нам, — пей хоть бочку. Я сразу о вас подумал. Только бы не прозевать». Местное отделение партии («Какой партии — республиканцев или демократов — хоть убейте — не помню», — замечает писатель) устраивало предвыборное факельное шествие, людей не хватало, и «потому призвали добровольцев с обещанием выпивки». Они поспешили дополнить шествие, и после него началось гулянье...

«Открылись все кабаки. Всюду был нанят дополнительный персонал, у каждой стойки в шесть рядов толпились охотники выпить, — сообщает автор. — Некогда было обтирать мокрые стойки, мыть посуду: буфетчики только успевали наливать. Портовые забулдыги из Окленда ждать не желали! Толпиться в очереди и драться за каждый стакан показалось нам слишком нудным занятием. Всё ведь и так наше, верно? Для нас же куплено! Приняв это в расчет, мы совершили фланговую атаку: обошли стойку сзади, отпихнули запротестовавших было буфетчиков и захватили полные охапки бутылок. На улице мы отбили горлышки о край цементного

тротуара и принялись пить. Я придерживался представления, что нужно пить сколько влезет, — особенно, когда это на дармовщину. Мы угощали еще кого-то, не забывая, разумеется, и себя; я же хлестал больше всех...»

Потом, пишет Лондон, «мы направились в другой кабак, оттуда в третий, — всюду бесплатное виски лилось рекой... Не знаю, сколько я выпил, — две кварты или пять»^[67].

Обратно в Окленд участников шествия должны были доставить на поезде.

«Меня и Нельсона, — вспоминает автор, — выволокли из кабака, и мы оказались в хвосте довольно беспорядочной колонны. Я делал героические попытки идти вместе со всеми, но почти не владел своим телом. Ноги мои подгибались, в голове был туман, сердце громко стучало, легким не хватало воздуха. Мои силы быстро таяли, и помутневший рассудок подсказывал, что я упаду и не доберусь до поезда, если буду плестись вот так в хвосте колонны. Я вышел из рядов и побежал по боковой тропинке, протоптанной вдоль дороги, под развесистыми кронами деревьев. Нельсон, смеясь, пустился за мной. Есть вещи, которые навсегда врезаются в память, как кошмарный сон. Я ясно помню пышные кроны и то отчаяние, которое охватило меня, когда я бежал под ними, то и дело спотыкаясь и падая, к великому удовольствию всей пьяной братии. Им-то казалось, что я валяю дурака, чтобы их позабавить. Они и не догадывались, что Джон Ячменное Зерно вцепился мне в горло мертвой хваткой. Я был с ним один на один, и горькая обида сжала мне сердце: никто понятия не имеет, что я борюсь со смертью! Я, словно утопающий, иду ко дну на глазах у толпы зевак, а они думают, что все это шуточки — им на потеху! Пробежав немного, я упал и потерял сознание. Очевидцы рассказывали мне, что было после. Силач Нельсон поднял меня на руки и понес на станцию. Он втащил меня в вагон и бросил на скамью, но я бился и хрипел. Не отличаясь чуткостью, Нельсон все-таки сообразил, что со мной дело плохо. Теперь я понимаю, что был тогда на волосок от смерти. Пожалуй, так близок к ней я не был никогда. Но я не знал, что со мной тогда творилось, — это мне рассказал уже Нельсон. Нутро мое горело адским пламенем, у меня было такое чувство, что я сейчас задохнусь. Воздуха! Воздуха!»

<...> «Нельсон решил, что у меня белая горячка и я хочу выброситься из окна. Все его попытки усмирить меня ни к чему не привели. Я... трахнул по стеклу. <...> Не помню, что я делал, но я до того отчаянно кричал: «Воздуха! Воздуха!» — что Нельсон сообразил: положение серьезное, и тут не пахнет самоубийством. Он вытащил из оконной рамы битое стекло и дал мне высунуться наружу по плечи и придерживал меня

за пояс, чтобы я не выпал. Так я проехал до самого Окленда, отвечая буйным сопротивлением на все попытки Нельсона втолкнуть меня обратно в вагон. Только наглотавшись вволю воздуха, я почувствовал, что ко мне возвращается сознание. Единственное ощущение, запомнившееся мне с той минуты, когда я упал на тропинку под деревом, до той, когда проснулся на следующий вечер, было ощущение смертельного удушья: я стою, высунув голову из окна, поезд мчится, в ушах свистит ветер, искры от паровоза обжигают мне лицо, а я жадно открываю рот и никак не могу надышаться».

«Больше ничего не помню, — повествует далее герой. — Я пришел в себя на следующий вечер в портовой ночлежке. Рядом со мной никого не было. Никто не вызвал доктора; я мог очень просто отдать богу душу. <...> Тем, что я выжил, я обязан... счастливой судьбе и крепкому здоровью»^[68].

Выразительный эпизод — что и говорить!

Кто-то может возразить: стоит ли смешивать героя, пусть и автобиографического, но все-таки романа с реальным человеком по имени Джек Лондон? Дескать, в художественном произведении важную роль играет драматургия, — в нем все заострено, к тому же подчинено определенной авторской идее, стратегии. Всё верно, и с аргументами этими особо не поспоришь. Но следует помнить, что текст, к которому мы обращаемся, автобиографический. Он декларирован автором в подзаголовке романа как «исповедь». Ко всему прочему, очевидно, что только тот, кто сам испытал подобное, способен *так* поведать об этом. Повторим слова писателя: «Тем, что я выжил, я обязан счастливой судьбе и крепкому здоровью». Несомненно, что осознание этого простого факта пришло к нему тогда же, а не годы спустя, и, судя по всему, заставило его повернуть колесо собственной судьбы.

Как часто для того, чтобы изменить привычное течение своей жизни, достаточно сделать всего лишь один шаг. Но алкоголики — слабые люди, и они его не делают. Джек Лондон был молод — в конце 1892 года он стоял на пороге семнадцатилетия. Алкоголь еще не подчинил его целиком, не сломил его волю. И он сделал этот шаг: в последних числах декабря 1892-го завербовался матросом на шхуну^[69], уходившую в долгое (семимесячное) и далекое плавание — к берегам Курильских и Командорских островов.

«Джек выбрал самый романтический корабль из всех, — пишет в своей книге Ирвинг Стоун, — один из последних парусников, державших курс на Корею, Японию, Сибирь...» Действительно, трехмачтовая шхуна «Софи Сазерленд», на которую нанялся Джек, была красивым и

быстроходным судном — со стремительно-изящным корпусом и длинным бушпритом, слегка наклоненными к корме мачтами. Размерами шхуна не впечатляла — имела всего 80 тонн водоизмещения и едва ли больше 30 метров в длину^[70]. Насколько можно судить по сохранившимся фотографиям, вид у нее действительно был импозантный. Однако этим ее «романтичность» и ограничивалась. Может быть, таковой она казалась Стоуну в середине 1930-х, когда парусных судов уже почти не осталось? В Америке же 1890-х парусные суда составляли почти 90 процентов всего гражданского (торгового и иного) флота. Так что ничего особенно «романтичного» в «Софи Сазерленд» на самом деле не было. В те времена существовало много парусников (в том числе в США) куда красивее и романтичнее.

Шхуна была, что называется, «рабочей лошадкой» — промысловой и делом занималась не респектабельным. Даже по тем, отнюдь не вегетарианским временам — жестоким и кровавым: на ней били морских котиков (дамские котиковые шубки — легкие, теплые и красивые — стремительно вошли в моду в 1880-е годы). Их добывали у северо-восточных берегов японского Хоккайдо, в Беринговом море у берегов и на островах Алеутской гряды, на Курилах и на Командорах. Уничтожали их жестоко — на море и на суше. Били гарпунами, стреляли из винтовок, револьверов и даже использовали взрывчатку. Ценился не весь мех: самцы-секачи и взрослые самки не годились. Ценен был мех молодых животных и детенышей. Но чтобы до них добраться, необходимо было сначала уничтожить взрослых, — те защищали младших отчаянно. Потом забитых животных поднимали на палубу, сдирали шкуры и, как вспоминал потом Лондон: «кровь животных хлестала из шпигатов» даже. За десяток лет жестокого промысла выбили три четверти поголовья котиков; к 1892 году их осталось совсем мало. Промысел начинался обычно к северо-востоку от Хоккайдо, затем, преследуя котиков, двигались вдоль Курильской гряды к Командорским островам. В тот район и направлялась «Софи Сазерленд».

Стоун был прав, говоря, что «Софи Сазерленд» была «одним из последних парусников, державших курс на Корею, Японию, Сибирь...». Но имел он в виду именно промысловые шхуны охотников за шкурами, а не вообще парусники. Возмущенная жестокостью американских промысловиков мировая общественность (в лице Франции, Англии и России) собрала в феврале 1892 года специальную комиссию, решающую вопрос «о судьбе котиков», и запретила их добычу. Американцы яростно сопротивлялись, но в конце концов вынуждены были смириться. Запрет вступал в силу в 1893 году. Так что рейс «Софи Сазерленд» был не только

«последним», но, по сути, браконьерским.

Понимал ли это Лондон? Поначалу, возможно, и нет. Но по ходу экспедиции, в ее разгар — безусловно. Об этом — один из ранних рассказов писателя «Исчезнувший браконьер» (опубликован весной 1901 года). В нем описана история промысловой шхуны «Мэри Томас» (похоже на «Софи Сазерленд», не правда ли?) и ее команды, угодившей в «лапы русского крейсера» и чуть было не отправившейся в страшную Сибирь, на «соляные копи»^[71].

На судно Лондон поступил матросом. Хотя он был рослым и крепким, ему едва исполнилось семнадцать. В таком возрасте обычно только начинают морскую карьеру, и начинают ее в качестве юнги, а не полноправного матроса. Судя по всему, у юноши имелась протекция. Р. Балтроп сообщает о некоем Пите Холте, «одном из промысловиков... который пообещал Джеку взять его гребцом»^[72]. Другие биографы писателя по этому поводу молчат. Тем не менее этот человек или некто другой явно существовал и поспособствовал нашему герою. Дело, разумеется, не только в соображениях экономического порядка (стандартное жалование матроса в те времена составляло 16 долларов в месяц, юнги — только восемь), хотя и это немаловажно, но и в самоощущении: юнгой помыкают, над ним смеются, издеваются — нравы на флоте царили жестокие. Но почти каждый матрос прошел эту школу. Джек Лондон счастливо ее избежал.

«Я был способным матросом, — вспоминал он годы спустя, — у меня была хорошая школа. Совсем чуть-чуть времени мне понадобилось, чтобы разучить названия и назначение снастей, которые дотоле были мне неизвестны. Это было совсем нетрудно. К тому же я действовал не наобум. Поскольку я обладал опытом плаваний на яхте, то сразу же понимал, что это за снасть, как она работает и для чего предназначена. Разумеется, я не умел ходить по компасу, но за полминуты понял, как это делается. А уж что касается таких команд, как «круче к ветру» или «идти в лавировку», в этом я разбирался, пожалуй, даже лучше своих товарищей по команде — ведь прежде я обычно только этим и занимался»^[73].

Но если с профессиональными навыками дело обстояло более или менее благополучно (что он, кстати, проиллюстрировал в своей первой публикации — очерке «Тайфун у берегов Японии», навеянном путешествием на шхуне), «человеческий фактор» исключить было невозможно. Много лет спустя Лондон написал рассказ «Мертвые возвращаются», в котором помимо собственно истории содержатся и

некоторые подробности взаимоотношений на судне.

«Едва мы отплыли из Сан-Франциско, — вспоминает Лондон, — как я столкнулся с весьма нелегкой задачей. Из двенадцати матросов десять были просоленными морскими волками. Я, мальчишка, пустился в первое свое плавание с моряками, у которых была за плечами долгая и нелегкая школа европейского торгового флота. Юнгами они не только тянули ляжку своих корабельных обязанностей, но, по неписаным морским законам, пребывали в полной кабале у матросов. После того как они сами стали матросами, они поступали в услужение к старшим матросам. Так уж повелось: лежа на койке, старший матрос взглянет свысока на рядового и велит ему подать башмаки или принести попить. И хотя рядовой матрос тоже лежит на койке, и он не менее устал, чем старший матрос, он все же обязан вскакивать и подавать, и приносить, если, конечно, не хочет быть избитым. <...> Эти скандинавские моряки, битые смертным боем, прошли суровую школу. Подростками прислуживали своим старшим товарищам, и сделавшись старшими матросами, они, естественно, ждали, чтобы им прислуживали подростки. А я был подростком, но обладал силой мужчины. В плавании я был впервые, но был хорошим моряком и дело свое знал. Мне нужно было доказать свою самостоятельность или подчиниться их власти. В команду я был зачислен как равный и теперь должен был утвердить это право на равенство — в противном случае мне пришлось бы пройти через семимесячный ад их ига. И это мое желание — быть с ними наравне — вызывало у них законное негодование. Какие для этого основания есть у меня? Ведь я еще ничем не заслужил такой высокой привилегии. Я не испытал всех тех невзгод и дурного обращения, какие довелось перенести им в юности — забитым и запуганным нижним чинам. План мой был несложен, но хорошо продуман и смел. Во-первых, я решил выполнять свою работу, как бы она ни была трудна и опасна, и делать ее настолько хорошо, чтобы исключить необходимость какого бы то ни было вмешательства или помощи со стороны. Поэтому я был в состоянии постоянной готовности. Я не допускал даже мысли об отлынивании, так как знал, что зоркие глаза моих товарищей по полубаку только и ждут этого. Я твердо решил заступать на вахту в числе первых и последним уходить в кубрик... в любую минуту я был готов ринуться наверх, к марселю, к шкотам и галсам, приступить к установке или уборке парусов. И делал я всегда больше, чем от меня требовалось. К тому же я каждую минуту был начеку и готов к отпору. Совсем не так просто было нанести мне оскорбление или высокомерно обойтись со мной. При первом же намеке на что-то подобное я взрывался и выходил из себя. Возможно, меня

и побили бы в завязавшейся драке, но уже было создано впечатление, что они имеют дело с необузданным и упрямым парнем, готовым сцепиться снова. Я хотел показать, что не потерплю никакой кабалы. Я дал понять, что того, кто посягнет на мою независимость, неизбежно ждет борьба. А поскольку я исправно выполнял свое дело, то присущее всем людям чувство справедливости, подкрепленное благородным отвращением к царапаньям и укусам дикой кошки, вскоре заставило их отказаться от своих оскорбительных поползновений. Несколько стычек — и моя позиция была утверждена. Я мог гордиться, что был принят как равный не только на словах, но и на деле»^[74].

Рассказ «Мертвые возвращаются» был написан в 1909 году и относится к числу не самых известных произведений писателя. Симптоматично, что и полтора десятка лет спустя память о пребывании на шхуне еще жила в нем; всё, что он тогда испытал, тревожило память, будило эмоции.

Котиков добывали в Беринговом море, и плавание было долгим. На пути к промыслу команда судна только один раз (примерно в середине маршрута) ступала на твердую землю — когда они оказались у островов Бонин. Судя по всему, останавливались на главном острове архипелага — Титидзима (тогда он назывался Сент-Джонс). Через год с небольшим после публикации «Тайфуна у берегов Японии» Лондон сочинил очерк, посвященный этому событию, незамысловато озаглавив его «Острова Бонин» (1895).

Очерк небольшой и в художественной своей составляющей уступает истории о тайфуне, но красноречив — показывает, какое яркое впечатление на юношу произвел этот удаленный уголок мира. Особенно поэтично описание природы и ландшафта.

«Самая главная и привлекательная особенность островов, — пишет Лондон, — пейзажи, их многообразие, броские и резкие контрасты на каждом шагу. Тут вертикально из океана поднимаются высочайшие горы, покрытые до самых вершин пышной тропической растительностью, а там к отвесной скале прильнул крошечный коралловый пляж, чистейший, отличающийся белизной, насквозь промытый неустанным прибоем. А здесь рельефный контур ландшафта сглаживается плодородной равниной с зеленью капусты, тутовых, банановых деревьев и плавным склоном сахарного тростника; на щедрой земле зреют батат, ананасы, сладкий картофель. А вон там гигантские утесы и наводящие страх бездонные пропасти вносят новые мотивы в ландшафт. И в каждом укромном уголке и расщелине что-то буйно произрастает. Растительность, кажется,

вырывается даже из несокрушимых вулканических пород, где не видно ни грана почвы. Наверху из скал, из оснований их глубоких расщелин, бьют источники чистой воды, посылают далеко вниз сверкающие ледяные струи навстречу беспокойным волнам прибоя. Разбиваясь о вулканические породы теснин, они превращаются в бурлящие потоки и, устремившись в умопомрачительную пропасть, рассыпаются в воздухе и парят, словно серебристые вуали, не разрываясь, летят полупрозрачной дымкой сотни футов вниз»^[75].

Впрочем, это — пусть и живописный, но эпизод. Очерк главным образом о другом — о том, какой переполох устроили моряки на острове: об анархии, пьянстве и неподчинении властям экипажей нескольких американских промысловых шхун, видимо, зашедших в гавань, чтобы пополнить запасы воды и продовольствия.

Острова расположены почти в тысяче километров к югу от Японии. Оттуда промысловики уже взяли курс к исходному пункту промысла — к мысу Зримо, где берет начало Курильская гряда.

Начав охоту на котиков у южной оконечности Курильских островов, «Софи Сазерленд» (и другие браконьеры), преследуя животных, постепенно перемещалась к северу и закончила свое дело, судя по всему, в районе российских Командорских островов.

В общей сложности промысел длился три месяца. Потом, загруженные под завязку (за сезон промысловая шхуна добывала примерно три-четыре тысячи шкур), они отправились назад. И на этот раз не миновали Японию. Но теперь капитан выбрал Иокогаму — крупный порт на западном побережье страны, в 30 километрах от Токио.

Джек Лондон, разумеется, очень хотел посмотреть город (японская, да и любая иная экзотика, была для него в новинку!) и даже по возможности наведаться в столицу империи. Во всяком случае, именно о таком намерении он заявляет в «Исповеди алкоголика», но исстрадавшиеся без алкоголя товарищи (на шхуне царил «сухой закон») увлекли его на «экскурсию» по питейным заведениям. И — «мы простояли в Иокогаме две недели, — сообщает Лондон, — но все наши впечатления о Японии ограничились только портовыми кабаками». Там же, в Японии, капитан, похоже, реализовал и шкуры котиков.

Обратный путь был длительным (путешествовали все же под парусами!), но по сравнению с долгими неделями промысла («Мы охотились свыше трех месяцев, — пишет Лондон, — невзирая на трескучий мороз и сплошной туман, нередко прятавший солнце на целую неделю. Это была грубая, тяжелая работа...») не был таким уж трудным.

Месяцы, проведенные на судне, стали важным этапом в формировании личности будущего писателя. Они красноречиво подтверждают, что у него есть и сила воли, и твердость характера.

Джек Лондон вспоминал, в каком приподнятом настроении возвращался он сам, что чувствовали его товарищи, как они строили планы отдохнуть от моря, поехать к родным, увидеть отца, мать, родину...

Увы, «благими намерениями выстлана дорога в ад»... Он ждал товарищей на берегу: когда те вышли из конторы, где получили причитающееся жалованье за семь месяцев плавания, то, естественно, решили это дело отметить... Лондон смог остановиться. Остальные пили до тех пор, пока не пропили все деньги. Писатель вспоминал: «Меня спасло то обстоятельство, что у меня были родные и дом, куда я мог вернуться».

Так ли это? Конечно, «родные и дом» — «обстоятельство» серьезное. Но разве оно останавливало его в прошлом? Отнюдь. Значит, он изменился. Поменялось отношение к жизни. Пресловутая «житейская философия» стала иной — Джек уже не двигался по течению, как прежде, соглашаясь с тем, что предлагают ему ситуация и «друзья», а торил собственный курс. Пусть еще не осознанно, инстинктивно, но он уже не плыл на авось, а выбирал путь.

«Тайфун у берегов Японии»

и другие события: 1893—1894

Расставшись с друзьями, тонувшими в хмельном угаре, Джек направился в Окленд, в родительский дом. За те семь месяцев, что он провел в море, жизнь здесь изменилась мало. Родители, как и прежде, бедствовали, едва сводя концы с концами. Мать не работала, существовали на скудное жалованье Джона Лондона, подвизавшегося охранником в доках. Появление сына оказалось как нельзя кстати: его деньги помогли погасить самые насущные долги. На себя осталось совсем немного, а ведь он подросток, раздался в плечах, и надо было приодеться. Ирвинг Стоун сообщает: «Из денег, заработанных на «Софи Сазерленд», Джек... купил себе подержанную шляпу, пальто, фуфайку, две рубашки по сорок центов, две смены белья по пятьдесят». Трудно представить, чтобы биограф имел доступ к чекам на покупки, но сменить «гардероб» действительно было необходимо.

Разумеется, Джек возобновил прежние знакомства: накопленные впечатления требовали выплеска. Заведение Джонни Хейнгольда стояло на прежнем месте и не испытывало недостатка в посетителях. Но почти никого из прежних товарищей и собутыльников там уже не было. Большинство из тех, кого он знал, с кем дружил, соперничал и враждовал, ушли, по словам писателя, «по дороге смерти». Его друга Нельсона, как помним, застрелила полиция, «Француз» Фрэнк где-то скрывался, кто-то утонул, кто-то очутился в тюрьме, но большинство сгубил алкоголь.

«Мое увлечение Оклендским портом, — признавался Лондон, вспоминая о тех днях, — совсем прошло. Быт и нравы, царившие там, перестали меня привлекать. Пить и околачиваться без цели мне больше не хотелось».

Насколько можно судить по автобиографическим текстам писателя, в ту пору он собирался связать свою судьбу с морем и ни о каком ином деле для себя не помышлял. Однако «Софи Сазерленд» встала на ремонт, капитан, человек уже немолодой и нездоровый, решил выйти в отставку и окончательно «сойти на берег». В планах Лондона имелось намерение завербоваться на другую промысловую шхуну — «Мэри Томас», что и сделали некоторые из членов его прежней команды. Но опять же, по словам писателя^[76], он на шхуну опоздал, и она ушла в плавание без него. В этом был явный «перст судьбы» — обратно шхуна не вернулась, и никто никогда в дальнейшем ничего не слышал ни о судне, ни о его команде.

Впрочем, вполне может быть, что «опоздание» писатель и придумал: жене он изложил иную версию. Согласно ей он в самом деле собирался завербоваться на «Мэри Томас», но та должна была отправиться в очередное плавание только на следующий год — в январе 1894-го. Упомянувшийся выше некий Пит Холт обещал поговорить с капитаном, однако Лондон якобы решил податься в южные моря и отклонил предложение^[77].

Как бы там ни было, и «северный», и «южный» варианты требовали ожидания, а лишних средств в семье Лондонов никогда не водилось. Нужно было устраиваться на работу — хотя бы на несколько месяцев.

С работой было плохо. В 1893 году случилась биржевая паника, которая привела к началу серьезного затяжного экономического кризиса, охватившего все Соединенные Штаты. Прежде всего и самым пагубным образом кризис отразился на рынке труда: усилилась безработица, расценки на наемный труд резко упали. Единственное, что удалось найти, — работу на джутовой фабрике. Платили там десять центов в час — ровно

столько, сколько он получал еще подростком на консервной фабрике. Недавний матрос зарабатывал один доллар в день и на предприятии проводил по десять часов. Выходной был один — в воскресенье. Этот день принадлежал только ему и начинался обычно в Публичной библиотеке Окленда: Джек Лондон возобновил знакомство со своим «ангелом-хранителем» — Айной Кулбрит и погрузился в излюбленный мир — мир книг. Кулбрит с энтузиазмом и вниманием снабжала его новинками, тактично направляя и расширяя литературный кругозор своего подопечного. Читал он ежедневно, после работы. Бывало, глаза слипались от усталости, но он упрямо (и с интересом!) глотал том за томом.

По возвращении из плавания, по признанию Лондона, его «начали волновать неведомые склонности и молодые силы». В переводе на обычный язык причудливый эвфемизм означал лишь то, что молодого человека стали волновать особы противоположного пола. Что ж, в 17 лет это вполне естественно. Биографы писателя — от Чармиан Лондон до наших современников — с видимым удовольствием описывают его целомудренные отношения с таинственной рыжеволосой Хайди, «первой любовью» писателя. Ей было 16 лет, она носила «шотландский берет и длинную юбку, доходящую до края высоких шнурованных ботинок». А еще «у нее было тонкое овальное лицо, красивые карие глаза и нежный рот». Хотя любовь эта длилась год или около того, похоже, что влюбленные даже не целовались. Эти отношения могли бы показаться странными, ведь физическую сторону любви Лондон познал давно, в 15 лет. Но «физиологию» он, судя по всему, и не считал любовью. Тем более что благоговение перед Хайди не препятствовало ему время от времени (под настроение!) встречаться с разными Нелли, Долли и Кэтти. Причем известно, что предпочитал он девушек с ирландской кровью. У Лондона был приятель, которого звали Льюис Шатток, тот был опытным ловеласом и в свои экспедиции «по съему» брал и Джека. Биографы писателя и его роман «Мартин Иден» сохранили имя и облик одной из «подружек»: Лиззи Конолли. Судя по всему, девушка с таким именем реально существовала в жизни будущего писателя. Но если для Джека она была просто «подружкой», то Лиззи Конолли, похоже, питала к нему глубокие чувства — любила его. А вот он — нет.

В том же «Мартине Идене», если помнит читатель, находится и объяснение. Помните эту сцену: герой идет под ручку с Руфь Морз и встречает Лиззи? Его спутница сразу обращает внимание на ее удивительную красоту. «Если б эту девушку одеть как следует, — замечает Руфь, — и научить ее держаться, уверяю вас, она покорила бы всех мужчин

и вас в том числе, мистер Иден». А тот возражает: и осанка у нее не та, и взгляд излишне жесткий, и смелая слишком, и говорит неправильно. Да и вообще, почти неграмотна. И руки — израненные, неухоженные. А Идену нравятся другие: беззащитные, непрактичные и образованные. С красивыми руками. И чтобы говорили правильно — правильнее, чем говорит он. Чтобы красиво и умно размышляли об умных вещах. Вот в чем дело! Тогда, в 1893–1894 годах, он об этом еще наверняка не задумывался, а вот когда писал роман «Мартин Иден», эти мысли его посещали. Помните, после прогулки с Руфью: «Кто ты такой, Мартин Иден? — спрашивал он себя в тот вечер, вернувшись домой и глядя на себя в зеркало. Он глядел долго и с любопытством. — Кто ты и что ты? Где твое место? Твое место подле такой девушки, как Лиззи Конолли. Твое место среди миллионов людей труда, — там, где все вульгарно, грубо и некрасиво. Твое место в хлеву, на конюшне, среди грязи и навоза. <...> А ты смеешь совать нос в книги, слушать красивую музыку, любоваться прекрасными картинами, заботиться о своем языке, думать о том, о чем не думает никто из твоих товарищей, отмахиваться от Лиззи Конолли и любить девушку, которая неизмеримо далека от тебя и живет среди звезд!»^[78] Именно так: «среди звезд»! Эфемерные эти создания не едят, не пьют, не переваривают... всё у них возвышенно! Пленило недавнего моряка «скромное обаяние буржуазии». Точнее, юной и прекрасной ее части, не озабоченной необходимостью зарабатывать на жизнь, обладающей досугом, возможностью учиться, читать книги, вести возвышенные разговоры, заниматься благотворительностью. Таких он прежде не встречал и даже не догадывался, что они существуют. Впрочем, если вспомнить о миссис Кулбрит (которую величал «богиней»), всё же — встречал. Но явно не догадывался, что существуют и другие.

Судя по всему, этих «других» он впервые встретил в Союзе христианской молодежи. Хотя позднее об этом опыте он отзывался негативно и в одном из автобиографических текстов писал: «Однажды я забрел в Союз христианской молодежи. Там царил здоровый спортивный дух, но все это как-то отдавало детской. Мне было поздно включаться в такую жизнь. Я был не мальчик и не юноша, привык держать себя на равной ноге со взрослыми и, несмотря на юные годы, успел уже познакомиться со многими темными и страшными сторонами жизни. Молодые люди в Союзе христианской молодежи отнеслись ко мне как к человеку с другой планеты. Мы говорили на разных языках: благодаря жизненному опыту я чувствовал себя стариком по сравнению с ними. <...> Но это было бы еще полбеды, если бы я чувствовал духовную поддержку

со стороны моих новых знакомых. К сожалению, и этого не было: в книгах я тоже разбирался лучше, чем они. Их скудный практический багаж и столь же скудный интеллектуальный давали в сумме столь крупную отрицательную величину, что она перевешивала их моральные качества и успехи в области спорта. Одним словом, мне было неинтересно играть с «приготовишками»^[79].

Но слова эти были написаны почти 20 лет спустя. А тогда он смотрел на «приготовишек» явно по-другому. Они действительно казались существами «с другой планеты». И «планета» эта была куда чище и симпатичнее той, с которой прибыл он. И еще оказалось, что они совершенно нормальные, приятные люди. А девушки — красивые и чистые. И — что поразительно! — с ними можно было разговаривать. И даже... встречаться. Впрочем, «свою» Хайди он встретил в Армии спасения, — скорее всего, с подачи тех же «приготовишек».

В книге о муже миссис Чармиан Лондон утверждала, что в Союз молодежи он попал благодаря упоминавшемуся выше Льюису Шаттоку^[80]. Верится с трудом. Интерес последнего к девушкам был уж совсем не платоническим. Едва ли среди «молодых христианок» ему «обломилось» бы. Если, разумеется, того не интересовали и другие темы.

А вот для Джека Лондона общение с «инопланетянами» имело последствия. И не только в лице Хайди. Как бы скептически он впоследствии ни относился к «молодым христианам», люди они действительно были наивные, но образованные, вели озабоченные разговоры о положении вещей в общественном устройстве и прилагали усилия к тому, чтобы помочь обездоленным. Расслоение на богатых и бедных, явная несправедливость в распределении доходов — обо всем этом Лондон наверняка задумывался и прежде. Но вот масштаб проблемы осознал (или, точнее, начал осознавать), скорее всего, наблюдая за действиями добровольцев из Армии спасения и «молодых христиан», общаясь с ними. В конце концов, чтобы прорасти, зерна сначала должны быть брошены в почву.

В «Мартине Идене» Джек Лондон упоминает о некоем кружке «словоохотливых социалистов и философов», который собирался в городском парке Окленда. Герой романа, собственно, и начал приобщаться к социалистическим идеям, прислушиваясь к разглагольствованиям доморощенных философов. Путь Лондона к размышлениям о мироустройстве был поизвилистее, но начался, похоже, именно с общения с «инопланетянами». Во всяком случае, понимание недостаточности

собственного образования и острое желание переместиться в иной социальный слой, повыше, — возникло впервые, судя по всему, именно там и тогда. Вряд ли, конечно, намерения эти сразу приобрели четкие очертания цели. Появился и еще один фактор, который подтолкнул молодого человека в этом направлении. А вот он связан был уже с литературой и, по сути, знаменовал появление писателя по имени «Джек Лондон». Хотя свой первый опубликованный текст он подписал немного по-другому.

В биографиях Лондона, как уже говорилось, много разночтений. Но по поводу первой публикации их нет: факты и обстоятельства хорошо известны. Мать писателя, несмотря на все невзгоды и перемены, продолжала оставаться общественно активным человеком, интересовалась тем, что происходит в мире, стране, штате, читала газеты. И вот однажды вечером, когда Джек вернулся с работы, она зашла к нему в комнату с газетой в руках. Это был очередной выпуск «Утреннего призыва», выходившего в Сан-Франциско^[81]. Там было опубликовано известие о конкурсе на лучший художественный очерк^[82], объявленном газетой. Мать предложила сыну в нем поучаствовать. Поначалу он воспринял идею без энтузиазма. Ссылаясь на то, что очень устает на работе, у него нет ни сил, ни времени. А еще говорил, что ему не о чем, собственно, и рассказать. Мать возражала: «Но ты столько видел... Почему не описать что-нибудь, что ты делал или видел в Японии, на море... Ты так об этом рассказывал...» И Джек согласился попробовать.

Даже много лет спустя, будучи всемирно известным писателем, он хорошо помнил то событие, которое описал в очерке «О себе»: «Сан-францисская газета «Колл» назначила премию за очерк. Мать уговаривала меня рискнуть, я так и сделал и написал очерк под названием «Тайфун у берегов Японии». Очень усталый и сонный, зная, что завтра в половине пятого надо быть уже на ногах, я в полночь принялся за очерк и писал, не отрываясь, пока не написал две тысячи слов — предельный размер очерка, — но тему свою я развил лишь наполовину. На следующую ночь я, такой же усталый и сонный, опять сел за работу и написал еще две тысячи слов, в третью ночь я лишь сокращал и вычеркивал, добиваясь того, чтобы мое сочинение соответствовало условиям конкурса»^[83].

Можно представить эмоции Лондона, когда очерк напечатали и объявили результаты конкурса: он получил первую премию; вторую и третью дали студентам Стэнфордского и Калифорнийского университетов в Беркли!

Позднее выяснилось, что первое место ему присудили все пять членов жюри единогласно. В решении, опубликованном в газете, среди прочего были и такие слова: «Самое поразительное — масштабность, глубина проникновения и выразительность, которые отличают молодого автора».

Очерк, правда, подвергся редакторской правке: настоящее время заменили на прошедшее, вычеркнули часть эпитетов, сократили некоторое количество прилагательных. Но что за беда! Это был, конечно, настоящий личный триумф!

Газета с очерком вышла 12 ноября 1893 года. Этот день, пожалуй, и следуют считать днем рождения писателя Джека Лондона. Хотя вот что интересно: свою рукопись юноша подписал «Джон Лондон». Под этим именем «Тайфун у берегов Японии» и появился на страницах «Утреннего призыва».

Чармиан Лондон (разумеется, со слов мужа) свидетельствовала: особенное впечатление этот успех произвел на отчима. Он «купил все номера газеты, которые только смог раздобыть, и потом с гордостью дарил их своим друзьям»^[84]. Ликовала и Флора: в конце концов, это была ее затея. И если бы не ее настойчивость, ничего этого не случилось бы.

В упоминавшемся автобиографическом очерке Лондон писал: «Успех на конкурсе газеты «Колл» заставил меня подумать о том, чтобы всерьез взяться за перо, но я был еще слишком неугомонен, меня все куда-то тянуло, и литературные занятия я откладывал на будущее».

Это лукавство. В «Мартине Идене» Лондон описывает «творческую лихорадку», охватившую главного героя, бессонные ночи, посвященные сочинительству, его «литературное исступление». Разумеется, описанное в романе — преображенный опыт. Но это личный опыт самого Джека Лондона, вкушившего первый успех на писательском поприще. Что-то подобное наверняка с ним происходило. Сам он упоминает только об «одной статейке, сочиненной тогда для «Колл» и отвергнутой газетой». Скорее всего, это был очерк «В бухте Йеддо» или, возможно, другой очерк — «Острова Бонин». Но, очевидно, «одной статейкой» он не ограничился. В конце концов, не сошелся свет клином на «Утреннем призыве». Да и беллетристика всё же не для газеты. Он должен был понять это быстро. Обложился литературными журналами, какие смог раздобыть, и принялся за дело...

Можно гадать, как долго продлился приступ «творческой лихорадки», но то, что он был — сомнений не вызывает. И вот почему. Матросом на «Софи Сазерленд» Джек получал 16 долларов в месяц. Выстаивая изнурительные вахты под дождем и снегом, валясь с ног от усталости и

постоянно рискуя жизнью. На джутовой фабрике ему платили 30 долларов в месяц. Рабочий день обычно длился 12–13 часов. И выжимал все силы без остатка. А за очерк Лондон получил 25 долларов. И писал его три дня, точнее, три ночи.

В «Мартине Идене» герой увлеченно рассказывает, сколько в журнале стоит рассказ, столбец текста, слово, сколько долларов может принести повесть; какие огромные деньги платят Киплингу за его истории... Считал слова в собственных сочинениях и прикидывал, как много заработает — 100 долларов, 200 или только 50... Материальные соображения зачастую играют не последнюю роль в начале творческих судеб. А уж в случае Джека Лондона в этом и сомневаться не приходится.

Важнее и, прямо скажем, — удивительнее, другое: несомненный талант, проявившийся уже в самом первом произведении молодого Лондона. Откуда он?

Биографы по этому поводу рассуждают много. Говорят, что еще ребенком он очень любил читать и слушать всякие истории и сам умел неплохо описывать то, что видел. Указывают, что очень рано — в 12 лет — ощутил настоящее желание писать и раньше — еще десятилетним выражал желание стать писателем. Вспоминают даже, что плохо вел себя на уроках пения, а потому школьный директор приказал ему писать сочинения, когда другие поют, и именно это «дало ему бесценный опыт». Более того, в заслугу ставят и бессистемное чтение, и отсутствие приличного формального образования. Последнее обстоятельство якобы дало возможность «сохранить самобытность» и привило «художественную смелость». Что ж, наверняка в каждом из этих суждений есть рациональное зерно. Но ответа на вопрос они не содержат. Нет ответа, разумеется, и у нас.

Впрочем, первая, даже талантливая и неординарная публикация, как правило, не влечет за собой широкого признания. Так и у Джека Лондона — впереди был еще очень долгий и непростой путь.

Глава 3

ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ

Хобо: 1894

Воодушевление, вызванное публикацией «Тайфуна у берегов Японии», не продлилось долго. Без «обратной связи» писательский запал быстро угасает. А связь эта отсутствовала. Тексты, сочиненные Джеком Лондоном по горячим следам триумфа, были разосланы в редакции нескольких калифорнийских газет и журналов, но реакции ни из одной не последовало. Осталась только запись в книжке расходов, которую вел тогда Джек, — об ассигнованных на конверты и марки 30 центах.

Едва ли сохранились сведения о том, на что были потрачены премиальные 25 долларов. Но «растворились» они быстро, в чем сомневаться не приходится: жили Лондоны трудно. В принципе, они могли бы сводить концы с концами и сносно жить на то, что зарабатывали мужчины. Если бы финансами управлял кто-нибудь из них. Но этим в семье всегда занималась Флора, а она, судя по всему, органически не умела быть рачительной хозяйкой.

Джек трудился на джутовой фабрике, но тяготился своим положением. Условия там были еще хуже, чем в свое время на консервном предприятии. Постоянный оглушительный шум, затхлый, спертый воздух, в котором густо висела пыль, летали волокна. Когда он поступал на фабрику, управляющий обещал повысить ему зарплату до 1 доллара 25 центов в день, но минуло несколько месяцев, а жалованье так и не подняли. Зато увеличили на два часа продолжительность рабочего дня. В новом, 1894 году Джек перестал посещать собрания «молодых христиан». По сведениям писателя Эптона Синклера, — в будущем друга Лондона, — в это время парень снова начал пить. Во всяком случае, об этом, со слов Джека, Синклер говорит в автобиографической книге «Чаша безумия»: «Когда приходил субботний вечер, он чувствовал себя вконец измотанным и хотел напиться». Впрочем, может быть, оговаривается Синклер, его друг имел в виду и более поздний период^[85]. Как бы там ни было, но похоже на то, что у Джека Лондона постепенно развивалась депрессия.

Однако стремление «выбиться в люди» не угасало. Тогда он еще не

помышлял всерьез об образовании. Во всяком случае, о высшем. В то же время Джек был человеком здравомыслящим и понимал, что для него «путь вверх» заключался в приобретении профессии: став специалистом и приобщившись к рабочей интеллигенции, он сможет нормально существовать и с оптимизмом смотреть в будущее.

В те годы, когда молодой Лондон жил в Окленде, город, несмотря на кризис, активно развивался: создавались новые производства, приезжали люди, строились дома, разрастались кварталы. Одной из проблем оставался транспорт, но и она решалась: в 1891 году запустили первую линию электрического трамвая, через два года еще одну. Они связали центр с рабочими районами, портом, железнодорожными мастерскими и депо. Дальнейшее расширение трамвайных линий было делом времени. Те, кто умел работать с электричеством, принадлежали к настоящей «рабочей аристократии». Спрос на них только рос. И Джек решил выучиться на электромонтера. Он ушел со своей джутовой фабрики и направился напрямик туда, где, как он считал, можно обзавестись специальностью — на электрическую станцию.

Конечно, теоретически он мог пойти учиться. Но, как сам признавался, «поступить в техническую школу... я не мог: денег у меня не было, а главное, я не испытывал должного почтения к храмам науки. Я считал себя практичным человеком, какие и нужны в этом практичном мире. К тому же я тогда еще верил в легенды, которые во времена моего детства в Америке всасывались с молоком матери. Мальчишка-лодочник сумел стать президентом Америки...».

На электрической станции, которая снабжала ток одну из линий городского трамвая, его очень доброжелательно принял сам директор. И воображение молодого Лондона уже рисовало чудесные картины: какую замечательную карьеру он сделает, как станет младшим, а затем и старшим компаньоном, а затем... женится на дочери хозяина! «Какие могут быть сомнения? — говорил он себе. — Все герои американских легенд добивались этого, едва отрастив усы!» А потому, зарабатывая расположение, сказал, что готов начать «с самого низа» и не боится самой тяжелой и грязной работы.

Никто и не собирался там его чему-нибудь учить. Капитализм (в каком бы обличье он ни выступал) интересуется только одним: максимальным извлечением прибыли. Рвение юноши оценили и отправили в кочегарку. Джек работал до полного изнеможения, пока через несколько недель не узнал, что работает за двоих: его предшественников уволили сразу после того, как он был взят в кочегарку. Каждый из них получал по 40 долларов в

месяц. Ему платили 30. Но не это заставило его бросить работу, а то, что один из уволенных кончил жизнь самоубийством (он узнал об этом через пару месяцев): ему нечем было кормить семью, а у него были жена и маленькие дети. И Джек Лондон ушел, хотя никаких иных перспектив в плане работы у него не было.

Попытки найти новое место для приложения своих сил успехом не увенчались. Впрочем, похоже, он не очень и стремился обрести новую «каторгу». Джек возобновил посещения Публичной библиотеки Окленда, но теперь читал уже не беллетристику, а книги посерьезнее. Среди них — «Происхождение видов» Ч. Дарвина, «Синтетическая философия» Г. Спенсера, труды К. Маркса и даже сочинения Ф. Ницше^[86]. Видимо, уже тогда его всерьез заинтересовали вопросы философии и устройства общества, он пытался понять истоки социальной несправедливости.

Однако в те весенние дни 1894 года его часто могли видеть и в оклендском порту. Судя по всему, он решил «лечь на другой галс» и уйти в море. Там, конечно, тоже была «каторга», но во всяком случае хлеб он ни у кого не отбирал. Да и новые впечатления... В жизни Джека Лондона они много значили.

Как помним, по возвращении из плавания на «Софи Сазерленд» у Джека имелись планы отправиться в очередную экспедицию за котиками, и он даже присмотрел судно — шхуну «Мэри Томас». Но та бесследно исчезла в просторах Тихого океана. В декабре, когда обычно формируются экипажи промысловых судов, у него были иные планы. Рутинная грузовой судна, которое движется по строгому маршруту, его, видимо, не слишком привлекала. Он хотел чего-то особенного и мечтал отправиться в южные моря. Но в апреле его «повестка дня» резко поменялась: он присоединился к «армии Келли».

Здесь необходимы некоторые пояснения — почему он к ней присоединился, и что это вообще была за «армия».

В 1894 году кризис, вызванный биржевой паникой предыдущего года, достиг апогея. На производстве резко — примерно на 20 процентов — упали расценки труда, каждый пятый в стране лишился работы. На исходе 1893-го безработных было около двух миллионов, а к концу весны 1894-го их количество уже перевалило за три миллиона. Неработающие наводняли промышленные центры страны, очень много их было и на западе, в Калифорнии.

Нельзя сказать, что американское общество безучастно смотрело на обездоленных, на происходившие процессы. Проблему широко обсуждали в прессе, в Сенате и Конгрессе шли дискуссии. Но толку от них было мало.

Хотя в Америке и тогда доминировали две партии: республиканцы и демократы, но, как и сейчас, имелись немалые силы, страстно желающие подвинуть «слонов» и «ослов». На фоне кризиса большое влияние получила так называемая Популистская, или Народная партия (*People's Party*), ее функционеры прошли в Сенат и в Конгресс, проявляли президентские амбиции. Одна из идей партии — возврат к «гринбеку», то есть к дешевой валюте. В свое время она помогла северянам выиграть войну и провести Реконструкцию Юга. Не обеспеченные золотом «дешевые» деньги подвержены инфляции, но с их помощью можно ограничить власть частного капитала, усилить роль государства и, таким образом, позаботиться об обездоленных. В частности, запустить большие национальные проекты, дав людям работу. Одним из идеологов такой программы был Дж. Кокси^[87], бизнесмен из города Мэссилон, штат Огайо (родного, кстати, города Флоры Лондон). Человеком он был энергичным, прирожденным политиком (всю свою долгую жизнь сочетал с политикой бизнес). Он написал законопроект и представил его в Вашингтон. Чтобы покончить с безработицей и вывести страну из экономического кризиса, Кокси предложил программу строительства дорог. Для этого Конгресс должен был выделить 500 миллионов «бумажных» долларов и каждый месяц тратить 20 миллионов на строительство шоссейных дорог. Рабочих должны были набрать из безработных и платить им по полтора доллара в час при восьмичасовом рабочем дне. Таким образом, считал Кокси, кризис будет преодолен и снята социальная напряженность в обществе.

Современному читателю, знакомому с работами Дж. Кейнса (или даже в самых общих чертах — с теорией знаменитого британского экономиста), идея Кокси не покажется революционной. Во всяком случае, Ф. Д. Рузвельт справился с Великой депрессией сходным образом. Избранный рейхсканцлером Германии А. Гитлер в 1933 году пошел тем же путем — стал строить автобаны. Да и Европа после Второй мировой войны жила во многом по таким принципам. Но для того времени, о котором речь, подобные прожекты были еретическими. Однако проект Кокси поддержали лидеры Американской федерации труда (АФТ), а это была реальная сила^[88]. При поддержке профсоюзов Кокси организовал марш безработных на Вашингтон, чтобы пролоббировать билль (а проще говоря, законопроект, внесенный на рассмотрение парламента). По всей стране были созданы комитеты, формирующие «батальоны» безработных для «армии» Кокси. В Калифорнии во главе такого «батальона» стоял рабочий типографии Чарлз Келли. «Подразделение», которое он набирал, получило название «Армия

Келли».

Местные власти в планируемом марше углядели возможность избавиться от своих самых буйных политических активистов и, разумеется негласно, поддержали «рекрутский» набор. Мэр Сан-Франциско, например, оплатил проезд шестисот «солдат» на пароме — только бы те убрались из города. Имелась поддержка и со стороны властей Окленда: они выделили место для сбора безработных, снабжали «солдат» водой и продовольствием. Не осталось в стороне и руководство железной дороги: оно пообещало сформировать состав и бесплатно перевезти «Армию Келли». Старт был назначен на восемь часов утра 6 апреля.

Судя по всему, Джек Лондон решил прибиться к «Армии» главным образом из любопытства — все-таки приключение, а главное, впечатления. Да и понимал, что без работы он — серьезная обуза для семьи, и так едва сводившей концы с концами. Разделял ли он идеи Кокси? Сказать трудно, но то, что он познакомился с ними (тогда или позднее), — очевидно. Во всяком случае, «олигархия» в его утопии «Железная пята» (1908) держит в узде трудящихся почти по рецептам Кокси (и Кейнса!).

Лондон не был, конечно, рабочим активистом, а потому в «армейской» среде знакомств не имел. Но в путешествие он собрался отправиться не в одиночку, а в компании с неким Фрэнком Дэвисом, судя по всему, его ровесником. Знали о планах Джека и родственники. Ночь перед отъездом он провел в доме Элизы Шепард, сводной сестры. Та, как известно, питала к брату почти материнские чувства (ведь она по сути и заменила ему мать!) и не могла отпустить его в дорогу с пустыми карманами — дала брату десять долларов. Похоже, это были единственные деньги, которыми он располагал.

В семь утра Джек и Фрэнк Дэвис были на условленном месте сбора, но... «Армии» там уже не было. Все две тысячи безработных покинули Окленд на два часа раньше — в пять. Их отъезду предшествовала целая история, в которую Джек, из-за отсутствия в лагере, посвящен не был. Суть ее такова. «Генерал» Келли был уверен, что его «Армию» отправят в нормальных пассажирских вагонах. «Сауферн Пасифик» (железнодорожная компания) полагала иное. В день накануне отъезда стало известно, что для поездки приготовлен товарный состав. Келли возмутился. Его арестовали полицейские и отвели в участок. В два часа ночи следующего дня железнодорожники подогнали состав и начали погрузку. Когда всё было готово, привезли Келли, сунули в вагон и дали сигнал к отправке. «Армия» двинулась в путь.

Расспросив на месте, что и к чему, опоздавшие решили догнать

эшелон и рассудили, что без труда сделают это на узловой станции — Сакраменто. Недолго думая Джек разменял золотой «игл»^[89] Элизы — на билеты в поезд. Но в Сакраменто эшелон они не застали — он проследовал дальше, в Огден, штат Юта. Там заканчивались пути Южной Тихоокеанской (*Southern Pacific*) и начинались владения Центральной Тихоокеанской компании (*Central Pacific*). В Огдене, посчитали компаньоны, «армейцы» задержатся — туда должны были подтянуться другие «подразделения» с Запада. До Огдена путь был неблизкий, денег, оставшихся от «золотого», не хватило бы не то что на два, но даже на один билет. Джек с Фрэнком дальше решили ехать «зайцами». Этот способ передвижения Лондон неплохо изучил, общаясь с «детьми дороги» в окрестностях Бениции. Впоследствии, сочиняя книгу автобиографических рассказов и очерков «Дорога», писатель довольно подробно описал это рискованное дело.

Что же удивительного в том, что пути товарищей разошлись: Дэвису удалось вскочить на площадку одного из вагонов проходящего трансконтинентального экспресса, а Лондону нет. Они договорились встретиться в Рено, на границе Калифорнии и Невады, но нашли друг друга почти на 200 миль восточнее, на станции Уиннемакка, уже в самом сердце «серебряного штата».

Это было опасное и очень тяжелое путешествие. Поэтому не стоит удивляться тому, что Фрэнк Дэвис решил не испытывать дальше судьбу, а вернуться домой. Джек продолжил путешествие. Впрочем, как можно понять из тех эпизодов, которые он впоследствии живописал в «Дороге», путешествовал он не один, а в компании с такими же отставшими «армейцами», а то и просто бродягами, которых в Америке называют «хобо». Да и сам он всё больше походил на бродягу: загорел, исхудал, одежда его истрепалась, лицо обветрилось и закоптилось паровозной сажей, в глазах горел голод.

В Огдене «Армию Келли» Джек тоже не застал и отправился дальше. На одном из перегонов с ним произошел опасный инцидент: он вскочил на площадку почтового вагона, а тот находился недалеко от паровоза, из трубы которого густо летели искры. Поскольку Джек устал, то, растянувшись на площадке, сразу уснул, а проснулся от запаха гари: горела его одежда — искры попали на ткань, сильный ветер раздувал тление, превращая его в открытый огонь. Джек не сгорел, но лишился пальто и пиджака, которые вынужден был сбросить. Тем самым ситуация изрядно осложнилась: на Дальнем Западе США весна — отнюдь не теплое время года. Да еще в горах, где в основном пролегал маршрут, да на открытой всем ветрам

площадке вагона. Чудо, что Лондон не только не замерз, но даже не заболел. Кор-милея он тем, что мог раздобыть у местных жителей, иногда его угощали в салунах при станции. Вот, например, что он записывает в местечке Рок Спрингс в Вайоминге: «Я зашел в салун, чтобы помыться теплой водой и выпить стакан пива. Эти слова я пишу, находясь в салуне. Похоже на то, что это и есть самый настоящий запад во всей его прелести и дикости... В настоящий момент два ковбоя выясняют отношения: похоже, здесь произойдет убийство. Один ростом в 6 футов 4 дюйма, другой разве что на чуток пониже»^[90].

Впечатления... Для Джека они много значили. Собственно, ради впечатлений он прежде всего и отправился в дорогу — едва ли он глубоко проникся идеями Кокси и требованиями безработных, хотя, безусловно, последним сочувствовал.

Показательно, что специально для путешествия он завел записную книжку, куда по горячим следам заносил собственные впечатления, детали быта, происшествия и т. п. Зачем он это делал? Неужели уже тогда видел себя писателем и рассчитывал позднее использовать заметки? Едва ли, думается, он делал это осознанно, скорее — инстинктивно. Но этот инстинкт выдавал в нем художника. Кстати, приведенные выше слова о салуне как раз из этой самой записной книжки. Он действительно использовал записи из нее, когда в 1907–1908 годах писал очерки для книги «Дорога».

«Армию Келли» Джек нагнал, перебираясь через Скалистые горы: он запрыгнул в поезд и обнаружил в вагоне два десятка человек. От них узнал, что они — арьергард «Армии», несколько десятков их товарищей находились в других вагонах состава. Это произошло почти через две недели после отъезда из Окленда. Арьергард воссоединился с воинством несколько дней спустя — в городке под названием Гранд Айленд в Небраске. Оттуда их путь лежал в город Кирни, а затем в Де Мойн, уже в Айове. Здесь, на Среднем Западе, отношение к «Армии» было уже иным. Если на Западе железнодорожные компании предоставляли им подвижной состав, то местные — саботировали. Путь до Де Мойна в Айове «армейцам» пришлось преодолевать пешком.

В очерке «Две тысячи бродяг», вошедшем в книгу «Дорога», Лондон вспоминал, как они двинулись в путь: «Это было внушительное зрелище. Генерал Келли восседал на великолепном черном боевом коне, и с развевающимися знаменами, под звуки военного марша, исполняемого соединением флейтистов и барабанщиков, отряд за отрядом, двумя дивизиями, две тысячи хобо маршировали перед ним и двинулись по

проселочной дороге...»

Надо сказать, формально Джек Лондон не мог присоединиться к «воинству», потому что в ряды армии безработных зачисляли только тех, кто достиг возраста двадцати лет, а ему недавно исполнилось всего восемнадцать. Но он был рослым, крепким и потому без труда обманул тех, кто ведал зачислением, сказав, что ему двадцать, и его зачислили. «Будучи последним рекрутом, — вспоминал он, — я попал в последнее отделение последнего полка Второй дивизии и, мало того, в последний ряд арьергарда». В этом не было ничего удивительного, ведь он одним из последних присоединился к «Армии».

Несколько десятков километров пришлось пройти пешком. Опытных путешественников среди безработных не было, очень скоро большинство выбилось из сил и сбило ноги в кровь. Вступая в Де Мойн, «Армия» представляла жалкое зрелище. Стало ясно, что пеший путь не может быть продолжен. Келли попытался договориться с железнодорожной компанией о перевозке людей дальше на восток, но те отказали. Безработные пытались захватить поезд, но руководство железнодорожников, предвидя такой оборот событий, эвакуировало подвижной состав. Население города относилось к безработным в основном сочувственно. «По вечерам местное население заполняло наш лагерь, — вспоминал писатель в одном из очерков «Дороги». — Каждая рота разводила свой костер, и у каждого костра что-нибудь происходило. Повара моей роты были мастерами пения и танцев и организовывали для нас большинство зрелищ. В другом конце лагеря веселый клуб обычно затягивал песню... В добавление к развлечениям... постоянно производились богослужения; их совершали местные священники, и всегда в большом количестве произносились политические речи».

По мнению биографов, эти речи оказали важное влияние на Лондона. Р. Балтроп, например, утверждал, что именно тогда «Джек впервые услышал о социализме», здесь «ему растолковывали и обсуждали социалистические идеи». Что ж, это вполне возможно. Ведь те, кто окружал его, в большинстве своем были люди идейные, профсоюзные активисты, многие — члены АФТ, а в этой организации в то время социалистические идеи культивировались. «Их разговоры о книгах и социалистических теориях, — утверждал биограф-социалист, — помогли Джеку по-новому оценить свой труд на консервной фабрике и электростанции. Слушая, он осознавал, что положение рабочего класса — ловушка, из которой ему необходимо вырваться»^[91]. И этого исключать нельзя, тем более что зерна падали в благодатную почву — уж с чем-чем, а

с «положением рабочего класса» Джек на собственном опыте был знаком хорошо, даже слишком.

Тот же Балтроп полагал, что «идея «выживает сильнейший»... уже тогда утвердилась в сознании» будущего писателя^[92]. Его представление основывается на всё том же опыте Джека — опыте «солдата» «Армии Келли». Точнее сказать, не только «солдата», но и «матроса» этой «Армии». И вот почему. После безуспешных попыток выбраться из Де Мойна по железной дороге было принято решение выбираться водным путем. Город стоит на одноименной реке, которая через 300 миль впадает в главную реку Америки — Миссисипи. Решили обзавестись лодками, построить плоты и добраться до Миссисипи (оттуда планировалось доплыть до другого ее притока — реки Огайо, подняться по ней вверх, а там до Вашингтона — рукой подать).

Городские власти были только рады избавиться от оравы беспокойных безработных. Объявили подписку, собрали деньги, на них скупили все лодки, что можно было раздобыть в городе и окрест. Но речка Де Мойн — небольшая, и лодок оказалось совсем немного. Потому закупили материалы — лес, паклю, гвозди, скобы и т. п., соорудили плоты, на которых 9 мая 1894 года двинулись в путь. А теперь пора предоставить слово самому Лондону. Тем более что «во время путешествия, — вспоминал он, — я иногда вел записи в дневнике, и когда я перечитываю их теперь, мне попадается одна настойчиво повторяющаяся фраза, а именно: «Живем чудесно». Мы действительно жили чудесно».

Разумеется, «согласно диспозиции» лодка Лондона оказалась в арьергарде. Но во время плавания военный строй был, естественно, нарушен. Наш герой, в отличие от остальных, обладал опытом плаваний, да и по натуре был лидером. К тому же и «команда» подобралась под стать. С иронией Джек Лондон вспоминал:

«В любой компании людей всегда есть определенный процент симулянтов, недотеп, прожженных дельцов и обыкновенных смертных. В моей лодке было десять человек, и это были сливки отделения «Л». Каждый был дельцом. Я был включен в эту десятку по двум причинам. Во-первых, я был мастер в любое время достать провизию, и, во-вторых, я был «Джек-Матрос». Я понимал толк в лодках и в морском деле. Наша десятка забыла о существовании остальных сорока человек отделения «Л», и когда мы не получили первого обеда, то забыли и о провиантской лодке. Мы ни от кого не зависели. Мы двигались вниз по реке сами по себе, прокладывая путь на нашей «скорлупке», обгоняя все лодки нашей флотилии, и, увы, я должен признаться, иногда присваивая себе продукты, заготовленные

фермерами для всей армии. На протяжении большей части трехсотмильного пути мы перегнали армию на сутки или полсуток. Нам удалось раздобыть несколько национальных американских флагов. Когда мы подплывали к небольшому городку или группе фермеров, собравшихся на берегу, мы поднимали наши флаги и, назвавшись флагманом флотилии, настойчиво допытывались, какая провизия заготовлена для армии. Мы, разумеется, представляли армию, и провизию приносили нам. Но в этом с нашей стороны не было никакой низости. Мы никогда не брали больше, чем могли взять с собой. Но мы брали всё самое лучшее. Например, если какой-нибудь филантропически настроенный фермер жертвовал на несколько долларов табаку, мы его брали себе. Мы также забирали сахар и масло, кофе и консервы, но когда запасы состояли из мешков муки, или бобов, или из двух-трех окровавленных воловьих туш, мы от них решительно отказывались и продолжали свой путь, распорядившись погрузить всю эту провизию на интендантские лодки, которые обязаны были следовать за нами. Боже, наша десятка как сыр в масле каталась! Генерал Келли долго и безрезультатно пытался перегнать нас. Он послал двух гребцов в легкой лодчонке с выгнутым дном, чтобы они настигли нас и положили конец нашей пиратской деятельности. Они действительно нас догнали, но их было двое, а нас — десять. Генерал Келли уполномочил их арестовать нас, и они нам об этом сказали. Когда мы выразили нежелание стать узниками, они спешно направились вперед, к близлежащему городу, чтобы просить власти о помощи. Мы немедленно сошли на берег, приготовили ранний ужин, а потом под прикрытием темноты проскочили мимо города и его властей».

Лондон признавался: «Пока мы плыли впереди, снимая сливки... основная армия, двигаясь между нами, голодала». Разумеется, он соглашался, что «для армии это было тяжело, но, в конце концов, мы, десять человек, были индивидуалистами. Мы были изобретательны и предприимчивы. Мы были твердо убеждены, что еда принадлежит тому, кто первый ее берет... и достается сильнейшим»^[93].

На основании этих слов Балтроп, видимо, и сделал вывод о том, что «идея «выживает сильнейший»... уже тогда утвердилась в сознании Лондона». Конечно, тогда происходило активное формирование жизненной позиции писателя, его мировоззрения, взглядов. Но очень многое было еще впереди: разговоры, общение, определенная среда, усиленное самообразование и книги, книги, книги... Да и один из важнейших уроков жизни — «северная одиссея» — еще только предстоял. Нельзя забывать и о том, что текст, откуда взяты процитированные выше слова, написан

Лондоном в конце 1900-х, когда очень многое было позади. Да и философия жизни писателя в основном уже сформировалась.

Лондон со своими товарищами добрался до Миссисипи, но до Огайо не доплыл и в Вашингтон с «армейцами» не попал. Трудности путешествия, отсутствие настоящего единства, мощной идеи, объединяющей «Армию», постепенно разлагали ее изнутри. Уже в Де Мойне понемногу началось дезертирство, по мере продвижения на юг оно усилилось. Оказавшись на просторах великой американской реки, «Армия» стала испытывать серьезный недостаток продовольствия. 24 мая 1894 года Лондон записал в дневнике: «Мы легли спать без ужина. Я собираюсь выйти из игры. Голода я вынести не могу»^[94]. За несколько дней до этого он получил письмо от матери — та сообщала, что написала о нем сестре в Мичиган, и родственники будут рады принять его у себя, а также о переводе в пять долларов, которые ожидают его в Чикаго. На следующий день в компании нескольких беглецов Джек сошел на берег в Ганнибале, штат Миссури. Там они отправились на станцию и забрались в товарняк, следующий в Чикаго.

Не стоит, однако, упрекать Лондона в дезертирстве. Он ведь не был «идейным борцом» и в «Армии» оказался, в общем-то, случайно. Некоторые биографы утверждают, что «его манило вольное житье детей дороги», из-за чего он якобы и дезертировал. Едва ли это утверждение справедливо: по характеру Джек вовсе не был бродягой, хотя новые впечатления его всегда манили, потому он, собственно, и пристал к «Армии». А дезертирство... Да просто надоела ему эта игра, он устал. Так что письмо подоспело вовремя, да и пять долларов, ожидающие его в Чикаго, грели душу.

В город он прибыл утром 29 мая. Добирался в вагоне, предназначенном для перевозки скота. Можно представить, как он выглядел! Да и вообще в путешествии с «Армией» Джек изрядно поизносился. Естественно, первым делом отправился на почту за пятью долларами, оттуда — в лавку, торгующую поношенной одеждой. Там, по словам самого Джека, обзавелся не новыми, но чистыми «ботинками, пальто и шляпой, купил пару брюк и рубашку»^[95]. Там же и переоделся. Потом походил по городу в поисках отделения «Армии спасения», отыскав, заплатил 15 центов за койку в общежитии и завалился отсыпаться. Следующий день посвятил осмотру города, поглазел на комплекс, возведенный к проходившей здесь в прошлом году Всемирной выставке, и снова отправился спать за те же 15 центов — все-таки он сильно устал.

А потом двинулся дальше. Путь его лежал в городок Сент-Джозеф или «Сент-Джо», как по-свойски называют его местные. Этот весьма необычный городок расположен в 100 с небольшим километрах от Чикаго в устье реки Сент-Джозеф, на южном берегу. А на северном берегу стоит его городок-близнец, Бентон-Харбор. По размеру они примерно одинаковы, но в первом девяносто с лишним процентов жителей белые, а во втором наоборот — белых едва ли наберется и пять процентов.

В Сент-Джо обитала тогда одна из сестер матери — «тетушка Мэри» — с сыновьями Гарри и Эрни. Встретили его по-родственному. Гарри вспоминал: «Джек объявился в Сент-Джо в довольно потрепанном виде, но в отличном настроении и здоровый; было заметно, то, что с ним происходило, весьма ему нравится... Мама встретила его радушно и была рада, что он приехал. Она сразу же потащила его в город и там его придела, а потом устроила вечеринку, пригласив несколько знакомых его возраста или чуть постарше»^[96].

Похоже, в отличие от матери Гарри и Эрни не испытывали особого восторга по отношению к обретенному внезапно родственнику. Им претило, что этот, по их воспоминаниям, неотесанный, дурно воспитанный и громкоголосый нахал оказался вдруг в центре всеобщего внимания. Да и истории, которые он им (и не только им) рассказывал, были, по их мнению, сомнительного свойства: мало того что братец явно привирал, так еще и в моральном смысле истории были небезупречны. Тем более что среди них звучали и рассказы о женщинах. «Буржуазных» подростков это смущало. К тому же двоюродный брат был их старше и принадлежал к «людям дна». Таким они его воспринимали. Вполне может быть, что Джек чувствовал, прохладное отношение со стороны обретенных братьев. Впрочем, впоследствии это не помешало ему надеть героя «Железной пяты» звучным именем Эрнест и дать ему фамилию Эвергард — ту, которую носили его тетя и ее «буржуазные» дети.

«Вакации» продлились несколько недель. Похоже на то, что и известие о бесславном финале «марша безработных» достигло Джека в Сент-Джо. Кокси не удалось передать петицию президенту. Его арестовали за то, что он «топчет лужайку» у Белого дома. Арестовали и его сподвижников — тех немногих, кто добрался до Вашингтона. «Армия Келли» вообще опоздала присоединиться к основному ядру безработных. Да и осталось их совсем немного — едва ли больше двух-трех сотен. Их тоже арестовали и «наградили» тюремными сроками за бродяжничество.

Трудно сказать, какие чувства испытал Лондон при этом известии о своих недавних товарищах. Но уж, конечно, не злорадство. Скорее всего,

увидел в бесславном финале очередное проявление пресловутого «закона жизни», с которым за время скитаний сталкивался не раз: «побеждает сильнейший». Конечно, до полного усвоения этого «закона» ему предстояло пройти долгий путь, который лежал через тюремное заключение, Аляску и Клондайк. Но о том, что Джек уже стоял на этом пути, свидетельствуют его дневниковые записи, которые он вел в путешествии.

«Армия Кокси» потерпела поражение. Тем не менее Джек отправился в Вашингтон. Конечно, не потому, что надеялся поучаствовать в какой-нибудь акции протеста. Скорее, ему было любопытно увидеть столицу государства. Но особенно поглазеть на столичную жизнь не удалось. Видимо, в связи с недавними событиями полицейский контроль был усилен, и «копы» с большим подозрением относились к праздно шатающимся субъектам пролетарской наружности. Джека вроде бы даже хотели арестовать, но юноша умудрился ускользнуть от преследователей и забраться в «Пенсильвания-экспресс» («зайцем», разумеется), который примчал его в Балтимор. Оттуда его путь лежал в НьюЙорк. Разумеется, он не мог миновать самый большой город США. Но и здесь, по свидетельству Чармиан Лондон (а она ссылается на мужа), у него вышли «неприятности с полицией», и «визит» получился скомканным^[97].

Из Нью-Йорка Джек Лондон отправился в Бостон, оттуда в Канаду — сначала в Монреаль, а затем в Оттаву. Передвигался он только по железной дороге, на товарных поездах, «закинув ноги» («термин» этот понятен всем хобо и означает «заскочить на поезд», «прокатиться бесплатно» — на тормозной площадке, на крыше, в угольном ящике, зацепившись под вагоном и т. п.). Поездки эти были очень опасны, но и поучительны — прежде всего из-за встреч. Кого он только не встречал в пути, с кем только не общался! Конечно, в основном его случайными спутниками оказывались деклассированные типажи — настоящие бродяги, пьяницы и преступники. Но попадались и «идейные», а среди них очень образованные и весьма интересные персонажи. В Балтиморе случай свел его с Фрэнком Строн-Гамильтоном, «бродягой, гением и социалистом». Его рассуждения о классовой природе общества и классовом антагонизме произвели на Джека большое впечатление. С ним он позднее встретится, уже в Калифорнии.

Однако, похоже, самое сильное влияние на взгляды Джека оказали два дня, проведенные с неким человеком в Бостоне. Лондон не называет его имени (вероятно, забыл), но очевидно, что тот поразил его воображение. «Он был бродягой, — ссылаясь на воспоминания мужа, пишет Чармиан Лондон, — но был человеком незаурядным. Очень скоро Джек выяснил,

что под лохмотьями скрывается выдающийся интеллект. Два дня они провели вместе в дискуссиях о Канте и Спенсере, об идеях Карла Маркса и немецких экономистов...» Разумеется, рассуждал главным образом собеседник Лондона, а тот был восторженным слушателем. «Излишне говорить о моей радости, — вспоминал писатель, — меня переполняли свежие идеи, передо мной открывались совершенно новые горизонты... Оказывается, он даже читал статьи Мак Ивена в «Сан-Франциско ньюс леттер», и это особенно согрело мне душу. Он обладал потрясающей свободой духа, никакие предрассудки не сковывали его мысль, он препарировал общественные пороки и указывал пути их исправления. Для меня его слова были настоящей школой по ликвидации безграмотности»^[98].

Вместе с тем важны для Джека были не только встречи с теми, кто растолковывал ему Маркса и Спенсера, знакомил с социалистическими идеями, но и сам опыт скитаний, точнее — их изнанка. «Я был бродягой, — вспоминал он, — и, находясь за сценой или, вернее, под сценой, не играл никакой роли в жизни американского общества. Зато снизу было виднее, как действуют механизмы, приводящие в движение колеса общественной машины».

Джек Лондон так никогда и не написал книгу, в которой рассказал бы всю правду о том, что видел. Очерки, вошедшие в «Дорогу», — это, разумеется, лишь малая часть того сокрушительного опыта, который он приобрел, скитаясь по стране. Рассказать «обо всем» у самого писателя, возможно, и хватило бы отваги, но такую книгу не приняли бы издатели, да и читатели (даже самые «прогрессивные»!) предпочитали не заглядывать «в бездну». Конечно, кое-что в «приключенческие истории» «Дороги» попало. Но вот что интересно: свою «Дорогу» Лондон посвятил Джосае Флинту^[99], который всю жизнь исследовал феномен бродяжничества и в конце XIX века опубликовал объемную книгу «Скитаясь с бродягами». Вот кто по-настоящему «заглянул в бездну» и рассказал о том, на что Лондон не решился. Хотя всё, о чем писал Флинт, ему, разумеется, было ведомо.

Книга Флинта давно стала «общественным достоянием»^[100], и желающие могут познакомиться с ней. Мир бродяг — жестокий, по сути своей «звериный» мир, там идет открытая, беспрестанная, циничная борьба за выживание и побеждает в этой борьбе сильнейший. Конечно, от крайних его проявлений судьба уберегла Лондона. Но к приятию упомянутого «закона жизни» опыт «Дороги» его, безусловно, подтолкнул. А уж месяц, проведенный в тюрьме, тем более.

В Америке того времени существовал закон о бродяжничестве, и полицейские власти довольно рьяно его исполняли. Бродяга в любой момент мог схлопотать тюремный срок. Скитаясь по северо-восточным штатам, Лондон постоянно рисковал попасть в лапы полиции, но судьба его миловала. До тех пор, пока он не решил полюбоваться на Ниагарский водопад и не приехал в городок под названием Ниагара-Фоллс.

«Я прибыл на Ниагарский водопад в «пульмановском вагоне с боковым входом» или, говоря общепринятым языком, в товарном, — вспоминал писатель. — Прибыл я под вечер и как вылез из товарного поезда, так прямо пошел к водопаду. Когда моим глазам открылось это чудо — эта масса низвергающейся воды, я пропал. Я уже не мог оторваться от него и упустил время, пока еще можно было «прощупать» кого-нибудь из «оседлых» (местных жителей) на предмет ужина. Даже «приглашение к столу» не могло бы отвлечь меня от этого зрелища. Наступила ночь — дивная лунная ночь, а я все сидел у водопада и очнулся только в двенадцатом часу».

Переночевав за городом, в поле, он решил еще разок взглянуть на водопад — так его заворожило удивительное зрелище.

«Было совсем рано, не больше пяти часов утра, — читаем в очерке «Сцапали!», вошедшем позднее в «Дорогу», — а раньше восьми нечего было и думать раздобыть завтрак. Я мог побыть у реки еще добрых три часа. Но, увы! Мне не суждено было больше увидеть ни реки, ни водопада! Город спал. Бредя пустынной улицей, я увидел, что навстречу мне по тротуару идут трое людей. Они шагали все в ряд. «Такие же бродяги, как я; и тоже встали спозаранку», — мелькнула у меня мысль. Но я несколько ошибся в своих предположениях. Я угадал только на шестьдесят шесть и две трети процента. По бокам шли действительно бродяги, но тот, кто шагал посередине, был отнюдь не бродяга. Я отступил на край тротуара, чтобы пропустить эту троицу мимо. Но они не прошли мимо. Идущий посередине что-то сказал, все трое остановились, и он обратился ко мне. Я мигом почувствовал опасность. Это был фараон, а двое бродяг — его пленники! Господин Закон проснулся и вышел на охоту за первой дичью. А я был этой дичью. Будь у меня тот опыт, который я приобрел несколько месяцев спустя, я тотчас повернул бы назад и бросился наутек. Фараон мог, конечно, выстрелить мне в спину, но ведь он мог и промахнуться, и тогда я был бы спасен. Он никогда не погнался бы за мной, ибо двое уже пойманных бродяг всегда лучше одного, удирающего во все лопатки. Но я, дурак, стал как вкопанный, когда он окликнул меня! Разговор у нас был короткий.

— В каком отеле остановился? — спросил он.

Тут он меня и «застукал». Ни в каком отеле я не останавливался и даже не мог назвать наугад какую-нибудь гостиницу, так как не знал ни одной из них. Да и слишком уж рано появился я на улице. Все говорило против меня.

— Я только что приехал! — объявил я.

— Ну, поворачивайся и ступай впереди, только не вздумай слишком спешить. Здесь кое-кто хочет повидаться с тобой.

Меня «сцапали»! Я сразу понял, кто это хочет со мной повидаться. Так я и зашагал — прямо в городскую тюрьму; двое бродяг и фараон шли за мной по пятам, и последний указывал дорогу»^[101].

Так Джек очутился сначала «в участке», а потом — после недолгой судебной процедуры, в результате которой был осужден на 30 дней, — в тюрьме.

Свой тюремный опыт — историю тридцатидневного пребывания в исправительной тюрьме округа Эри в городе Буффало — Лондон отразил в двух очерках «Дороги»: «Сцапали!» и «Исправительная тюрьма». И тот и другой с изрядной долей иронии воспроизводят этот опыт. Но пусть читателя не обманывает веселая интонация этих историй. Все-таки это беллетристика, и цель писателя — прежде всего развлечь читателя. Но, как автор ни пытается скрыть за напускной бравадой катастрофичность происходящего, ужас перед открывшейся бездной нет-нет да и прорывается. Лондон пытался показать (а может, и доказать!), что в его случае все шло и закончилось благополучно, хотя и замечал, что это скорее исключение из правил. Но как сложилось это «исключение»?

А вот как: после суда заключенных сковали попарно, погрузили на поезд и повезли в тюрьму. «Цепь была довольно длинная, — вспоминал писатель, — и мы со звоном и лязгом расселись попарно на скамьях вагона для курящих. Как ни горячо негодовал я по поводу издевательства, учиненного надо мною, всё же я был слишком практичен и благоразумен, чтобы терять из-за этого голову. Все было так ново для меня. А впереди еще целый месяц чего-то неизведанного... Я стал озираться кругом, ища кого-нибудь поопытнее меня. Я уже знал, что нас везут не в маленькую тюрьму с сотней арестантов, а в настоящий исправительный дом с двумя тысячами узников, заключенных на сроки от десяти дней до десяти лет. На скамейке позади меня сидел здоровенный, коренастый мужчина с могучими мускулами. На вид ему было лет тридцать пять-сорок. Я присмотрелся к нему. В выражении его глаз заметны были юмор и добродушие, в остальном он больше походил на животное, и можно было предположить, что он совершенно аморален и наделен звериной силой и

всеми звериными инстинктами. Но выражение его глаз — это веселое добродушие зверя, когда его не трогают, — искупало многое, во всяком случае для меня. Он был моей «находкой». Я «нацелился» на него. И покуда... поезд мчался в Буффало, я разговорился с этим человеком, сидевшим позади меня. Его трубка была пуста. Я набил ее табаком из моего драгоценного запаса, — этого табаку хватило бы на десяток папирос. Да что там, чем дольше мы с ним беседовали, тем больше я убеждался, что это действительно находка, и в конце концов разделил с ним весь мой табак. <...> Я поставил себе целью приноровиться к этому человеку, еще не подозревая даже, до чего удачен мой выбор».

И по водворении в тюрьму новый знакомец действительно помог: с его помощью юноша сохранил свои вещи, а затем (через два дня) был освобожден от общих работ и заделался «коридорным».

Товарищ Джека был явно «в авторитете» и, видимо, немало, раз сумел повернуть такое всего-то за пару дней. Что же это был за человек? Лондон рассказывал: «Он никогда не сидел в той «исправилке», куда нас везли, но успел отсидеть в других тюрьмах — где год, где два, а где и целых пять — и был начинен арестантской премудростью». То есть это был самый настоящий уголовник с богатым тюремным опытом, который не только знал все о тюрьме, но и жил по уголовным понятиям. Можно поверить в следующую фразу из очерка: «Мы довольно быстро освоились друг с другом, и сердце мое дрогнуло от радости, когда он посоветовал мне во всем его слушаться». Могло и «дрогнуть»... И вполне — «от радости». Несмотря на всю свою браваду, Джек был все-таки еще очень молод — как помним, ему не так давно исполнилось восемнадцать. Старая тюремная заповедь: «не верь, не бойся, не проси» — ему была, разумеется, неизвестна. «Он называл меня *малый*», ~ вспоминал Лондон. Вполне вероятно. Но — «и я называл его так же». А вот в это не верится. Не могло этого быть. Невозможно. И возникает вопрос: какие отношения связывали юношу со старым уголовником? Во-первых, очевидно, что Джек обратился за помощью к нему. Но сделал это не сразу. Сначала он взялся бунтовать: «На следующий день я обратился к надзирателю. Я потребовал адвоката. Надзиратель высмеял меня. Надо мной смеялись все, к кому бы я ни обращался. Фактически я был отрезан от мира. Я вздумал написать письмо, но узнал, что письма читаются, подвергаются цензуре или конфискуются тюремными властями и что «краткосрочникам» вообще не разрешено писать писем. Тогда я попробовал переслать письма тайком через заключенных, выходивших на волю, но узнал, что их обыскали, нашли мои письма и уничтожили». На это ушло, конечно, несколько дней.

«Но шли дни, и я мало-помалу «умнел», — сообщает Лондон. — Я собственными глазами увидел в этой «исправилке» вещи невероятные и чудовищные». О некоторых из них он поведал в очерке «Исправительная тюрьма». В результате: «Возмущение испарялось, а страх все глубже пускал корни в моей душе. Я присмирел, утихомирился и с каждым днем все более укреплялся в решении не поднимать шума, когда выйду на волю».

И тогда возникает другой вопрос: так все-таки был Лондон «коридорным» или не был? Если был — его неизбежно должны были связывать некие «особые отношения» со старым уголовником. Но что это за отношения? Напомним, как он его характеризовал: «...он больше походил на животное, <был> совершенно аморален и наделен звериной силой и всеми звериными инстинктами». Эндрю Синклер, один из биографов писателя, вскользь, но довольно прозрачно намекает, что Лондон, юноша внешне очень привлекательный, во время заключения вполне мог быть кем-то вроде Ганимеда при Зевсе^[102]. Трудно принять это. Может быть, Лондон все-таки выдумал, что был «коридорным», что был у него друг-уголовник? Но едва ли придумал это: «Единственное, чего мне теперь хотелось, — это смыться куда-нибудь подальше. Именно это я и сделал, когда меня освободили. Я придержал язык, ушел тихо и смиренно — умудренный опытом и покорный». В последнем абзаце «Исправительной тюрьмы» читаем: «Я и мой приятель вышли вместе и вместе направились в Буффало. Будем ли мы всегда вместе? В тот день мы вместе выпрашивали монетки на хлеб на «главном проспекте», и то, что мы получили, было истрачено <на пиво>... Я все время ждал удобного случая, чтобы улизнуть. От одного парня по дороге мне удалось узнать, в какое время проходит товарный поезд. В соответствии с этим я все рассчитал. В этот час я со своим приятелем сидел в салуне. Перед нами стояли две пенящиеся кружки. Мне очень хотелось с ним попрощаться. Он много для меня сделал. Но я не рискнул. Я вышел через черный ход и перемахнул через забор. Это было молниеносное бегство, и несколько минут спустя я был уже в товарном вагоне и мчался на юг по Западной Нью-Йоркско-Пенсильванской железной дороге»^[103].

Вот это последнее, — что после выхода из тюрьмы он в тот же день на товарняке убрался из Буффало восвояси, — известно достоверно.

Товарняк уносил Джека прочь из Штатов в Канаду. Через Канаду он вернется домой. Сознательно ли был выбран именно этот маршрут? Сказать трудно. Но если он хотел попасть на Запад быстрее, он поступил правильно. Судя по всему, он действительно хотел расстаться с бродяжьей жизнью поскорее.

Лондон никогда не скрывал, что скитания по Америке в роли хобо серьезно поменяли его представления о многих вещах. Прежде всего поменялось отношение к физическому труду. Полтора десятка лет спустя он вспоминал: «Мои скитания по Соединенным Штатам изменили во мне ряд былых представлений». И повторим: «Я был бродягой и, находясь за сценой или, вернее, под сценой, не играл никакой роли в жизни американского общества». Он «узнал, что физический труд вовсе не пользуется тем почетом, о котором разглагольствуют учителя, проповедники и политиканы. Люди без ремесла представляют собой жалкое, незащищенное стадо. Даже владеющие ремеслом должны состоять в профсоюзе, чтобы оградить свое право зарабатывать кусок хлеба. <...> Я не видел, чтобы рабочему оказывали почет. Когда он старел или с ним приключалась беда, его просто выкидывали на мусорную свалку как негодную машину».

Новые представления Джека сводились к тому, что делать ставку на физический труд, становиться рабочим — даже квалифицированным! — бессмысленно. Короткий, но катастрофический тюремный опыт доказал, что преступный путь, совсем недавно окруженный ореолом романтики, — еще хуже.

«Я вернулся в Калифорнию с твердым намерением получить образование, — вспоминал писатель. — Нынче в цене не физическая сила, а мозг. Не буду, решил я, продавать свои мускулы на невольничьем рынке. Буду продавать мозг, только мозг, и баста!» Для этого — он понимал отчетливо — необходимо учиться. И уже тогда, скорее всего, представлял сложность поставленной перед собой цели и догадывался, сколько усилий потребуется, чтобы достичь ее. Во всяком случае, утверждал: «Я понимал весь глубокий смысл парадокса, что только труд может спасти от труда, и это поддерживало во мне соответствующее рвение». Даже если понимание этой простой истины пришло не сразу — оно, разумеется, было неизбежно.

В Канаде Лондон не задержался (и явно не собирался этого делать!). До Ванкувера — города и порта в Британской Колумбии на берегу Тихого океана — добрался всего за пять дней. Дальше путь его лежал морем, а по воде «зайцем» не проскочишь и на проходящий пароход «ноги не закинешь». Выход нашелся быстро: он нанялся кочегаром на старую

посудину под названием «Уматилла». Пароход был небольшой (водоизмещением около 500 тонн). Совершал он каботажные рейсы в основном по маршруту Ванкувер — Сан-Франциско и обратно. Едва ли, сходя тогда на пристань в Сан-Франциско, Джек догадывался, что не пройдет и трех лет, как он снова поднимется на эту палубу. Правда, не членом команды, а пассажиром.

Его возвращение в Окленд нельзя назвать триумфальным. Во всяком случае, оно не было таким, как прошлое возвращение — из плавания к берегам Японии и островам Курильской гряды. Но домашние ему были рады, и рады искренне.

Свое небольшое семейство Джек застал в лучшем состоянии, нежели оставил. Из письма матери он знал, что они в очередной раз сменили место жительства и переехали на 22-ю улицу. Домик был небольшой, но аккуратный и даже немного буржуазный. Да и район поприличнее, чем тот, где они обитали прежде. Финансовое положение семьи несколько улучшилось, но не настолько, чтобы без страха смотреть в будущее. Судя по всему, Джон Лондон начал получать государственную пенсию: как раз тогда Конгресс (отчасти в популистских целях) запустил программу по пенсионному обеспечению еще живых ветеранов Гражданской войны Севера и Юга. Скорее всего, пенсия была невысокой — вряд ли больше 10–12 долларов в месяц, но они позволяли небольшой семье сводить концы с концами. Да и Элиза помогала, когда могла. Кстати, ее семья жила по соседству, буквально за углом.

Биографы писателя единодушно утверждают, что Джек объявил о своем желании стать писателем чуть ли не сразу по возвращении. Что ж, такое возможно. Несомненно и то, что Флора восприняла намерение единственного сына с энтузиазмом. Во-первых, она не забыла публикацию в «Колл». Во-вторых, авантюристка по духу, она не могла не восхититься таким решением. Ну и, конечно, предполагалось продолжение образования. Разве кто-то из домашних мог возражать? Жить, безусловно, было тяжело, но не настолько, чтобы он шел на очередную «каторгу». Образование давало надежду расстаться с ней навсегда. И, разумеется, Джек собирался подрабатывать. Вскладчину с Элизой мать купила ему настоящий письменный стол и настольную лампу. А уже в начале января 1895-го, накануне своего девятнадцатилетия, Джек Лондон поступил в Оклендскую среднюю школу (*Oakland High School*).

«Пропасть, отделявшая Джека от соучеников, — пишет Р. Балтроп, — была не меньше, чем та, что существовала между ним, вернувшимся из морского плавания, и членами Христианской ассоциации молодежи»^[104].

Стоит его поправить — пропасть была куда как больше. «Христиане», понятно, были буржуа, но хотя бы близки ему по возрасту. А тут ой очутился рядом с мальчиками и девочками четырнадцати-пятнадцати лет из «хороших» семей. Но главное, конечно, не разница в возрасте, а социальное происхождение и житейский опыт. Джек и его соученики жили в одном городе, сидели за одними партами, изучали одни и те же предметы и разговаривали на одном языке, но, по сути, они были существами с разных планет. Как вспоминали те, кто с ним учился (а такие свидетельства имеются), Джек существенно отличался от всех и внешне: ростом (он был на голову выше многих), костюмом («одевался как портовый забулдыга», в мешковатые, поношенные брюки и просторную рубаху, да еще носил кепку, которую в школе прятал в карман), манерами (ходил сутулясь, «на занятиях сидел с отсутствующим видом, руки в карманах, откинувшись на спинку парты и вытянув ноги во всю длину», «отвечал, едва приподнявшись с места», говорил негромко, стараясь отвечать коротко). Ко всему прочему, он курил и жевал табак. Последнее биографы (а также родственники) объясняют тем, что у него болели зубы и таким образом он спасался от боли. Зубы у Джека действительно были плохими. Впрочем, перед школой по настоянию Элизы он отправился к дантисту (сестра оплатила услуги), подлечил зубы и научился их чистить по утрам, но от табака это его не отвратило.

Биографы утверждают, что учиться ему нравилось. Едва ли приходится в этом сомневаться — он всегда любил узнавать новое. Но связано ли это со школой? Вряд ли. По воспоминаниям соучеников, на уроках он откровенно скучал и никогда не задерживался после занятий — уходил сразу. Те же биографы полагают, что Джек пытался установить отношения с товарищами по классу. Р. Балтроп: «В глубине души Джек хотел быть принятым в круг сверстников, но не собирался делать первый шаг»; И. Стоун: «Ему хотелось встать вровень с товарищами... он с интересом прислушивался к общему разговору...» Но эти утверждения вызывают сомнения: о каких сверстниках могла идти речь, если он был старше любого соученика на четыре-пять лет, не говоря уже про опыт. К тому же Джек работал — подрядился убирать классные помещения, и это, конечно, воздвигало еще одну преграду между ним и одноклассниками. Что его точно обрадовало в школе — наличие собственного журнала. Он назывался «Эгис» (*Aegis*) — то есть «эгида», «покровительство». Журнал был весьма демократичным и без проблем публиковал то, что предлагали ученики. Уже 18 января 1895 года (буквально через пару недель после водворения Лондона в школе) «Эгис» опубликовал первую половину его

очерка «Острова Бонин», а затем, в феврале, вторую. Этот очерк, напомним, он сочинил год назад — на волне успеха «Тайфуна у берегов Японии». И вот теперь текст «пошел в дело». На этом «дело» не остановилось. В марте последовала история под названием «Сакечо Хона Ази и Хакадаки», следом — «Фриско Кид» и «И Фриско Кид вернулся назад». Конечно, всё это было замечательно, но едва ли могло сократить дистанцию между Джеком и одноклассниками. Скорее, увеличило ее.

Впрочем, как ни важна была для Лондона школа, влек его, видимо, больше маячивший где-то впереди документ о полном среднем образовании. И хотя он ежедневно (и довольно прилежно!) изучал те предметы, которые считал необходимыми, его основной интерес лежал всё же в иной сфере: по возвращении с «Дороги» он серьезно увлекся социалистическими идеями.

Как мы помним, первое знакомство с ними у Лондона произошло еще в месяцы странствий, когда среди хобо встречались ему доморощенные философы (и, случалось, весьма образованные), тяготевшие к коммунистическим идеям. Но о каком-то систематическом изучении социализма речи, разумеется, не шло. Теперь в Окленде было уже по-другому.

Джек возобновил посещения Публичной библиотеки. К сожалению, его прежнего лоцмана и доброжелателя, Айны Кулбрит, в библиотеке уже не было — она «вышла в отставку». Но появились другие — два Фреда: Фредерик Айронз Бэмфорд и Фредерик Джейкобс. Бэмфорд приходился племянником миссис Кулбрит и попал на место библиографа по ее протекции. Это был исключительно образованный молодой человек, тогда он оканчивал университет, совмещая учебу с работой. Впоследствии стал ученым, профессором, видным философом и филологом. Вероятно, он был заочно знаком с Лондоном, поскольку тот нашел в нем весьма квалифицированного «чичероне» в области социальных учений. С его помощью Джеком были тогда прочитаны и усвоены основные труды Адама Смита, «Социальная эволюция» Б. Кидда, «Критика чистого разума» И. Канта, корпус «Основных начал» Г. Спенсера^[105]. Наибольшее влияние на взгляды Лондона оказала недавно изданная и изрядно тогда нашумевшая «Социальная эволюция» англичанина Кидда. Британец сумел очень ловко сочетать, казалось, принципиально не сочетаемое: социальный дарвинизм и вульгарно усвоенное ницшеанство. Очень скоро, но уже в художественной форме, подобный синтез талантливо, а потому и весьма убедительно осуществит Джек Лондон в своих «Северных рассказах».

Племянник миссис Кулбрит был человек сугубо книжный и

непубличный. В публичный мир Лондона вывел другой Фред — Фредерик Джейкобс. Он привлек будущего писателя в местный «Дискуссионный клуб имени Генри Клея»^[106]. В то время — на рубеже веков — подобные клубы функционировали во многих крупных (и не очень) городах Америки. Их активность была связана с самой эпохой — превращением Америки в промышленно развитое империалистическое государство. Обострившиеся противоречия между трудом и капиталом, экономические и социальные катаклизмы, кризисы, помноженные на демократические традиции, — все это порождало множество подобных дискуссионных площадок.

«Клуб Генри Клея был единственным местом, где собиралась оклендская интеллигенция, — утверждал Ирвинг Стоун. — Членами его были молодые учителя, врачи, юристы, музыканты, студенты, социалисты — этих людей связывал интерес к окружающему миру. Они, как никто другой в Окленде, судили о человеке по уму, а не по платью. Джек посидел молча на одном-двух собраниях, а потом включился в дискуссию. Члены клуба оценили четкий и логичный ход его мыслей, им нравился сочный ирландский юмор Джека, его яркие морские и путевые рассказы, его нашли веселым и интересным собеседником. На них произвела впечатление не только его страстная вера в социализм, но и солидный запас знаний, уже приобретенных им в этой области. А для Джека в этот период важнее всего было то, что он им понравился, что его приняли дружески, как равного. Это теплое отношение помогло Джеку сбросить с себя неловкость и скованность, угрюмое выражение как ветром сдуло с лица. Он высоко поднял голову, он говорил теперь свободно и с исчерпывающей полнотой. Он нашел свое место».

Так это было на самом деле или примерно так — судить трудно. Стоун никогда не стеснял воображения, живописуя жизнь героев своих многочисленных биографических романов. Но он верно подметил, что «для Джека в этот период важнее всего было то, что... его приняли... это помогло ему сбросить неловкость и скованность», обрести аудиторию, если не единомышленников, то наверняка интересных собеседников, лишенных (или почти лишенных) социальных предубеждений.

«Из членов клуба Джеку больше всего понравился тонкий кареглазый молодой человек по имени Эдвард Эпплгарт, юноша из интеллигентной английской семьи, обосновавшейся в Окленде», — писал Стоун. И это мы не можем опровергнуть, хотя большинство биографов полагают, что Эпплгарта и Лондона познакомил Джейкобс — тот учился с англичанином на подготовительных курсах Калифорнийского университета. В романе «Мартин Иден», где Эпплгарт выведен под именем Артур Морз,

фигурирует драка с поножовщиной, в которой Иден (Лондон) защитил (спас) юношу. Но это, скорее, «драматургия». Как бы там ни было, эти совершенно разные люди стали приятелями. Эпплгарт ввел Лондона в свой дом, познакомил с семьей — матерью, отцом и сестрой. В романе она выведена под именем Руфь, в реальности ее звали Мэйбл.

«Он <Мартин> обернулся и увидел девушку, — читаем мы. — Это было бледное, воздушное создание с большими голубыми одухотворенными глазами, с массой золотых волос. Он не знал, как она одета, — знал лишь, что наряд на ней такой же чудесный, как и она сама. Он мысленно сравнивал ее с бледно-золотистым цветком на тонком стебле. Нет, скорее она дух, божество, богиня, — такая возвышенная красота не может быть земной»^[107].

Описывая Руфь, Джек Лондон описывал Мэйбл. Буря чувств, охватившая Мартина, была литературным отражением тех эмоций, что захватили Джека. Он влюбился — глубоко, истово, безоглядно. Его не смущала разница в возрасте (Мэйбл была на три года старше), тем более что она была такая маленькая и хрупкая, а он такой большой и сильный. Читая роман, трудно не поддаться силе и интенсивности чувств, охвативших героя, не поверить в их реальность. Эти чувства явно были ведомы жене писателя, которая и четверть века спустя, создавая биографию мужа, не смогла скрыть своей ревности к его давней возвышенной любви, ни разу даже не назвав в книге свою соперницу по имени, а величала ее то «Дева Лилия», то «Британская Лилия», то *просто* — «Дева». Джеку Мэйбл и вправду казалась богиней — в ней все было прекрасно: и голос, и манеры, и блеск глаз, и неземная грация.

«Разумеется, — утверждает Р. Балтроп, — это была любовь к идеалу... Поглощенный мечтой о высокой духовной культуре и утонченности, он нашел в Мэйбл зримое воплощение этой мечты»^[108]. Вероятно, в немалой степени биограф прав, но все-таки это была и любовь к женщине, которая заставила его не только страдать, но и очень серьезно заняться самосовершенствованием. Кто читал роман, помнит, как чувство к Руфь повлияло на Мартина Идена — на его внешний облик, манеры, речь, интересы. Едва ли влияние реальной «британской девы» было меньше. Но это было влияние духовное, в какой-то мере светское, а вот в интеллектуальном плане на него куда больше влияли вновь обретенные друзья-мужчины и те дискуссии, что разворачивались в их кругу.

Позднее Джек Лондон писал: «Мой опыт бродяги заставил меня сделаться социалистом». В этой ремарке — правда. Но не вся. Скитания по

«Дороге», встречи с людьми, участие в марше безработных дали ему представления о масштабах социальных проблем, а дискуссии с приятелями-интеллектуалами помогли уяснить природу этих проблем и способы решения. Скорее всего, последнее подтолкнуло его и к перу, породило стремление поделиться собственными умозаключениями (устно он их, вероятно, «обкатал» в дискуссионном клубе).

В марте 1895-го в школьном журнале вышла его статья «Пессимизм, оптимизм и патриотизм». Она дает некоторое представление об особенностях убеждений Джека Лондона. В статье он утверждает, что американское общество представляет собой пирамиду и состоит из групп (или классов). В основании пирамиды находится огромный слой людей, который он обозначает словом «массы» — необразованный или малообразованный рабочий люд. Он хорошо знал, о ком говорит: рос среди них, с ними ходил в моря, бродяжничал на «Дороге», трудился на джутовой фабрике, пьянствовал в барах, дрался, сидел в тюрьме. У этих людей нет ничего: ни денег, ни прав, ни перспектив. Выше расположен средний класс, куда малочисленнее. У них уже есть деньги и кое-какое влияние. Но над ними существует и еще один, совсем малочисленный, но могучий класс — аристократия. У нее в руках сосредоточены все деньги и вся власть в стране. Но есть и еще один — даже не класс, а прослойка: люди образованные, думающие, начитанные, честные, знающие. Их совсем немного — некоторых можно встретить среди университетской профессуры, студентов колледжей, ученых. И вот в них он видит будущее страны: с их помощью необразованные и бесправные должны получить образование — тогда все станут равными, аристократы утратят власть и привилегии и... наступит подлинное народовластие.

Разумеется, школьной и клубной трибуны Джеку было недостаточно. Он начал приходить (а затем и выступать) в Центральный парк, где собирались оклендские социалисты. Там на митингах (а в то время рабочий Запад бурлил), и довольно быстро, приобрел популярность, даже заработал прозвище: «мальчик-социалист».

О нем не преминула сообщить главная «желтая» газета Калифорнии «Сан-Франциско кроникл»: «Джек Лондон, известный как мальчик-социалист из Окленда, собирает толпы слушателей, которые обычно кучкуются в Центральном парке. Там немало ораторов, но вокруг Лондона всегда сбивается самая большая и самая внимательная толпа. Лондон — очень молод, ему едва ли больше двадцати, но он уже немало поколесил по свету и многое повидал...»^[109]

Однажды его арестовала полиция, и история эта тоже попала в газеты.

Но у прискорбного события имелась и обратная сторона: «Сан-Франциско экзэминер», в то время одно из ведущих периодических изданий американского Запада (ее редактором был тогда Бэйли Миллард, журналист либеральных взглядов), напечатала статью Джека Лондона «Что такое социализм».

Вскоре после этого молодой человек оставил школу. Трудно сказать, что стало основной причиной этого. И. Стоун утверждал, что дело было в его социалистических убеждениях — Джека просто вынудили оставить учебное заведение после одного из выступлений. Другой биограф, Д. Дайер, считал, что Лондон «заскучал» среди «чистеньких малышей», «маменькиных дочек и сыночков», а уроки «наводили тоску». Он и правда «перерос» школу, во многих сферах знал больше, чем его учителя. У него был свободный ум, он читал больше книг, а про личный опыт и говорить не приходится — в свои двадцать он видел куда больше, чем его тридцатисорокалетние и старше преподаватели и наставники. Так, в январе 1896 года он расстался с Оклендской средней школой.

В 1890-х возможно было поступить в университет, не имея диплома о полном среднем образовании. Правда, для этого необходимо было держать экзамены. И довольно сложные. Тем не менее в Америке того времени немало было тех, кто избирал этот путь. По нему решил пойти и Джек Лондон.

В Аламеде, городе-спутнике Окленда, сыскалось и заведение, готовившее к поступлению в университет. Называлось оно громко — «Университетская Академия Андерсона», но по сути представляло собой обычные подготовительные курсы с двухгодичной программой. Дисциплин, по которым предстояло держать испытания, было четыре: математика, физика, история и английский.

Джек Лондон решил не терять времени попусту — до университетских вступительных экзаменов оставалось четыре месяца, и он вознамерился за этот срок пройти весь двухгодичный подготовительный курс. Занятия были платными. Он занял деньги у Элизы и взялся за подготовку.

«Мне гарантировали, — вспоминал он позднее, — что через четыре месяца я поступлю в университет и таким образом выгадаю два года».

Что было тому причиной — какие-то необычные способности или поразительная сила воли, но Джек так рьяно взялся за учебу, что спустя пять недель его вызвал мистер Андерсон, владелец курсов, и попросил «притормозить» или... уйти. Деньги он возвращал. Понять владельца можно: пройти двухгодичный курс за четыре месяца — случай беспрецедентный. Вполне вероятно, он опасался пересудов: если

программу возможно освоить в несколько месяцев, то почему нужно платить за два года? Не лукавит ли уважаемый профессор, утверждая, что программа сложная, а потому и обучение длительное?

Что же до особых способностей Лондона, мы их обсуждать не будем. Но у него была огромная сила воли — вот этого не отнять. Он был молод и, что важно, исключительно мотивирован. Здесь и новый круг общения, с которым он хотел быть вровень. И социальный задор: он, пролетарий, человек масс, в интеллектуальном плане ничем не хуже (а может, и лучше!) своих друзей из среднего класса. Он на своем примере хотел продемонстрировать верность постулата, выдвинутого им в статье о социализме. И, главное, им двигала любовь к Мэйбл, а это мощный мотив. Думается, тот, кто прочел «Мартина Идена», с этим безоговорочно согласится.

Расставание с курсами мистера Андерсона не расстроило и не обескуражило Лондона. Теперь он был уверен, что и самостоятельно сможет подготовиться к поступлению в университет. Чтобы продолжать занятия по истории и английскому, ему было достаточно книг, набранных в библиотеке. А вот с физикой и математикой дело обстояло сложнее, но тут на помощь пришли его новые интеллектуальные друзья. Фред Джейкобс взялся помогать по физике, в которой был весьма сведущ, а с математикой решила помочь Мэйбл. Нет, сама она, увлекавшаяся живописью, музыкой и литературой, в математике не особо разбиралась. Но у нее была подруга Бесси Мэдцерн, которая обладала математическим складом ума и подрабатывала репетиторством. Она взялась помочь Джеку. Девушкой она была серьезной и основательной и очень помогла своему ученику. Вряд ли она могла предположить, что через несколько лет выйдет за Джека замуж и станет «миссис Лондон», а он, безоглядно влюбленный в ее подругу, — и тем более.

О тех усилиях, о степени напряженности, с которыми Джек «грыз» науки, он писал в «Мартине Идене», а затем и в романе «Джон Ячменное Зерно». В последнем — вот так:

«Я... стиснув зубы, засел за самостоятельную зубрежку. До вступительных экзаменов в университет оставалось еще три месяца. Мне предстояло осилить за эти три месяца в стенах своей комнаты, без лабораторий и учителей, весь курс за два класса и повторить пройденное за истекший год. Я долбил по девятнадцать часов в день все эти три месяца, лишь несколько раз позволив себе короткую передышку. Я был измотан до последней степени: тело мое ныло, голова раскалывалась на части, но я продолжал зубрить. У меня стали болеть глаза, подергиваться веки, еще

немного — и пришлось бы бросить занятия!»

Но он не бросил, довел дело до конца и 10 августа 1896 года, оседлав свой велосипед (из-за отсутствия денег он повсюду передвигался на нем, благо и его новые друзья предпочитали этот вид транспорта, правда, по другим причинам), прибыл на испытания в Беркли. Один из биографов, Д. Дайер, пишет: «Университетским властям показалось, что на экзамены явилось слишком много абитуриентов и столько новичков университет вместить не в силах, а потому без всякого предупреждения назначили для испытаний более сложные тесты, нежели предполагалось»^[110].

Как бы там ни было, экзамены Лондон сдал успешно, превратившись в первокурсника (*freshman*) престижного (и поныне) Калифорнийского университета в Беркли.

Казалось бы, есть повод для радости: он добился того, чего так хотел, — по сути встал уровень со своими интеллектуальными друзьями и доказал (прежде всего себе самому!), что теория его верна — человек «из масс» ничуть не хуже тех, у кого деньги и власть. Но «подвиг» дался тяжело. «Когда я сдал последний письменный экзамен, — вспоминал он, — мое переутомление достигло предела. Я не мог уже смотреть на книги, не мог ни о чем думать...» То, что последовало за этим, Лондон весьма живописно и подробно описал в «Исповеди алкоголика»: взятая напрокат парусная лодка, грандиозная попойка с прежними товарищами из «рыбачьего патруля», а затем недельное одиночное плавание по заливу... Как ни относишься к такому способу борьбы со стрессом и усталостью, Джеку это пошло на пользу. «Через неделю, — свидетельствовал он, — я вернулся домой посвежевший и готовый приступить к занятиям в университете».

Но... в университете Лондон не задержался — отучившись семестр (получив при этом неплохие баллы), в феврале 1897 года он оставил учебное заведение.

Многие биографы писателя, живописуя его успехи, восторгаясь «сильным преподавательским составом», тем, как свободно и комфортно чувствовал себя Лондон в среде однокурсников, сообщая о статьях по политическим и экономическим вопросам, которые он публиковал, будучи студентом, недоумевают, почему он вдруг оставил учебу. Большинство при этом склонны указывать ту причину, которую впоследствии приводил сам Лондон: «Наша семья очень бедствовала, и мне стало казаться, что я трачу слишком много времени на университет. Я решил обойтись без высшего образования»^[111].

Экономическая составляющая, безусловно, присутствовала, и семья действительно бедствовала. Но она бедствовала и прежде. Однако это не помешало ему провести год в школе, потратить четыре месяца на подготовку к экзаменам и проучиться семестр в университете. Логично предположить и другие причины. Одна из них — на поверхности, и мы ее озвучивали выше: он рвался за пределы своего класса, не желая быть одним из тех, кого сам называл «безликой массой». Превратившись в студента, за пределы класса он вырвался, то есть добился того, к чему стремился. Он стал вровень с Эпплгартами, Джейкобсом, их друзьями. Открылись перспективы: где-то в грядущем зажить достойно, комфортно, с удовольствием. На этот путь, как помним, его толкала и Мэйбл. Для этого нужно было овладеть профессией и трудиться, трудиться, трудиться — постепенно одолевая ступеньку за ступенькой. Но этот путь был такой долгий! И уж очень буржуазный! А ему хотелось всего (в том числе и Мэйбл!) как можно скорее. К тому же он верил в свою исключительность — он и так достиг уже очень многого, справится и с новой задачей! Он должен стать богатым и знаменитым и взять эту вершину быстро! Путь к ней, по мнению Лондона, лежал через творчество.

«Я решил обойтись без высшего образования. Ничего, не такая уж большая потеря! Я учился два года, прочел уйму книг и ценил это больше всего. Я решил не откладывать в долгий ящик занятие творчеством. Меня привлекали четыре отрасли: музыка, поэзия, статьи по философским, экономическим и политическим вопросам и, наконец (хотя и меньше, чем все остальное), художественная проза. <...> Засев у себя в комнатке, я начал писать сразу всё: стихи, статьи и рассказы — и, Боже мой, с каким невообразимым рвением! <...> Я строчил напыщенные очерки, рассказы на социальные и научные темы, юмористические стихи и разные другие — от триолетов и сонетов до трагедии, написан — ной белыми стихами, и тяжеловесной эпической поэмы в духе Спенсера. Бывали периоды, когда я не вставал из-за письменного стола по пятнадцать часов, забывал даже поесть или ради столь скучного дела не хотел прерывать вдохновения», — вспоминал писатель много лет спустя.

Свои тексты он перепечатывал на допотопной пишущей машинке, которую позаимствовал у мистера Шепарда, мужа сестры, а потом рассылал по редакциям журналов. «Увы, — вспоминал он, — редакции не так уж хотели услышать голос молодого автора! Мои опусы совершали удивительнейшие путешествия от Тихого океана до Атлантического и оттуда ко мне обратно. Может быть, издателей поражал сумасшедший вид моих рукописей, и поэтому они не желали печатать ни одной строчки. Но,

Господи, их мог с одинаковым успехом отпугнуть и бредовый текст, не только оформление! Я продал букинистам за бесценок учебники, в свое время приобретенные с величайшим трудом. Занимал понемногу деньги, где только удавалось, и все-таки сидел на шее у старика отца, который продолжал работать, несмотря на слабое здоровье»^[112].

По счастью (а может быть, и нет?), подавляющее большинство из упомянутых текстов не уцелело. Речь прежде всего о «триолетах, сонетах и трагедии, написанной белым стихом», а также об очерках и статьях. Жалеть о них и правда не стоит, но вот рассказы... Некоторые из них сохранились (в основном благодаря матери) и позднее были даже опубликованы. Разумеется, не все, но хотя бы некоторые: «Во времена принца Чарли», «Симпатичный юнга», «Урок геральдики», «Чумной корабль», «Розыгрыш Махатмы», «Тысяча смертей». «Чумной корабль» и «Тысяча смертей» переведены на русский язык и доступны русскоязычному читателю. Можно ли их считать лучшими из тех, что он сочинил тогда? Трудно ответить на этот вопрос (ведь сохранилось не всё!), но последний из упомянутых считается чуть ли не одним из лучших фантастических рассказов Лондона.

Разумеется, именно рассказы — самая ценная часть этих ранних опытов. Виль Быков, советский исследователь творчества писателя и переводчик, познакомивший русскоязычного читателя с некоторыми из ранних текстов Лондона, полагал, что рассказы не нравились издателям «по причине их трагического тона и статичности», да и «действие в них развивалось слабо»; язык был «чересчур цветист, пестрил громкими эпитетами», «автору недоставало чувства меры» и «явно не хватало мастерства». В целом с суждениями этими можно согласиться. Но утверждать, что в «Тысяче смертей» «действие развивается слабо», что рассказ «статичен», конечно, несправедливо. Другое дело, заметно, что эти ранние рассказы — несамостоятельны. Невооруженным глазом видно: та же «Тысяча смертей» едва ли могла появиться без чтения молодым автором «Острова Моро» Герберта Уэллса. Да и в других историях без труда можно разглядеть «уши» Уэллса, Киплинга, Твена, да и современных Лондону калифорнийцев — авторов остросюжетной и страшной прозы. Молодого автора не печатали не столько потому, что его тексты были совсем уж плохи (на страницах тогдашней периодики без труда можно было встретить вещи и похуже), сколько по иной причине — не было того, кто мог замолвить за него слово, не было наставника. А без него пробиться начинающему было не то что сложно — почти невозможно. Всё это на собственном опыте испытал и начинающий писатель Джек Лондон. Он-то надеялся и эту «крепость» взять с ходу — как взял предыдущие, но не

получилось.

«Творческая лихорадка», охватившая Лондона, длилась, по его словам, недолго — всего несколько недель. Едва ли он разочаровался и принял тщетность своих литературных усилий — не такой он был человек. Просто решил отступить. Разумеется, временно. И под воздействием обстоятельств. Он понимал, что слишком долго «просидел на шее» у отца и сестры. Одно дело, когда он учился в школе, готовился к экзаменам, занимался в университете, совсем другое, когда все это — позади. Потому нет у нас оснований не верить его словам: «мне пришлось сдаться и поступить на работу».

Предоставим слово самому Лондону: «Я нашел работу за городом, в небольшой, прекрасно оборудованной механической прачечной при Белмонтской академии. Всю работу там от сортировки и стирки до глажения белых сорочек, воротничков, манжет и даже нарядного белья профессорских жен выполняли два человека: я и еще один парень. Мы работали, как сто чертей, особенно с наступлением лета, когда ученики стали носить полотняные брюки. Гладить их — ужасная канитель, а их было пропасть сколько. Больше месяца стояла тропическая жара, и мы работали каждый день до седьмого пота, но никак не успевали всё переделать. Даже ночью, когда все ученики спали мирным сном, мы с моим напарником при электрической лампочке катали и гладили белье. Рабочий день был томительно длинен, работа очень тяжела, хотя мы многое усовершенствовали и каждое движение у нас было рассчитано. Мне платили тридцать долларов в месяц на всем готовом — это больше, чем на электростанции и на консервной фабрике, потому что я экономил двадцать долларов на еде; дирекции же такая щедрость ничего не стоила, ибо мы питались на кухне».

Конечно, это не вся правда о работе в прачечной. Куда живописнее, эмоциональнее и подробнее Джек Лондон описал свой труд в «Мартине Идене» — эту часть жизни будущего писателя своими словами любят пересказывать его биографы. Но получается все равно хуже, чем у нашего героя. А потому воздержимся и адресуем читателя к соответствующим главам романа.

Работа, как показывает автор, была тяжелой, но прибыльной — особенно на фоне того, что и как он зарабатывал прежде, и это было для него (и для семьи) важно. Но, вспоминая он, «моя интеллектуальная жизнь не многим отличалась от жизни лошади. Книги перестали для меня существовать. Хотя я привез с собой в прачечную сундучок, набитый книгами, читать я не мог. Едва раскрыв книгу, я тут же засыпал, а если и

прочитывал несколько страниц, то все равно ничего не помнил. Я уже не пытался заниматься серьезными науками, такими как политическая экономия, биология или право, а перешел на более легкий предмет — историю. Но все равно засыпал. Взятая была за литературу — тот же результат! Под конец, когда стал клевать носом даже над увлекательными романами, я бросил чтение совсем. За все время работы в прачечной я не осилил ни одной книги. В субботу, получив свободу до понедельника, я ощущал только желание спать, да еще одно — напиться. <...> В первый раз я внял ему по причине умственного переутомления, но ведь теперь такого переутомления не было! Наоборот, голова была вялая, пустая, мозг пребывал в спячке. Но именно в этом-то и была беда. Мозг мой, активный и любознательный, оживший от чудес, которые раскрыл перед ним новый замечательный мир книг, страдал от бездеятельности и застоя»^[113].

В прачечной его застало и известие об открытии месторождения золота на Аляске. Калифорния отреагировала на это предсказуемо — в конце концов, разве не золоту она обязана своим славным прошлым, да и настоящим? Калифорнийцы взволновались, многие тут же подхватили «вирус» и засобирались в дорогу.

Едва ли это известие вызвало какие-то особые эмоции у Джека Лондона — слишком он уставал на своей работе^[114]. Но «вирус» не миновал родственников — его подхватил муж сестры Джека, капитан Шепард. Похоже, что и здравомыслящая Элиза не избежала «инфекции», иначе не поддержала бы сумасшедшую идею супруга отправиться за золотом.

Разумеется, отправляться на Аляску в одиночку было безумием. Джеймс Шепард был немолод (шло к шестидесяти); к тому же у него имелись проблемы с сердцем — стенокардия, гипертония и всё такое — в соответствии с возрастом. Потому Шепарды предложили Джеку отправиться вместе с капитаном. Элиза финансировала экспедицию — вложила все семейные сбережения (около 500 долларов), да еще в придачу заложила дом и принадлежавшие им акции (за 1000 долларов). Этих денег хватило, чтобы закупить амуницию, продовольствие и оплатить плавание до Аляски.

Чечак: 1897-1898

Если самое начало «золотой лихорадки», по вполне понятным

причинам, обошло Лондона стороной, то, «вынырнув» из прачечной, он, конечно, не мог не «заболеть». Да и как бы он уберегся, если о золоте на каждом углу кричали мальчишки, торгующие газетами, передовицы аршинными буквами твердили «Золото!», «Золото!», «Золото!», обыватели только и толковали о Клондайке^[115]. А тут пришли и первые пароходы с удачниками из Аляски. 14 июля 1897 года в Сан-Франциско отшвартовался маленький пароходик под названием «Эксельсиор», он привез подробности и первую (очень небольшую) партию золотоискателей. Впрочем, какие тут подробности?! Главными были золотой песок и самородки — каждый из пассажиров парохода привез их на десятки тысяч долларов. Два дня спустя в Сиэтле причалил «Портленд», пароход побольше, на нем уже прибыло около семидесяти новоиспеченных «богачей», и почти у каждого золота было (разумеется, по слухам) больше чем на сто тысяч. Ну и как тут не «заболеть»?

Интересная особенность. Как сообщает Википедия, большинство из тех, кто подхватил «заразу», а затем отправился в Клондайк, составляли отнюдь не малоимущие (как это было во времена «калифорнийской золотой лихорадки» 1849-го): «В основном это были квалифицированные работники, например, учителя и доктора. Были даже один или два городских мэра, ради путешествия оставившие свою престижную работу. Большинству из них было хорошо известно, что шансы найти значительное количество золота были малы, люди просто решили рискнуть». Уважаемая online-энциклопедия не объясняет, почему так случилось. А между тем ответ на поверхности. Чтобы отправиться в Клондайк, нужны были две вещи: во-первых, деньги — путешествие стоило дорого; во-вторых — богатое воображение. Этим как раз обладал «средний класс». Кстати, тот же источник сообщает: «Больше половины людей, достигших Доусона, решили отказаться от идеи найти золото и не рисковать». И это понятно — реальность побеждала воображение.

Джек Лондон, разумеется, обладал богатым воображением, которое не могли не распалить постоянно поступающие известия с севера. Воображаемое богатство росло и множилось — по мере того, как закупались амуниция и продовольствие и приближалась дата отъезда. И вот 25 июля 1897 года (всего через десять дней после возвращения удачливых золотоискателей!) Джек Лондон и его шури́н Джеймс Шепард ступили на палубу «Уматиллы», которая отправлялась на север.

Когда было принято решение об отъезде, Джек написал короткое письмо Мэйбл (встретиться с ней он не мог — семья британского инженера Эпплгарта обитала теперь в Сан-Хосе, где он что-то строил), в котором

поделился своими планами. Девушка пришла в ужас (воображения ей явно не хватало, а может — наоборот), сообщила матери, и они вместе написали Лондону письмо, в котором отговаривали от «безумного», как казалось им, предприятия.

Вот что писала Джеку мать той, которую он так любил: «О, дорогой Джек, внимайте словам моим и откажитесь от этой идеи, ибо мы уверены, что вас ожидает смерть и мы никогда вас больше не увидим... Ваши отец и мать, должно быть, обезумели уже от горя. Даже если до вашего отплытия остается всего лишь один час, перемените решение и останьтесь»^[116].

Что интересно: Тед Эпплгарт, с которым Джек общался больше, чем с кем-либо из этой семьи (включая Мэйбл), напротив, сочувственно отнесся к решению приятеля отправиться за золотом. Он бы и сам, возможно, двинулся с ним, но семья не простила бы ему этого. Джек обещал писать Теду и Мэйбл.

И еще одно небольшое отступление. В книгах о Лондоне есть общее место — по сведениям биографов, к Аляске Лондон отправился на пароходе «Уматилла», том самом, на котором в свое время вернулся из Канады домой. Романтичное, конечно, совпадение... Но, помнится, при чтении это всегда несколько смущало автора настоящих строк: старая, ветхая посудина (возрастом под 30 лет), с маломощной машиной, к тому же небольшая (водоизмещением, по одним источникам, — в 300, по другим — в 500 тонн), и вдруг такое далекое путешествие... Действительно, оказалось, что «Уматилла» в Джуно (конечный пункт морской части путешествия) не плыла. Путь пароходика пролегал по привычному для него маршруту, а ходил он обычно из Ванкувера в Сан-Франциско и обратно, — в Порт Таунсенд (примерно в 30 милях к северу от Сиэтла и примерно в 50 к югу от Ванкувера) — на пути в Британскую Колумбию, Канада. Здесь они пересели на другой, большой и довольно новый пароход — «Сити ов Топека». Вот он на самом деле направлялся в Джуно.

Источник этого заблуждения известен: Чармиан Лондон в своей книге о муже заметила, что он отправился к Аляске на «Уматилле»^[117]. То ли она неясно выразилась, то ли ее неверно поняли (скорее последнее — ведь она утверждала, что пароходик находился в плавании четыре дня, а за такое время и сейчас по морю до Аляски не добраться!), но апокриф пошел гулять по жизнеописаниям писателя. А на то, что через несколько страниц она упомянула и другой пароход, видимо, не обратили внимания.

Путешествие на «Уматилле» было недалгим (во всяком случае, для Джека) — около 900 морских миль, преодоленных за несколько суток

(скорее всего, за четверо). Похоже, это короткое плавание обошлось без приключений. Однако в пути Джек и Шепард познакомились с тремя будущими золотоискателями — Фредом Томпсоном, Джимом Гудменом и Мерриттом Слоупером. И, видимо, прониклись взаимной симпатией. Тогда же условились, что в пути и на Аляске будут держаться вместе — станут партнерами. Биографы (да и литературоведы) должны быть благодарны одному из них, а именно Томпсону — тот вел дневник — за информацию о том, что происходило с Джеком в Клондайке. Впрочем, с дороги Джек писал довольно подробные письма — они тоже составляют ценный источник информации. В одном из них, например, говорится, что в Таунсенде партнеры приобрели нарты — те самые, в которые запрягают собак и на которых герои рассказов Лондона постоянно бороздят пространства «Белого безмолвия».

Пароход «Сити ов Топека» прибыл в порт Джуно 2 августа. Уже 8 августа Джек писал Мэйбл Эпплгарт из Дайи (городка золотоискателей — перевалочной базы на пути к Клондайку):

«Я лежу на траве и люблюсь видом ледников, лед искрится на солнце, припекает и мне жарко.

В Джуно мы пробыли несколько дней, а затем наняли каноэ и, преодолев порядка 100 миль по воде, добрались до теперешнего места. Нас отвезли индейцы. Кроме нас они везли с собой и своих собак, скво и детишек^[118]. Мы замечательно провели время. Все 100 миль наш путь лежал в стране гор, вроде той, что формируют Йосемитскую долину; высота у гор — колоссальная. И повсюду — справа, слева, спереди — водопады и ледники. Вчера видел, как обрушился ледник — грохот был страшный и длился не меньше минуты.

У меня 1000 фунтов^[119] поклажи. Я должен поделить их на части — от десяти до пятнадцати всего. Собираюсь переносить их порциями по 100 фунтов — если тропа позволит, а если она будет плохой — то по 75 фунтов. И так каждую милю. Взять часть груза, перенести его на эту милю и вернуться налегке за следующим — т. е. одна миля это две. Десять ходок означает 19 миль — это потому, что, взяв последнюю порцию груза, обратно возвращаться мне уже не нужно. Если придется делать 15 ходок, то миля превратится уже в 29 миль.

Уверен, что мы доберемся до озер^[120] в течение 30 дней.

Если считать индейцев, то нас (то есть золотоискателей. — А. Т.) здесь примерно 2000 человек, да еще в два раза больше в заливе Скагавэй — в пяти милях отсюда.

Извинитесь за меня перед Тедди — сейчас у меня совсем немного времени, чтобы писать письма — но зимой я смогу писать настоящие письма — длинные, подробные, обстоятельные. Это не письмо — записка, — но на большее времени сейчас нет.

Ваш Джек Лондон»^[121].

Здесь необходимы пояснения. Из Джуно большинство золотоискателей перемещались в поселки на Аляске — Скагавэй и Дайи. Из этих поселков они двигались по тропе Чилкут к одноименному перевалу. Перевалив его (что удавалось далеко не всем — уж очень труден и долг был подъем под углом почти в 45 градусов), направлялись к озеру Линдеман или озеру Беннетт в истоках реки Юкон. Здесь будущие старатели строили плоты и лодки, чтобы пройти последние 500 миль (более 800 километров) вниз по Юкону до городка Доусон, расположенного возле золотых приисков. Золотоискателям приходилось нести с собой много припасов (Лондон и его товарищи — каждый — взяли больше, чем по полтонны), основную часть которых составляли запасы еды. Это было необходимо, чтобы получить разрешение на въезд в Канаду. На вершинах перевалов людей встречали посты Канадской северо-западной конной полиции (сокращенно *NWMP*). Они следили за выполнением всех требований, осуществляли также функции таможни. Главными задачами постов конной полиции были предотвращение нехватки продовольствия, которое прежде уже имело место в Доусоне, и контроль ограничения на ввоз оружия, в частности ручного стрелкового. Конная полиция должна была также сдерживать проникновение криминальных элементов на территорию Канады из США и других стран. Канадцы таким образом мудро учитывали опыт «калифорнийской золотой лихорадки».

Отсюда, из Дайи, начиналась самая трудная часть пути — всё то, что прежде вез пароход, а затем каное индейцев, дальше нужно было нести самим. Можно было, конечно, нанять тех же индейцев, но они брали по 30 центов за каждый фунт поклажи (причем цена росла, поднимаясь временами до 40, а то и до 50 центов). Позволить себе такую роскошь партнеры не могли. А потому волокли свой груз сами — именно так, как Джек описал в письме Мэйбл Эпплгарт.

«Труд, неустанный труд! — такие слова мы встречаем в одном из его «северных рассказов». — На тропе, где даже привычные к тяжелой работе мужчины впервые узнавали, что такое труд... Подгоняемые страхом перед близостью зимы, подхлестываемые страстной жаждой золота люди работали из последних сил и падали у дороги. Одни, когда неудача становилась явной, пускали себе пулю в лоб. Другие сходили с ума. Третьи,

не выдержав нечеловеческого напряжения, порывали с компаньонами и ссорились насмерть с друзьями детства, которые были ничем их не хуже, а только так же измучены и озлоблены, как и они».

В приведенном отрывке Лондон не так уж далек от реальности. Если и присутствует некоторая «драматизация», едва ли она чрезмерна. Во всяком случае, его родственник и вдохновитель вояжа Джеймс Шепард довольно скоро понял, что дорогу ему не осилить — общая усталость и проблемы с сердцем давали о себе знать ^[122].

Приближаясь к Чилкутскому перевалу, партнеры встретили первых «возвращенцев» — тех, кто потерпел поражение, сдался. Они рассказывали об ужасающих, почти непреодолимых трудностях; о том, что все перспективные участки заняты, о голоде и болезнях, царящих в Клондайке.

Был конец августа, но на перевале лежал снег. Сотни людей, груженных поклажей, растянувшись вереницей, карабкались по обледенелому, казалось, почти отвесному склону; оскальзываясь, падали, ломали конечности — некоторые оставались на склонах навсегда. Д. Дайер описал такой случай: «Джек карабкался по тропе через перевал Чилкут и увидел пару торчащих из снега ступней. Он снял поклажу и начал копать вокруг них. И обнаружил, что это человек и он еще жив. Оказалось, что этот парень нес изрядный груз, вдруг оступился, и поклажа на плечах опрокинула его в снег вниз головой. Освободиться от лямок он не мог. Не мог кричать и подняться тоже не мог. Так бы он и задохнулся, если бы Джек ему не помог» ^[123]. И такие трудности в пути каждый должен был преодолевать по многу раз.

Еще до подъема в партии произошли перемены. Увидев перевал, Шепард окончательно понял, что затеянное им предприятие не для него — сердце работало всё хуже, он едва переставлял ноги. В таких условиях выживают только самые сильные — а ему не дойти и не найти свое золото. Реальность победила воображение. Он решил вернуться. Джек и товарищи отнеслись к этому с пониманием. В тех условиях это было даже благородно: уходя, он помогал оставшимся, потому что мог стать обузой и подвергнуть опасности их жизнь. К тому же все свои припасы он оставлял — взял только самое необходимое, а также деньги на обратный билет, остальные отдал Джеку.

Тот же Дайер сообщает, что буквально на следующий день в их партии снова стало пятеро. К ним примкнул старатель по фамилии Таруотер. Впоследствии, как уверяет биограф, Лондон вывел его под реальным именем в новелле «Как аргонавты в старину». Он был куда старше

ушедшего Шепарда — за семьдесят, но сухой и крепкий. К тому же покори́л всех умением готовить пищу и организовать быт. «Новенький» мыл золото еще в Калифорнии в 1849 году, а потому имел опыт, которого у Джека с товарищами не было.

«Старый Джон Таруотер, — пишет Лондон, — вскоре стал одной из самых примечательных фигур на Клондайкской тропе, где путникам никак нельзя было отказать в своеобразии и красочности. Тысячи людей, которым приходилось отмерять каждую милю пути раз по двадцать, чтобы на своем горбу доставить до места полтонны груза, уже знали его в лицо и, встретив, дружески называли «Дедом Морозом». И всегда старик дребезжащим от старости фальцетом пел за работой... Три спутника Таруотера не могли на него пожаловаться. Пусть суставы его плохо гнулись — он не отрицал, что у него небольшой ревматизм, — пусть двигался он медленно, с хрустом и треском, зато он был неустанно в движении. Спать он укладывался последним и вставал раньше всех, чтобы еще до завтрака напоить товарищей кружкой горячего кофе, прежде чем они с первым тюком отправятся к новой стоянке. А между завтраком и обедом, обедом и ужином он всегда ухитрялся и сам перетаскать тюк-другой груза»^[124].

Таков ли был в действительности их новый партнер, или Лондон сильно его приукрасил, — сказать трудно, но его появление отмечено в дневнике Фреда Томпсона (который в рассказе выведен под именем Чарльза Крейтона, а наш герой, без сомнения, не кто иной, как «морячок Ливерпуль»).

Чилкутский перевал миновали к концу августа. От него путь лежал к берегам озера Линдемана — 15 миль. Это расстояние они одолели только к 8 сентября. Можно представить себе трудности перехода, если на 27 с небольшим километров ушло полторы недели!

Интересная подробность: именно в то время, когда они шли к озеру, в далеком Бостоне весьма известный тогда журнал *Owl* опубликовал рассказ Лондона «Два куска золота» — страшную фантастическую историю о медиумах и спиритах. Рассказ слабый, ученический, но это была «первая ласточка», отзвук недавней сочинительской лихорадки, — и для начинающего писателя он мог стать важным знаком. Но Лондон ничего об этом не знал и, как утверждают исследователи, так никогда и не узнал — не увидел ни журнала, ни денег за публикацию.

Дальнейший путь к Доусону пролегал по воде. Как правило, у тех, кто добирался до озера Линдемана, имелось два варианта — нанять лодку или сплавать своими силами. Лодок было мало, да и стоило это «удовольствие» больших денег (по воспоминаниям золотоискателей, за

перевозку до Доусона брали 500–600 долларов), поэтому большинство выбирало второй вариант — валили лес, вязали плоты и строили лодки. Разумеется, Джек и его товарищи оплатить сплав не могли — таких денег у них не было. Но один из членов команды, Мерритт Слоупер, был плотником. Более того, он имел опыт строительства судов. Держать в руках инструмент умели и другие партнеры. К тому же к ним присоединились еще трое — история сохранила только их фамилии: Рэнд, Салливан и Одетт. Дружно взявшись за дело, мужчины свалили несколько деревьев, распилили их на доски^[125] — и к середине сентября в их распоряжении имелись две вместительные плоскодонные посудины длиной более восьми метров. Лондон утверждал, что каждая могла легко взять на борт пять тысяч фунтов (то есть больше двух тонн) груза в придачу к экипажу. Им даже названия дали. Та, на которой разместилась компания Джека, называлась «Юконская красавица», другая — «Краса Юкона». Из чего можно понять, что строители очень гордились делом своих рук. Хотя плыть им предстояло вниз по течению, Джек установил на лодке мачту, скроил и сшил парус — они спешили: зима приближалась, а до Клондайка оставалось почти 800 миль (из них более 500 вниз по Юкону). Но это была наиболее спокойная часть маршрута.

22 сентября они добрались до озера Беннетт через протоку, что соединяет его с озерами Линдеман, Марш (здесь они миновали пост конной полиции, проверявшей золотоискателей) и Лабёрдж, прошли их и 25 сентября оказались у истоков Юкона в ущелье Бокс. Здесь путникам предстояло главное водное испытание — пороги Уайт-Хорс («Белая лошадь»). Уже само название звучит устрашающе. Большинство предпочитало обходить теснину, перетаскивая лодки и припасы по суше. Находились и такие, кто рисковал и сплавлялся по бешено несущемуся потоку. Кому-то это удавалось, но основная часть смельчаков теряла на порогах лодки и припасы, некоторые погибали. Разумнее было не рисковать. Но волок — это плюс неделя изнурительного труда, а вершины невысоких окрестных гор уже укрыл снег. И Джек уговорил товарищей довериться ему — преодолеть пороги по воде. И ему это удалось: он провел «Юконскую красавицу», затем «Красу Юкона» и еще одну лодку.

Биографы писателя его успех объясняют расчетом: Лондон не боролся с порогами, а отдался на волю течения, в чем якобы сказался его опыт морехода. Объяснение, надо заметить, странное: опыт моряка и яхтсмена никак не подразумевает искусственности в рафтинге — искусстве сплава по горным рекам. Это было сочетание удачи и отваги — и не больше. Потому сведения, которые приводят некоторые авторы жизнеописаний Лондона,

будто он взялся сплавать лодки других золотоискателей и заработал на этом три тысячи долларов — явно сомнительны. Тем более отряд их спешил — надо было одолеть реку Юкон до начала ледостава. Да и очень хотелось начать мыть золото, застолбить участки, а времени почти не оставалось — зима в высоких широтах начинается очень рано.

Только 9 октября они добрались до устья реки Стюарт — оттуда примерно 70 миль до столицы Клондайка — Доусона. Воды реки уже начали покрываться «салом» — небольшими тонкими льдинками: еще немного, и река бы встала. Отряду, конечно, помогли и отчаянность Лондона, и изготовленное им парусное снаряжение.

В устье реки Стюарт разбросано множество островов. Некоторые из них довольно приличных размеров. На одном (он назывался *Upper Island* — «Верхний остров») путешественники обнаружили несколько заброшенных бревенчатых хижин — прежде в них обитали промысловики-охотники за пушниной. Но теперь зверь, напуганный нахлынувшими золотоискателями, ушел, а промысловики в основном и сами подались в старатели. Наслышанные о перенаселенности и нехватке продовольствия в Доусоне золотоискатели решили обосноваться в одном из строений, которое показалось им на вид покрепче. Через очень короткое время все хижины были уже заняты — подтянулись задержавшиеся, и на «Верхнем» образовался целый поселок старателей.

Несколько дней партнеры отдыхали (они, конечно, порядком устали!) и обустроивались. Но вдруг наступила оттепель, засияло солнце, и они всё же решили начать то, ради чего прибыли. Незадолго до того разнеслось известие, что на недалеком от них ручье Гендерсона нашли богатую россыпь. Джек и один из партнеров, Джим Гудмен, отправились туда и попробовали мыть золото. Вот как этот эпизод описывает Ирвинг Стоун:

«Там, где быстрое течение помешало льду, они всадили в дно совки и, вынув их, увидели, что в прилипшем песке поблескивают крупинки. Задыхаясь от волнения, они застолбили участок и, погоняя собак, пустились обратно в Стюарт, поделиться доброй вестью. Обитатели лагеря, все до единого, пешком или на собаках двинулись занимать участки. «Можешь считать, что золото у нас в кармане, — заявил Джеку Томпсон. — Четверть миллиона как пить дать». Как тут было не раз мечтаться, что он вернется в Окленд с мешками, набитыми золотом; широко и безбедно заживут Флора и Джон; он оплатит Элизе за все ее добрые дела и возьмет в жены Мэйбл Эпплгарт; теперь у него будет достаточно времени, чтобы писать и писать. Мечтать пришлось недолго. Старожилы, тоже бросившиеся к Гендерсонову ручью, вернулись с громким смехом. То, что

Джек принял за крупинки чистого золота, оказалось просто слюдой»^[126].

Вполне может быть, что так (или примерно так) всё и было. Ведь и Джек, и Томпсон, и Гудмен, и другие были *чечак* — новичками. Хотя принять слюду за золото и новичку мудрено. Впрочем, похоже, что это ошибка переводчика, не искушенного в таких тонкостях. Скорее всего, это был пирит (его еще называют «золото дураков») — нередкий спутник золота. Вот его действительно довольно легко принять за благородный металл. Особенно — новичку. Но как в таком случае объяснить следующие действия Джека и его партнеров: несколько дней спустя они отправились в Доусон, чтобы зарегистрировать свои участки.

И вот какое совпадение: «удача улыбнулась» Джеку Лондону 15 октября. В тот же день в Окленде умер его отчим Джон Лондон. Вот кто действительно всегда искренне верил в него — понятно, что и любил! Позднее Элиза рассказывала брату, что умирающий Лондон-старший несколько раз говорил ей и жене: «Джек привезет из Клондайка удачу — и не важно — выкопает ее из земли или нет»^[127]. И перед смертью повторил то же самое. Не просто — верил, а получается — напоролил.

Как бы там ни было, попытка мыть золото на ручье Гендерсона — это, в сущности, единственный опыт Лондона-старателя. Больше в Клондайке он золото не мыл и иного старательского опыта не имел.

По уверению Стоуна, «Джек не испытал слишком сильного разочарования», когда от него «уплыла» четверть миллиона долларов. Верится в это с трудом. Как ни велика была страсть Лондона к приключениям, все же на Аляску он отправлялся прежде всего за золотом. А что касается ссылки биографа на слова Томпсона: «Еще на «Уматилле» <Джек> говорил Томпсону, что едет на Аляску не рыться в песке, а собирать материал для книг» — они, скорее всего, продиктованы успехом писателя и его «северных рассказов».

Вернемся, однако, к золоту. Уже на следующий день, 16 октября, Лондон, Томпсон и еще двое старателей, нагрузив лодку продовольствием на три недели, палатками и одеялами, отправились в Доусон регистрировать участки. Два дня они добирались до столицы Клондайка и, высадившись, поняли, что поступили верно, обосновавшись на Верхнем острове, — в Доусоне они обнаружили скученность людей, дефицит продовольствия и строительных материалов, не хватало даже дров. Удивляться тут нечему: еще летом (это был уже разгар «золотой лихорадки») в Доусоне жили около пяти тысяч старателей, и это было на пределе. В преддверии зимы его население выросло почти впятеро.

Удивительно: в самый разгар «лихорадки», осенью 1898-го — летом 1899-го, население столицы Клондайка насчитывало 300 тысяч человек. Там были не только салуны, рестораны и банки, но и театры, кабаре, издавались даже газеты. Любопытно, как все это размещалось на небольшом, в общем-то, пространстве в излучине Юкона, где стоял Доусон.

До настоящих юконских холодов в минус 50 градусов по Цельсию, так красочно впоследствии описанных Лондоном (когда плевков с треском замерзает на лету, как в его знаменитом рассказе «Зажечь костер»), было еще далеко, но всё же спать в палатках, как они планировали, оказалось уже невозможно. Пришлось искать ночлег. Мужчины знают, где найти друзей — самая короткая дорога к дружбе щедро сдобрена спиртом. И хотя Лондон, будучи в Клондайке, совсем не увлекался выпивкой, поход в салун был неизбежен. Джеку повезло больше всех: он познакомился с братьями Луисом и Маршаллом Бондами, земляками из округа Санта-Клара, и те пригласили его пожить у них, пока он будет в Доусоне. На этих персонажах следует остановиться особо — они сыграли определенную роль и в человеческой, и в писательской судьбе Лондона.

Разумеется, на воспоминания одного из братьев, Маршалла Бонда, о первой встрече с писателем в юконском захолустье наложила отпечаток последующая литературная слава Лондона, но несколько слов из них привести стоит. «Тень от света лампы отбрасывала неверный свет, размывая силуэт лица, из которого можно было только рассмотреть огромную меховую шапку и бороду, — вспоминал он, — но был отчетливо слышен голос, и он вызывал симпатию обертонами и интонациями. Он рассуждал об истории, ранней истории, но быстро перешел к современности, указав на тенденции, тянувшиеся из древности, — логика и последовательность его рассуждений привели нас в настоящий восторг... Это было мое первое знакомство с Джеком Лондоном»^[128].

Выразительная зарисовка. Среди золотоискателей было много разного люда, но и из этой пестрой толпы братья выделялись. Прежде всего образованием. Родом они были из Калифорнии, но оба учились на востоке США и окончили Йельский университет, отличались широкой эрудицией, ироническим складом ума. Происходили они из весьма и весьма состоятельной семьи. Отец был верховным судьей штата, владел обширным ранчо. Уже по завершении юконской эпопеи братья эпизодически переписывались с Джеком, несколько раз встречались. В 1901 году Лондон навестил их на родительском ранчо. С его слов Чармиан впоследствии рассказывала в книге, что на Джека визит произвел глубокое впечатление, особенно его поразила огромный дом на 25 спален, и он

решил, что обязательно обзаведется в будущем чем-то подобным. Известно, что намерение свое он осуществил.

Как вспоминал сам Лондон, две с небольшим недели, когда он пользовался гостеприимством братьев в Доусоне, оставили у него самые теплые впечатления. Они спорили о Спенсере, Дарвине и политэкономии, капитализме и социализме, искусстве и литературе, истории и философии. Судя по всему, Джеку импонировало полное отсутствие снобизма у братьев — они общались на равных. Для молодого Лондона это было особенно важно.

Хижина Бондов на берегу Юкона — не только приятные воспоминания, но и «литературный источник». У братьев жила собака (по стечению обстоятельств ее звали Джеком) — большая собака: помесь сенбернара и колли. Она была не только очень сильная (один из Бондов рассказывал, как она без особого труда тащит санки, груженые дровами примерно в тысячу фунтов весом), но и весьма сообразительная. Читатель, разумеется, знаком со знаменитой повестью писателя «Зов предков». Так вот, герой этой истории, пес по прозвищу Бэк (странно, почему Бэк — в оригинале он *Buck*, то есть Бак), как раз оттуда, с Юкона. Это тот самый Джек братьев Бонд. Вспомним начало повести: «Бэк жил в большом доме, в солнечной долине Санта-Клара. Место это люди называли «усадьбой судьи Миллера». Дом стоял в стороне от дороги, полускрытый за деревьями, и сквозь ветви виднелась только веранда, просторная и тенистая, окружавшая дом со всех сторон. К дому вели посыпанные гравием дорожки, они вились по широким лужайкам под стройными тополями, ветви которых сплетались между собой. Территория за домом была еще обширнее. Здесь находились большие конюшни, где хлопотала добрая дюжина конюхов и их подручных, тянулись ряды увитых диким виноградом домиков для прислуги и строго распланированная сеть всяких надворных построек, а за ними зеленели виноградники, пастбища, плодовые сады и ягодники. Была тут и насосная установка для артезианского колодца и большой цементный плавательный бассейн, где сыновья судьи купались каждое утро, а в жаркую погоду и днем»^[129].

Всё это не столько о вымышленном доме «судьи Миллера», сколько о семейном гнезде Бондов в Санта-Кларе — доме, который так поразил Лондона в 1901 году. И «сыновья судьи» действительно «купались каждое утро» в бассейне. Только судью в реальности звали по-другому — досточтимый судья Хайрем Дж. Бонд, а дом называли «Усадьба доктора Бонда».

Наступившие уже в ноябре серьезные холода (температура нередко

опускалась до минус тридцати), конечно, препятствовали какой-либо старательской деятельности. Чем занимались золотоискатели? Общались, ходили в гости, занимались приготовлением пищи (что требовало изрядного времени, как и походы за водой), починкой одежды и инструментов и... ссорились. Удивляться тут нечему — жизнь маленьким коллективом в замкнутом пространстве, разное социальное происхождение и привычки, разные характеры и темпераменты — всё это неизбежно вело к конфликтам и, нередко, очень серьезным. В связи с последним — важная подробность: после ноября в дневнике Фреда Томпсона (а вел он его более-менее регулярно) исчезают упоминания о Джеке Лондоне. С чем это связано? Как раз со ссорой Лондона с остальными обитателями хижины — собственными партнерами. Непосредственным поводом к конфликту стал следующий эпизод. Джек отправился за водой. В условиях Клондайка это означало: взять колун, сходить на Юкон, наколоть льда, погрузить глыбы на санки и подвезти добычу к хижине. Джек взял не колун (он его якобы не нашел), а первый попавшийся топор. Топор принадлежал Слоуперу — плотнику. Тот им не просто очень дорожил, а «лелеял и холил». Ведь это был главный инструмент его ремесла. Джек сломал лезвие. Дело едва-едва не дошло до драки^[130]. Конфликт удалось притушить только тогда, когда провинившийся переехал в другую хижину — к «Доку» Харви и «Берту» Харгрейву. С последними Джек познакомился и подружился уже на острове.

Разумеется, любой почитатель Лондона без колебания встанет на его защиту. Мол, не виноват Джек. Но это не совсем так. Похоже, наш герой сломал топор все же намеренно, и это стало последней каплей в конфликте, который, видимо, зрел уже давно. В дневнике Томпсона есть несколько записей с упоминанием Лондона периода обитания на Верхнем острове, и все они примерно одинакового свойства: мы все что-то делаем, а Джек только курит и разглагольствует. Там есть даже такая ремарка: «за все время он палец о палец не ударил». То есть взаимное раздражение росло. И вот... нашло выход.

Кстати, имеется и иллюстрация к вышесказанному — воспоминания Харгрейва о первой встрече с Лондоном: «Его хижина стояла на берегу Юкона неподалеку от устья реки Стюарт. Хорошо помню, как я в первый раз вошел в хижину. Лондон сидел на чурбаке и сворачивал сигарету. Курил он постоянно... Один из партнеров, Гудмен, занимался стряпней, другой, Слоупер, плотничал. Из тех слов, что расслышал, входя, я понял, что Джек насмешничает по поводу ортодоксальных убеждений Гудмена, а другой отбивается отрывистыми фразами, и оба смеются. Много раз потом и я

испытал остроту выпадов Лондона...» Харгрейв отмечал и горячность Лондона в спорах, и даже некоторую задиристость. Во всяком случае, его товарищ никогда «не упускал возможность сунуть носом собеседника в его собственное невежество». Однако приписывал эту особенность только его молодости, но не характеру, который находил «искренним, веселым», а самого Джека — «человеком с неочерствевшим, юным сердцем»^[131]. Впрочем, если помнит читатель, у Лондона есть рассказ «В далеком краю», и в нем — такие строки:

«Когда человек уезжает в далекие края, он должен быть готов к тому, что ему придется забыть многие из своих прежних привычек и приобрести новые, отвечающие изменившимся условиям жизни. Он должен расстаться со своими прежними идеалами, отречься от прежних богов, а часто и отрешиться от тех правил морали, которыми до сих пор руководствовался в своих поступках. Те, кто наделен особым даром приспособляемости, могут даже находить удовольствие в новизне положения. Но для тех, кто закостенел в привычках, приобретенных с детства, гнет изменившихся условий невыносим, — такие люди страдают душой и телом, не умея понять требований, которые предъявляет к ним иная среда. Эти страдания порождают дурные наклонности и навлекают на человека всевозможные бедствия. Для того, кто не может войти в новую жизненную колею, лучше сразу вернуться на родину; промедление будет стоить ему жизни. Человек, распрощавшийся с благами старой цивилизации ради первобытной простоты и суровой юности Севера, может считать, что его шансы на успех обратно пропорциональны количеству и качеству безнадежно укоренившихся в нем привычек. Он вскоре обнаружит, если только вообще способен на это, что материальные жизненные удобства еще не самое важное. Есть грубую и простую пищу вместо изысканных блюд, носить мягкие бесформенные мокасины вместо кожаной обуви, спать на снегу, а не на пуховой постели — ко всему этому, в конце концов, привыкнуть можно. Но самое трудное — это выработать в себе должное отношение ко всему окружающему, и особенно к своим ближним. Ибо обычную учтивость он должен заменить в себе снисходительностью, терпимостью и готовностью к самопожертвованию. Так и только так он может заслужить драгоценную награду — истинную товарищескую преданность. От него не требуется слов благодарности — он должен доказать ее на деле, воздав добром за добро, короче, заменить видимость сущностью»^[132].

Он, конечно, знал, о чем говорит, — испытал на собственном опыте. А

трагическая история Картера Уэзерби и его визави — иллюстрация того, когда не получается «выработать в себе должное отношение ко всему окружающему, и, особенно, к своим близким».

Но у любой медали, известно, две стороны. Виноват был, конечно, не только Лондон, но и его партнеры — очень трудно подчинять себя обстоятельствам, не каждый на это способен. Зато в обществе Харгрейва и «Дока» Харви Джек чувствовал себя комфортно, и зима прошла, как свидетельствовал он сам в рассказах жене, «в нескончаемых разговорах».

По просьбе Чармиан (вскоре после смерти писателя) Харгрейв написал воспоминания, и часть из них она приводит в своей книге:

«Там нас было совсем немного — в ту зиму в маленьком лагере старателей на Юконе. Мы оказались в полной изоляции, но в убогих хижинах обитало немало милых, замечательных душ. Расскажу вам о них, потому что, прежде всего, о них и писал Джек Лондон. Более того, едва ли среди них сыщется хотя бы один персонаж, кого он не обессмертил в своих сочинениях.

Был там один франко-канадец, по имени Луи Савар. Он был очень сдержан и немногословен — его невозможно было разговорить, он всегда отвечал скупой и односложно. У него были ярко выраженный франко-канадский акцент и совершенно особая манера говорить, которые так восхищали Лондона, а потому он никогда не оставлял попыток втянуть Савара в разговор. Этот самый Луи владел собакой по кличке Ниг — в ее жилах было явно немало крови ньюфа-унленда, и я думаю, что именно этот пес вдохновил Лондона на «Зов предков». Однажды Луи взял собаку в поездку до Шестидесятой мили^[133], и когда Ниг увидел, что его хозяин собирается в обратный путь, пес убежал и вернулся в лагерь в одиночку, заставив Луи тащить санки самому 30 или 40 миль. Савар был так разгневан, что решил убить собаку, и только красноречие Джека Лондона уберегло псину от бесславного конца. Был еще Карти (которого на самом деле, я думаю, звали Картье), Лондон упоминает его, как мне кажется, по имени в одной из своих историй. Был еще Пикок, техасец. Он один и смог осуществить золотую мечту аргонатов. Потом были еще Джон Торстен, Прюитт и Кью, гигант-ирландец... И профессиональный игрок был, его звали Хэнк Путнэм... И судья Салливан — он был одним из моих партнеров, как и доктор Харви. Нельзя, конечно, забыть о Стивенсе, потому что о нем в рассказах Джека о Клондайке написано больше, чем о любом другом из нас.

Хижина у Савара была самой большой и самой теплой, потому и стала излюбленным местом сборищ обитателей лагеря. Луи соорудил большой

камин, и потому мои воспоминания о Лондоне сплетены со множеством часов, проведенных вместе перед его гостеприимным и жизнерадостным огнем. Много долгих ночей мы провели вместе — другие уже давно спали, а мы все говорили и говорили, сидя перед пылающими еловыми поленьями — целыми часами. Так и сейчас стоит перед глазами его красивое, мужественное лицо, на котором вспыхивают отблески пламени, лицо, которое, увидев однажды, уже никогда не спутаешь ни с каким другим. Внешне он выглядел старше своих лет, тело у него было гибким и сильным, шея рельефная, на голове густые, спутанные темно-каштановые волосы, низко падавшие на лоб. Он имел привычку загребать их наверх пятерней, когда разгоралась словесная баталия и он нервничал. У него был красиво очерченный рот, лицо часто озарялось улыбкой, и его не портило даже отсутствие двух передних зубов (он говорил мне, что потерял их в драке во время плавания). Взгляд его часто был обращен внутрь, глаза задумчивы; у него было лицо художника и мечтателя, но не безвольное, а очерченное четкими, сильными, волевыми линиями. Он был человек открытый — настоящий мужчина, самый что ни на есть настоящий.

У него была прямо-таки болезненная тяга к истине. С одной и той же меркой он подходил ко всему: к религии, к экономике, к чему угодно. «Что есть правда?» «Что есть справедливость?» Эти вопросы он ставил постоянно. Он мог мыслить масштабно. Никто не мог не ощутить силы его интеллекта. Помню, видел в хижине судью — он многие годы вершил человеческие судьбы; помню врача-хирурга — о его умении говорили с восторгом; все они были куда старше его годами, но и они сидели, раскрыв рты, когда он объяснял какое-нибудь сложное место в теории Спенсера. Помню, как однажды Джек спровоцировал доктора на дискуссию о бессмертии души. Доктор был блестяще образованным человеком, с неортодоксальными взглядами, но был абсолютно убежден в достоверности будущей жизни. Джек жадно и требовательно просил от него аргументов и научного доказательства этой веры. У доктора был логический ум, и его неспособность выполнить просьбу Джека вызвала у последнего изрядную досаду, хотя доктор привел отличные аргументы, во всяком случае, лучшие, чем возможно для обычного человека. 23 сентября этого года < 1916-го > я отправил Джеку записку, в которой сообщал о смерти доктора, в ответ он послал мне книжку — сборник рассказов «Когда Бог смеется» и написал на форзаце: «Ура доктору Харви! Он был хорошим следопытом и всегда шел впереди нас, да и теперь оказался в авангарде, но на этот раз отчета от него мы не дождемся».

Мы обсуждали самые разнообразные предметы, и часто молчаливый

Луи был нашим единственным слушателем. Наши взгляды не всегда совпадали, а в одном случае, когда мы спорили особенно жарко и аргументы Джека были особенно сильны, только славная улыбка нашего оппонента и могла сгладить горечь поражения. И вот тогда Луи вдруг заговорил: «Парни, вы хорошо, конечно, говорите, но Лондон вам не по зубам — он для вас чертовски умен». А потом Джек уехал...»^[134]

Он действительно уехал. И вот почему. Примерно в марте — апреле у Лондона появились грозные симптомы: все началось с общей слабости, по утрам стало трудно вставать, затем развились боли в пояснице, суставах, стали кровоточить десны, зашатались зубы, а на теле стали появляться язвы. Опытные старатели быстро поставили диагноз — цинга. Да и болел не он один. В разной степени тяжести от цинги к весне страдала добрая половина их небольшого поселка. Лондон довольно впечатляюще описал это массовое заболевание в одном из поздних сборников своих «северных рассказов» — в книге под названием «Смок и Малыш», в рассказе «Ошибка Господа Бога». Он хорошо знал, о чем пишет. Там цинга уничтожила почти целый поселок. А всё потому, что люди питались только консервированными и сушеными продуктами. А в них нет витамина С. Нужна свежая зелень, нужны лимоны, яблоки... Да та же сырая картошка, в конце концов. В рассказе сырой картофель и спас еще живых старателей. У Лондона и его товарищей картофеля не было. Даже с консервированными овощами было плохо. Попытались лечить Лондона и других заболевших хвойным отваром, но (как и в упомянутом рассказе) снадобье это помогало плохо. Поэтому «Док» Харви настоял, чтобы Лондон отправился в больницу, в Доусон. Сам и отвез его на собачьей упряжке. Это было в начале мая. Лечение давалось с трудом. Видя такое положение дел и не наблюдая улучшения, местный врач заключил: больной должен вернуться на «большую землю». Иначе его ждет неминуемая смерть. В июне Лондон простился с Доусоном и Клондайком и отправился в дальнее — 1500-мильное — плавание вниз по Юкону, к Беринговому морю.

«Июнь был в самом разгаре, — писал он несколько лет спустя в очерке, — когда, отвязав фалинь лодки, провожаемые прощальными криками, начали мы свой двухтысячешильный путь вниз по Юкону, к порту Сент-Майкл. Как только стремительное течение (шесть миль в час) подхватило нас, мы обернулись, чтобы в последний раз окинуть взглядом Доусон, населенный комарами, собаками и золотоискателями, унылый и безлюдный Доусон, город, построенный на болоте и залитый теперь до второго этажа вздувшимися водами реки. Друзья старались ободрить нас, воздух огласили приветы родным».

Они отплыли на лодке втроем: Джек и еще двое спутников. Одного звали Джон Торсон — Джек с ним дружил и зимовал в соседних хижинах на Верхнем острове, второго — Чарли Тэйлор, он тоже был нездоров. Вот как описывает Лондон посудину, на которой они пустились в путь:

«Лодка наша была самодельной, не очень прочной и протекала, но как нельзя лучше подходила к суровым условиям путешествия. Вполне возможно, что обструганное и отполированное по всем правилам искусства суденышко выглядело бы более красивым, но мы единодушно сошлись во мнении, что тогда оно было бы не так удобно и положительно дисгармонировало бы с окружающей нас грубой средой. На носу был сооружен навес, а посередине из одеял и сосновых веток — спальня. Далее помещались скамья для гребцов и зажатая между нею и рулевым уютная кухонька. Это был настоящий дом, и нам незачем было сходить на берег, если, конечно, не учитывать любопытства да необходимости запастись хворостом».

А еще, как писал Лондон: «Мы поклялись превратить наше путешествие в приятную прогулку, во время которой все работы будут выполняться силой тяжести, а польза из этого будет извлекаться нами. А каким же это должно стать удовольствием для тех, кто давно уже взял в привычку, навьючив на спину гигантский тюк, целый день тащиться вслед за санями, проделывая каких-нибудь несчастных 25–30 миль. Теперь же мы охотились, играли в карты, курили, ели и спали до отвала, уверенные в своих 6 милях в час, или 144 — в сутки»^[135].

Путь был дальним и, разумеется, небезопасным, питание — однообразным (ели в основном лососей, которых ловили в Юконе), но проходил без особых приключений: 18 июня они уже прибыли в Анвик. До устья оставалось миль 300 или чуть больше, но Джек был совсем плох, и пришлось сделать длительную остановку. Городок был мал (впрочем, сейчас он много меньше, чем тогда), но в нем располагалась христианская миссия, а при ней — больница. Но главное, в Анвике был картофель. Он и спас Лондона — почти как в упомянутом выше рассказе (ну а откуда другой опыт?).

Об Анвике он вспомнил, когда сочинял очерк «Из Доусона в океан» (1897) — о путешествии к Берингову морю: «Только ко времени прибытия в Анвик, в 600 милях от океана, мы по-настоящему оценили все величие реки, по которой путешествовали. У форта Юкон, в 1300 милях от океана, он имеет ширину восемь миль; у Коюкука сужается до двух-трех миль, а от Косеревского^[136] она выдерживает ширину восемь — десять миль до самой

широкой дельты, где ее южный приток отстоит от северного более чем на 80 миль. У Анвика ширина реки 40 миль, а весенний подъем воды — от 30 до 40 футов. Такой огромной шириной река обязана острову, по всей видимости, крупнейшему речному острову в мире, который тем не менее не имеет названия»^[137].

Несмотря на свое состояние, он смог оценить величие реки.

К конечному пункту путешествия, форту Святого Михаила (тот расположен в устье Юкона, на берегу Ледовитого океана), Джек уже окреп и смотрел в будущее с оптимизмом, о чем свидетельствует запись в дневнике: «Я покидаю форт Святого Михаила, и это восхитительный момент». Запись датирована 30 июня 1898 года — этот день стал последним в клондайкской эпопее.

Несколько лет спустя Джек Лондон написал: «С Клондайка я не вывез ничего, кроме цинги». Разумеется, это поза, и он отлично к тому времени понимал, что это совсем не так. Вероятно, он подразумевал тот факт, что не разбогател, не привез золота. Это так. Более того, покинув Аляску, Джек так и остался *чечако* — новичком. Он плохо знал местных индейцев и эскимосов, а то, что знал, рисовало в его представлении весьма неприглядную картину. Опыта золотоискательства у него почти не было, не выживал он при пятидесятиградусном морозе, не гнал через «белое безмолвие» собачью упряжку, едва ли даже сумел бы ее запрячь (да и собак у него тоже не было). И вообще, многого, что составляло рутину жизни старателя на Аляске, ему лично испытать не довелось. Но он очень многое увидел, услышал, наблюдал, и это глубоко и прочно отложилось в его памяти. Он знал золотоискателей — чечако и ветеранов, удачливых и наоборот, он видел смерть, опасность, подлость и благородство. Да и себя испытать сумел. Север «обнажал» человека, «выворачивал» его натуру — и это, конечно, уже тогда было очевидно писателю. Джек Лондон всегда стремился к знаниям — запоем читал книги, постоянно учился, самостоятельно и в школе, и в университете. Университета он не окончил (как, впрочем, и школы) и едва ли догадывался, что опыт, приобретенный на Севере, станет для него главным Университетом, серьезно и глубоко повлияет на его философию жизни.

Глава 4

ПОВОРОТ

«Я сражался и продолжаю вести свой бой

в одиночку...»: 1898—1899

Едва ли, возвращаясь из Клондайка, Джек Лондон даже в самых смелых своих мечтах мог предположить, что пройдет год с небольшим, и он с полным на то основанием сможет сказать о себе: «Я — писатель». А еще через год навсегда уйдет в прошлое и главное его проклятие — бедность. И жизнь совершенно изменится.

30 июня 1898 года он расстался с Аляской. Денег на обратный путь у него, понятно, не было. Все, чем он располагал, — кожаный мешочек (таким в обязательном порядке, чуть ли не первым делом, обзаводился каждый старатель), а в нем с десятков крупинок золота на сумму примерно в пять с половиной долларов. Увы, не он его намыл — это всё, что осталось после того, как Джек распродал свое немудрящее имущество (а расплачивались в Клондайке, разумеется, золотом) и не истратил в Анвике. Замечательный получился сувенир! Джек нанялся кочегаром на первый же пароход — тот шел в Ванкувер. Оттуда, уже пассажиром, на заработанные в плавании деньги добрался до Сан-Франциско, а затем на пароме в Окленд.

Знал ли он, что Джон Лондон умер? Похоже, нет, поскольку это известие стало для него тяжелым ударом. Хотя Джеку было известно, что тот ему не родной отец, но он искренне любил этого человека. Со смертью старшего Лондона закончилось пусть шаткое, но все же относительное благополучие семьи. К тому же Флоре пришлось взять к себе внучонка — шестилетнего Джонни Миллера, сына младшей дочери покойного супруга, Ады. Теперь дом тащила на себе Флора — ей опять пришлось заняться уроками музыки, взяться за шитье и вязание. Впрочем, она продолжала практиковать и спиритические сеансы. А в критические моменты помогала Элиза, подбрасывая то доллар, то два, а то и пять. Дом, в котором они жили, пришлось оставить и переехать в совсем уж непрестижный район. Само собой разумелось, что с возвращением Джек возьмет на себе

функцию главы семьи — главного кормильца.

Если посмотреть на прежнюю жизнь Лондона, то можно заметить, что в предыдущие годы он вел себя довольно странно и непоследовательно: то целиком и без остатка (можно сказать, даже безжалостно) посвящал себя семье, работая и отдавая в дом последний цент (работа на консервной и джутовой фабриках, в трамвайном парке и т. д.), то наоборот — полностью ее игнорировал (эпопея с устричным пиратством, служба в «рыбачьем патруле», «Дорога», Клондайк). Казалось бы, вернувшись с Аляски, он должен был с удесятеренной энергией «взяться за семью». Но... ничего подобного. Буквально через день или два он отправился в Неваду — там случился очередной приступ «золотой лихорадки». Проще всего предположить: опять подхватил «вирус». Но после Клондайка у него неизбежно должен был выработаться стойкий «иммунитет» к подобным «заболеваниям». Скорее всего, данный поступок — следствие растерянности, да и переживаний тоже. Он любил человека, ставшего ему отцом (именно ставшего, а не заменившего!), и его утрата стала тяжелым ударом. К тому же молодой человек был явно не готов к роли главного кормильца семьи. Вполне вероятно, это был своеобразный «тайм-аут» — время, чтобы собраться и понять, что делать дальше.

Впрочем, в Неваде он не задержался: уже 12 сентября возвращается в Окленд, а 13-го пишет большое письмо Теду Эпплгарту (перед спонтанным отъездом за золотом он не удосужился окликнуть друга, да и возлюбленную тоже), которое начинается такими словами:

«Дорогой Тед... Тысяча извинений, что не написал раньше, но меня на самом деле долго не было дома. Сразу по приезде я сорвался в горы — занимался старательством и вот только вернулся — без результата. Так что не стоит теперь писать мне письма, адресуя их в Дайи. Но все хорошо, что хорошо кончается. Что касается моего путешествия: я слег с цингой в мае, а 7 июня послал всё подальше и в компании двух ребят двинулся из Доусона к форту Святого Михаила в маленькой лодке вниз по Юкону. Мы прошли две тысячи миль по реке и 21 — го были на месте, несмотря на все задержки и остановки. Мои партнеры все еще там и зависит от того, *что* они мне напишут, — поеду ли я в феврале туда или нет. Что касается заявленных нами участков, не знаю — они могут принести изрядные тысячи <долларов>, а могут не принести и ничего...»^[138]

А что? Ведь вполне мог отправиться и обратно — если бы от зарегистрированных партнерами участков был прок. Но никакого проку от них, разумеется, не было.

Письмо, фрагмент из которого мы привели, большое, подробное, его

строки дышат уверенностью и бодростью. Но фон у этого письма на самом деле был совершенно иным: именно тогда он взялся за поиски работы... Впрочем, предоставим слово самому Лондону:

«Времена были тяжелые. Даже чернорабочим устроиться было невозможно. <...> У меня не было опыта, если не считать работы в прачечной и на судах. Как глава семьи я теперь не осмеливался уйти в море, а в прачечную устроиться не мог. Я стал на учет в пяти конторах по найму. Поместил объявление в трех газетах. Обошел всех своих немногочисленных знакомых, прося их посодействовать в отношении работы, но сделать это они либо не хотели, либо не могли.

Положение стало отчаянным. Я заложил часы, велосипед и непромокаемый плащ — гордость отца, завещанный им мне. Этот плащ был и остался единственным наследством за всю мою жизнь. Новый он стоил пятнадцать долларов, а ростовщик мне дал за него два. Да, забыл рассказать: как-то раз ко мне явился один из моих давнишних портовых дружков и принес фракную пару, завернутую в газетную бумагу. Он не мог вразумительно объяснить мне, как попал к нему этот костюм, да я и не требовал подробностей. Я решил взять у него этот костюм. Не для того, чтобы носить. Боже упаси! Я дал ему взамен кучу ненужного старья, которое не брали в заклад. Он распродал это старье по мелочам и кое-что за него выручил. А фракную пару я заложил за пять долларов, небось, она до сих пор висит у ростовщика на вешалке. Я и не собирался ее выкупать.

Работы по-прежнему не было. А ведь на рынке труда я был выгодным товаром. Мне было двадцать два года, я весил сто шестьдесят пять фунтов, и каждый фунт был годен к работе; цинга моя почти прошла: я лечился тем, что жевал сырой картофель. Я обошел все места, где требовались рабочие, пробовал даже стать натурщиком, но художественные мастерские и без меня осаждало множество безработных парней с хорошим телосложением. Я писал по объявлениям, предлагал свои услуги для ухода за престарелыми калеками. Надумал было заняться продажей швейных машин на комиссионных началах, без жалованья, но, узнав, что в тяжелые времена бедняки не покупают швейных машин, отказался от роли агента. Конечно, наряду с такими легкомысленными затеями я готов был наняться чернорабочим или портовым грузчиком куда угодно! Надвигалась зима, и в армию городских безработных вливались еще и сельские батраки. А тут, как на грех, я не был членом профсоюза: не до того мне было, когда я гулял по свету или штурмовал высоты наук!

Я брался за всё, работал и поденно, и почасно. Подстригал траву на газонах, подрезал живые изгороди, выбивал ковры. Пошел держать экзамен

на почтальона и сдал лучше всех. Но, к сожалению, вакансий не было, и меня поставили на очередь. В ожидании, пока подойдет моя очередь, я подрабатывал по мелочи то тут, то там»^[139].

Лондон говорил, что в ту пору совершенно не думал о литературном труде. Более того, утверждал: «О литературной деятельности я больше не помышлял. С этим покончено!» Лукавил. В том же, только что упомянутом письме Эдварду Эпплгарту добрых две трети посвящено подробному разбору поэтических текстов товарища. Джек апеллирует к Шекспиру, Браунингу, Лонгфелло; строчка за строчкой обстоятельно анализирует поэтический текст, предлагает варианты, объясняет, почему одно слово следует заменить другим, почему тот или иной оборот неудачен. Какое уж тут: «Я давно уже отказался от мысли стать писателем»! Да и тот простой факт, что он якобы «от вынужденного безделья» взялся за очерк — о том, как путешествовал в лодке по Юкону и проделал почти две тысячи миль за 19 дней, — тоже весьма красноречив. Он вспоминал, что принялся за дело только для того, чтобы «получить десять долларов», утверждая, что в жизни не писал для газет и не знает, откуда взялась уверенность, что ему заплатят. И опять — лукавство. Особенно если вспомнить успех, который выпал на долю «Тайфуна у берегов Японии», и — чек на 25 долларов. Да и публикации в *Aegis* чего-то стоили. Тем более что мать весьма поддерживала сына в литературных начинаниях и, безусловно, верила в него. Вот кто не верил, так это Мэйбл, его возлюбленная (вспомним, как реагировала Руфь в «Мартине Идене» на планы героя стать писателем). Реальная Мэйбл Эпплгарт, скорее всего, согласилась бы с таким ее высказыванием: «Мне бы хотелось, чтобы любимый и уважаемый мною человек был занят более серьезным и достойным делом, нежели сочинительство... Я считала и сейчас считаю, что вам всего лучше было бы научиться стенографии — писать на машинке вы умеете — и поступить в папину контору. У вас большие способности, и я уверена, что вы могли бы стать хорошим юристом». А может быть, нечто подобное и высказывала.

Но стоит ли порицать ее за это? Она любила Джека и хотела выйти за него замуж (вполне естественное стремление!), а потому, конечно, желала ему, да и себе, добра — в соответствии со своими (безусловно, мелкобуржуазными) представлениями. Но если Мэйбл, привыкая к Джеку (девушке из хорошей семьи нужно время!), любила его всё больше, то он после путешествия на Север, похоже, постепенно начал от нее отдаляться, «перерос» свою любовь.

Сомнения Лондона той поры иллюстрируют мысли Мартина Идена:

«Мартин не стал меньше любить и уважать Руфь оттого, что она

проявляла такое недоверие к его писательскому дару. За время своих «каникул» Мартин очень много думал о себе и анализировал свои чувства. Он окончательно убедился, что красота ему дороже славы и что прославиться ему хотелось лишь для Руфи. Ради нее он так настойчиво стремился к славе. Он мечтал возвеличиться в глазах мира, чтобы любимая женщина могла гордиться им и счесть его достойным. Мартин настолько любил красоту, что находил удовлетворение в служении ей. И еще больше он любил Руфь. Любовь казалась ему прекраснее всего в мире. Не она ли произвела в его душе этот великий переворот, превратив его из неотесанного матроса в мыслителя и художника? Что ж удивительного, что любовь представлялась ему выше и наук, и искусств».

Но в то же время: «Мартин начинал уже сознавать, что в области мысли он сильнее Руфи, сильнее ее братьев и отца. Несмотря на преимущества университетского образования, несмотря на звание бакалавра искусств, Руфь не могла и мечтать о таком понимании мира, искусства, жизни, каким обладал Мартин, самоучка, еще с год назад не знавший ничего».

Воззрения Мэйбл поддерживала прагматичная Элиза. Она хотела, чтобы у брата было постоянное и приличное занятие. И для Джека ее мнение значило куда больше, чем мнение матери. Тем не менее он продолжал сочинительство. За очерком, который Лондон послал в одну из сан-францисских газет (это была *San Francisco Bulletin* — газета крупная, живо интересовавшаяся новостями из Аляски; непонятно, почему Ирвинг Стоун написал, что тот отослал очерк в *San Francisco Examiner*, ведь этот факт хорошо известен)^[140], он взялся за повесть для детей, ориентируясь на популярный в то время журнал *Youth's Companion*, публиковавший такую литературу. Он закончил повесть за неделю, написал статью, потом принялся за рассказы, в основу которых легли недавние северные впечатления. С утра он занимался поисками работы, потом до изнеможения трудился за письменным столом. Цец, как не собственный, опыт передал Лондон Мартину Идену (не зря же он заявлял: «Мартин Иден — это я!»). Это он, Джек Лондон: «Работал он за троих. Спал всего пять часов, и только железное здоровье давало ему возможность выносить ежедневное девятнадцатичасовое напряжение труда». Это он «не терял ни одной минуты».

«Метбда», которую он приписал своему герою, была, конечно, его собственным изобретением:

«За рамку зеркала он затыкал листочки с объяснениями некоторых слов и с обозначением их произношения: когда он брился или

причесывался, он повторял эти слова. Такие же листочки висели над керосинкой, и он заучивал их, когда стирал или мыл посуду. Листки все время сменялись. Встретив при чтении непонятное слово, он немедленно лез в словарь и выписывал слово на листочек, который вывешивал на стене или на зеркале. Листочки со словами Мартин носил и в кармане и заглядывал в них на улице или дожидаясь очереди в лавке».

Эту систему Мартин (Джек Лондон) применял не только к словам:

«Читая произведения авторов, достигших известности, он отмечал особенности их стиля, изложения, построения сюжета, характерные выражения, сравнения, остроты — одним словом, все, что могло способствовать успеху. И все это он выписывал и изучал. Он не стремился подражать. Он только искал какие-то общие принципы. Он составлял длинные списки литературных приемов, подмеченных у разных писателей, что позволяло ему делать общие выводы о природе литературного приема, и, отталкиваясь от них, он вырабатывал собственные, новые и оригинальные приемы и учился применять их с тактом и мерой. Точно так же он собирал и записывал удачные и красочные выражения из живой речи — выражения, которые жгли, как огонь, или, напротив, нежно ласкали слух, яркими пятнами выделяясь среди унылой пустыни обывательской болтовни. Мартин всегда и везде искал принципы, лежащие в основе явления. Он старался понять, как явление создается, чтобы иметь возможность самому создавать его. Он не довольствовался созерцанием дивного лика красоты; <...> он, как химик в лаборатории, старался разложить красоту на составные части, понять ее строение»^[141].

Это должно было помочь ему создать собственную красоту, отыскать ключ к успеху.

Довольно быстро особое место среди «разных писателей» занял Киплинг, его «химию» Лондон изучал последовательно и тщательно, нередко даже переписывая от руки рассказы мастера целиком^[142]. В этом был, по его мнению, очевидный резон: тогда Киплинг был, пожалуй, самым популярным англоязычным писателем. К тому же он писал «экзотические» рассказы и повести. За короткую жизнь у Лондона накопилось столько «экзотики», что он вполне мог разрабатывать то же поле. Тем более что тема Клондайка, золотоискателей, стойкости и мужества старателей совершенно не была отражена в литературе. Да и то обстоятельство, что англичанин являлся еще и самым высокооплачиваемым (Джек вычитал это в какой-то газете), тоже было существенно — ведь он собирался зарабатывать литературой. Конечно, Джек Лондон не надеялся, что ему

сразу станут платить, как Киплингу. Во всяком случае, может быть, потом, когда он прославится... В одном из журналов он прочитал: стандартная плата, которую предлагают авторам в США, — два цента за слово. Таким образом, получалось, что за рассказ он мог получить от десяти до двадцати долларов. Чтобы сочинить рассказ, ему требовалось два, максимум — три дня. Перспектива рисовалась головокружительная! Он подсчитал: чтобы жить в достатке, ему хватит одного рассказа в месяц — даже в два месяца (ну, еще один рассказ нужен, чтобы расплатиться с долгами и забрать заложенное из ломбарда). А потому — писал, писал и писал, а потом перепечатывал на допотопной машинке (ее он позаимствовал у мужа Элизы). Кстати, в романе «Джон Ячменное Зерно» есть пассаж по этому поводу. Трудно удержаться, чтобы не напомнить его читателю:

«Это была удивительная машинка. Я готов и сейчас заплакать, вспоминая свои поединки с ней. Она была, пожалуй, из самых первых пишущих машин: более допотопной конструкции я не встречал. <...> В этой машинке сидел какой-то дьявол. Она не подчинялась никаким известным физическим законам и опровергала древнюю аксиому, что одинаковые предметы, применяемые в одинаковых условиях, дают одинаковые результаты. Клянусь, ее нельзя было заставить работать одинаково два раза подряд. Она упрямо доказывала, что только разные условия приносят одинаковые результаты. Как у меня болела от нее спина! До знакомства с ней я был далеко не неженкой и выдерживал любое, самое сильное физическое напряжение, а тут она убедила меня, что я далеко не Геркулес. После каждой новой схватки с ней я испытывал такие боли в плечах, что заподозрил с ужасом у себя ревматизм. Стук от нее был невероятный: издали казалось, будто грохочет гром или раскалывают топором мебель, потому что клавиши работали лишь тогда, когда по ним колотили с огромной силой. У меня даже связки на больших пальцах растянулись, и руки болели по локоть, а на концах пальцев натерлись волдыри, которые лопались и возникали снова. Если бы это была моя собственная машинка, я работал бы на ней молотком. А ведь мне приходилось не просто бороться с машинкой, а перепечатывать рукописи! Выстукивание тысячи слов превращалось в подвиг, сопровождаемый тысячью проклятий. Но я-то писал в день куда больше, чем тысячу слов. Я стремился поскорее перепечатать мои творения и разослать по редакциям, уверенный, что там их ждут не дождутся»^[143].

Рукописи разлетались по всей стране: на Восток, Северо-Восток, в НьюЙорк и Филадельфию, в журналы южных штатов, в калифорнийские. Но обратная связь практически отсутствовала. Впрочем, из *Bulletin* в конце

концов ответили: «Интерес к Аляске поразительным образом сильно упал. В то же время написано о ней так много, что я не думаю, что мы сможем купить вашу историю. Редактор»^[144].

Не менее печальная судьба оказалась у повести, которую он отослал в *Youth's Companion*. История называлась «Где мальчики становятся мужчинами» (*Where Boys are Men*) и включала семь глав (три тысячи слов). После долгого молчания ее отвергли (год спустя ее приняли в журнале *Youth and Age*, но напечатана она так никогда и не была).

Джек решил извлечь из небытия свои старые творения, в основном фантастику, — то, что насочинял еще до Севера. Что-то, видимо, он чуть переделал (речь идет о рассказе *The Ghostly Chess Game* — на русский он не переведен), но остальные просто перепечатал (это «Тысяча смертей», «Чумной корабль» и еще два или три) и отослал. Часть рассказов («О Хару», «Шутка махатмы» и «Два куска золота») — отверг, посчитав слабыми и недостойными публикации^[145]. Даже на марки и конверты были нужны деньги, да и есть что-то надо было.

Джека мучило, что он «сидит на шее» у матери и Элизы, но работы по-прежнему не было. Он вновь и вновь штудировал газеты и журналы, пытаясь понять, на чем можно заработать. Взятая сочинять небольшие заметки на разнообразные темы, юмористические сценки и анекдоты, шутки и комические стишки, которые обязательно присутствуют в каждом номере, но и здесь — никакой реакции. Выяснил: большинство газет получают материалы подобного рода из специальных агентств, так называемых «синдикатов». Он отправил несколько заметок в один из них и очень скоро получил ответ: «Синдикат организует материал силами своих штатных сотрудников». Они не кривили душой — дело действительно обстояло именно так. Ведь и газета — прежде всего бизнес, и он должен быть организован (и — был организован!) наиболее эффективным образом. При этом, сравнивая свои тексты «с тем, что печаталось в газетах и дешевых еженедельных журнальчиках, он... находил, что пишет гораздо лучше». Возможно, так оно и было. Во всяком случае, он так считал. Если бы у Лондона был кто-то, кто мог ему помочь, привести в редакцию, представить, вероятно, ему удалось бы попасть в число авторов. Но такого человека рядом не было.

Он вспоминал: «Я страдал оттого, что не с кем было посоветоваться. Я не знал ни одного литератора — даже начинающего, ни одного репортера».

Так ли это? В общем его слова вполне искренни. Но главным образом потому, что он сам не искал подобных контактов. Ведь был же среди его

знакомых тот же Эдвард Эпплгарт (стихи которого Джек разбирал) — он иногда публиковал в журналах стихотворения и эссе. У него должны были быть знакомые в литературных кругах. Они определенно имелись у другого приятеля Лондона — его спарринг-партнера по боксу и фехтованию, а также начинающего литератора Германа «Джима» Уитакера (*Whitaker*), и среди них (это хорошо известно!) был Амброс Бирс (*Bierce*). А уж он-то мог открыть двери (по крайней мере на Дальнем Западе США) любому автору. И довольно многим — открыл. В том числе и Уитакеру, и другому (будущему) другу Джека — поэту Джорджу Стерлингу (*Sterling*)^[146]. Однако похоже на то, что Лондон (сознательно или бессознательно?) сам избегал подобных отношений. Об этом косвенно говорит фраза, прозвучавшая из его уст: «Я чувствовал, что добиться литературного успеха можно лишь, если забыть всё, чему учили в средней школе и университете». Потому что «профессора и преподаватели не были способны научить писать так, чтобы увлечь читателей на пороге нового века». А он, вероятно, считал, что *знал*, как это сделать. К тому же был самоучкой и обладал слишком большим жизненным опытом, чтобы прислушиваться к кому бы то ни было. Возможно, инстинктивно чувствовал неизбежный, как сказали бы сейчас, «когнитивный диссонанс», а проще говоря, психический дискомфорт.

Вот такие они — самоучки. «Упертые». В принципе — не способные доверять кому-нибудь, помимо себя самого.

Вот он и пробивался самостоятельно. Потому что по-другому не мог — только вперед и только в одиночку.

Это время длиной в год (лето 1898-го — весна 1899-го) Джек Лондон назвал самым трудным в своей жизни. Период был действительно очень труден во всех смыслах.

Во-первых, с финансовой стороны («Деньги у Мартина были на исходе... Разнообразные кушанья уже не готовились в его маленькой кухне, так как у него оставалось всего с полмешочка рису и немного сушеных абрикосов. Этим он и питался в течение пяти дней». Чуть позже: «Последней его покупкой в овощной лавке был мешок картофеля, и целую неделю он ел одну картошку по три раза в день...» Тогда же: «Время от времени он обедал у Морзов и этим поддерживал немного свои силы, хотя, глядя на множество расставленных на столе яств и из вежливости отказываясь от лишнего куска, он испытывал танталовы муки. Иногда, поборов стыд, Мартин отпраивался в обеденное время к своей сестре и там ел столько, сколько осмеливался, — впрочем, все-таки больше, чем у Морзов». И наконец: «Несколько дней спустя Мартин заложил часы, а

потом и велосипед; сэкономив на провизии, он купил марок и снова разослал свои рукописи»... — это «Мартин Иден». Свидетельства подобного рода из книги «Джон Ячменное Зерно» уже приводились, но вот еще одно оттуда же — очень короткое: «Положение стало отчаянным...»).

Во-вторых, в творческом плане. Литературные неудачи воспринимались Лондоном явно тяжелее финансовых — в конце концов, к лишениям, бедности, даже к недоеданию он был привычен, а вот то, что его не печатают и он не понимает причин, было, конечно, почти невыносимо...

В-третьих, тяжким грузом давило непонимание Мэйбл — ее «мелкобуржуазное» сознание (несмотря на степень бакалавра искусств Стэнфордского университета), как уже говорилось, просто-напросто не способно было принять тот факт, что творчество может быть целью и содержанием жизни. Искусство — музыка, живопись, стихи и проза — всё это прекрасно, но, помилуйте, какое отношение они имеют к комфортному существованию человека, семьи? Вот бизнес, какая-то «практическая» специальность, вроде юриспруденции или бухгалтерии, приносящие реальный доход, — другое дело. Роман «Мартин Иден» насыщен суждениями Руфи по этому поводу. Стоит ли сомневаться, что в них — отзвуки тех дискуссий, которые вели (устно и письменно) Джек Лондон и Мэйбл Эпплгарт? После возвращения Лондона из Клондайка влюбленные начали отдаляться. Это — очевидно. Джек, повторим, «перерос» этот (возможный) союз. Чувства умирали. А это всегда мучительно больно. Мэйбл все еще хотела выйти за него замуж, но «мезальянс» (а это был, по ее мнению — и ее матери! — мезальянс) должен быть подкреплен материальным успехом, какой-то, пусть небольшой, финансовой стабильностью. Но ничего подобного и близко не было. Он отдалялся — «дрейфовал» куда-то в сторону, туда, где, по ее представлениям, не может быть ни того ни другого. Непонимание рождало взаимное раздражение. Слишком редкие встречи — Джек обитал в Окленде, а она (с папой и мамой) в Сан-Хосе — и «любовь по переписке», конечно, усложняли отношения. Судя по всему, кризис пришелся на конец осени 1898-го — зиму 1899 года. 30 ноября Джек пишет Мэйбл большое письмо, в котором обвиняет возлюбленную в непонимании и пытается откровенно рассказать о себе. Это письмо часто используют биографы — в нем Джек Лондон весьма ярко живописует некоторые детали собственного детства. Но нас интересуют не они, а вот этот пассаж — в самом начале письма:

«Я весьма ценю ваш интерес к моим делам, но — между нами нет ничего общего. В общем — очень и очень примерно — вам известны мои устремления; но относительно реального Джека, его мыслей, чувств и т. д.

вы находитесь в полном неведении. И тем не менее сколь бы мало вы ни знали обо мне, вам все-таки известно больше, чем любому другому. Я сражался и продолжаю вести свой бой в одиночку».

Кстати, в том же письме есть и слова о сестре Элизе, которую Лондон тоже обвиняет в непонимании и (не без оснований) в ней видит «союзника» Мэйбл:

«Вы пишете — следуйте советам сестры. Я знаю, что она любит меня. И знаю, как сильно она меня любит. И даже знаю, почему. Но в то же время, хотя мы живем рядом и общаемся постоянно, но разговариваем по-настоящему, в лучшем случае, раз в год. Если бы я слушал ее, следовал ее советам, то сейчас, скорее всего, был каким-нибудь клерком с зарплатой в сорок долларов ежемесячно, чиновником на железной дороге или чем-нибудь еще вроде этого. И зимнее пальто было, ходил бы в театр, круг знакомых был бы у меня приличный — в каком-нибудь дурацком обществе состоял и разговаривал бы как обыватель, и мысли у меня были бы такие же — обывательские. Короче говоря: набивал брюхо, жил в тепле, не мучился сомнениями, не страдал амбициями, не скребло бы на сердце и никаких устремлений, разве что мебель сменить да жениться»^[147].

Довольно жестко сказано. И слова эти, конечно, обидели Мэйбл. Но вот ведь в чем парадокс: упрек, адресованный Элизе, адресован и невесте — ведь и она хотела примерно этого. Признавалась себе или нет, но хотела «простого женского счастья». Тем более что сестру Джек понимал и оправдывал: «...она одинока, бездетна, муж у нее больной... — ей надо кого-то любить». Впрямую он не спросил Мэйбл: «А ты-то почему такая?» Но вопрос звучит между строк.

Она обиделась. Не ответила на это письмо. Не ответила и на следующее — декабрьское и... даже не поздравила Джека 12 января с 23-летием^[148]. Вообще-то, эти письма — ноябрьское, декабрьское и рождественское^[149] — свидетельства глубокой депрессии, в которой пребывал Лондон. На Рождество он писал Тэду Эпплгарту: «Никогда в жизни мне не было так тяжело, как сейчас». Фрэнк Аттертон, друг детства, с которым Джек иногда встречался и обменивался письмами, сообщал, что в эти дни он заговаривал с ним о самоубийстве — «намекал», что и такой вариант возможен^[150]. Положение и в самом деле было очень и очень печальное: все, что можно было заложить, он заложил, работы не было, денег не было, из редакций никакого отклика. Даже писать он не мог — 31 декабря заканчивался срок аренды пишущей машинки (разумеется, на прежней, допотопной, он уже не работал), а денег, чтобы заплатить, у него

не было. Да что там машинка! Шла зима, зимой в этих краях холодно, а пальто у него не было — давно пылилось в ломбарде.

Вместе с тем нельзя сказать, что Джек «закусил удила». Еще в начале осени, 1 октября 1898 года, он сдавал (и серьезно готовился!) экзамен на должность почтового чиновника. В январе подвели итоги этого конкурса и сообщили, что он набрал максимальное количество баллов и стоит первым в списке, но... вакансии придется подождать. Сколько? Никто не давал ответ, но ему пообещали высокую зарплату — первые полгода 45 долларов в месяц, а затем уже и 65 долларов. О своем успехе он не преминул сообщить Мэйбл^[151]. Она больше не дулась.

Занятия литературой продолжались и не стали менее интенсивными. Он вспоминал: «Я просиживал за столом с рассвета до поздней ночи: писал и перепечатывал на машинке, штудировал грамматику, разбирал произведения и стили разных авторов, читал о жизни известных писателей, стараясь понять причины их успеха. Пяти часов сна мне было достаточно, остальные девятнадцать я работал почти без передышки. Свет в моей комнате не гас до двух-трех часов ночи...»

Джек вспоминал свои мечты тех дней: «Ох, если бы сейчас освободилась вакансия на почте, вот было бы счастье!» Но вакансия не открывалась и «никаких перспектив постоянной работы не было».

Однако судьба уже поворачивалась к нему лицом — просто он еще об этом не знал. Первый сигнал поступил из журнала *Overland Monthly*. Вскоре после Нового года Лондон получил от его редактора письмо, в котором тот предлагал опубликовать один из присланных им в редакцию «северных рассказов» (это был знаменитый «За тех, кто в пути»), рассыпал похвалы, но заплатить обещал... только пять долларов.

Казалось бы, радостное известие, но вместо радости автор рассказа, похоже, испытал разочарование. Ведь он был уверен, что ему заплатят никак не меньше десяти долларов, а тут только пять... Гневную филиппику по этому поводу читатель, возможно, помнит — Джек Лондон вложил ее в уста Мартина Идена:

«Пять долларов за пять тысяч слов! Вместо двух центов за слово — один цент за десять слов! А издатель еще расточает ему похвалы, сообщая, что чек будет выслан немедленно по напечатании рассказа! Значит, все это было вранье — и то, что минимальная ставка два цента за слово, и то, что платят по приеме рукописи. Все было вранье, и он просто-напросто попался на удочку. Знай он об этом раньше, он не стал бы писать. Он пошел бы работать — работать ради Руфи. Он ужаснулся, подумав о том, сколько времени было потрачено на писание. Ради того, чтобы в конце концов

получить по центу за десять слов! И другие блага и почести, которые, по словам газет, сыпались на писателей, вероятно, тоже существовали лишь в воображении газетчиков. Все его полученные из вторых рук представления о писательской карьере были неверны: доказательство налицо. «Трансконтинентальный ежемесячник» стоит двадцать пять центов номер, и красивая обложка указывает на его принадлежность к первоклассным журналам. Это старый, почтенный журнал, начавший издаваться задолго до того, как Мартин Иден появился на свет. На его обложке неизменно печатается изречение одного всемирно известного писателя, указывающее на высокие задачи «Трансконтинентального ежемесячника», на страницах которого начало свою карьеру упомянутое литературное светило. И вот этот-то вдохновляемый высокими задачами журнал платит пять долларов за пять тысяч слов! Тут Мартин вспомнил, что автор изречения недавно умер на чужбине в страшной нищете, — и решил, что ничего удивительного в этом не было. Да. Он попался на удочку. Газеты наврали ему с три короба про писательские гонорары, а он из-за этого потерял целых два года! Но теперь довольно. Больше он не напишет ни одной строчки! Он сделает то, чего хочет Руфь, чего хотят все кругом, — и поступит на службу»^[152].

Конечно, реальные эмоции от их литературного воплощения отделяют десять лет. И некоторая драматизация неизбежна и, разумеется, присутствует. Но наверняка нечто подобное испытывал тогда и Джек Лондон. Правда, писатель (и создатель журнала) Брет Гарт, которого упоминает Мартин Иден, тогда был еще жив, да и умер он в 1902 году отнюдь не «в страшной нищете». А вот по поводу «вдохновляемого высокими задачами журнала» он зря иронизировал: в те годы журнал переживал не лучшие времена, но задачи (изначально, да и тогда) у него действительно были «высокими» — развивать местную, калифорнийскую (и вообще западную) литературу. Это объяснил молодому автору редактор, когда они встретились по приглашению последнего. Он же предложил Лондону и первый в его жизни контракт — на шесть рассказов, которые опубликует журнал. Заплатить обещал, правда, немного — всего по семь с половиной долларов за публикацию. «Но, вы же понимаете, главное для вас сейчас не деньги, а литературная репутация, — утверждал он, — публикуясь в «Оверленде», вы ее получаете». Разумеется, Лондон согласился.

Джеймс Бридж, тогдашний редактор «Оверленда», почти 40 лет спустя вспоминал:

«Однажды, уже в конце 1898-го, мой помощник по фамилии Грин

зашел ко мне в кабинет и сказал, что там снаружи один молодой человек, он принес рассказ, который хочет продать, но ответ хочет получить немедленно — возможно это или нет. Я вышел в приемную и поздоровался с ним. Он сказал, что его зовут Джек Лондон.

— То есть Джон, — сказал я.

— Нет, просто Джек, — так он ответил.

Выглядел он как бродяга и совершенно не напоминал внешне человека, который способен сочинить подходящий рассказ для почтенного издания, созданного Бретом Гартом. Но когда он сказал, что только вернулся с Клондайка, я сказал:

— Давайте сюда ваш рассказ и приходите завтра.

Я взял рукопись домой и вечером прочитал. Ничего в жизни так меня не удивляло. Рассказ назывался «За тех, кто в пути. Рождество на Клондайке». Это был первый из рассказов с Мэлмутом Кидом и один из лучших у Джека Лондона. Я понял, что он никогда не публиковался прежде и пришел в редакцию потому, что ему позарез нужны деньги. Конечно, никаких сомнений у меня не было, когда он явился на следующий день.

— Мы берем вашу историю и заплатим за нее по максимальной ставке — 25 долларов. Если вы сочините для нас серию из шести рассказов, я заплачу вам за каждый столько же и сразу. Мэйнард Диксон <художник «Оверленда»> проиллюстрирует их, опубликуем, а потом вы можете поступать как хотите, — вы вольны предложить их в журналы на Востоке и получить за них те деньги, которых они достойны. Могу вам сказать: ваши тексты стоят больше, чем я могу за них заплатить»^[153].

Как мы видим, версия редактора журнала сильно отличается и от сведений биографов, да и от слов самого Лондона. Скорее всего, истина не на стороне мистера Бриджа — уж очень его слова похожи на сказку.

Тем не менее именно *Overland Monthly* открыл Джека Лондона. И, конечно, это было не первое «открытие» журнала. Среди них были и Амброс Бирс, и Гертруда Аттертон, и Фрэнк Норрис, да и многие другие калифорнийские писатели. И после Джека Лондона они тоже — будут.

Но едва ли сам «открытый» тогда задумывался о литературной «репутации». Больше о деньгах. Даже семь с половиной долларов в месяц стабильного дохода — в его положении это были деньги, которые помогали не жить, но выживать.

Через некоторое время пришло еще одно — для Лондона более радостное — известие^[154]. Бостонский журнал «Блэк кэт» предлагал опубликовать его ранний (1897 года) фантастический рассказ «Тысяча

смертей» и обещал заплатить 40 долларов, если автор сократит его вполовину. Разумеется, он ответил согласием, и скоро вождеденный чек оказался у него в руках.

Это была настоящая радость. 40 долларов — так много! Это решало проблемы! Джек Лондон вспоминал: «Я выкупил велосипед, часы и отцовский плащ и взял напрокат пишущую машинку. Заплатил долги в лавки, которые предоставляли мне небольшой кредит. Один португалец-бакалейщик никогда не разрешал мне набирать больше, чем на четыре доллара, а другой, по фамилии Гопкинс, установил лимит в пять долларов».

И надо же было так случиться, что как раз в это время освободилась вакансия в почтовом отделении Окленда. И Лондона вызвали в почтовое ведомство.

«Я попал в чрезвычайно затруднительное положение, — вспоминал писатель. — Постоянное жалование в шестьдесят пять долларов было огромным соблазном. Я не знал, на что решиться. Никогда не смогу простить начальнику почтовой конторы Окленда его отношения ко мне. Я пошел к нему по вызову, надеясь поговорить с ним как с человеком. Я честно выложил ему, как обстоят дела: кажется, я нашел свое призвание, начал я хорошо, но уверенности все-таки не чувствую. Не мог бы он взять следующего кандидата из списка, а меня передвинуть на его место в очереди?»

Начальник грубо прервал меня:

— Значит, вы не желаете занять это место?

— Да нет же, — возразил я, — я только прошу вас, разрешите мне подождать!

— Или поступайте сейчас же, или заявите, что вы отказываетесь, — ответил он ледяным тоном.

К счастью моему, грубость этого человека вывела меня из себя.

— Ладно, отказываюсь, — сказал я.

Так я сжег свои корабли и занялся литературной деятельностью»^[155].

Стоит ли сомневаться, что это был «перст судьбы». Джек Лондон шел той дорогой, которая была ему предначертана.

Успех: 1899-1900

Иной может предположить: не откажись Лондон от должности на оклендском почтамте, жизнь у него пошла бы совсем по-другому. Вел бы размеренное существование, получал хорошую зарплату, женился бы,

наконец, на любимой женщине — Мэйбл Эпплгарт, обуржуазился и бросил бы сочинительство. Но — не получается. Не вяжется с логикой характера. Да и рассуждения в сослагательном наклонении — нет в них проку. А что касается любимой женщины... Любовь, как мы видим, постепенно угасала, и смерть ее была не то что «не за горами», а напрямую связана с первыми литературными успехами Лондона.

Джек, конечно, не мог не поделиться с любимой радостными новостями. Тем более что февральский номер «Оверленда» вышел с рассказом «Белое безмолвие». Восторгов Лондона она не разделяла, не понимая, чему радуется жених, — ведь это не сулило верного дохода. К тому же он и сам частенько сетовал на тяжелые финансовые обстоятельства. Вот выдержка из февральского письма к Мэйбл: «Вы же знаете, что мы едва сводим концы с концами — все, что зарабатывается, тратится без остатка, большинство принадлежащих мне вещей в закладе, а счета бесконечны...» Но «Оверленд» исправно публиковал (платил, правда, не так исправно из-за финансовых трудностей) его «северные рассказы»: в апреле, мае, июне и июле на его страницах появилось еще несколько историй об Аляске^[156].

В июле Джек наконец смог вырваться в Сан-Хосе, к любимой. Они решили устроить велосипедную прогулку и пикник. Джек чувствовал себя победителем и не скрывал своих литературных планов и надежд. Мэйбл поинтересовалась, сколько он заработал своими рассказами, он назвал цифру (а уж он-то точно знал, сколько!), в ответ она... расплакалась. Мэйбл не считала, что он одержал победу. На эти деньги прожить невозможно. Куда лучше, если он пойдет на почту — там верный и стабильный доход, и они смогут пожениться. И вот тогда он признался, что отказался от должности, когда открылась вакансия. Как же так? Значит, он ее обманывал? Ведь он писал ей^[157], обещал... Вероятно, примерно так развивался разговор. Биографы утверждают: Джек пытался переубедить Мэйбл, прочитал ей новый рассказ, видимо, надеясь, что он произведет впечатление и убедит ее в блестящих литературных перспективах, но, на вкус высокообразованной и высоконравственной подруги, тот был слишком груб, изобиловал просторечиями и показывал жизнь слишком жестокой и непривлекательной. В общем, нечего и мечтать зарабатывать на жизнь сочинением подобных историй. Тем более что и платят за них сущие гроши. Может быть, он все-таки бросит это занятие и займется чем-нибудь более надежным и серьезным? Подыщет службу?

Вот так и закончился этот роман. Возвышенный и красивый, но с

самого начала обреченный: уж очень разными они были людьми. Мы можем только догадываться, какую глубокую и болезненную рану нанес Джек Мэйбл Эпплгарт. Во всяком случае, замуж девушка так и не вышла: видимо, слишком много времени и душевных сил потратила на Джека. Что касается писателя... О его чувствах судить легче — у нас есть роман «Мартин Иден», а в нем — Руфь Морз и вся история их отношений. Р. Балтроп называет Руфь «слабым и жалким созданием» и утверждает, что Лондон «так и не простил Мэйбл неверия в его силы». Это, конечно, не совсем так. Автор романа сурово судит свою героиню, но и любит ее, и признает, что она очень много сделала для главного героя. В самом деле, сумел бы Джек Лондон «подняться», если бы не Мэйбл Эпплгарт и его любовь к ней?

Вторая половина 1899 года для Джека Лондона (как, впрочем, и первая) — время очень напряженной работы. По свидетельствам исследователей творчества писателя, за предыдущий год он сочинил около семидесяти текстов. Разнообразие их поражает: рассказы, шутки, стихотворения (лирические, сатирические, юмористические; среди них есть даже сонет и триолеты!), статьи, очерки, зарисовки и сценки, одна повесть. Это объяснимо: он искал путь на страницы газет и журналов, пробовал, разочаровывался и пробовал снова. Источником разнообразия были, разумеется, не «терзания художника», а причины куда проще — деньги. Теперь, «пробившись», он сосредоточился на том, что принесло успех и могло принести серьезные гонорары — на рассказах о Севере и золотоискателях. Прислушался он, видимо, и к совету Бриджа: не замыкаться на «высокоلوبых» журналах «с репутацией» (тех, что выходят ежемесячно и продаются от 25 центов за номер и выше), а попытаться счастья в изданиях попроще — ценой в 10 центов, а также в еженедельниках развлекательного характера — на Востоке их сейчас немало. Поэтому если и случались «отступления», то они имели исключительно финансовую подоплеку. Пример: тогда же, в июле, журнал «Космополитэн», незадолго до того приобретенный медиамагнатом У. Р. Херстом, объявил конкурс с премией в 200 долларов за лучший очерк на тему «Что теряет тот, кто действует в одиночку?». В обществе индивидуалистов тема скандальная, но Херст (создатель, между прочим, «желтой прессы») уже тогда уяснил, что скандал — исключительно выгодное дело.

Статья Лондона называлась «Что теряет общество при господстве свободной конкуренции». Тема для него — излюбленная. Не раз выступал он с обличением капитализма — на собраниях оклендских социалистов, в

городском парке, в «берлоге» Луи Савара и Элама Харниша на Клондайке, перед друзьями из круга Эпплгартов. Поэтому, конечно, нашел необходимые аргументы и красноречивые примеры пагубности основополагающих капиталистических принципов. Да и Маркс со Спенсером ему помогли. Вероятно, он опасался, что его статья покажется слишком радикальной для журнала Херста, но удержаться не мог и высказал всё, что хотел. Херсту же было наплевать на убеждения (это он не раз демонстрировал в прошлом, продемонстрирует и в будущем), и... Лондону присудили первую премию!

Тогда же он написал, не скрывая гордости (впрочем, и сарказма), Клауду ели Джонсу, своему корреспонденту и почитателю: «Горжусь этим <премией>. Пожалуй, я единственный социалист, которому удалось заработать на своем социализме».

Кстати, о Джонсе. Переписка и заочная дружба между ним и Лондоном начались в феврале 1899 года, после того, как Джонс прочитал первые рассказы Лондона, опубликованные в «Оверленде». Джонс подвизался почтовым служащим в Харольде, небольшом городке (точнее, поселке) к северо-востоку от Окленда, на границе с пустыней Мохаве. По убеждениям он также был социалистом, мечтал (и пытался) стать писателем. Прочитав «За тех, кто в пути» и «Белое безмолвие», как он сам признавался, «был потрясен талантом автора» и написал на адрес журнала «Оверленд», а оттуда передали письмо Лондону. Лондон ответил. Так началась их переписка. Они регулярно и весьма интенсивно обменивались письмами на протяжении трех лет, а дружить продолжали до самой смерти Лондона. Джеку, начинающему писателю, было, конечно, непривычно и лестно внимание почитателя, а близость возраста и убеждений (да и положение «мэтра») способствовали сближению.

Первое письмо Лондона Джонсу датировано 7 марта, второе — 15-го, третье — 30 марта. Их переписка открывает немало интересного. Совершенно справедливо подметил Р. Балтроп: Джек изобрел особую манеру письма для Джонса — в стиле «откровенного, живого мужского разговора»^[158], представляя себя в образе такого крепко битого жизнью парня. И, конечно, привирает. Его окружают друзья (на самом деле он одинок — с Тэдом Эпплгартом переписывается, но не встречается; Фред Джекобс на войне, на Филиппинах; с приятелями-социалистами не общается, на диспуты не ходит — недосуг). Он с удовольствием волочит за женщинами (в действительности ведет «монашеский» образ жизни, хотя и утверждает: «Я, несомненно, был рожден для полигамного общества»). Не дурак выпить (по сути, нет ни времени, ни денег, ни желания). Небогат,

но и не бедствует, охотно дает займы, когда к нему обращаются товарищаморяки, «севшие на мель» (как раз в марте ему пришлось силой вытрясать из «Оверленда» невыплаченный гонорар). Предпочитает хорошо сшитые костюмы и вообще любит щегольнуть (в очередной раз отнес в ломбард плащ, доставшийся в наследство от отца) и т. д. и т. п. Однако в этой «лжи», похоже, совершенно нет понятного (и простительного) желания покрасоваться перед почитателем. Тут иное: Джек видел себя *таким* в будущем. Он хотел стать именно таким, каким рисовался в письмах Клодели Джонсу.

Одно из писем (от 30 марта) содержит словесный автопортрет писателя (Джонс просил Джека выслать ему свою фотокарточку, но, разумеется, денег на фото у того не было):

«В январе мне стукнуло двадцать три. Рост без обуви пять футов семь-восемь дюймов — морская жизнь подкоротила меня. В настоящее время вес 168 фунтов, но легко увеличивается до 180, когда живу на свежем воздухе и обхожусь без удобств. Чисто выбрит, иногда отпускаю светлые усы и темные баки, но ненадолго. Гладкое лицо делает мой возраст неопределенным, так что даже придиричивые судьи дают мне то двадцать, то тридцать. Зеленовато-серые глаза, густые сросшиеся брови, темные волосы. Лицо бронзового цвета, ставшее таковым из-за длительных и постоянных встреч с солнцем, хотя теперь, благодаря отбеливающему процессу сидячего образа жизни, оно, скорее, желтое. Несколько шрамов, нет восьми верхних передних зубов, что обычно скрывает искусственная челюсть. Вот и весь я»^[159].

Как видим, и здесь писатель кокетничает. Но ему хотелось выглядеть более значительным. Извинительно.

Нетрудно заметить (это обстоятельство отмечают многие биографы), что основной темой в переписке молодых людей, очень обоим занимавшей, была проблема достижения успеха на литературном поприще: как надо писать, чтобы текст понравился редактору; какие жанры и жанровые модификации востребованы в том или ином журнале; как в журналах относятся к поэзии, юмору, сатире; что именно предпочитают те или иные издания, какая тематика востребована, а какая нет. Обсуждали вопросы грамматики, лексики и синтаксиса. Спорили о стиле, композиции. Поднимали проблему оригинальности, размышляли о житейской философии писателя, о его личном опыте. Задавались дилеммой: зависит ли успех произведения от особенностей биографии автора. Даже пытались разрешить вопрос: сколько времени должно проводить за письменным столом, сколько слов писать в день. И вообще: каждый день писать или всё

же с перерывами.

Интересно, что дискуссии эти и аргументы каждого не остались между ними. Они были использованы Лондоном в статьях «О писательской философии жизни» (журнал *Editor*, октябрь 1899-го) и «Черты литературного развития» (журнал *Bookman*, октябрь 1900-го).

Хорошая иллюстрация чисто профессионального отношения к писательскому делу.

Немаловажно отметить: Джонс отстаивал точку зрения, что писатель должен творить «для вечности», а не гнаться за сиюминутным успехом. Во всяком случае, деньги не должны стоять на первом месте. В этом они с Лондоном явно расходились. Для Джека деньги стояли на первом месте. И, конечно, не потому, что он их как-то по-особому любил, — они давали свободу.

Когда в следующем, 1900 году Лондону начали платить солидные гонорары — респектабельный «Макклюрс» (*McClure's*) заплатил 300 долларов за статью и два рассказа, — он писал: «Лучший гонорар в моей жизни. Воистину, если кто-то хочет купить мое тело и душу, добро пожаловать — пусть только дадут настоящую цену. Я пишу ради денег; если добьюсь славы, то денег будет больше. На мой взгляд, чем больше денег, тем больше жизни».

Пару лет спустя, в письме другому корреспонденту (общей с Джонсом знакомой Анне Струнковой), Джек Лондон, посмеиваясь над своим другом, сочиняющим в расчете «на потомков», писал: «Чем бы я только ни пожертвовал, чтобы иметь возможность спокойно сидеть и создавать шедевры! Но ведь за них не платят, поэтому я их и не пишу»^[160].

Биографы (особенно советские), цитируя эти слова, утверждают: в этом высказывании Лондон неискренен, он-де не был меркантилен, писал не для денег, для него важнее были идеи и т. д. и т. п. Думается, что это не так. Слова произнесены в самом начале писательской карьеры (в 1903 году), и он был вполне честен со своим корреспондентом, да и с самим собой. К тому же это не противоречило его социалистическим убеждениям (во всяком случае, как он это понимал): в чистом виде «экспроприация экспроприаторов»! Да и дальнейшая писательская судьба, в которой поразительные художественные достижения чередуются с не менее поразительными поражениями художника, — подтверждение того, что он не только не скрывал намерений писать ради заработка, но и делал это.

В конце июля 1899-го, вскоре после печального пикника с Мэйбл, Джек получил конверт из Бостона, от журнала «Атлантик манфли» (*Atlantic Monthly*). Конверт был тоненький. Искушенный в переписке с редакциями,

он сразу догадался: его рассказ приняли! В таких конвертах приходят положительные ответы и чеки; в толстых — отвергнутые рукописи. Редакция сообщала: они планируют опубликовать его «Северную одиссею» (без особой надежды он отправил им рассказ пару месяцев назад) в январском номере журнала за 1900 год и готовы заплатить 120 долларов, если он не возражает против небольших сокращений. Разумеется, он не возражал.

Без сомнения, Лондон понимал, что это означает признание. «Атлантик манфли» — ведущий литературный журнал Америки тех лет, безусловный «знак качества». Он издает лучшие произведения лучших авторов. Публикация на его страницах открывает путь на национальную арену, помещает в ряд «настоящих», признанных писателей. Теперь уже не сотни, а тысячи — возможно, десятки тысяч — читателей по всей Америке узнают его имя.

Прав был Джеймс Х. Бридж, редактор «Оверленда», когда говорил (если он, конечно, действительно говорил это): шесть рассказов, напечатанных в «журнале Брет Гарта», сделают его известным и «распахнут двери» редакций.

После известия из «Атлантик манфли» Джек Лондон решает на следующий, очень важный шаг в карьере любого писателя: издать книгу. Ее составят рассказы, опубликованные в «Оверленде»^[161], и «Северная одиссея» — всего девять историй.

Современный читатель, возможно, удивится: всего девять рассказов — и уже книга. При сегодняшней полиграфии и теперешних издательских традициях действительно получилась бы совсем небольшая, тоненькая книжка. Но в те времена, когда и бумага была толще, и шрифты крупнее, и поля шире, и текста на странице помещалось куда меньше (обычно 1000–1200 знаков), форматы были иные, да и переплет солиднее, — получался вполне увесистый том на двести с лишним страниц.

Лондон действовал наудачу и послал «проспект» в самое солидное, из известных ему по книгам, издательство *The Macmillan & Co* в Нью-Йорке. Но те не заинтересовались и ответили отказом. Тогда он написал в Бостон, тоже в весьма авторитетное издательство *Houghton Mifflin Company*. Это было в августе. В отличие от ньюйоркцев ему не ответили сразу — повисла пауза.

Подвешенное состояние явно нервировало Джека. В октябре, делясь своими надеждами и сомнениями, он писал Джонсу, который спрашивал, как продвигаются дела с книгой: «О моем сборнике ничего не слышно. Видимо, они все еще думают».

Однако в целом дела обстояли весьма неплохо. Пусть нерегулярно, чеки всё же приходили за одобренные или опубликованные рассказы, статьи, очерки. Суммы небольшие — 10, 20, 25, а то и пять долларов, — они тем не менее позволяли смотреть в будущее с оптимизмом. Был даже получен чек на 25 долларов от *Youth's Companion*, ранее отказавшего в публикации его повести, — он купил рассказ.

Доходы были скромными и нестабильными, но они были, и теперь семья не бедствовала. Гонорары Джека и небольшая пенсия, которую от правительства Флора получала за мужа — инвалида Гражданской войны, давали возможность вести небогатый, но достойный образ жизни. Джек купил пальто, приобрел новый велосипед, настоял, чтобы мать отказалась от уроков музыки (от проведения спиритических сеансов отговаривать ее было, разумеется, бессмысленно).

1 ноября пришло долгожданное известие: в *Houghton Mifflin* согласны издать сборник рассказов о Клондайке; книга будет называться «Сын Волка» — по названию одной из историй. А еще — семья переехала в дом немного побольше и в район попрестижнее.

Жизнь менялась. Не только в финансовом, но в социальном и бытовом смысле. К концу 1899-го — началу 1900 года установился тот ритм, в котором Джек Лондон будет существовать дальнейшие годы: короткий сон (пять-шесть часов), с утра напряженная работа — примерно до середины дня (ежедневная норма — одна тысяча слов); остальное время уже принадлежало не литературе: он общался, занимался спортом, много читал.

Лондон вспоминал: «По мере того как я становился признанным писателем, повышалось мое материальное благосостояние и шире становился кругозор. Я заставлял себя писать и перепечатывать тысячу слов ежедневно, включая воскресные и праздничные дни, и по-прежнему усиленно занимался, хотя, пожалуй, несколько меньше, чем прежде. Зато разрешал себе спать по пять с половиной часов — полчаса все-таки прибавил. С деньгами все обстояло благополучно, и я смог больше отдыхать. Я чаще ездил на велосипеде, благо он теперь всегда был дома, боксировал и фехтовал, ходил на руках, занимался прыжками в высоту и в длину, стрелял в цель, метал диск и плавал. Я заметил, что усталому телу требуется больше сна, чем усталой голове. Иной раз после сильного физического напряжения я спал шесть часов, а то и целых семь. Но такое роскошество позволял себе не часто. Столько еще предстояло узнать, столько сделать! Проснувшись после семи часов сна, я чувствовал себя преступником и благословлял того, кто придумал будильник. <...> Я все время находился в приподнятом настроении, был преисполнен светлой

веры. Я был социалистом, хотел спасти человечество, и никакое виски не могло бы вызвать во мне того душевного подъема, какой порождали социалистические идеалы. Литературные успехи придали более громкое звучание моему голосу — так мне по крайней мере казалось. Во всяком случае, моя репутация писателя собирала большую аудиторию, чем моя репутация оратора. Меня приглашали наперебой разные общества и клубы выступить с изложением своих идей. Я боролся за правое дело, одновременно занимаясь самообразованием и писательством, и был всецело этим поглощен. Прежде круг моих друзей был очень ограничен. Теперь я стал бывать в обществе. Отовсюду сыпались приглашения, особенно часто на званые обеды, и я завел знакомство и подружился со многими людьми».

Среди прочего, как мы видим, большое место занимало общение с местными социалистами. В их кругу Лондону было комфортно. Теперь о нем писали газеты, и никто уже не называл его «мальчиком-социалистом», но «молодым, талантливым писателем». А то, что он был социалистом, так кто из «молодых и талантливых» в ту пору им не был? К тому же в Сан-Франциско тогда существовала целая группа «талантливых и амбициозных» — журналистов, художников, писателей, студентов Стэнфорда, увлеченных социалистическими идеями. Разумеется, происхождения все они были мелкобуржуазного (что в этом удивительного?), но люди образованные, воспитанные и неординарно мыслящие. Назвали себя просто, но не без иронии: *The Crowd* (то есть толпа, сборище)^[162]. Собирались нерегулярно, для собраний снимали помещения (обычно небольшие); обсуждали политику, экономику, Маркса, Спенсера, события в разных частях света, устраивали лекции, выслушивали рефераты. Вдохновителем «сборищ» был, судя по всему, Фрэнк Строн-Гамильтон — наполовину социалист, наполовину анархист и талантливый оратор. Из оклендцев обычным участником собраний был Г. Уитакер, он и привел Лондона. Можно с изрядной долей уверенности предположить, что «актуально-политические» статьи Лондона, написанные и опубликованные в 1899–1900 годах на страницах местных газет и журналов, — оттуда. Впрочем, для нас важнее иное, а именно встреча, которая случилась на одном из собраний в декабре 1899-го, — Лондона тогда познакомили с Анной Стрункой. Событие, значимое для нашего героя, учитывая то, какую роль девушка будет играть в ближайшие годы в его судьбе — творческой и личной.

Тогда Анна Струнская была студенткой, училась в Стэнфордском университете. В Америке она очутилась в возрасте девяти лет вместе с

семьей, эмигрировавшей из России. Ее родина — еврейское местечко Бабиновичи в современной Витебской области Белоруссии. Первые годы они прожили в Нью-Йорке, а в 1893 году переехали в Сан-Франциско. Здесь жил ее дядя, успешный врач Макс Струнский. Дядя и оплатил девушке учебу в университете.

Сама Струнская (уже после смерти Лондона, в 1916 году) вспоминала о первой их встрече: «Мы пожали друг другу руки и остановились поговорить. Я испытывала тогда необычное чувство — восторженного счастья. Помню, ситуацию я воспринимала так, будто встречаюсь и разговариваю с молодым Лассалем, юным Марксом или Байроном, — таким четким было представление, что событие это историческое»^[163].

Трудно, конечно, не уловить в этих словах отзвуки грядущей литературной известности Лондона. Впрочем, может быть, он тогда выступал (на одном из его выступлений, как раз в конце декабря 1899 года, она могла присутствовать: по приглашению местного отделения Социалистической рабочей партии Лондон выступал в Юнион-холле; на афишах его именовали «выдающимся журнальным автором»), а он был эмоционален, говорить умел, да и хорош собой — к тому же в ореоле успеха! — разумеется, должен был произвести впечатление на молодую особу. Тем более что взгляды их совпадали: она была (всю жизнь!) яростной социалисткой.

Произвела юная эмигрантка впечатление и на Лондона, хотя все, кто знал ее тогда, говорили, что она отнюдь не красавица, но очень милая. Скорее всего, Лондона покорила ее интеллект. А она действительно была умна и очень начитанна. И невероятно энергична — энергия била через край. Ну и, конечно, глаза — прекрасные, бездонные, умные еврейские глаза. Едва ли он смог устоять перед таким очарованием.

Но о Струнской, ее отношениях с нашим героем — немного позже. Как и о Чармиан Киттрэдж (будущей миссис Чармиан Лондон), и о Джордже Стерлинге — главном, а может быть, и единственном друге Лондона — с ними он тоже познакомился там же, на «сборище».

Начало 1900 года Джек Лондон встретил уже другим. Всего год отделял его от прежнего Джека — уже почти отчаявшегося в борьбе с обстоятельствами, всерьез размышлявшего о самоубийстве. Теперь всё переменилось. Можно сказать: волшебным образом. Но он-то знал, что стоит за этим «волшебством». Всю свою предыдущую, совсем короткую еще жизнь он постоянно «повышал планку» и «брал» очередную «высоту». Взял и эту. Но едва ли мог даже предположить, что всё произойдет так быстро. Было от чего перемениться.

Глава 5

НА ПОДЪЕМЕ

«Свой среди чужих»: 1900—1902

25 декабря 1899 года Джек Лондон подписал контракт с *Houghton Mifflin Company* на издание своей первой книги — сборника «северных рассказов» «Сын Волка». Событие, конечно, очень важное. Выход первой книги многое меняет в судьбе писателя. Да и дата символичная — Рождество. Рождение «большого писателя».

А рассказ, который дал название книге, — пожалуй, один из лучших у Лондона о Севере и, разумеется, хорошо известен читателю. У нас в стране этот текст вызывает смешанные чувства. С одной стороны, талантливо написано, а с другой, — явная апология расизма, гимн превосходству белого человека. Но если мы поместим рассказ в контекст жизни писателя, то обнаружим и вполне символический подтекст. Напомним фабулу: золотоискатель «Бирюк» Маккензи решает жениться, но за женой едет не к себе на родину, а к индейцам и выбирает дочь вождя, Заринку. Последняя расположена к нему и готова пойти с ним. Но племя против: вождь, шаман, молодые индейцы-охотники, которые хотят заполучить ее себе. «Бирюк» подкупает вождя, но вынужден вступить в схватку с соперником — гигантом по прозвищу «Медведь». Шансов на победу у него почти нет — силы не равны, но тут главный враг, шаман, пускает в спину героя стрелу и... промахивается, «удачно» поразив его противника. Маккензи увозит свой приз — Заринку. А ведь так и Джек Лондон ворвался в литературный мир Америки, не имея на то особенных шансов. Не подходил он на роль писателя ни по социальному статусу, ни по уровню образования и воспитания. Не было у него и связей в литературном мире, не было среды, которая могла его сформировать, репутации не было. Для всех (кроме близких) его путь был невидим: Лондон возник практически из ниоткуда и — победил. Объективно его дорога к успеху не была длинной: после возвращения из Клондайка прошел всего год. Первый текст Лондон написал (и он был опубликован!) в 1893-м. Примерно два года спустя он взялся за сочинительство уже всерьез, потом перерыв, затем еще год, и... победа!

Согласитесь, очень и очень многие писатели шли к признанию куда дальше. Возможно, конечно, что им не приходилось выживать (хотя и здесь имеются прецеденты, тот же Кнут Гамсун, например) и их не подстегивала забота о хлебе насущном. Особенность Лондона — поразительная сила воли и не менее поразительная работоспособность.

Как бы там ни было, он пробил дорогу в чужой по существу для него мир и теперь хотел стать в нем «своим». Превратившись из «человека толпы» в писателя, добившись известности, он заставил этот; буржуазный по сути своей, мир признать его. То была реализация его собственной «Великой американской мечты». И теперь он хотел жить не хуже, чем «чужие». Он принялся обустраиваться в новой среде. И здесь важны были внешние приметы.

Прежде всего — место жительства. В марте он занялся этим и снял дом под номером 1130 по Пятнадцатой Восточной улице. Нужен ли был ему *такой* дом — о двух этажах и семи спальнях, с эркером, с садом и хозяйственными постройками? Нет, конечно. Но он видел в нем доказательство своего статуса, важную декорацию. Здесь он будет принимать гостей, здесь будет работать, у него будет большой, просторный кабинет, уставленный книжными шкафами и полками. Как подобает. Такое жилище было ему пока не по карману. Однако он его снимает — уже пошли первые заказы, предложения сотрудничества от журналов и газет, и он с оптимизмом смотрел в будущее.

Следующий его поступок можно интерпретировать в том же ключе: он женился. 7 апреля 1900 года не только вышла в свет первая книга Джека Лондона, в этот же день он женился на Бесси (Элизабет) Мэддерн, подруге Мэйбл Эпплгарт.

Никто из биографов так до сих пор и не смог внятно объяснить, как это произошло. Боюсь, и Джек Лондон не смог бы этого сделать — ни тогда, ни потом. Старшая дочь писателя от этого брака, Джоан Лондон, в своей книге пыталась это объяснить тем, что дружеские отношения между ее будущими родителями на рубеже 1899–1900 годов интенсивно развивались и укреплялись: они вместе катались на велосипедах, занимались английским и фотографией, «проявляли вместе по ночам снимки» и т. д. ^[164] А до этого в течение нескольких месяцев Бесс (профессиональная школьная преподавательница) готовила его к экзаменам по математике. Но это — свидетельство дочери. Разве оно может быть иным? Впрочем, и она не отрицает, что решение отца (предложение руки и сердца) — было спонтанным. И это вполне вяжется с характером Лондона.

За несколько дней до свадьбы (3 апреля) он писал Клодели Джонсу:

«Смотри, не лопни от смеха. Начнем. Слушай. Сейчас узнаешь, что я надумал. Ну, так вот. В следующую субботу я женюсь. Ничего себе? А?»

Джонс, явно ошеломленный, ответил кратко: «О, Боже милостивый!»

Истинный смысл (и «продуманность») решения иллюстрирует письмо, которое в тот же день Лондон написал жене коммерческого директора «Оверленд манфли» миссис Эймс (она его немного по-матерински опекала): «Вы знаете, что я легок на подъем. Утром в прошлое воскресенье у меня и в мыслях не было того, что я сейчас собираюсь сделать. Я осматривал дом, в который должен был переезжать, и вдруг мне в голову пришла одна мысль, и я решился. В то же воскресенье вечером я начал поиски будущей жены, а к вечеру понедельника дело было сделано. В следующую субботу утром я женюсь на Бесси Мэддерн... Я остепенюсь и смогу больше времени посвящать работе. У человека, в конце концов, только одна жизнь, и почему бы не прожить ее как следует? К тому же сердце у меня впечатлительное, и теперь я стану чище и здоровее благодаря неизбежным ограничениям, которые помешают мне плыть по воле волн. Я уверен, Вы понимаете, что я имею в виду».

Вот именно так: «Я осматривал дом... и вдруг мне в голову пришла одна мысль». Вполне эгоистично: «Я остепенюсь и смогу больше времени посвящать работе».

Лондон был, конечно, эгоцентриком. И мерил «от себя и до себя». С этим ничего не поделаешь. Издержки воспитания. Особенности судьбы. Если бы мать была другой — больше уделяла ему внимания. Если бы жизнь была другой — побогаче. И среда иной. И опыт личной жизни. И не было бы необходимости вырывать свое — такое малое! — что называется, зубами... Слишком много «если». А потому он был таким, каким его сформировали обстоятельства.

Но это — со стороны жениха. А со стороны невесты? Тут сложнее. Бесси долгое время была невестой Фреда Джейкобса (того самого, с которым Джек некогда познакомился в библиотеке Окленда и с тех пор дружил), они были помолвлены. В 1898 году, вскоре после начала американо-испанской войны, Джейкобс отправился на Филиппины, где шли военные действия (служил в госпитале медбратом), там заболел и умер. В феврале 1900-го его тело привезли в Окленд, где и похоронили. Рассудочным и продуманным решение Бесси тоже нельзя назвать. Скорее всего, ею двигал страх: страх остаться одной, не иметь семьи.

Р. Балтроп в своей книге о Джеке Лондоне приводит фрагмент его письма Мэйбл Эпплгарт, написанного в декабре 1898 года. В письме Джек передает мечты о будущем Фреда Джейкобса, которыми тот делился с ним

до отъезда на войну:

«...перед моим взором картина, которую часто рисовал Фред. Уютный скромный коттедж, пара слуг, избранный кружок друзей, а самое главное — аккуратная маленькая женушка и парочка наших миниатюрных подобий... Ровное пламя в камине, дети, задремавшие в обнимку на полу перед тем, как отправиться в кровать, некая смутная связь между огнем, моей женой и мной; обеспеченное, хотя скучноватое и монотонное будущее; легко удовлетворяемая жажда мелких наслаждений цивилизованной жизни, которые должны принадлежать и принадлежат мне...»^[165]

Разумеется, ими Фред делился (и наверняка куда подробнее) со своей невестой. Что же может быть милее девичьему сердцу: она — «женушка», и у ее ног «парочка миниатюрных подобий»... Ее детей от любимого мужчины. Но теперь его нет, он умер... И что же теперь, *ничего* этого — такого прекрасного — у нее не будет?

В любом случае ни с той ни с другой стороны любви (а тем более страсти, порожденной ею) не было. В 1911 году, когда брак был позади и они пытались остаться друзьями, Лондон писал Бесси: «Помнишь, когда я сделал тебе предложение, а ты приняла его, я тебе сразу же сказал, что не люблю тебя. Тем не менее ты приняла мое предложение».

Приняла. Разобраться в сложном мире женских мотиваций, эмоций и представлений не всякому мужчине дано. Здесь задействована не только «любовь», но и многое другое — и едва ли меньшее. А «парочка» малышей у «женушки» появилась: в январе 1901 года родилась дочка Джоан, а в октябре 1902-го — вторая, Бекки. Первую назвали явно в честь отца, а вторую — в честь матери. Впрочем, мы немного забежали вперед.

Эти два года, 1900–1902, — наверное, самые счастливые в жизни Лондона. Прежде в его дверь стучались в основном неудачи, поражения и лишения. Теперь, напротив, он уверенно смотрел в будущее. Письма приходили со всех концов страны, но теперь они были «тоненькими», а не «толстыми». Потому что в них вкладывали не отвергнутые рукописи, а предложения и чеки — за уже опубликованное и еще неопубликованное.

В 1900 году Лондон издал не только свою первую книгу, но напечатал еще больше тридцати текстов: рассказов, очерков, статей. Многие из того, что было опубликовано, «извлечено из стола» (написано прежде — в 1898–1899 годах), но большинство создано тогда же, в 1900-м. Трудился он много, темп и объем работы, установившиеся тогда — обязательная ежедневная норма в тысячу-полторы тысячи слов с утра, — он выдерживал (с небольшими перерывами, вызванными объективными обстоятельствами) всю дальнейшую жизнь. Платили хорошо: поначалу 30 долларов за рассказ

(статью, очерк), а уже к концу года минимальная ставка поднялась до 50. Но расходы росли, потому что росли заботы и аппетиты: он содержал семью, помогал Элизе, поддерживал свою кормилицу (ту самую, у которой одолжил 300 долларов на парусник, да так до конца и не расплатился). К тому же решил (как и подобает «большому писателю») обзавестись загородной недвижимостью и приобрел в Пидмонте (округ Аламеда, неподалеку от Окленда) дом. Здесь были не только написаны его первый роман, получивший название «Дочь снегов» (1902), и большинство произведений второго сборника «северных рассказов» — «Бог его отцов» (издательство *McClure*, 1901), но и родились обе дочери, Джоан и Бекки.

С романом — особая история. Существует версия, что издатели из *McClure* сами предложили Лондону написать роман, но это не подтверждается документами, не поддерживается большинством исследователей и биографов. Скорее всего, инициатором выступил сам писатель: новый сборник рассказов их вряд ли тогда заинтересовал бы, ведь они и так готовили его книгу «северных рассказов». А мотивация была очевидна: денег он тратил слишком много — жил явно не по средствам. Роман эксплуатирует всё ту же северную тему, главной героиней станет *сильная* женщина, Фрона Уэллс, управляющая обстоятельствами и мужчинами. Издатели предложили плату в 125 долларов ежемесячно, пока роман пишется, отведя на это пять месяцев. Забегая вперед скажем, что за пять месяцев роман Лондон не написал, сочинял его больше года. А результат разочаровал и издателей, и самого автора. Первых, возможно, меньше (ко времени выхода книги Лондон был уже достаточно «раскручен»), больше — автора, которому явно не удался образ Фроны Уэллс (плохо он все-таки знал женщин!), да и сама интрига получилась ходульной, вымученной. Впрочем, ничего удивительного. Он действительно «вымучивал» свой первый роман, потому что был тогда увлечен другим проектом — книгой «Письма Кэмптона и Уэйса», которую сочинял вместе с Анной Стрункой; в книге сошлись не только философские, литературные, мировоззренческие интересы, но и чувства — любовные, интимные переживания. Трудно было отрываться. А может быть, просто не созрел еще для романа. Еще один текст, над которым он работал в это же время («Путешествие на «Ослепительном»»), хотя и вышел отдельной книгой (в издательстве *Century & Co*, сентябрь 1902-го) и напоминал (внешне) роман, на самом деле был сборником рассказов автобиографического характера — о приключениях Фриско Кида в заливе Сан-Франциско — этакая облегченная версия грядущих «Рассказов рыбацкого патруля». Эта книга писалась, конечно, тоже исключительно

ради денег. Но, по крайней мере, он хорошо знал материал, легший в основу. А в «Дочери снегов» — сильная женщина, да еще и на Севере... Едва ли он мог выполнить поставленную им же самим задачу.

Когда Лондон уже завершал «Дочь снегов», он написал Клодели Джонсу: «Ну вот, я почти кончил роман, и он неудачен. Говорю это не в приступе хандры, в спокойном убеждении...»

То есть свой провал воспринимал вполне осознанно, спокойно и без отчаяния. Поскольку был совершенно уверен, что «удачный роман» впереди: «Закончу рукопись дней через десять, а пока что ничего хорошего. Но я знаю, что напишу еще настоящий роман».

Разумеется, задержка (а тем более явная неудача) с романом серьезно охладила отношения писателя с издателями из *McClure's* (кстати, они даже не стали публиковать роман, перепродав его издательству *Lippincot*, где он в том же году и вышел). Но худа без добра не бывает: Лондона «подхватили» в *Macmillan*, — подрядив за 150 долларов в месяц с эксклюзивным правом на первое издание всех текстов, которые он напишет в ближайшее время. И не прогадали: если в 1901 году он опубликовал около тридцати рассказов и статей, то в 1902-м — еще порядка двадцати пяти. И это в дополнение к наконец-то оконченному роману «Дочь снегов», к еще одному «северному» сборнику под названием «Дети мороза» и к повести «Путешествие на «Ослепительном».

Разумеется, росла и популярность: газеты и журналы называли писателя «прирожденным рассказчиком», сравнивали с Киплингом, предлагали ему сотрудничество. Автора приглашали выступать в клубах и разнообразных обществах (от «Клуба Богемы» до сообщества читающих домохозяек), участвовать в митингах. Позднее он вспоминал: «Прежде круг моих друзей был очень ограничен. Теперь я стал бывать в обществе. Отовсюду сыпались приглашения, особенно на званые обеды, и я завел знакомства и подружился со многими состоятельными людьми».

Большую часть приглашений Джек Лондон принимал: известность, обрушившаяся на него, была внове и приятна. А тут подоспели выборы мэра города. Социал-демократическая партия Окленда, в которой писатель состоял, предложила ему баллотироваться на этот пост. Лондон согласился: разве мог отказать единомышленникам? Он и так ощущал некоторую вину перед «товарищами по классу». Впрочем, хотя несколько раз и выступал на предвыборных митингах, в целом отнесся к мероприятию несерьезно: ну какой из него мэр?

В результате при голосовании кандидат-социалист набрал всего 245 голосов. Но участие в кампании подняло продажи его книг. А в последнем

он нуждался, потому что тратил всё больше и больше. Ему, который еще так недавно не знал, найдется ли у него что-либо на ужин, явно нравилась роль этакого Гарун аль-Рашида: он оплачивал счета Флоры, платил за аренду ее дома (вместе с матерью, напомним, жили сводная сестра Джека — Ада и ее малыш Джонни), помогал своей чернокожей кормилице, «маме Дженни», с процентами по закладной и налоговыми платежами, «подкидывал» приличные суммы нуждающимся приятелям. К тому же и сам жил на широкую ногу: по средам завел обычай собирать друзей и знакомых. В романе «Джон Ячменное Зерно» писатель объяснял это так: «Теперь у меня был свой дом. Когда ходишь в гости, надо приглашать и к себе. <...> Я не должен ударить лицом в грязь». А потому «завел запасы пива, виски, столовых вин...» — «меня нельзя было застать врасплох». В автобиографической книге эти слова звучат в качестве оправдания спорадических возлияний, постепенно снова входивших в привычку («В этот период я пил по той же причине, которая побудила меня пить со Скотти и гарпунщиком, а позднее — с устричными пиратами: я знал, что у мужчин так принято, и хотел выглядеть в их глазах мужчиной. Мои новые знакомые — тоже искатели приключений, но интеллектуального порядка — пьют. Отлично. Почему же не пить вместе с ними? Мне Джон Ячменное Зерно не страшен!»). Но здесь важнее другое — новый стиль жизни очень нравился Лондону, иначе не прозвучало бы хвастливое: «Видите, как изменился мой жизненный уровень!»

Вместе с предложениями от периодических изданий со всех концов Америки росли и гонорары. Это, конечно, радовало (потому что деньги все равно утекали как вода!), но все хотели одного и того же — рассказов о Севере и золотоискателях. А он, сочинив за полтора с небольшим года почти три десятка таких историй, был сыт ими по горло. Но вырваться с «просторов Севера» не мог — за них платили... Увлекало же его тогда совсем иное — отношения с Анной Стрункой и их совместный роман.

Выше мы упоминали об обстоятельствах их знакомства, теперь пришло время рассказать подробнее.

Познакомил их Остин Льюис, один из местных социалистов и давний приятель Лондона, на лекции осенью 1899 года. Они понравились друг другу сразу: о том впечатлении, которое произвел молодой писатель на девушку, а она — на него при первой встрече, выше уже говорилось. Да и взгляды их, и убеждения во многом совпадали. В те дни роман с Мэйбл Эпплгарт был уже на излете, и эта встреча, а потом и общение с юной эмигранткой из России, скорее всего, ускорили его конец (помимо, разумеется, иных причин). После встречи, уже в декабре 1899-го,

завязалась интенсивная переписка. Поначалу Лондон величал ее «мисс Струнски», но довольно скоро начал обращаться к ней просто по имени. Обсуждали они многие вещи: прежде всего книги, проблемы литературы, но и вопросы иного плана — в частности, взаимоотношения мужчины и женщины. Тема в те времена была очень популярна (вспомним хотя бы «Хождение по мукам» А. Н. Толстого), по этому поводу увлеченно дискутировала образованная молодежь по обе стороны океана. Лондон придерживался социал-дарвинистских воззрений (вполне по Спенсеру), отметал любовь, считал ее атавизмом и предлагал смотреть на отношения мужчины и женщины, а тем более на брак, «открытыми глазами» — как на партнерский союз, заключенный с целью продолжения рода («...брак входит в обычный жизненный путь всех людей... с биологической точки зрения, институт брака необходим для продолжения рода»^[166]) и в основе имеющий близость духовную, интеллектуальную и — очень желательно! — физическое здоровье («Если человек пользуется половым подбором и на научном основании улучшает породы рыб, птиц, животных и растений, почему бы ему не улучшить свой собственный род?»). Анна придерживалась иных воззрений и полагала, что без любви союз мужчины и женщины бесперспективен и даже безнравствен, признавая, впрочем, что «мужчины и женщины созданы по разным образцам».

При всей высокой интеллектуальности рассуждений корреспондентов нетрудно заметить — их переписка не только «пир духа», но и любовная игра, флирт. Причем взаимный. Мотивы Лондона понятны: ему нравилась Анна, он ее «желал». Разумеется, и девушке он нравился, но ее отношение к Лондону явно сложнее: тут и чувства, и льстящее внимание со стороны признанного писателя, «видного социалиста», и много еще чего, женского...

Женитьба Джека на Бесси не прервала их отношений. Он, видимо, объяснил Анне свои мотивы в духе того же социал-дарвинизма и собственных воззрений на брак: «любви нет», «партнерство», «тихая гавань» и пр. К тому же у Лондона появилась идея: «развернуть» их переписку в эпистолярный философский роман о природе любви, об отношениях мужчины и женщины, институте брака, евгенике и т. п. Разумеется, у Анны, мечтавшей о писательстве, от такой перспективы захватило дух. Что касается Лондона, его резоны тоже вполне очевидны: во-первых, получить от девушки то, чего желал, а во-вторых, проявить себя еще и мыслителем — репутация успешного беллетриста уже тогда его несколько тяготила.

Роли распределили следующим образом. Лондон выступает от лица

Герберта Уэйса, молодого ученого-экономиста, человека здравомыслящего, «научного», приверженца спенсерианства. Он отрицает любовь (как «здоровое» чувство), подходит к решению полового вопроса рационально и материалистически. Анна скрывается под личиной Дэна Кэмптона — маститого литератора, филолога и поэта, верящего в любовь и считающего ее необходимой составляющей счастливого брака. Кроме этих двух персонажей в романе присутствует еще и Эстер Стеббинс, любящая невеста Уэйса. Они обручены. Свадьба должна состояться через два года, когда Герберт защитит докторскую диссертацию и опубликует монографию, — таков его план и договоренность с Эстер. Потому что это — «разумно».

Отношение Уэйса к невесте (и к любви вообще) красноречиво характеризуют следующие строки: «Прелестная молодая женщина, — подумал я, пожимая руки Эстер, — и не совсем обычного типа. Она здорова, сильна, красива и молода; она будет очаровательной женой и прекрасной матерью. <...> Поверьте мне, я очень люблю Эстер. Я уважаю ее и восхищаюсь ею. Я горжусь ею и тем, что такое прекрасное создание считает меня достойным пройти с нею рядом жизнь. Наш брак будет счастливым. В нем нет ничего стеснительного, подавленного или несоответственного. Мы хорошо знаем друг друга — обычно влюбленные узнают друг друга только после брака, и это часто приносит с собой много боли. С другой стороны, мы не ослеплены безумием любви, мы смотрим на жизнь ясным, здоровым взглядом и верим, что нам удастся счастливо прожить жизнь вместе».

Кэмптон — романтик, он верит в любовь. И утверждает: «Лучше пылать прекрасными юными мыслями, трепетать и волноваться, чем медленно и тупо пресмыкаться в мире плоской действительности; лучше надеяться, мечтать и стремиться к великой гармонии, чем быть слепым, глухим и немым, — это лучше и для типа, и для бессмертной мировой души. Мне представляется это самым важным: от этого зависят жизнь и смерть. <...> Ощущаешь ли ты священный трепет? Протягиваешь ли в молитве руки, мечтая о красоте? Чувствуешь ли ты ее?»

Таковы роли оппонентов — участников переписки. Очевидно, что в уста Уэйса Лондон вкладывал собственные мысли. Трудно сказать, насколько комфортно чувствовала себя Анна Струнская в маске Дэна Кэмптона и насколько она была искренна, но как женщина должна была симпатизировать строю мыслей своего *alter ego*.

По сути, роман начал создаваться в декабре 1899-го — с первых писем между Лондоном и Анной. В конце 1900-го он стал уже обретать

очертания.

Активная, хотя и от случая к случаю, работа (Лондону изрядно мешали рассказы на «северную» тему, которых требовали журналы и которые он вынужден был сочинять) велась соавторами в течение 1901-го — начале 1902 года. Если раньше они в основном работали «дистанционно», то в этот период всё чаще — совместно, обсуждая текст, идеи, детали их выражения, стилистику. Лондон встречался с Анной, но обычно — она приезжала к нему. Сначала в новый дом на Пятнадцатой Восточной улице, 1130, а потом и за город, в особняк в Пидмонте, где соавторы проводили, запершись, по несколько часов кряду.

Как относилась Бесси к этому? Отрицательно — она ревновала. А когда после рождения малышки-первенца семья перебралась в Пидмонт, то, по воспоминаниям знакомых, стала относиться к Анне даже враждебно.

Трудно не задаться иным вопросом: неужели соавторы всерьез надеялись, что их проект обретет законченную форму в виде книги — то есть блока страниц, одетого в переплет? Во всяком случае, у современного писателя такой вопрос возник бы неизбежно: эпистолярный роман — сплошные многословные рассуждения без всякого действия и интриги — будет ли он интересен читателю? Судя по всему, у Анны сомнений не было — в этом смысле она доверяла своему старшему (и знаменитому!) товарищу. Лондона, по крайней мере сначала, результат не очень заботил — его увлекал процесс. Да и современный читатель — совсем не тот, что существовал столетие назад, когда «половой вопрос» изрядно смущал умы интеллектуалов из мелкобуржуазной среды и порождал бурные дискуссии... Так что вполне может быть, что соавторы даже были уверены в актуальности и успехе затеи.

Но роман свой так и недописали: летом Анна узнала, что Бесси беременна (а ведь Лондон убеждал ее, что между ним и его женой нет никаких отношений, что они вскоре расстанутся, и она ему верила^[167]). И написала два письма. Но уже не от лица Дэна Кэмптона, а от имени Эстер Стеббинс (хотя ее участие в переписке не предполагалось). Одно было адресовано Дэну Кэмптону, а другое — ее жениху Герберту Уэйсу. Смысл обоих был одинаков: свадьбы не будет, он (Уэйс) «меня не любит» — «я в этом убедилась»...

Не будем гадать о характере отношений Лондона и Анны — этим занимались многие биографы. Финал «Писем Кэмптона и Уэйса» и без того красноречив. Хорошо известно, что Лондон предлагал Струнковой выйти за него замуж, она отказалась, но сделала это очень изящно, сохранив дружбу. Бытует версия (очень, кстати, правдоподобная), что Джек сделал

предложение Бесси тотчас после отказа Анны. Плохо он все-таки понимал женщин: разве отказ всегда означает решительное «нет»? Женщина — тем более молоденькая, симпатичная и не чуждая кокетства — как крепость, ее «осаждать» надо. Неужели он не понимал этого? Ведь опыт отношений с Мэйбл Эпплгарт у него был. Торопился. Хотел всё и немедленно, паря на крыльях литературного успеха.

А Струнская, похоже, любила Лондона, если *так* вспоминала о нем два десятка лет спустя: «Как сейчас вижу его — одной рукой он держит за руль велосипед, а в другой сжимает огромный букет желтых роз, который только что нарвал в своем саду; шапка сдвинута назад, на густые каштановые волосы; большие синие глаза с длинными ресницами смотрят на мир, как звезды. Необычайно мужественный и красивый мальчик, доброта и мудрость его взгляда не вяжутся с его молодостью. Вижу его лежащим в маках, он следит за змеем, парящим над секвойями и нежно им любимыми эвкалиптами высоко в лазурном калифорнийском небе... Я вижу его сидящим за работой... Ночь почти на исходе, и кажется мне, что заря приветствует и обнимает его...»^[168]

И последний вопрос: Джек и Анна — они были любовниками? Сам Лондон утверждал, что вскоре после (или до?) брака с Бесси «вступил в связь с Анной Струнской». От женщины в таком деликатном вопросе ожидать прямого ответа, разумеется, трудно.

Ирвинг Стоун приводит слова Анны (из ее собственноручного письма биографу — спустя 20 лет после смерти писателя): «Отношения между мною и мистером Лондоном были дружескими, не более. Кроме всего прочего, мистер Лондон едва ли принадлежит к числу людей, способных в собственном доме ухаживать за другой женщиной. Со мною он неизменно вел себя в высшей степени осмотрительно. Судя по всему, что я видела, можно было заключить, что он в то время был без ума от жены».

Верится с трудом. Тем более что в действительности (и Струнская это прекрасно знала!) Лондон *никогда* не был «без ума от жены». Во всяком случае, от первой «миссис Лондон». Но разве можно рассчитывать на иные слова от почтенной дамы шестидесяти лет, супруги, матери семейства, уже давно не социалистки и не бунтарки?

Судя по реакции Анны на известие о беременности Бесси, а также по ее двум финальным письмам в книге от лица Эстер, близки они все-таки были. И, вероятно, у них имелись какие-то общие планы...

Кстати, небольшой эпизод. Предоставим слово самому Лондону:

«Позвольте рассказать Вам маленький эпизод, из которого Вам станет ясно, с какой легкостью я даю волю чувственному началу. Помните, я

уезжал в Южную Африку. В одном вагоне со мной ехала женщина с ребенком и няней. Мы сблизились в мгновение ока, в самом начале пути, и уж до Чикаго не расставались. Это была чисто физическая страсть — и только. Помимо того, что это была просто милая женщина, в ней не было для меня никакого очарования. Страсть не коснулась ума, нельзя даже сказать, что она так уж безраздельно завладела чувством. Прошли три дня и три ночи, и ничего не осталось».

Действительно, только «эпизод». Впрочем, вполне характеризующий тогдашнего Лондона. Как бы ни утверждал писатель: «В моей вселенной плоть — вещь незначительная. Главное — душа. Плоть я люблю, как любили греки. И все же эта форма любви, по сути своей, сродни художественному творчеству — если не совсем, то отчасти».

«Греческое» в нем бурлило. Трудно представить, чтобы рядом с Анной, которая явно испытывала к нему не только дружеские чувства, «художественное творчество» не проявилось.

Анна вышла замуж, но позднее — в 1906 году, за журналиста и социалиста Уильяма Уоллинга, вместе с которым в 1905-м ездила в Россию освещать революцию.

А их совместный труд — «Письма Кэмптона и Уэйса» (*The Kempton-Wace Letters*) — Джек Лондон доработал, включив туда и послания Эстер-Струнковой. Все-таки он уже был профессионалом, а у профессионала все должно идти в дело. И предложил книгу своему издателю, а тот — опубликовал. Но это случилось позднее, почти через год — в мае 1903-го. Роман вышел анонимно.

«Чужой среди своих»: 1902—1903

К середине 1902 года личная жизнь Джека Лондона изрядно подзапуталась. Творческая, точнее, финансово-издательская, напротив, складывалась весьма благоприятно: от заказов и предложений просто отбоя не было. Новые рассказы и статьи появлялись в печати чуть ли не еженедельно, росли гонорары. В 1901-м вышел второй сборник рассказов «Бог его отцов», в начале 1902-го третий — «Дети мороза». Осенью — книга «Путешествие на «Ослепительном» и роман «Дочь снегов». Другое дело, что писатель устал от «белого безмолвия». При этом, несмотря на растущие поступления от издателей, жил не по средствам — тратил куда больше, чем зарабатывал.

21 июля телеграммой Лондону поступило предложение от

информационного агентства «Америкэн Пресс Ассошиэйшн» — отправиться военным корреспондентом в Южную Африку, туда, где уже отгремела Англо-бурская война. В агентстве хотели бы получить от него серию статей, описывающих послевоенную ситуацию. Писатель предложение принял. Дальняя поездка за океан виделась ему выходом из круга накопившихся проблем — личных и финансовых (а ему обещали хорошо платить). Да и новые впечатления были необходимы — как профессионал он очень нуждался в них и хорошо чувствовал эту потребность.

Был и собственный интерес: не раз он рассказывал Анне и другим знакомым социалистам об опыте, который приобрел, скитаясь по дорогам Америки. И нередко слышал в ответ, что в Англии «люди толпы» живут куда хуже, чем в Штатах, а самая катастрофическая ситуация в рабочих кварталах британской столицы, в Ист-Энде. Ему хотелось узнать истинное положение вещей и сказать правду.

Бесси была беременна, появление младенца ожидали к концу октября, но Лондона это, разумеется, не остановило. И уже на следующий день, 22 июля, он мчался трансконтинентальным экспрессом (с пересадкой в Чикаго) в НьюЙорк — оттуда уходил пароход, который перенесет его в Европу.

В Нью-Йорке писатель задержался, чтобы увидиться с Джорджем Бреттом, главой американского отделения знаменитой британской издательской компании *Macmillan*. После провала «Дочери снегов» и связанного с романом конфликта с *McClure* Лондон предложил свои тексты нью-йоркскому издательству и встретил там самый горячий прием: ему ответил лично глава компании. В письме от 27 декабря 1901 года Джордж Бретт-старший писал среди прочего Джеку Лондону: «То, что вы делаете, пожалуй, лучшее, что существует сейчас в американской литературе... Я хочу опубликовать все, что вы напишете в будущем»^[169]. Собственно, с этого письма и началось сотрудничество с *Macmillan*, которое продолжалось затем всю творческую жизнь. Начиная с 1902 года почти все (за очень редким исключением) книги Лондона впервые выходили в этом издательстве. Более того, вскоре издательство *Macmillan* начало выплачивать любимому автору «стипендию», а позднее платило щедрые авансы и даже гасило кое-какие долги. В общем, мистер Бретт стал настоящим ангелом-хранителем для писателя. Но это в недалеком будущем, а в июле 1902 года состоялась их первая личная встреча, которая затем переросла в настоящую дружбу.

Джордж Бретт, конечно, был необычным человеком. Англичанин, он

был влюблен в американскую литературу и как издатель делал все возможное для ее развития и продвижения. По сути, именно он по-настоящему и открыл Джека Лондона американской да и мировой читающей публике (как, впрочем, Эптона Синклера, Эллен Глазгоу и многих других)^[170].

Подробности первой их встречи неизвестны, но наверняка среди прочего говорили они о новых произведениях писателя. Именно тогда Лондон изложил ему идею «Писем Кэмптона и Уэйса» и нашел у издателя поддержку. По воззрениям последний был либералом и прогрессистом. Видимо, поэтому поддержал Бретт и совершенно сумасшедшую идею писателя: задержаться на две-три недели в Лондоне, «нырнув» на дно трущоб Ист-Энда, с тем чтобы в обличье бродяги изучить его жизнь изнутри, а затем написать об этом книгу. Ее Бретт обещал издать. По планам «Америкэн Пресс Ассошиэйшн», прежде чем направиться в Южную Африку, Лондон должен был взять интервью у нескольких британских генералов, воевавших против буров. Две-три недели на это уйдут, а потому можно параллельно заняться изучением мира столичных трущоб — так предполагал писатель.

30 июля на пароходе «Маджестик» он отплыл из Нью-Йорка и уже вскоре оказался в Лондоне. Здесь его ожидали новые известия: запланированная поездка в бывший Трансвааль отменялась, интервьюировать доблестных вояк не надо, можно возвращаться — обратный билет оплачен...

Но Джек Лондон — впервые в британской столице, да и планы имеются, а то, что денег у него осталось совсем немного — не беда! С его-то опытом жизни без средств — неужели это проблема?

Ирвинг Стоун писал, что намерение превратиться в обитателя трущоб возникло у Лондона спонтанно. Но это, видимо, не так, если с дороги, накануне отплытия, он писал Анне Струнковой:

«Через неделю я буду в Лондоне. Там у меня всего два дня на приготовления, а потом я исчезну с глаз долой, чтобы наблюдать коронацию (а он прибыл действительно как раз к коронации недавно взошедшего на престол Эдуарда VII. — А. Т) как рядовой представитель лондонского мира животных, ибо они и есть животные, но, наверное, как и в обитателях нью-йоркских трущоб, в них тлеет искра божья».

Всё, что последовало затем, хорошо известно: в первых очерках (если угодно — главах) книги «Люди бездны» Лондон описал, как и что он делал, чтобы проникнуть в трущобы Ист-Энда и освоиться. Нет смысла пересказывать книгу — в свое время с разной степенью подробностей ее

пересказывали и Стоун, и Балтроп, и Фонер, и многие другие биографы писателя. Лучше «Людей бездны» прочитать. Но уже с начальных страниц видно, какое глубокое и сильное впечатление произвела на писателя даже первая встреча с этим миром:

«На улицах Лондона нигде нельзя избежать зрелища крайней нищеты: пять минут ходьбы почти от любого места — и перед вами трущоба. Но та часть города, куда въезжал теперь мой экипаж, являла сплошные, нескончаемые трущобы. Улицы были запружены людьми незнакомой мне породы — низкорослыми и не то изможденными, не то отупевшими от пьянства. На много миль тянулись убогие кирпичные дома, и с каждого перекрестка, из каждого закоулка открывался вид на такие же ряды кирпичных стен и на такое же убожество. То здесь, то там мелькала спотыкающаяся фигура пьяницы, попадались и подвыпившие женщины; воздух оглашался резкими выкриками и бранью. На рынке какие-то дряхлые старики и старухи рылись в мусоре, сваленном прямо в грязь, выбирая гнилые картофелины, бобы и зелень, а ребятишки облепили, точно мухи, кучу фруктовых отбросов и, засовывая руки по самые плечи в жидкое прокисшее месиво, время от времени выуживали оттуда еще не совсем сгнившие куски и тут же на месте жадно проглатывали их. На всем пути нам не попалось ни одного экипажа, и детям, бежавшим сзади нас и по бокам, мы казались, верно, посланцами из какого-то неведомого и лучшего мира. Всюду, куда ни обращался взор, были сплошные кирпичные стены и покрытые грязной жижей мостовые. И над всем этим стоял несмолкаемый галдеж. Впервые за всю мою жизнь толпа внушила мне страх. Такой страх внушает морская стихия: сонмы бедняков на улицах представлялись мне волнами необъятного зловонного моря, грозящими нахлынуть и затопить меня»^[171].

Не «затопили»: он довольно быстро адаптировался, и, по его словам, «когда попал... на Восточную сторону, то с радостью почувствовал, что освободился от страха перед толпой». «Я стал частью ее, — писал Лондон. — Огромное зловонное море захлестнуло меня — вернее, я сам осторожно погрузился в его пучину». Вот именно что «осторожно погрузился». И превратился в «чужого среди своих», хотя и считал, что в этом «море» он — как раз свой. Но был, конечно, чужаком. Потому что наблюдал жизнь Ист-Энда, хотя изнутри и с сочувствием, но все же — со стороны. Потому что всегда мог «всплыть»: в курсе его «погружения» была местная полиция, он мог передохнуть (и досыта поесть!) на съемной квартире, да и золотой соверен (так, на всякий случай!) был зашит в подкладку его фуфайки. Его «товарищи» были лишены всего этого. К тому же писатель

знал, что он здесь временно, а они — навсегда.

Но, к чести Лондона, необходимо сказать, что исследование он провел разностороннее, подробное. Судя по очеркам, от его взгляда не укрылись, пожалуй, ни одна важная деталь жизни и быта и даже особенности мироощущения столичных обездоленных. Да и портреты обитателей «дна» — знакомцев «туриста» — получились живописные!

«Люди бездны» открыли еще одну, совершенно новую грань таланта писателя — публициста-расследователя. В этом смысле Лондон один из ярких предшественников современных ему и грядущих «разгребателей грязи» — Л. Стеффенса, И. Тарбелл, Э. Синклера и др. Очевидно и то, что на книгу о лондонских трущобах его вдохновила книга Джейкоба Рииса, корреспондента *The New York Sun*, который изучал нью-йоркские трущобы и их обитателей. Но тот наблюдал их почти десять лет, а Лондон — только несколько недель. Все это время писатель не только жил среди обездоленных, он «выныривал» и по горячим следам (пока новые впечатления не стерли прежние) писал на съемной квартире свою книгу.

Жизнь в трущобах да и книга дались ему нелегко. Тогда же он писал Анне Струнковой из Лондона: «Я чувствую себя совершенно больным в этой преисподней, именуемой Ист-Эндом и населенной живыми людьми».

По художественным достоинствам и полемическому накалу очерки Лондона явно превосходят произведения упомянутых авторов (художник все-таки!), но что касается обобщений и анализа — здесь Лондон уступает своим современникам и «коллегам». Сказывается многое: краткость пребывания в трущобах, несколько высокомерный американизм писателя (он сравнивает, к примеру, физическое состояние американских и британских нищих — их рост, вес, умственные способности), идеологические шоры и предубежденность выходца «из народа». Играет свою роль и социал-дарвинизм Лондона. А чего стоят его конспирологические построения! Не раз звучит в книге мысль, что всё это, мол, заговор империалистов, стремящихся извести «лишнее население».

Вывод писателя однозначен:

«Эта система, столь грубо и преступно попирающая права людей, будет неизбежно уничтожена. И надо сказать, что она не только расточительная и бездарная, но также и грабительская система. Каждый изможденный бедняк без кровинки в лице, каждый слепой, каждый малолетний преступник, попавший в тюрьму, каждый человек, желудок которого сводят голодные спазмы, страдает потому, что богатства страны разграблены теми, кто ею управляет. И ни один из представителей этого правящего класса не сумеет оправдаться перед судом Человека. Каждый

младенец, гибнущий от истощения, каждая девушка, выходящая по ночам на панель Пиккадилли после целого дня изнурительного труда на фабрике, каждый несчастный труженик, ищущий забвения в водах канала, требует к ответу «живых в домах и мертвых в могилах». Миллионы человек, никогда не евшие досыта... никогда не имевшие теплой одежды и сносного жилья, предъявляют счет правящему классу за пищу, которую он пожирает, за вина, которые он пьет, за роскошь, которой он себя окружил, за дорогое платье, которое он носит».

Увы, «эта система» не только живет, но, как мы видим, развивается, обновляется и даже возрождается — там, где, казалось бы, сбылись мечты Лондона-социалиста. Но это — совсем другая история.

Книга у Лондона получилась. Уже через несколько месяцев на своих страницах ее в несколько сокращенном виде опубликовал журнал социалистической направленности «Уилшайрз мэгэзин» (его издавал в Нью-Йорке видный американский социалист Гилфорд Уилшайр), а затем в полном виде вышла в издательской фирме Джорджа Бретта.

После того как «Люди бездны» были дописаны, Джек Лондон с облегчением «вынырнул» на поверхность, желая одного — очистить легкие от смрада Ист-Энда и изгнать из памяти ужасающие картины трущоб британской столицы. А что может быть лучше новых впечатлений? И он отправился в Европу — сначала во Францию, потом в Германию, а затем в Италию, в которых, разумеется, никогда не бывал.

Вероятно, он планировал большое путешествие, результатом которого должна была стать новая книга. Публицистика его притягивала, после «Людей бездны» он почувствовал вкус к этому роду литературы. Но «европейский тур» литературных последствий не имел. Вероятно, потому, что получился слишком коротким: в дороге его настигло известие о рождении второго ребенка, снова девочки.

Биографы в один голос уверяют, что Лондон хотел сына и появление второй дочери его изрядно расстроило. Находятся и такие, кто утверждает, что после этого «брак с Бесс был обречен»^[172]. Что ж, вероятно, отец действительно очень ждал сына и известие о девочке его разочаровало. А вот что касается брака, он был обречен с самого начала — любви в нем не было. А на песке умозрительных конструкций, что бы ни говорил по этому поводу Герберт Уэйс, крепкого союза не построишь...

Свой вояж Джек Лондон прервал и вернулся в Америку к семье и новорожденной дочери.

Он же Бриссенден

Честно говоря, автор этих строк не уверен в том, как правильно произносится фамилия одного из героев романа «Мартин Иден»: «Бриссенден» или «Бриссёнден». Но это, в принципе, не очень важно — куда важнее другое: за этим персонажем, во-первых, скрывается вполне реальный человек, а во-вторых, упомянутый герой не только серьезно повлиял на Идена, но и его прототип сыграл важную роль в жизни автора романа. Причем в реальности его значение для Лондона было куда серьезнее, нежели для литературного *alter ego*. «Выныривая» из трупоб Ист-Энда, писатель не только тщательно фиксировал для будущей книги свои наблюдения, но и писал письма. Едва ли не львиная их доля адресована одному и тому же человеку — Джорджу Стерлингу, американскому поэту и главному (если не единственному) другу Джека Лондона.

В свое время автор настоящих строк посвятил Бриссендену и его прототипу специальную статью^[173], довольно подробно писал о Стерлинге в книге о Бирсе^[174]. Фигура Стерлинга хорошо известна специалистам по литературе США^[175]. Но не широкому читателю. В Википедии имеется статья, ему посвященная, но в англоязычной ее части. Поэтому представить его надо.

Джордж Стерлинг (*Sterling*; 1869–1926) родился на востоке Соединенных Штатов, на берегу Атлантического океана, в городке под названием Сэг-Харбор, принадлежал к семье местной аристократии — потомков первых колонистов. Получил прекрасное образование. Выходец из религиозной католической среды, поначалу он собирался стать священником, поэтому поступил в католический колледж Святого Чарлза в штате Мэриленд. Увлечение религией оказалось недолгим — уже через несколько месяцев он вернулся к светской жизни, но время, проведенное в колледже, оказалось очень важным в поэтическом формировании Стерлинга. Там он встретил своего первого литературного наставника — католического священника и поэта Джона Тэбба. Преподобный был родом из аристократической семьи виргинских плантаторов, в прошлом участником Гражданской войны Севера и Юга. В послевоенные годы обратился к поэзии и религии, а затем стал преподавателем католического колледжа. В конце 1880-х, когда Стерлинг был студентом колледжа, поэтическое имя Тэбба уже хорошо знали. Главным образом, на почве поэзии увлекавшийся стихосложением Стерлинг и сблизился с Тэббом.

Поэтические воззрения святого отца целиком принадлежали прошлому — его взгляд был обращен к английским романтикам как идеалу, он был истовым почитателем Китса и Шелли. О значении Тэбба в формировании молодого поэта можно судить хотя бы по тому, что в первом сборнике Стерлинга *The Testimony of Suns* (1903)^[176] есть стихотворение, озаглавленное «Над строками отца Тэбба», в котором он сравнивает его строки с цветами *too delicate for touch* — «слишком нежными, чтобы оскорбить их прикосновением». Представления Стерлинга о поэзии, роли и месте поэта, о смысле и назначении поэтического творчества во многом сформировались под воздействием преподобного Джона Тэбба.

В Калифорнию Стерлинг перебрался после завершения образования — в 1890 году. Его дядя (брат матери) сколотил изрядное состояние, спекулируя недвижимостью в Окленде и Сан-Франциско. Вскоре по переезде Стерлинг поступил на работу в одну из риелторских фирм дяди. Риелтор из него получился неважный — усердием он не отличался, но он был родственником босса, поэтому особенных требований к нему не предъявляли. Вел богемный образ жизни, смыслом своего существования считал поэзию, сочинял, впрочем, без одержимости, но много читал, общался, имел огромное число приятелей и знакомых.

В романе «Мартин Иден» герой и Бриссенден впервые встретились у Руфи. Читаем: «Это был памятный вечер для Мартина, ибо он познакомился с Рэссом Бриссенденом. Как Бриссенден попал к Морзам, кто его привел туда, Мартин так и не узнал».

Можно подумать, что встреча произошла в доме Эпплгартов. В реальности этого быть не могло: хорошо известно, что встретились они в 1901 году, а к тому времени отношения Лондона с Мэйбл были уже далеко позади. Скорее всего, встретились они на одной из тусовок «Толпы», в которых Джек время от времени принимал участие.

Лондон, видимо, был искренен, когда писал в романе, что поначалу Бриссенден показался Мартину «человеком бледным и неинтересным». Более того, Мартин «решил, что он еще и невежа: уж очень бесцеремонно слонялся он из одной комнаты в другую, глазел на картины и совал нос в книги и журналы, лежавшие на столах или стоявшие на полках. Наконец, не обращая внимания на прочее общество, он, точно у себя дома, удобно устроился в кресле, вытащил из кармана какую-то книжку и принялся читать. Читая, он то и дело рассеянно проводил рукою по волосам». Это черта характера: Стерлинг был чужд предрассудков и чувствовал себя совершенно свободно в любом обществе. «Потом Мартин забыл о нем и вспомнил только в конце вечера, когда увидел его в кружке молодых

женщин, которые явно наслаждались беседой с ним». И это тоже характерно: женщины Стерлинга обожали. Во-первых, он был красив. Во-вторых, умен и остроумен. А в-третьих, он просто любил женщин — и они это хорошо чувствовали.

Судя по всему, и знакомство Лондона со Стерлингом развивалось по описанному в романе сценарию:

«По дороге домой Мартин случайно нагнал Бриссендена.

— А, это вы, — окликнул он.

Тот что-то не очень любезно проворчал в ответ, но все же пошел рядом. Мартин больше не делал попыток завязать беседу, и так они, молча, прошли несколько кварталов.

— Старый самодовольный осел!

Неожиданность и энергичность этого возгласа поразили Мартина. Ему стало смешно, но в то же время он почувствовал растущую неприязнь к Бриссендену.

— Какого черта вы туда таскаетесь? — услышал Мартин, после того как они прошли еще квартал в молчании.

— А вы? — спросил Мартин в свою очередь.

— Убейте меня, если я знаю, — отвечал Бриссенден. — Впрочем, это я там был в первый раз. В конце концов, в сутках двадцать четыре часа. Надо же их как-нибудь проводить. Пойдемте, выпьем.

— Пойдемте, — отвечал Мартин.

...Они разговорились: говорили о разных вещах и прерывали беседу для того, чтобы по очереди заказывать новые порции. Мартин, обладавший необычайно крепкой головой, все же не мог не удивляться выносливости своего собутельника. Но еще больше он удивлялся мыслям, которые тот высказывал».

В романе Бриссенден очаровал Мартина. То же самое произошло и в реальности: Стерлинг покорила Лондона. Прежде всего, огромными познаниями и поразительным интеллектом. Да и манеры, свобода и умение держаться тоже покорили. Так что в «Мартине Идене», скорее всего, переданы искренние эмоции:

«В нем <Бриссендене> были огонь, необычайная пронизательность и восприимчивость, какая-то особая свобода полета мысли. Говорил он превосходно. С его тонких губ срывались острые, словно на станке отточенные слова. Они кололи и резали. А в следующий миг их сменяли плавные, льющисся фразы, расцветенные яркими пленительными образами, словно бы таившими в себе отблеск непостижимой красоты бытия. Иногда его речь звучала как боевой рог, зовущий к буре и грохоту

космической борьбы, звенела, как серебро, сверкала холодным блеском звездных пространств. В ней кратко и четко формулировались последние завоевания науки. И в то же время это была речь поэта, проникнутая тем высоким и неуловимым, чего нельзя выразить словами, но можно только дать почувствовать в тех тонких и сложных ассоциациях, которые эти слова порождают. Его умственный взор проникал, словно чудом, в какие-то далекие, недоступные человеческому опыту области, о которых, казалось, нельзя было рассказывать обыкновенным языком. Но поистине магическое искусство речи помогало ему вкладывать в обычные слова необычные значения, которых не уловил бы заурядный ум, но которые, однако, были близки и понятны Мартину».

Так (или примерно так), видимо, и началась дружба Лондона и Стерлинга, которую прервала только смерть одного из них.

Эндрю Синклер в своей книге о Джеке Лондоне утверждал, будто сблизились они потому, что Стерлинг ввел Лондона в мир «буржуазной мишуры» — дорогих ресторанов, светских раутов и клубов, а Джек Стерлинга — «в грубый и простой мир низов, низкосортного виски и дешевых китайских шлях из борделей Дикого Берега»^[177].

Не приходится сомневаться, что в их дружбе бывали путешествия и подобного рода. Но уровень отношений был, разумеется, выше. Не таким примитивным.

Они были, конечно, очень разными — духовно и физически. Стерлинг, на семь лет старше, из хорошей семьи, никогда не нуждался в деньгах, был высок ростом, строен и обычно меланхоличен. Джек, напротив, — улыбчив, коренаст, атлетически сложен, энергичен. Ему ведома была изнанка жизни, представлений о которой его друг не имел. Стерлинг совершенно свободно чувствовал себя в новом для Джека мире, где последний, напротив, ощущал скованность и неуверенность. Они очень по-разному смотрели на литературу, по-разному видели и собственное место в ней. Стерлинг полагал себя поэтом, подобным великим предшественникам, творил «в башне из слоновой кости», презирая действительность. Джек, напротив, был сама современность, убежден в том, что писатель должен жить и творить «здесь и сейчас», немедленно реагируя на актуальные запросы. Тем не менее они стали друзьями. Видимо, каждый находил в друге то, чего был лишен сам. Что ж, как говорят англичане (да и американцы): *extremes meet* — «противоположности притягиваются».

Наделили они друг друга и прозвищами: Стерлинг называл Джека «Волк», а тот его — «Грек» (Стерлинг действительно напоминал античного грека: и профилем, и какой-то нездешней величавостью), и постоянно

использовали их в переписке.

И еще одно качество очень привлекало Лондона в Стерлинге — его безграничный гедонизм. В душе он и сам был гедонистом и страстно желал получить как можно больше удовольствий от жизни, абсолютно убежденный в том, что заслужил их. Не только лично — но и как «человек толпы». В каком-то смысле это была «месть класса».

Вместе с тем вкусы молодого Лондона не отличались утонченностью, они были просты. Характерный пример — в романе «Джон Ячменное Зерно»:

«Помню, когда вышла моя первая книга, группа знакомых по Аляске устроила в мою честь встречу у себя в Богемском клубе в Сан-Франциско. Мы сидели, утопая в роскошных кожаных креслах, и заказывали напитки. Я понятия не имел, что существует столько разных ликеров и сортов виски. Я никогда не пробовал ликеров, и то, что виски разбавляют содовой водой и пьют со льдом из высоких бокалов, явилось для меня новостью. Я не знал, что название «Шотландское» тоже относится к виски. Мне были известны только напитки бедняков, которые пили вдоль границы и в портовых кабаках: дрянное пиво и еще более дрянное виски, без специальных названий. Я был сконфужен, не зная, что заказать, и лакей чуть не упал в обморок, когда я, наконец, велел подать красного вина, — это после обеда-то!»

Еще проще Джек Лондон смотрел на женщин и на отношения с ними. Как мы знаем, у него имелась и «теоретическая база», замешенная на дарвинизме и спенсеризме, — в «Письмах Кэмптона и Уэйса» на эту тему рассуждений немало. К тому же Лондон был совершенно искренне убежден, что «полноценный самец» (а уж себя-то он считал более чем полноценным) по природе своей полигамен. «Мужчина может следовать своим вождениям, не любя, — утверждал Лондон. — Он просто так уж создан. Мать-природа с непреодолимой силой взывает к нему о потомстве, и мужчина повинуется ее настояниям не потому, что он грешник по собственной прихоти, а потому, что над ним властвует ее закон».

Разумеется, о своих «похождениях» Бесс он не рассказывал, но она чувствовала, а потому мучилась и страдала. Позднее он вспоминал: «Она опасалась любой женщины... ревновала к кому угодно... подозревала всех». У нее имелись для этого очень веские основания.

Лондон, конечно, не монашествовал, когда Бесси носила их первую дочь, а затем и вторую. Но после возвращения из Европы и разочарования от того, что жена не родила ему сына, пустился во все тяжкие, порой не стесняясь заводить «амуры» прямо у себя дома. Тем более что по средам он

установил обычай принимать гостей и делал это с размахом — порой насчитывалось человек до ста. Как вспоминали участники этих приемов, с каждым разом они становились всё более шумными, даже дикими. Нередко гости собирались и по воскресеньям. Все много пили, дурачились, устраивали розыгрыши. В одном из писем, датированном летом 1903 года, Лондон описывает один из таких «раутов»:

«Воскресенье я помню очень хорошо. Большую часть времени, практически все время, пока присутствовал Джоакин, который пил без передыху, я дурачился с девчонками. Я вымазал мордашку Кейт вишнями и грязью, может, помнишь — это было нелегким делом, потому что она вздумала сопротивляться; Чармиан я облил водой с головы до ног, а потом Чарат и Чармиан принялись дурачиться с пудреницей. Чарат зашвырнула ее в кусты, и мне пришлось попотеть, разыскивая ее там»^[178].

Со стороны, надо полагать, это выглядело не очень красиво, но Джеку нравилось, тем более что многие из его подружек были покладисты и не особенно ломались, когда он то одну, то другую приглашал «осмотреть» его рабочий кабинет.

«Мои моральные правила Вам известны, — писал он позднее Стерлингу. — Известны и обстоятельства того периода. Вы знаете, я не испытывал угрызений совести от того, что вступал на путь наслаждений».

Из «Писем Кэмптона и Уэйса» (да и из «северных рассказов») мы также знаем, что физическая близость для него не была связана с любовью. Это был акт удовольствия. Причем взаимного. Отчего же от него отказываться, если это радует обе стороны?

Сходные взгляды имел и Джордж Стерлинг (кстати, тоже женатый и тоже несчастливо, поскольку жена, красавица Кэри, его любила, а он ее — нет), и друзья, конечно, немало теоретизировали по этому поводу, оправдывая собственное поведение.

Позднее Лондон, похоже, раскаивался в своем тогдашнем образе жизни, но в оправдание утверждал: «Да, я разбойничал, я рыскал, выслеживая добычу, но добыча никогда не доставалась мне ценой обмана. Ни разу в жизни я не сказал «люблю» ради успеха, хотя часто этого было бы вполне достаточно. В отношениях с женщинами я был безукоризненно честен, никогда не требовал больше, чем был готов дать сам. Я либо покупал, либо брал то, что мне отдавали по доброй воле, и взамен по совести платил тем же; я никогда не лгал, чтобы оказаться в выигрыше или получить то, чего не смог бы добиться иначе».

Что же удивительного в том, что его брак стремительно разрушался? Весна и лето 1903 года стали апогеем этого. Безумные вечеринки по два

раза на неделе, невнимание супруга, его холодность, растущее отчуждение, маленькие дети и бесконечные хлопоты по дому, в котором Бесси чувствовала себя лишней, — все это, в конце концов, вынудило ее уехать из дома в один из калифорнийских округов — Аламеду. В июне вместе с детьми она перебралась в местечко Глен-Эллен в округе Сонома. Ее пригласила к себе миссис Эймс из «Оверленд манфли». Инициатива исходила от Джека Лондона. Вполне может быть, Бесси надеялась на то, что супруг «перебесится» и жизнь наладится...

Надеялась напрасно. Миссис Эймс была теткой Чармиан Киттредж, журналистки и подружки Лондона, с которой он к тому времени сблизился, но, в отличие от многих сходных интрижек, обнаружил, что испытывает к ней «чувства».

Знала ли об этом тетушка будущей второй (и последней) жены писателя? Даже если не знала наверняка, то уж точно — подозревала. И, естественно, хотела помочь племяннице. Так что, если она и имела намерение «разрядить» обстановку в семье Лондонов, было это явно не на первом месте. Понятно, миссис Эймс больше волновала судьба родственницы и ее будущее.

В отсутствие жены и детей роман Джека и Чармиан развивался беспрепятственно и стремительно. Уже в конце июля, в очередной приезд к семье в Глен-Эллен, Лондон заявил Бесси, что расстается с ней. Причем сделал он это в два этапа, но в один день: сначала спросил, что она думает по поводу их переезда на уединенное ранчо где-нибудь в Южной Калифорнии — в глуши, подальше от суеты и соблазнов цивилизации. Бесси, решив, что Джек собрался взяться за ум и зажить спокойной семейной жизнью (она, разумеется, догадывалась, что у него бывают другие женщины, да он этого особенно и не скрывал), с радостью согласилась. Этот разговор произошел утром, когда они гуляли. А к вечеру, перед отъездом, Джек зашел к ней в домик и сообщил, что уходит от нее. В «глуши» должна была жить она с детьми, но не он.

Отвлекаясь от обстоятельств личного свойства, заметим: все это время — несмотря на рауты, сумасшедшие вечеринки, алкоголь, мимолетные связи и т. п. — писатель работал. Работал методично, сосредоточенно и без перерывов, выдавая ежедневно (без исключений!) от тысячи до полутора тысяч слов. У него могла болеть голова, отсутствовать соответствующее настроение, его могли осаждать заботы, но «норму» он выработывал всегда. Вот это, конечно, не может не поражать!

1903-й был годом постоянного успеха и писательского роста. В начале года Лондон закончил ставшую знаменитой вскоре повесть «Зов предков».

Ее напечатал один из ведущих в то время американских журналов «Сэтеди ивнинг пост» и заплатил за публикацию две тысячи долларов. Столько ему никогда не платили. Но теперь — будут платить! И еще больше! Через пару месяцев в «Макмиллане» повесть вышла отдельным изданием и вызвала широкий резонанс. Незадолго до этого Бретт издал «Письма Кэмптона и Уэйса» (хотя и без энтузиазма — лично ему книга не понравилась), а затем и книгу «Люди бездны». Журналы требовали «северных рассказов», и хотя тема эта ему поднадоела уже изрядно, он их сочинял — ради денег. «Мужская верность», «Замужество Лит-Лит», «Тысяча дюжин», «Золотое дно» — написанные тогда для заработка, они отвлекали писателя от воплощения захватившего его в то время замысла — романа «Морской волк».

Год с небольшим назад, переживая неудачу своего первого романа, Лондон писал: «...я знаю, что еще напишу настоящий роман». Взвзвись на излете весны 1903 года за «Морского волка», он уже предчувствовал, что на этот раз все будет по-другому — его ждет успех. Предчувствия его, как мы знаем, не обманули, — но всё это пока еще впереди. А тогда — бурная личная жизнь, грядущий развод с женой, увлечения и... алкоголь.

В неоднократно цитированной здесь «Исповеди алкоголика» Лондон писал о том времени: «...я не стремился к алкоголю. Я пил за компанию, когда пили другие. Мне было совершенно безразлично, какой напиток выбирать. Я слепо подражал другим. Если все пили виски, я пил то же, если все пили пиво или сарсапарель, я и здесь не отставал. Но без гостей я никогда не касался спиртного».

Но в том-то и дело, что «гости» захаживали постоянно.

Прежде, памятуя об опыте юных лет — пиратском, «рыбачьего патруля» и т. д., — Лондон опасался спиртного. Но теперь, — писал он, — «я перестал бояться Джона Ячменное Зерно, вообразив, что он мой слуга, а не наоборот». Однако в таком заблуждении, — признавался он несколько лет спустя, — «и крылась главная опасность».

Очень скоро это превратилось в настоящую проблему, что в конце концов и свело его в могилу. Не алкоголь, конечно, а последствия его употребления. Так эти «последствия» разрушили жизнь, а потом и убили его друга — Стерлинга-Бриссендена.

В романе «Джон Ячменное Зерно» можно встретить такую фразу:

«Ко мне захаживал один очень интересный человек, постарше меня, большой любитель виски. Просиживая с ним вдвоем весь день в моем кабинете, мы опрокидывали рюмку за рюмкой, пока мой друг не приходил в приподнятое настроение, а я тоже чувствовал, что хлебнул лишнего. Вы

спросите: зачем я это делал? Не знаю. Вероятно, по старой привычке, по примеру тех дней и ночей, когда в компании взрослых мужчин подростку было стыдно сидеть с пустым стаканом».

Всё это — о Стерлинге. Именно он и есть «один очень интересный человек, постарше меня, большой любитель виски».

А вот из «Мартина Идена»:

«Мартин... внимательно рассматривал Бриссендена, аристократически тонкие черты его лица, покатые плечи, брошенное им на соседний стул пальто, из карманов которого торчали книги. Лицо Бриссендена и тонкие руки были покрыты темным загаром, и это удивило Мартина. Едва ли Бриссенден любитель прогулок на свежем воздухе. Где же он так загорел? Что-то болезненное, противоестественное чудилось Мартину в его загаре, и он все время думал об этом, вглядываясь в лицо Бриссендена — узкое, худощавое лицо, со впалыми щеками и красивым орлиным носом».

В романе Мартин Иден объясняет «загар» своего знакомого туберкулезом — тот якобы вернулся из горного санатория, где и загорел. В действительности никакого туберкулеза у Стерлинга не было. Но впечатление о загаре как о чем-то «болезненном, противоестественном» было точным — у Стерлинга уже разрушалась поджелудочная железа, имелись серьезные проблемы с печенью. Это и давало пресловутый «загар». Стерлинг уже тогда, видимо, испытывал серьезные боли и глушил их... алкоголем. Создавался замкнутый круг, что четверть века спустя заставит поэта принять цианистый калий. Этот «круг» убьет и Лондона. Правда, болезнь писателя была иного рода, но тоже отчасти вызвана алкоголизмом.

Автор далек от того, чтобы обвинять Стерлинга в том, что тот толкнул Лондона в объятия «Джона». И всё же он явно этому посодействовал.

Парадоксальным образом писатель предсказал самоубийство Стерлинга самоубийством Бриссендена в романе. И свое самоубийство — смертью Идена. Правда, в реальности первым «поставил точку» именно Лондон, а Стерлинг это сделал одиннадцатью годами позже.

Что-то мистическое в этом есть. Не правда ли?

Глава 6

БОЛЬШОЕ ПЛАВАНИЕ

Военный корреспондент: 1904

«Я увидел молодого человека, молодого настолько, что прежде, полагаю, мне никогда не доводилось общаться со столь юным человеком как со взрослым. Его внешность, осанка, манеры, вся его личность выказывали крайнюю робость и неуверенность в себе. Я не произнес ни слова, распахнул перед ним дверь номера, а затем предложил лучший из моих стульев (у меня в комнате их было всего два). Я положительно терялся в догадках, какие у нас с ним могут быть общие дела. Мы присели. Если мне не изменяет память, пауза затянулась, и я даже пробормотал нечто вроде «Ну так что?..» и стал дожидаться результата.

— Я из «Сан-Франциско Экземинер», — объяснил он голосом нежным и едва слышным и, словно пораженный собственной дерзостью, отшатнулся.

— О! — сказал я. — Так значит, вы пришли от мистера Херста?

После моих слов юное дитя небес с видимым усилием оторвало свой взгляд от пола, зафиксировало на мне свои чистые голубые глаза и почти неслышно промолвило:

— Я и есть мистер Херст»^[179].

Поразительно и даже немного странно читать такое про человека, который на рубеже XIX–XX веков «подмял» под себя страну и распоряжался в Америке, как в своей вотчине, искусно манипулируя общественным мнением, объявляя и оканчивая войны, меняя президентов и назначая нужных ему чиновников. Но тем не менее это было, и приведенные выше слова взяты из очерка американского писателя Амброза Бирса, который стоял у истоков медиаимперии У. Р. Херста^[180]. А он знал, о чем говорил, потому что провел рядом с олигархом четверть века. Бирс познакомился с Херстом в 1887 году, вскоре после того, как последний стал владельцем своей первой газеты (ее на окончание университета ему подарил отец). Конечно, в 1904-м он уже был давно иным — в эти годы его «империя» переживала апогей своего развития и влияния.

Едва ли Херст лично обратился к Джеку Лондону с предложением

отправиться в качестве военного корреспондента в Японию, а затем и на театр военных действий разгоравшейся Русско-японской войны. Но наверняка с его подачи, поскольку он всегда привлекал самые громкие имена, чтобы успешнее манипулировать общественным мнением.

Лондон принял предложение не раздумывая. Во-первых, это — приключение. А во-вторых — способ уйти от личных проблем, он изрядно в них подзапутался. Ну и к тому же — Херст платил. Платил лучше всех в стране.

«Всегда несправедливый и вероломный мистер Херст неизменно великодушен и щедр, — писал в упомянутом очерке Бирс. — У мистера Херста есть привычка покупать себе самых умных и способных людей — вне зависимости от того, сколько он должен платить. Нередко он платит им процентов на 50 больше того, что они реально стоят, но зато выбирает, несомненно, самых лучших».

А Джек Лондон, несомненно, уже тогда ходил в «самых лучших». Да и денег нашему герою постоянно не хватало. Экспедиция в Японию не мешала и осуществлению творческих планов: всю вторую половину года Лондон сочинял роман и закончил его накануне Рождества. Ему самому роман нравился, и он считал, что на этот раз текст удался. Говорил же он год с небольшим назад Клодели Джонсу, переживая неудачу «Дочери снегов»: «Я... напишу еще настоящий роман». И написал. Еще до Нового года рукопись отправилась в журнал «Сенчури» и к Бретту в НьюЙорк. Над корректурой он попросил поработать Стерлинга и Чармиан Киттредж.

Из Сан-Франциско в Японию (пароход шел в Иокогаму) Лондон отплыл 7 января 1904 года.

Жена (по сути, уже бывшая), разумеется, провожать его не пришла. Но пришла (и не могла не прийти!) Элиза. Помимо проводов у сестры писателя имелась и другая цель — выведать, кто занял место миссис Лондон на брачном ложе, кто она — разлучница? Об этом ее просила Бесси — они с Элизой крепко подружились. Сестра очень не одобряла образ жизни брата, а его уход из семьи ее шокировал и был совершенно непонятен. Выяснить, кто разлучница, труда не составило — слишком уж нежно прощался Джек с Чармиан Киттредж, слишком крепкими были их объятия и страстными поцелуи. Так что, едва пароход успел выйти из бухты Сан-Франциско, супруга уже знала наверняка, кем увлекся ее муж. Должно быть, полученное известие задело ее сильно: она жила в доме тетки Чармиан (в нем обитала и «разлучница»), считала ее своей подругой, делилась супружескими проблемами, просила совета, а тут...

...Пароход плыл в Японию. Война еще не началась, но Херст

прекрасно знал, «какие ветры дуют». К тому же ни Япония, ни Россия особо не скрывали серьезных намерений. Этим, кстати, объясняется то, что через океан Лондон отправился не один, а в составе группы американских журналистов ведущих изданий.

Но путешествие не задалось с самого начала: на пароходе писатель загрипповал, потом неловко ступил на трап, споткнулся и серьезно растянул ногу. Кое-кто из его коллег-журналистов утверждал, что в Иокогаме Лондон едва сумел сойти на берег самостоятельно. К журналистам приставили специальных чиновников и под их пристальным надзором поездом перевезли тех в Токио, где поселили в гостинице. Пока Лондон лечил ногу, началась война (27 января 1904 года).

Бои вовсю шли в Маньчжурии^[181], но американцев маршировали в Токио. Лондон засыпал Херста телеграммами с требованиями добиться отправки на фронт, но тот едва ли мог помочь: японцы испытывали явное недоверие к бледнолицым союзникам (США поддерживали Японию) и видеть их подле передовой не хотели.

Тогда Джек решил действовать самостоятельно (Херст, скорее всего, был в курсе этого): за большие деньги (средствами его снабдил работодатель) нанял джонку и отправился на ней в Корею. Высадившись, он пробрался в Сеул, оттуда доехал до Пхеньяна, а потом даже проник в ближние тылы наступающей японской армии. Но здесь ему не повезло — слишком он выделялся своей европейской внешностью, да и к тому же что-то все время фотографировал. Уж не шпион ли? Короче говоря, его арестовали. Довольно быстро поняли, что не шпион (во всяком случае — точно не русский), связались с командованием, установили личность и... отправили в Сеул. Там уже обретались несколько таких же предприимчивых американских корреспондентов, самостоятельно проникших в Корею.

Что интересно: поначалу военные власти смотрели на журналистов сквозь пальцы и не особо обращали внимание на их присутствие, пока на них не донесли коллеги, оставшиеся в Токио. После этого режим ужесточили, всех приписали к «Первой Колонне» японской армии и... запретили покидать Сеул. Напрасно Лондон слал отчаянные телеграммы Херсту, требовал «переговорить», «надавить», «заставить», вполне справедливо указывал: «Военный корреспондент так работать не может — японцы не дают нам увидеть войну». Всё тщетно — в Сеуле они сидели безвылазно.

Но и в таких условиях он пытался работать по максимуму: расспрашивал очевидцев (прежде всего соотечественников), общался с

дипломатами, офицерами-наблюдателями из США, Великобритании и Франции и слал корреспонденции Херсту. Вот одна из них, отправленная из Сеула:

«Русское наступление на позиции японской армии.

Русские дерзко и яростно наступают к югу от реки Ялу. Разведывательный казачий отряд передвигается по северной Корее далеко впереди основного корпуса.

Триста русских взяли местечко Анджу в 45 милях от Вижу, порта, который Корея провозгласила открытым. Вижу, в свою очередь, расположено в 25 милях от Пхеньяна, где разыгралась первая великая битва китайско-японской войны. Японцы пока не предпринимали попыток выбить отчаянный русский авангард из Анджу. Местность между Анджу и Пхеньяном гористая, в силу этого военные действия там будут крайне затруднены. Но поскольку у японцев здесь собраны значительные силы, столкновение нельзя будет оттягивать бесконечно. Неизвестно, насколько основные силы русских отстают от авангарда, однако, по уверению отступающих корейцев, они весьма многочисленны.

Корейцы не делают никаких попыток сдержать наступление русских, но относятся к ним с непримиримой враждебностью. <...> Население Пхеньяна охватила паника. Кажется, корейцы чувствуют, что эта земля снова станет полем брани. Десять тысяч человек уже покинули город, и бегство продолжается. Севернее, ближе к Ялу, десятки тысяч беженцев снимаются с насиженных мест. Страх перед русскими перерастает в слепой ужас.

Но помимо страха перед русскими в северной Корее нет никакой неприязни к другим иностранцам. Рассказы о зверствах русских распространяются быстро и подстегивают паническое бегство на юг. Повидимому, корейцы совершенно не боятся японцев и ищут убежища за спинами японских солдат. <...>

Можно сказать почти наверняка, что в течение ближайших дней не избежать яростных стычек между передовыми отрядами обеих армий.

Ситуация во всем северном Китае критическая. Войска и население воодушевляются при виде воззваний, расклеенных по всем стенам. Пропаганда сильно преувеличивает успехи японской армии и призывает китайцев восстать и разбить русских...

Русские боятся, что в результате наступления китайской армии будет перекрыта Транссибирская магистраль. Пятнадцать тысяч отборных китайских солдат находятся на северной границе. Эти войска ежедневно получают подкрепление. Они хорошо обучены и до зубов вооружены. Здесь

собран цвет китайской армии. <...>

Иностранцы в Пекине и Тяньцзине утверждают, что если воинственные настроения возьмут верх, то убивать будут, невзирая на национальность, под общим лозунгом «Смерть проклятым инородцам».

Поэтому все иностранные общины готовятся к худшему. В Тяньцзине находятся две тысячи американских и европейских военных, еще полторы тысячи охраняют в Пекине дипломатические миссии. Но в случае общего восстания и им придется спасать свои жизни.

Посол Конджер сказал мне, что китайские власти твердо намерены сохранять нейтралитет и порядок, но в такие времена чрезвычайно трудно контролировать войска и население. Он думает, что достаточно малейшей провокации, чтобы разразилась катастрофа»^[182].

А вот — другая корреспонденция Лондона, оттуда же. Она озаглавлена «Корейская армия» и датирована 4 марта:

«Для корейцев японская оккупация — источник неиссякаемой радости.

Цены растут день ото дня; кули и купцы сбиваются с ног, собирая деньги, которые позже выжмет из них правящий класс — класс чиновников.

Сейчас в среде чиновников и аристократии царят растерянность и страх, а несчастный, слабый император не знает, куда податься. Он не может ни сбежать, ни остаться в своем дворце и потому издает любые указы, на необходимость которых ему вежливо намекают японцы, — например, выставляет своих солдат из барачков, чтобы разместить японских солдат со всеми возможными удобствами.

В Чемульпо все кипит и бурлит, но в строго установленном порядке. Никакой путаницы, никаких заторов. Каждый день из Японии прибывают корабли, становятся на якорь в гавани, а затем артиллерийские орудия, лошади и солдаты выгружаются и их отправляют по железной дороге в Сеул. Не скоро еще придется этим людям снова дать отдых ногам и ввериться силе пара. После Сеула их ждет 180-мильный марш-бросок на Пхеньян, а оттуда — дальше на север. Через заснеженные вершины корейских гор они пройдут до Вижу, к реке Ялу, где их поджидают русские.

Не знаю, есть ли еще в мире столь же спокойные, дисциплинированные солдаты, как японцы. Наши американцы давно бы всколыхнули весь Сеул своими выходками и веселым разгулом, но японцы к разгулу не склонны. Они убийственно серьезны.

Однако местное население их не боится. Женщины в безопасности, деньги в безопасности, добро в безопасности. О японцах еще с 1894 года

известно, что они платят за все, что берут, и они по сегодняшний день оправдывают свою репутацию.

«Хорошо, что это не русские!» — говорят корейцы, а местные европейцы и американцы многозначительно поддакивают. Я еще ни разу не видел пьяного японского солдата. Я даже не наблюдал ни одного нарушения порядка или просто развязности — а ведь это солдаты. Можно процитировать генерала Аллена: «Японская пехота не уступает ни одной пехоте мира. Она отлично себя проявит».

Они маршируют без видимых усилий в сорокадвухфунтовом снаряжении. Не сутулятся, не волочат ноги, никто не отстает, никто не поправляет ремешки ранца, не слышно звона баклажек или других посторонних звуков. Так идет вся армия, так идет каждый отряд. Главное — это человек. Он работает безупречно. И работает ради определенной цели.

Японцы — нация воинов, и их пехота соединяет в себе все достоинства идеальной пехоты; но нельзя сказать, что они — нация всадников. Для западного глаза их кавалерия выглядит смехотворно. Лошади у них небольшие и сильные, это правда, но не выдерживают никакого сравнения с нашими жеребцами. Да и умеют ли японцы управляться со своими лошадьми? Часто можно увидеть всадника, держащего поводья в одной руке, и все они сидят в седлах крайне неловко.

Между жеребцами, из которых практически без исключения состоит японская кавалерия, постоянно вспыхивают драки, и солдаты не в силах с ними справиться. На днях потребовалось вмешательство американского генерала — генерала Аллена, — чтобы усмирить коней, дерущихся перед гостиницей в Сеуле. Несколько присутствовавших при этом кавалеристов не знали, что делать, и безуспешно пытались уберечь своих коней от увечий. Но пехота — выше всяких похвал. В любом случае кавалеристы, спешенные или конные, — это солдаты, и воюют они с солдатами; к тому же в скором времени они могут оседлать крупных русских лошадей».

Нетрудно заметить, что, за исключением деталей (вроде драки лошадей или наблюдений за японской кавалерией), корреспонденция источником своим имеет не собственные, а чужие впечатления.

Еще одна корреспонденция — «Казачи наступают и отступают»:

«Первое сухопутное сражение! Первая стычка японцев и русских на суше, первые прозвучавшие выстрелы — это Пхеньян, утро 28 февраля.

Передовой отряд русских казаков, пересекший Ялу в районе Вижу, прошел 200 миль на юг по корейской территории, чтобы встретиться с японцами и выяснить, насколько далеко на север они продвинулись.

Три американца, вывозившие женщин с приисков американской концессии в 50 милях к востоку от Анджу, встретились с этим отрядом в Анджу, на главной Пекинской дороге. Они ехали вместе с ними целый день и утверждают, что казаки — brave солдаты, всадники, отлично управляющие своими коренастыми лошадками.

О дисциплине разведчиков было рассказано следующее: один из американцев дал казаку табак и бумагу. Тот, сидя в седле, только-только начал скручивать папиросу, как прозвучала команда: «В галоп!» Табак и рисовая бумажка полетели в пыль — солдат немедленно подчинился команде.

У казаков не было ни малейшего представления о том, где они столкнутся с японцами; каждая деревня грозила засадой. Приближаясь к поселению, казаки спешивались и рассыпались — так и входили в деревню, прикрываясь лошадьми.

Но японцев они встретили только у стен древнего города Пхеньяна, места избиения китайцев японцами в 1894 году. Письменные свидетельства об этом городе впервые появились за много веков до Рождества Христова. Теперь здесь, в живописной долине под стенами Пхеньяна, 20 казаков наткнулись на пятерых японских всадников. Началась погоня, казаки преследовали неприятеля и отступили лишь перед шквальным огнем с городских стен.

Было произведено 30 выстрелов, оставшихся без ответа. Казаки выполнили свою задачу — нашли японцев, однако мудро воздержались от штурма Пхеньяна.

Примечательно, что никто не был убит или ранен, хотя огонь велся с близкого расстояния. Японцы объясняют это тем, что боялись попасть в своих. Тем не менее они отмечают, что видели, как два казака слезли с лошадей — очевидно, раненых — и увели их. Так что русская кровь все же пролилась в этой первой стычке, пусть даже это была всего лишь лошадиная кровь.

Первые сведения о происшедшем я получил от лейтенанта Абэ, который пришел ко мне в японскую гостиницу...»

Очевидны и симпатии Лондона. Они явно не на стороне русских^[183]. Впрочем, как мы видим, казаков он считает серьезным противником и не до конца уверен в победе японцев. Но японцы ему нравятся:

«Лейтенант Абэ, кстати, типичный офицер новой Японии. Несмотря на европейскую униформу и коротко постриженную бороду, он — восточный человек. Ему, по-видимому, было удобно сидеть, подобрав под себя скрещенные ноги, в то время как я то и дело принимал неловкие позы,

чтобы конечности не затекали. Абэ окончил военную академию в Токио, знает французский, английский и китайский, а сейчас изучает немецкий. По его словам, после войны он собирается вернуться к научной карьере и продолжить изучение военного дела. Японцы, несомненно, воинственная нация. Все их мужчины — солдаты».

Но, похоже, иногда журналистов все-таки вывозили поближе к фронту. Об одной такой (возможно, единственной) поездке рассказывает вот эта корреспонденция:

«Бой на дальнем расстоянии — это, конечно, здорово. Это блестящая иллюстрация того, насколько человек поднялся над своими естественными возможностями и как много он знает о запуске ракет в воздух. Долог путь от пращи, с которой вышел на бой Давид, до современного пулемета; однако — вот парадокс! — праща и ручное оружие Давидовых времен, с учетом затрат энергии, были в сто раз более смертоносными, чем цивилизованное оружие сегодняшнего дня. Иными словами, мечи и копья давних дней проще и нагляднее выполняли свою задачу, чем сегодняшнее оружие. Во-первых, ручное оружие убивало больше людей; а во-вторых, оно убивало больше людей с гораздо меньшими затратами силы, времени и мысли. Триумф цивилизации, похоже, не в том, что Каин не убивает, а в том, что ему приходится сидеть ночи напролет, планируя, как он будет убивать.

Возьмите, к примеру, нынешнюю ситуацию на Ялу. На одной стороне реки, петляющей по цветущей долине, — множество русских. На другой — множество японцев. Японцы хотят пересечь реку. Они хотят пересечь реку, чтобы убить русских на другом берегу. Русские не хотят, чтобы их убили, поэтому они готовятся к тому, чтобы убить японцев, когда те пойдут на переправу. В этом нет ничего личного. Они редко видят друг друга. Справа, на северном берегу, несколько русских упорно стреляют с дальнего расстояния в японцев, которые отстреливаются с островов на реке. Японская батарея на южном берегу, справа, начинает забрасывать русских шрапнелью. В четырех милях слева русская батарея поливает эту японскую батарею анфиладным огнем. Никакого результата. Из центра японских позиций батарея стреляет по русской батарее. С тем же успехом. С центральных позиций русских батарея начинает изрыгать снаряды через гору, в направлении центральной японской батареи. Японская батарея на правом фланге бьет по пехоте русских. Так продолжается до бесконечности: русская батарея слева теперь стреляет по центральным позициям японцев, русская батарея в центре начинает стрелять по правой батарее японцев. Окончательный результат этой перестрелки, если иметь в

виду человеческие жертвы, практически нулевой. Каждая из сторон не давала другой убивать. В результате длительного процесса, некоей пятиугольной дуэли, в которой участвовало множество людей и пушек, было сожжено немало пороха, принято немало решений, и никто не пострадал.

Конечно, с другой стороны, японцы могли добиться стратегического перевеса. Но что такое стратегический перевес? Стратегический перевес, как я его понимаю, это такое управление солдатами и оружием, которое делает позицию противника необороняемой. Необороняемая позиция — это такая позиция, в которой противник должен либо сдаться, либо погибнуть. Но никакой командир, если он знает свое дело, не остается на необороняемой позиции. Он быстро снимается и ищет позицию обороняемую. Стратегическими усилиями его порой удается выбить и оттуда, и он ищет третью. Это продолжается не до бесконечности, а до тех пор, пока он не займет последнюю из возможных обороняемых позиций. Затем перед ним встает первоначальная дилемма: сдаться или погибнуть. Конечно, он сдается. Это все тот же старый вопрос разбойника на большой дороге: «Кошелек или жизнь?» Путник, к которому обращаются с таким вопросом, обычно находится в необороняемой позиции и, естественно, выкладывает денежки. Нация, когда ее армия наконец оказывается загнанной в необороняемую позицию, делает в точности то же самое, отдавая свои цветущие провинции, политические привилегии или денежные контрибуции. По крайней мере таковой представляется современная война профану. Идет ли речь о небольших группах солдат, об армии или о нескольких армиях, стратегическая цель одна, а именно — загнать в необороняемую позицию технику и людей, где все они будут уничтожены, если не сдадутся. Но именно бой с дальнего расстояния делает современные военные действия столь отличными от древних...» И так далее.

Датирована заметка 30 апреля и озаглавлена «Бой с дальнего расстояния». И действительно, — с «дальнего»: нет в корреспонденции ни живого дыхания боя, ни впечатляющих картин, ни живописных подробностей. Близко — хотя бы на «дистанцию пушечного выстрела» — не допускали.

Единственная, по-настоящему «живая» корреспонденция датирована 1 мая 1904 года. Ценность ее не в правдивом описании боестолкновения японцев и русских сил (его там просто нет), а в эмоциях — в человеческих эмоциях Джека Лондона. Вот этот фрагмент:

«Я ехал мимо мертвых и раненых японцев на дороге и чувствовал

ужас при виде военных бедствий. <...> К этому времени я уже несколько месяцев жил среди азиатских солдат. Лица вокруг меня были азиатскими лицами, кожа — желтой и смуглой. Я привык к людям другого племени. Мой разум привык принимать как должное, что здесь у воюющих людей глаза, скулы и цвет кожи отличаются от глаз, скул и цвета кожи людей моей расы. Я привык к этому, таков был порядок вещей. <...> Я въехал в город. В окна большого китайского дома с любопытством заглядывало множество японских солдат. Придержав лошадь, я тоже с интересом заглянул в окно. И то, что я увидел, меня потрясло. На мой рассудок это произвело такое же впечатление, как если бы меня ударили в лицо кулаком. На меня смотрел человек, белый человек с голубыми глазами. Он был грязен и оборван. Он побывал в тяжком бою. Но его глаза были светлее моих, а кожа — такой же белой. С ним были другие белые — много белых мужчин. У меня перехватило горло. Я чуть не задохнулся. Это были люди моего племени. Я внезапно и остро осознал, что был чужаком среди этих смуглых людей, которые вместе со мной глазели в окно. Я почувствовал странное единение с людьми в окне. Я почувствовал, что мое место — там, с ними, в плену, а не здесь, на свободе, с чужаками. <...> На дороге я увидел пекинскую повозку, которую тащили китайские мулы. Рядом с повозкой шли японские солдаты. Был серый вечер, и все вещи на повозке были серые — серые одеяла, серые куртки, серые шинели. Среди всего этого сверкали штыки русских винтовок. А в груди серой ветоши я разглядел светлую голову, только волосы и лоб — само лицо было закрыто. Из-под шинели высывалась голая нога, судя по всему, крупного человека, белая нога. Она двигалась вверх-вниз вместе с подпрыгивающей двухколесной повозкой, отбивая непрерывный и монотонный такт, пока повозка не скрылась из виду.

Позже я увидел японского солдата на русской лошади. Он прицепил на свою форму русскую медаль; на его ногах были русские офицерские сапоги; и я сразу вспомнил ногу белого человека на давешней повозке.

В штабе... японец в штатском обратился ко мне по-английски. Говорил он, конечно, о победе. Он сиял. Я ни намеком не выдал ему своих сокровенных мыслей, и все же он сказал при прощании:

— Ваши люди не думали, что мы сможем победить белых. Теперь мы победили белых.

Он сам сказал слово «белые», и мысль была его собственная; и пока он говорил, я снова видел перед собой белую ногу, отбивающую такт на подпрыгивающей пекинской повозке».

Примечательный отрывок. И примечателен он не только эмоциями —

понятной и совершенно естественной жалостью, которую испытывает автор к пленным и убитым русским, но и другим: расовой солидарностью. Страна Лондона на стороне японцев, Лондон и сам не симпатизирует русским, да к тому же ненавидит самодержавие (о его реалиях он прочитал и наслушался от той же Струнковой немало), но... «белый человек с голубыми глазами» ему все же ближе, и с этим ничего не поделать. Он ощущал себя «чужаком среди этих смуглых людей».

Так закончился февраль, прошел март, за ним апрель, наступил май. Лондон совсем потерял терпение, телеграфировал Херсту: если он не может обеспечить ему доступ на фронт с японской стороны, так пусть переправит к русским — он станет наблюдать оттуда. И вообще: ему всё надоело, и если в ближайшее время ничего не изменится, он «выходит из игры» и возвращается в Штаты. На нервы действовала не только вынужденная пассивность — он никак не мог оправиться от болезни. Ричард Х. Дэвис^[184], входивший в группу американских журналистов в Сеуле, вспоминал, что Джек выглядел очень плохо — осунулся, исхудал, ходил прихрамывая. Всех донимали вши, а у Джека обнаружилась еще и экзема. К тому же он тосковал по Чармиан и писал ей письма, полные любви.

Скорее всего, всё это в совокупности — физическое недомогание и нервное напряжение — стало причиной эпизода, который прервал корейскую эпопею. Суть его в следующем: к каждому корреспонденту японцами был прикреплен небольшой штат «помощников», по существу, и слуг, и соглядатаев одновременно. Положение с провизией и фуражом было напряженным. Обслуга нередко воровала и то и другое у соседей. И вот однажды Лондон застал одного из денщиков, когда тот воровал чужой фураж, и набросился на него с кулаками.

Позднее он рассказывал Чармиан: «Я и ударил его всего один раз — ударил его кулаком. Да что там ударил, он сам налетел на кулак и упал с глухим таким звуком. А потом скулил две недели и ходил весь перемотанный бинтами».

Так это было или нет, сказать трудно (похоже, Джек все же лукавил). Судя по всему, японца он избил серьезно. Дело приобрело скверный оборот — Лондона арестовали. Поскольку тот, кого он поколотил, был военнотружачим, следовало ожидать, что судить писателя будет военный трибунал. А у того суд скорый и результат известный — расстрел. Во всяком случае, японские воинские власти смотрели на дело серьезно и такой финал не исключали.

На помощь Лондону пришел упоминавшийся Р. Х. Дэвис. Он

напрямую телеграфировал президенту США Т. Рузвельту, тот связался с властями в Токио, и дело остановили. Писателя освободили, но с условием: он в 24 часа должен покинуть Сеул и отбыть в Японию, а затем без малейшего промедления убраться из страны. В сопровождении все того же Дэвиса Лондон покинул Корею, добрался до Иокогамы и на ближайшем пароходе отбыл в Америку.

Так закончилась экспедиция писателя в Корею и его служба у Херста в качестве военного корреспондента.

Любовь и литература: 1904—1905

Ироническая ухмылка судьбы: из Иокогамы в Америку Джек Лондон плыл на пароходе под названием «Корея». Так что с Кореей — в прямом и переносном смысле — он не расставался долго — до тех пор, пока не сошел на пристань Сан-Франциско 30 июня 1904 года. Да и потом дальняя восточная страна, наверное, снилась ему еще долго...

Впрочем, можно утверждать и иное: куда большее место в его снах и грезах занимала тогда Чармиан Киттредж — пока он был на войне, между ними шла переписка. Писали они много, откровенно и всё про любовь. Ирвинг Стоун в своей книге о писателе привел несколько отрывков из этой переписки. Не сможем удержаться от этого и мы — уж очень они выразительны.

«Ах, ты чудный — чудеснее всех! Я видела, как от моего прикосновения у тебя молодеет лицо, — пишет Чармиан. — Что стряслось с этим миром? Где мое место? Наверное, нигде, если нигде — это сердце мужчины».

Джек отвечает:

«Вокруг тебя сомкнулись мои руки. Целую тебя в губы, открытые, честные губы, которые знаю и люблю. Вздумай ты вести себя застенчиво, робко, попробуй вопреки самой себе изобразить жеманную недотрогу, разыграть хоть на мгновение притворную стыдливость, ей-богу, я бы, кажется, проникся к тебе отвращением. «Дорогой мой, дорогая любовь моя!» Я лежу без сна и все снова и снова повторяю эти слова».

В ответ Чармиан — Джеку:

«Меня начинает пугать одно: боюсь, что мы с тобой никогда не сможем выразить, что мы друг для друга. Все это так огромно; а способов выражения у человека так несоизмеримо мало».

И еще:

«Ты поэт, и ты так красив. Поверь, милый, милый мой, что еще никогда в жизни я ничему не была так рада, так глубоко, по-настоящему рада. Подумать только: тот, кто для меня величайший из людей, не обманулся во мне!»

Что ж, мужчине читать такое, разумеется, лестно. Но удивляет другое (это, кстати, удивляло многих биографов): возвышенно-мелодраматический стиль посланий с обеих сторон. Вот пишет Чармиан:

«Ты мой, мой собственный, я обожаю тебя слепо, безумно, безрассудно, страстно; ни одна женщина не была еще способна на такую любовь». «Ах, любимый мой, ты такой мужчина. Я люблю тебя, каждую твою клеточку, как не любила еще никогда и никого уже больше не буду любить». «О, дорогая Любовь моя, ты мой Мужчина; истинный, тот самый настоящий Супруг моего сердца, и я так люблю тебя!» И еще: «Думай обо мне нежно и любовно, и безумно; думай, как об очень дорогом друге, своей невесте, Жене. Твое лицо, голос, рот, твои нежные и властные руки — весь ты, целиком, мой Сладостный — я буду жить мыслями о тебе, пока мы не встретимся опять. О, Джек, Джек, ты такой душка!»

А вот Джек:

«Ты не можешь представить себе, как много ты для меня значишь. Высказать это, как ты сама говоришь, невозможно. Непередаваемо волнуют перше мгновения, когда я встречаю, вижу, касаюсь тебя. Ко мне приходят твои письма, и ты со мною, со мною во плоти, и я гляжу в твои золотистые глаза. Да, душа моя, любовь к женщине для меня началась тобою и кончится тобой». И еще: «Я готов жить или умереть ради тебя — это само по себе доказывает, что наша любовь для меня важнее жизни и смерти. Ты знаешь, что из всех женщин ты для меня единственная; что ненасытная тоска по тебе страшнее самого лютого голода; что желание грызет меня свирепо, как никогда не терзала жажда славы или богатства. Все, все доказывает — и доказывает неопровержимо, как велика она, наша любовь». «Знай же, сладостная любовь моя, что я и не представлял себе, как огромна твоя любовь, пока ты не предалась мне по доброй воле и до конца; пока ты, твоя любовь, все твое существо не вымолвили «да». Своим милым телом ты как печатью скрепила все, в чем призналась мне душой, и вот тогда я понял все, до конца. Я познал — я знаю, что ты до конца и целиком моя. Если при всей своей любви ты все-таки не уступила бы мне, передо мной не открылось бы с такой полнотой твое женское величие; не были бы так беспредельны моя любовь, мое преклонение пред тобою. Просмотри мои письма, и, я уверен, ты убедишься в том, что истинное безумие овладело мною не ранее, чем ты с царственной щедростью одарила меня. Именно

после того, как ты отдала мне самое главное, появились в моих письмах слова, что я твой «раб», что я готов умереть за тебя, и весь прочий восхитительный набор любовных преувеличений. Но это не преувеличение, дорогая, не напыщенный вздор сентиментального тупицы. Когда я говорю, что я твой раб, я утверждаю это как человек здравомыслящий, и это лишний раз подтверждает, что я воистину и до конца сошел с ума»^[185].

С ума он, конечно, не сошел, но «воистину» — любовь пленяет разум. И что поразительно: все это — уже после «Писем Кэмптона и Уэйса»! Вот бы, верно, удивилась Анна Струнская, почитав такое. Лондон был искренне влюблен в Чармиан, и это — очевидно. Но читать признания, помня, что корреспонденты — искушенный (во многих смыслах!) мужчина двадцати восьми лет и женщина в возрасте тридцати четырех, — согласитесь, несколько, скажем так, необычно. Тем более что для Чармиан он был «не первым», а уж она у Лондона... Тем не менее эти «прогрессивные люди» (во всяком случае, они считали себя таковыми) в письмах изъясняются на языке Мэри Корелли и ее почитателей.

Среди современников писателя бытовало мнение (да и у части биографов тоже), что Чармиан Киттредж женила на себе писателя и сделала это при помощи своей тетушки Нинетты Эймс; что ими был разработан и осуществлен некий план, результатом которого и стало превращение мисс Киттредж в миссис Лондон. Едва ли именно так обстояло дело, но то, что миссис Эймс серьезно беспокоилась о судьбе племянницы и делала всё возможное, чтобы та не осталась в старых девах, не подлежит сомнению (И. Стоун в своем «Моряке в седле» представил по этому поводу исчерпывающую информацию). Она, как могла, способствовала союзу. В то же время очевидно: «движение» Джека и Чармиан было встречным, и никакие — даже самые хитроумные — планы сработать не могли, если бы не было глубокого взаимного чувства.

По мнению многих, сыграло свою роль в распаде семьи, как уже упоминалось, то, что Джек очень хотел сына, но Бесси смогла подарить ему только дочерей... Однако, если взглянуть на ситуацию объективно, — Бесси Мэддерн и Джек Лондон, конечно, «не пара». Ему нужна была другая женщина — свободная и смелая во взглядах, стильная, умная, темпераментная, способная быть единомышленницей. Бесси не была такой, а вот Чармиан — была.

«Я раздумываю порой: отчего я люблю тебя? За красоту твоего тела, ума? — обращаясь к Чармиан (уже жене), вопрошал Лондон. И сам же отвечал: — Сознаюсь, не за нее я тебя люблю, но за внутренний огонь,

который пронизывает тебя насквозь, украшает все, что бы ты ни надела, который делает тебя задорной, легкой на подъем, чуткой и гордой, гордой собой, своим телом; заставляет и тело твое — само по себе, независимо от тебя — тоже гордиться собой».

Вот и ответ — другого не надо. Ему нужна была единомышленница, товарищ, что будет рядом не только в уютном семейном гнездышке и на террасе за чашкой чаю, но и на палубе парусника в открытом море, в седле скакуна, за рулем автомобиля, с револьвером в руках, в пустыне, джунглях, в тундре... Была ли такой мисс Киттредж? Судя по всему, была. Во всяком случае, Мод Брустер в «Морском волке» он писал, исходя из своих представлений о Чармиан. Да и весь опыт их совместной жизни вроде бы не обманул его надежд.

Как бы там ни было, мы должны быть благодарны «второй миссис Лондон». Не только (а может быть, и не столько!) за ее подробную книгу о муже — надо сказать, весьма субъективную и полную «фигур умолчания», сколько за то, что она хорошо представляла масштаб личности своего супруга и тщательно собирала и хранила всё, что касалось его — письма от него и к нему (в том числе и собственные), черновики, рукописи, записные книжки и блокноты, рецензии (хвалебные!), журнальные и газетные публикации. И занялась она этим, еще не став «миссис Лондон», а вскоре после того, как свела с ним «близкое знакомство» — с лета 1903 года, и продолжала на протяжении всех лет их совместной жизни. И порядок в бумагах она навести могла — все-таки профессиональная секретарша. К тому же вела дневник. Хотя и не писала много, но записи вносила ежедневно.

Однако мы забежали вперед. Не менее интересны тернии. Так что — по порядку.

30 июня 1904 года пароход «Корея» отшвартовался у причала Сан-Франциско. В своей книге миссис Чармиан Лондон утверждала, что ее будущий муж еще не успел ступить на берег, как его отыскал доверенный жены и вручил объемистый пакет документов — Бесс возбудила дело о разводе^[186].

Действительно ли это случилось прямо на борту — а об этом не преминул сообщить едва ли не каждый биограф писателя! — или все же немного погодя, в общем-то, не важно. Главное, что это было первым, чем его «порадовала» родина.

Вскрыв пакет и пробежав глазами бумаги, Лондон сделал еще несколько «открытий»: причиной развода была обозначена Анна Струнская; жена требовала поделить все имущество, включая книги, то

есть настоящие и будущие доходы от них. Более того, на гонорар, который ему полагался от Херста за Корею, по требованию ее адвоката был наложен арест. Арест был наложен и на все денежные поступления (текущие и будущие) — как от журналов, так и от издателей. Получалось так, что теперь ему принадлежат только долги, а доходы (надо сказать — немалые!) — непонятно кому.

Конечно, он ожидал совсем другого, сойдя на берег, — оказаться в объятиях возлюбленной. Однако встречала его верная Элиза — она принесла с собой пачку писем от Чармиан и рассказала, что тайна их отношений таковой уже не является. Что сама Чармиан, опасаясь скандала, несколько недель назад уехала к родственникам в Айову. Что Бесси возмущена и подавлена, а Флора встала на ее сторону и требует, чтобы сын вернулся в семью... В общем, за время его отсутствия случилось многое...

К вопросу о воздействии литературы на человека. Хотя для Бесси не являлись уже секретом отношения мужа и Чармиан, «разлучницей» она все же считала Струнскую — так сильно на нее подействовал совместный труд Джека и Анны «Письма Кэмптона и Уэйса». Видимо, она полагала (ознакомившись с «концепцией» Уэйса), что мисс Киттрэджд — всего лишь очередное увлечение ее «полигамного» супруга. А любит он только Анну — иначе разве решился бы на такую откровенную дискуссию? В Анне она видела вообще нечто противоестественное — как можно обсуждать «такие» вопросы с женщиной? К тому же на страницах книги, которую будут читать другие? Да она просто монстр, чудовище! Трудно все-таки обычной женщине (а Бесси была самой что ни на есть обычной) понять художника...

Видимо, изрядного труда стоило Джеку убедить супругу в том, что Анна тут ни при чем (он испытывал большую неловкость перед Струнской; тем более и журналисты раздували дело, требуя от «разлучницы» признаний). Они договорились, что имя Анны Струнской исчезнет из дела о разводе и причиной станет «уход из семьи». Кстати, в эти первые несколько дней после возвращения, проведенные в Пидмонте, Лондон чуть было «не отыграл назад».

«Мне пришлось призвать на помощь всю мою решимость, — признавался он тогда же К. Джонсу, — чтобы не вернуться ради детей. Последние двое суток были для меня настолько мучительны, что я, кажется, был почти готов пожертвовать собой ради малышей».

Но — не «пожертвовал», хотя на это, видимо, очень рассчитывала Флора и, возможно, Бесси.

Имущественные вопросы решили следующим образом. Джек построит

для Бесси и девочек дом в Пидмонте и будет ежемесячно выплачивать определенную сумму — достаточную для содержания детей, их матери и дома. А пока они останутся в теперешнем жилище, но Джек вместе с ними жить не будет. Однако может в любое время навещать малышей. Лишать их отца Бесси, разумеется, не хотела.

С тем он и уехал — перебрался к «тетушке Нинетте» в Глен Эллен поджидать ее «племянницу». Но та не особенно торопилась, опасаясь стать объектом пересудов, сплетен и повышенного внимания журналистов.

«Для Джека наступил один из самых безрадостных и бесплодных периодов его жизни»^[187], — писал об этом времени Ирвинг Стоун. С первым утверждением можно отчасти согласиться, со вторым — едва ли.

Несмотря на то что путешествие на театр военных действий Русско-японской войны не вполне получилось и закончилось плачевно, а по возвращении произошел скандальный разрыв с семьей, в творческом плане всё складывалось замечательно. Пока Лондон обретался на другом конце света, вышел очередной (уже четвертый по счету) сборник рассказов о Клондайке. Он назывался «Вера в человека». О его успехе говорит хотя бы тот факт, что в течение года *Macmillan* вынужден был трижды (в апреле, июне и августе) его переиздать — такой популярностью сборник пользовался у читателей. А потом появился «Морской волк» и вызвал сенсацию.

В этом романе, как считают критики (и с ними можно согласиться), проявилось мастерство Лондона — писателя-реалиста и философа, способного сочетать приключенческий сюжет с глубиной темы. Безусловно, центральный персонаж романа — капитан промысловой шхуны Волк Ларсен (так его зовут на борту) — один из самых ярких и необычных героев художественной литературы того времени. Сверхчеловек ницшеанского толка, он пробивает свой путь наверх с помощью жестокости и грубой физической силы. Но вместе с тем он еще мыслитель, философ, любитель поэзии и искусства. Странное сочетание, но у Лондона было с кого «списать» своего героя. В том числе и с самого себя.

Джек Лондон считал, что написал роман, разоблачающий ницшеанскую философию, но уж очень колоритным и выразительным оказался его Волк Ларсен — человек очень сложный, но по-своему цельный и сильный. Такой герой не мог не покорить индивидуалистов-американцев. Разве они могли не согласиться с ним — «Право — в силе» и «Лучше царить в преисподней, чем быть рабом на небесах», — если жизнь постоянно подтверждала справедливость сентенций Волка?

Много лет спустя, в 1915-м, Лондон в письме своей знакомой,

американской поэтессе Мэри Остин, сетовал: «Очень давно, в начале моей писательской карьеры, я оспорил Ницше и его идею сверхчеловека. Этому посвящен «Морской волк». Множество людей прочитало его, но никто не понял заключенных в повести нападок на философию превосходства сверхчеловека»^[188].

Покорил читателя и «морской антураж». Бесконечно влюбленный в море, Лондон мог писать о нем так, как никто другой среди его современников. Тем более что реалии (связанные с промыслом котиков у берегов Камчатки, Курильских и Алеутских островов) знал досконально. Это и проявилось в книге.

Едва журнал *Century* успел завершить публикацию романа на своих страницах, как Бретт сообщил писателю, что у него уже сейчас имеется 20 тысяч предзаказов на книгу. Через месяц издатель писал, что собрал уже 40 тысяч заявок от книготорговцев.

Интересно и вот что. Прежние тексты Лондона были «мужскими». А этот покорила и женщин — благодаря развитию любовной коллизии и мелодраматической концовке. С художественной точки зрения, линия Хэмфри Ван Вейдена и Мод Брустер — серьезный просчет писателя. Осознавал ли он, что ослабляет сюжет романа, вводя отважную журналистку? Скорее всего, нет. Интересно, что Мод появляется в середине романа — как раз тогда, когда разгорается совсем другой «роман» — реального Джека Лондона и реальной Чармиан Киттредж. Так что героиню он писал с известного прототипа. А что касается сюжета... Любовь — чувство не рациональное, вполне может привести и к художественным просчетам. Но тогда Лондон едва ли задумывался о художественных задачах.

За журнальную публикацию (плюс гонорар от Херста) Лондону причитались изрядные деньги — больше четырех тысяч долларов. Но они находились под арестом. Как только ему удалось договориться с Бесси и ее адвокатами и арест был снят, Джек без промедления взялся за выполнение обязательств перед женой — отрезал пути к отступлению и ей, и, возможно, самому себе. Приобрел участок земли в Пидмонте, тут же заложил его, с тем чтобы начать строительство. Нанял архитектора, согласовал с женой параметры дома — и работа закипела...

Все это делалось не только для пока еще не бывшей жены и малюток-дочерей, но и для того, чтобы поскорее соединиться с возлюбленной. Но та не спешила. При всей своей «прогрессивности» Чармиан была вполне викторианской (в американском варианте) женщиной: скандалов страшилась и не могла позволить себе появляться на публике с женатым

мужчиной, характер отношений с которым уже ни для кого не секрет. Потому (возможно, по настоятельному совету тетушки) держалась от Калифорнии подальше.

Джек жил у Нинетты Эймс, в Глен Эллен, в живописной Лунной Долине и... тосковал. Работа не клеилась, хотя каждое утро он неизменно проводил за письменным столом. Но — не сочинялось... А деньги были нужны. Не только потому, что он уже привык жить на широкую ногу. Теперь помимо строительства дома нужно было содержать и семью — жену, малышей. Сказать им, чтобы потерпели, он не мог. Не видя иного выхода, в августе он обращается к Бретту, чтобы тот увеличил его содержание со 150 до 250 долларов в месяц — на возросшие текущие расходы.

Тогда же, чтобы одолеть творческий кризис, Лондон решает сменить обстановку — отправиться в плавание. Море всегда благотворно действовало на него^[189]. Но *просто* плавание позволить себе не мог — он должен зарабатывать, зарабатывать, зарабатывать... Джек совместит приятное с полезным: ему нужно не только писать, но и выговориться. А потому он пишет Клодели Джонсу, предлагая провести вместе «творческий отпуск»: с утра они будут писать, днем и вечером общаться, скользя по водной глади под парусом. Приготовлением пищи, уборкой и прочим займется Ман Ён Ги, юноша-кореец, которого он выписал из Сеула, — тот служил у него «боем» в бытность военным корреспондентом. Кстати, это тоже была статья расходов — Лондон снимал для Ён Ги жилье, платил зарплату. Джонс с радостью согласился — прошлым летом и осенью они чудесно потрудились. Тогда Лондон писал «Морского волка». Что сочинял его друг, увы, неизвестно.

Не знаем мы и того, над чем трудился Джонс в этом плавании. А вот что писал Лондон, известно хорошо: это была повесть (или небольшой роман) под названием «Игра». Она — о спорте, о боксе (который в то время только завоевывал Америку) и о боксерах. Почему писатель решил написать о боксе, понятно — он серьезно увлекался этим видом спорта, более или менее регулярно им занимался. Был у него и постоянный спарринг-партнер — Герман («Джим») Уитакер, житель Окленда, друг Стерлинга и начинающий (хотя и на полтора десятка лет старше Лондона) писатель. Но почему Лондон решил, что эта тема может заинтересовать американского читателя, — а писал он этот текст исключительно ради денег и не скрывал этого, — непонятно. О чем (будет ли книга пользоваться спросом) ему, кстати, сказал и издатель, когда Джек заявил о своем намерении. Конечно, книга была издана (все-таки — Лондон!), но

большого успеха в Америке не имела. Конечно, речь не идет о провале, но резонанс был не сопоставим с тем, который получили многие другие книги Лондона. А вот в Англии «Игра» несколько лет пользовалась устойчивым спросом. Это и понятно: бокс на Туманном Альбионе — национальный вид спорта.

Впрочем, речь не о книге, а о плавании. В общей сложности оно длилось несколько недель. Погода, а это была вторая половина лета — самое начало осени, радовала солнцем и легким бризом, что явно шло писателю на пользу. Сочинялось Лондону легко. Работал он, как всегда, много, выдавая по полторы, а то и по две тысячи слов ежедневно. В открытый океан не выходили: маршруты пролегли главным образом в северной части залива Сан-Франциско и по заливу Сан-Пабло. Побывали в Бениции, поднимались по реке Сан-Хоакин почти до города Стоктона. Это были знакомые Джеку места: здесь он «пиратствовал» на устричных плантациях, любил Мими — свою первую женщину; в этих местах в составе «рыбачьего патруля» ловил рыбаков-браконьеров — этнических греков, итальянцев, китайцев.

Разумеется, картины славного прошлого не могли не всплыть в памяти, разбудив творческое воображение. Доказательство тому — цикл «Рассказы рыбачьего патруля»; первый из них появился на страницах журнала *Youth Companion* уже в феврале 1905-го. Можно утверждать, что по крайней мере один (а возможно, и больше) из рассказов цикла был написан тогда — в плавании. Скорее всего, это были «Желтый платок» или «Король греков» — центральные в сборнике.

Говоря о плавании, нельзя не упомянуть парусник, на котором друзья путешествовали. Само по себе судно для того времени было вполне заурядное (30-футовый шлюп с гафельным парусным вооружением) и далеко не новое. Джек приобрел его в 1901 году — как только начал получать серьезные гонорары. Бесси не любила морские прогулки, да и Анна Струнская их опасалась, а вот для Джека это было любимое времяпрепровождение, и он при первой возможности (особенно когда наступал творческий спад) выбирался в залив. Что интересно: в короткие морские прогулки он, как правило, уходил в одиночку. Последнее обстоятельство удивляет. И вот почему. Автор настоящих строк в молодости занимался парусом (в частности, крейсерскими гонками), поэтому хорошо представляет, что такое в одиночку управлять тяжелым и довольно неповоротливым парусным судном длиной почти в десять метров! Для этого необходим не просто опыт, а настоящее мастерство. Очевидно, что Джек Лондон им обладал.

Еще один штрих, характеризующий Лондона, на который биографы обычно не обращают внимания: парусник назывался «Спрей» (*Spray*). И это не случайно. Имя ему было дано в честь судна, имевшего такое же название, — легендарного «Спрея» капитана Джошуа Слокама. В 1895–1898 годах капитан совершил на нем первое в мире одиночное кругосветное путешествие и впоследствии написал об этом книгу^[190]. Лондон восхищался Слокамом и его книгой, несколько раз ее перечитывал (книга, кстати, написана весьма увлекательно — капитан не только пережил поразительные приключения, но описал их хорошим слогом! — и переведена на русский^[191]) и надеялся когда-нибудь — более того, планировал! — повторить его подвиг.

Плавание закончилось до возвращения Чармиан. Лондон писал ей, требовал, чтобы она вернулась, но возлюбленная долго колебалась — опасалась досужего внимания прессы. Сама журналистка, она прекрасно знала, как бесцеремонны бывают газетчики.

После ее возвращения встречаться открыто они не могли — Чармиан требовала «соблюдения приличий». Но они, конечно, встречались. Не очень часто и, разумеется, тайком. Обычно в Глен Эллен, у тетушки Нинетты, где затворницей обитала племянница по возвращении из Айовы. Тетушка поощряла эти встречи. Мудрая женщина, она понимала: верность — удел далеко не каждого мужчины. А то, что Джек Лондон совершенно не принадлежал к числу однолюбов, было очевидно не только ей. Чармиан нервничала, переживала и ревновала Джека, хотя и делала вид, что относится к его мимолетным увлечениям «с пониманием».

«Я знаю, что за эти несколько недель твоими помыслами и интересами завладела другая, — сообщала она в письме, датированном началом 1905 года, но тут же оправдывала его: — Ведь, по сути дела, ты, милый мой мужчина, всего-навсего мальчуган, и разглядеть тебя насквозь достаточно просто. Но потрясение, которое ты заставил меня испытать в тот вечер, когда делал в городе доклад о штрейкбрехерах, заставило меня очень и очень призадуматься. Я видела, как после окончания доклада ты искал ее взглядом среди присутствующих; видела, как ты помахал ей; как она со свойственной ей манерой засмушалась, отступила в нерешительности. По огоньку твоей сигары я увидела, как вы подошли друг к другу. Мне стало ясно, что вы и в прошлый вечер были вместе»^[192].

Чармиан, разумеется, страдала, тем более что Джек выбирался в Глен Эллен нечасто. К тому же тенденция к увеличению пауз между визитами постепенно становилась очевидной. Женщина не просто допускала, а была

уверена, что у Лондона кто-то есть, но пыталась преодолеть и это.

«Тут дело не только в том, что ты мне не верен, — писала она, — безраздельная верность тебе не свойственна, да и вообще, ею обладает редкий мужчина. Я давно предвидела возможность твоей измены и в известной степени примирилась с нею. С недавних пор ты очень счастлив, а я знаю, что твое радостное настроение — не моя заслуга. Значит, безусловно, чья-то еще; а раз так...»

«А раз так...» — их отношения вполне могли закончиться. И, скорее всего, закончились (к тому и шло!), если бы не внезапные проблемы со здоровьем Джека.

В марте 1905 года, когда Лондон вместе с Клодели Джонсом (и тем же Ман Ён Ги) в очередной раз путешествовал по заливу Сан-Франциско и прилегающим рекам на «Спрее» (тогда он сочинял ставший вскоре знаменитым «Белый клык»), он обнаружил у себя опухоль. Как почти все мужчины, Лондон был человеком мнительным, когда дело касалось собственного здоровья. Тем более что опухоль причиняла боль, кровоточила — это был известный недуг, преследующий людей с сидячим образом жизни. Лондон лечил его давно и безуспешно, а потому решил, что у него нечто фатальное, и прервал путешествие. Обратился к врачу. Тот успокоил, что опухоль доброкачественная, паниковать не следует, но лучше от нее избавиться. Оперативным путем. Лондон не поверил — обратился к другому, тот подтвердил вердикт предыдущего. Понятно, как и многие в подобной ситуации, писатель засомневался в квалификации врачей. Тогда дело его лечения взяли в свои руки Чармиан Киттредж и ее тетушка. Они разыскали лучших врачей, устроили консилиум, и Джека прооперировали.

В те годы оперативное вмешательство подобного рода считалось очень серьезным. После больницы он оказался в Глен Эллен, в доме Нинетты Эймс. Ухаживала за ним Чармиан и делала это с трогательной заботой. Разумеется, недели, проведенные выздоравливающим Лондоном в доме четы Эймс, не могли не сблизить Чармиан и Джека сильнее. Тем более что она приложила к этому все свои силы.

Собственно, тогда и был решен вопрос грядущего брака. Более того: именно тогда Лондон решил обосноваться в Лунной Долине. Однажды он узнал, что по соседству от Глен Эллен на продажу выставлен большой участок земли — 130 акров (около 50 гектаров). А места там красивейшие: пологая равнина, холмы, поросшие секвойей, калифорнийской сосной и мамонтовым деревом; чистейший, напоенный ароматами хвои воздух.

Осмотрев участок, Лондон с восторгом писал Стерлингу: «Представляешь, здесь растут огромные секвойи, иным из которых по

десять тысяч лет! Сотни елей, дубов, летних и вечнозеленых, в изобилии растут манзаниты и земляничные деревья^[193]. Есть глубокие каньоны, ручьи, родники. Сто тридцать самых красивых и нетронутых акров, какие только сыщешь в Америке».

И Лондон загорелся. Правда, за землю просили много — семь тысяч долларов. А денег у писателя, как всегда, не было. И хотя его гонорары были очень приличные (в 1904–1905 годах Лондон не соглашался получать меньше чем 300 долларов за рассказ или статью), но едва только приходила какая-то сумма из журнала за очередную публикацию, деньги тут же тратились: то на какую-нибудь покупку, то на выплаты Флоре, на Бесси с детьми, то еще на что-нибудь. Ман Ён Ги, который в те годы вел его хозяйство, просто поражался, с какой скоростью испарялись огромные (в его представлении) суммы. Лондон обратился к Бретту (не в первый и далеко не в последний раз!) и попросил у него десять тысяч долларов в счет будущего дохода от продаж «Морского волка». Издателя эта просьба вряд ли обрадовала, но *такого* автора нужно задабривать всячески, а потому огромные по тем временам деньги Лондону были выплачены. Тогда же писатель вместе с Чармиан решат построить «Дом мечты»: он будет называться «Дом Волка» (ну а как иначе — после оглушительного успеха «Морского волка?»). Величественный, из природного камня, решенный в необычном архитектурном стиле, он будет стоять на холме, и его будет видно издалека...

«Ваш за дело революции»: 1905—1906

Парадоксально, но вполне буржуазные инстинкты и намерения вроде огромного загородного поместья с большим домом и парком, полями и пастбищами, конюшней и, понятно, прислугой, а также жадное стремление «жить красиво» вполне органично уживались в сознании Лондона с социалистическими убеждениями. Конечно, «социализм» его был тем, что позднее В. И. Ленин, характеризуя другого американского писателя (кстати, друга Лондона) — Эптона Синклера, назвал «социализмом чувства». Но, может быть, как раз потому, что питали Джека Лондона не теории революционной борьбы, а «чувства», его выступления в печати и на публике имели такой резонанс?

Лондон, в полной мере изведав, что такое жизнь «на дне», конечно, «горел ненавистью» к эксплуататорам и капиталистам. Но как и любой огонь, в основе которого лежат эмоции, не мог гореть ровным пламенем.

Он то вспыхивал ярким сполохом, то затухал. Один из самых ярких периодов «горения» — 1905–1907 годы. Они насыщены выступлениями, статьями и книгами, в которых Лондон пропагандировал социалистические идеи.

Известный нам Р. Балтроп, английский социалист и автор весьма содержательной биографии Лондона, совершенно справедливо писал: «Джек всегда бурно реагировал на все, чему был непосредственным свидетелем. <...> В январе 1905 года он вновь со свойственной ему пылкостью начал выступать с лекциями о социализме. Одной из причин стал большой и неожиданный успех кандидатов Социалистической партии на посты президента и вице-президента — Дебса и Хэнфорда — на выборах 1904 года — за них было подано почти полмиллиона голосов. В одной только Калифорнии за социалистов проголосовало 35 тысяч человек, в то время как на выборах 1900 года — всего 7575. Другой причиной были волнения, начавшиеся в России. <...> В интервью для «Сан-Франциско икземинер» он сказал, что и японские, и русские социалисты равно его товарищи: «Для нас, социалистов, не существует национальных, расовых и государственных границ»^[194].

Что касается русских социалистов, то с некоторыми из них Лондон был знаком лично — через посредство Анны Струнковой. Да и знал (от нее и от них) о революционной ситуации в России. И неудивительно, что вскоре после Кровавого воскресенья он оказался среди тех, кто организовал сбор пожертвований для русских революционеров. А через несколько дней в выступлении, состоявшемся в городе Стоктоне (там случился скандал, о котором сообщили многие газеты), провозгласил себя единомышленником (в речи он употребил слово посильнее: «братья») тех, кто убивает царских чиновников. В январе состоялась его лекция в Калифорнийском университете в Беркли; она называлась «Революция». В ней он не только поддержал «братьев» в далекой России, но и призвал к революции в Америке.

Пропагандистско-социалистическая активность Лондона в этот период, считают некоторые биографы, была связана с общим подъемом рабочего движения в Америке (это, кстати, справедливо — достаточно вспомнить, что именно тогда сформировалась организация «Индустриальные рабочие мира», возникали другие социалистические движения, кружки и партии — рабочие, студенческие, даже школьные!). Информация о забастовках, протестах, разоблачительные статьи «разгребателей грязи» не могли не подтолкнуть его к действиям, к собственным выступлениям. А они имели и другой эффект — привлекали

общественный интерес к писателю, превращали его в публичную, политическую фигуру. В марте в Окленде проходили очередные выборы мэра, и местные социалисты уговорили Лондона баллотироваться (во второй раз!). И хотя он снова проиграл, но теперь его результат был выше — голосов он набрал все-таки больше, чем в 1902-м — 981. Впрочем, многих (даже среди социалистов) отпугивал его радикализм.

Лондон не только выступал и писал статьи, но вернулся к проекту двухлетней давности. В 1903 году он предлагал «Макмиллану» издать книгу (сборник лекций и статей) под названием «Соль земли». Но тогда Бретт отверг ее. В начале 1905-го, дополнив книгу несколькими новыми текстами и назвав «Борьба классов», предложил ее вновь. На этот раз издатель (а он, разумеется, чувствовал конъюнктуру) согласился, и в апреле книга увидела свет. В течение следующих семи месяцев ее переиздали трижды!

Выступления, статьи и книги имели резонанс. Чармиан, которая сберегала и учитывала все, что касалось писателя, свидетельствует: со всей страны к нему приходили письма со словами поддержки. Вспоминала она и о таком эпизоде — о нем ей рассказывал Лондон: «На днях я получил письмо. Оно было от парня из Аризоны. Начиналось словами: «Дорогой товарищ!», а оканчивалось: «Ваш за дело Революции». Я ответил на письмо, и мое письмо начиналось: «Дорогой товарищ!», а закончил его: «Ваш за дело Революции»^[195].

Вскоре после этого он заказал свой фотографический портрет, на котором последняя фраза была оттиснута типографским способом: *Yours for the Revolution*. Фотография эта хорошо известна — пожалуй, ни одна из изданных в СССР книг о Джеке Лондоне без нее не обошлась.

Конечно, это была игра. Но играл Лондон в нее увлеченно и, наверное, действительно желал революции. Не очень, правда, представляя, что она собой являет (а кто представлял?).

Тогда же у него возник замысел — написать роман о революционере и революции. Писал он его долго, урывками, и, скорее всего, первоначальный замысел отличался от того, что в результате получилось. Тем более что начинал Лондон работу над ним в период «революционного подъема», а завершил, когда революционные настроения в обществе спали. Роман этот хорошо известен — это знаменитая «Железная пята». Он закончил его в конце 1907-го, а опубликовал в 1908 году. Но размышлять о нем начал раньше — в 1905-м.

О художественных достоинствах романа можно спорить (а для этого есть основания), но нет сомнений в том, что Лондон был вполне искренен,

высказывал собственные представления и мысли о путях развития современного общества и действительно был уверен в неизбежности социалистического «послезавтра». Многое он сумел предвидеть: неизбежность уступок со стороны капитала, роль профсоюзов в этих процессах, повышение стоимости труда, привилегированное положение квалифицированных рабочих, внедрение социального и медицинского страхования и т. д. И все-таки считал: социалистическая эпоха «Братства людей» наступит, пусть не скоро, пусть через 300 лет, но это — неизбежно. Впрочем, убежденность эту разделяли многие его современники.

Особое место занимает роман и в творчестве писателя в целом. Не только потому, что его следует числить по ведомству фантастики. К фантастике Лондон обращался и прежде. Более того, многие самые ранние его рассказы как раз фантастика^[196]. Но «Железная пята» — его первый опыт в жанре фантастического романа. И, что еще важнее, в социальной фантастике ему еще предстояли серьезные свершения — повести «До Адама», «Алая чума», роман «Звездный скиталец», не говоря уже о рассказах. Конечно, утверждать, что, сочинив «Железную пяту», Лондон изобрел нечто совершенно новое, не правомерно — достаточно вспомнить «Колонну Цезаря» И. Донелли и «Взгляд назад: 1887–2000» Э. Беллами. Да и тогда, в начале XX века, социальное прогнозирование, облеченное в художественную форму, — явление довольно распространенное. Произведения подобного рода сочиняли как сторонники социализма, так и его противники^[197]. В этом смысле Лондон не открывал, а продолжал традицию. Но, повторим, в своих воззрениях и умозаключениях был вполне искренен.

Впрочем, мы немного забежали вперед. Тогда же, летом и осенью 1905 года, разрываясь между письменным столом и политической деятельностью, Лондон дописывал одно из наиболее известных своих произведений — повесть «Белый клык».

Он еще не окончил эту вещь, когда к нему поступило предложение от *Slayton Lyceum Bureau* — компании из Чикаго, которая занималась устройством цирковых, театральных и иных гастролей, а также лекционных туров для знаменитостей, — отправиться в большое турне по США с чтением лекций. Это был хороший знак. Он означал, что Лондон приобрел общенациональную известность, интересен самой широкой аудитории и на него «будут ходить». Известность он уже давно приобрел в Сан-Франциско и Окленде, других калифорнийских городах, его выступления собирали много зрителей, обсуждались, вызвали полемику.

Значит, его будут слушать и в других частях США. А его убеждения не очень интересовали импресарио из Чикаго, предлагавших контракт. Главное, чтобы был доход.

В ряде советских биографий Джека Лондона утверждается, что писатель, отправляясь в турне, намеревался его использовать прежде всего для пропаганды социалистических идей. Едва ли это справедливо. В первую очередь он намеревался заработать денег. А что касается убеждений, от них он, конечно, отказываться не собирался. Дельцы из *Slayton* предложили хороший гонорар^[198], а поскольку Лондон, как обычно, был «в долгах как в шелках», да к тому же имел грандиозные планы что-то приобрести, построить и т. д., он согласился, не особенно раздумывая. 22 октября (по другим сведениям, 18 октября) состоялась его первая лекция — в городе Лоуренс, штат Канзас, в актовом зале местной школы. По свидетельствам журналистов, собралось около пятисот слушателей. «Он совсем не был похож на типичного лектора. Вместо строгого костюма он был одет весьма неформально — в мягкую, свободного кроя блузу, схваченную у горла белым галстуком. Говорил эмоционально, но ясным голосом»^[199].

К тому времени Лондон был опытным оратором. Выступления в Окленде и окрестных калифорнийских городках, в парках, на митингах, перед самыми разными слушателями, разумеется, закалили его. Но теперь перед ним была другая аудитория — американцы на Среднем Западе (откуда началось турне) и на Востоке (где продолжилось) были куда консервативнее по своим воззрениям, нежели калифорнийцы, и оратор, видимо, учитывал это. Во всяком случае, отзывы прессы были весьма доброжелательны и о скандалах не сообщали. Следовательно, их не было, хотя свою первую лекцию Лондон озаглавил «Революция».

Лекция станет основой опубликованного в 1908 году одноименного очерка.

Очерк «Революция» открывается стихотворными строками:

*Удел ничтожных душ — жить тем, что в вечность канет!
Вперед взглянуть не смея, они, подобно глине,
Хранят следы шагов стареющего века,
Как мертвую окаменелость*^[200].

А продолжается так:

«Я получил письмо из далекой Аризоны. Оно начинается словами

«Дорогой товарищ». Оно кончается — «Да здравствует революция!». Отвечая своему корреспонденту, я тоже начинаю письмо словами «Дорогой товарищ» и кончаю «Да здравствует революция!». Сегодня в Соединенных Штатах четыреста тысяч мужчин, а всего около миллиона мужчин и женщин начинают свои письма словами «Дорогой товарищ» и кончают — «Да здравствует революция!». Три миллиона немцев, миллион французов, восемьсот тысяч жителей Австрии, триста тысяч бельгийцев, двести пятьдесят тысяч итальянцев, сто тысяч англичан и столько же швейцарцев, пятьдесят пять тысяч датчан, пятьдесят тысяч шведов, сорок тысяч голландцев и тридцать тысяч испанцев начинают в наши дни свои письма словами «Дорогой товарищ» и кончают — «Да здравствует революция!». Все они — товарищи, революционеры. По сравнению с такими многочисленными силами мелочью покажутся нам несметные полчища Наполеона и Ксеркса. И эти силы служат революции, а не реакции. Кликните клич, и перед вами как один человек встанет семимиллионная армия, которая борется за овладение всеми сокровищами мира и за полное низвержение существующего строя. О такой революции еще не слыхала история. Между нею и американской или французской революцией нет ничего общего. Ее величие ни с чем не сравнимо. Другие революции меркнут перед ней, как астероиды в сиянии солнца. Она единственная в своем роде — это первая мировая революция в мире, где постоянно происходят революции».

Едва ли в очерке Джек Лондон воспроизвел слово в слово свое выступление — устная речь все же отличается от отредактированного печатного текста (тем более что в дальнейшем он неоднократно правился). Но, несомненно, нечто подобное услышала его аудитория. Наверняка прозвучало и такое признание: «Я революционер... я говорю и думаю о русских террористах как о своих товарищах». Признание не могло не шокировать, но, вероятно, он тут же отшутился — во всяком случае, в напечатанном варианте это есть: «что отнюдь не мешает мне быть нормальным, здравомыслящим человеком».

В отчете, который на страницах *Kansas City Herald* опубликовал корреспондент газеты, присутствовавший на лекции, сообщалось, что выступающий «порадовал аудиторию искрами юмора», хотя и проявил себя «яростным социалистом»; указывалась тема выступления («Революция»), обращалось внимание на то, что слушатели не остались равнодушными, — «по меньшей мере одна женщина зарыдала, когда оратор рассказывал о детском труде». Эти сведения есть в статье, и они действительно не могут оставить равнодушным. А закончил оратор примерно так же, как в скором

времени завершит свою статью:

«Революция здесь. Она уже идет. Остановите ее, если сможете!»^[201]

За первым выступлением последовали другие. Турне продолжалось. В основном это были небольшие городки, а в них Лондона ждали главным образом в библиотеках и школах. Дж. Хейли, биограф писателя, приводит интересную информацию о лекционном турне: в большинстве случаев Лондон выступал через день, потому что ему постоянно приходилось преодолевать большие (подчас — огромные!) расстояния: из Лоуренса он направился в Канзас-сити (40 миль), после выступления там — на северо-восток в Маунт-Вернон, Айова (300 миль), оттуда еще дальше на восток — в Чикаго (150 миль), потом на 500 миль западнее в город Линкольн (Небраска), затем вернулся обратно в Айову (250 миль), оттуда переместился в Индианаполис (400 миль); после этого его путь лежал сначала назад в Иллинойс, потом обратно в Огайо и следом — в Висконсин. Это только в начале турне: в октябре — ноябре. Иногда случалось и так, что он выступал ежедневно (и даже дважды в день), когда позволяло расстояние. Изматывающий график. А он к тому же еще и писал. Трудно сказать, выполнял ли он свою обычную ежедневную «норму» (тысячу слов в день), но стремился к этому. Впрочем, путешествовал он не один.

Рядом с писателем всегда был верный Ман Ён Ги^[202]. Так что с питанием и бытом у Лондона, судя по всему, был порядок. Но все равно выдерживать такой ритм, конечно, не просто. Однако ему хорошо платили — 600 долларов в неделю, и ради таких денег можно было потерпеть. Тем более что деньги у него буквально утекали, как мы знаем.

Интересная подробность: чем дальше Джек Лондон продвигался по маршруту своего лекционного турне, тем реже обращался к теме, с которой начал, — к революции. Все чаще он рассказывал слушателям о своих приключениях — в море, на Аляске, о том, как становился писателем, что видел в Корее и даже как сидел в тюрьме и скитался по «Дороге». Последнее, правда, сопровождалось резкими выпадами в адрес мира капитала и проклятых империалистов. Однако общая тенденция выступлений Лондона заметно менялась — далеко не всем слушателям были близки его социалистические убеждения, и он явно учитывал настроения аудитории. Это совсем не означало отказ от убеждений, просто как лектор он становился опытнее, учитывал ожидания тех, кто платил деньги за возможность на него посмотреть и послушать.

Во время турне — 17 ноября — его застало известие о том, что он

«свободен». Адвокаты постарались: суд утвердил мировое соглашение между ним и Бесси. Развод состоялся.

В тот же день — без промедления — Лондон телеграфировал Чармиан (та скрывалась неподалеку, у родственников в Айове): он ждет ее в Чикаго 19 ноября. 19-го они встретились и уже в 10.00 утра зарегистрировали свой брак в местном муниципалитете, а потом заверили документ у нотариуса. Ночь они провели вместе, в отеле, а на следующий день Лондон уехал — ему предстояла очередная лекция. На этот раз неподалеку, в Висконсине. Но теперь они могли быть рядом и не прятаться от досужих глаз. Впрочем, «досужие глаза» не дремали. Новость немедленно попала на страницы газет (сначала чикагских, а потом разнеслась по всей стране) — и тут же по таблоидам пошла гулять информация о том, что брак действителен только в штате Иллинойс, а в остальных юридической силы не имеет. На просьбу это прокомментировать Лондон в сердцах ответил вопрошавшему корреспонденту:

«Если наш брак имеет юридическую силу только в Иллинойсе, тогда мы станем «пережениваться» в каждом штате Союза!»^[203]

Тем не менее несколько женских клубов, в которых были анонсированы выступления Джека Лондона, отказались встречаться с «аморальным» писателем — уж больно нехороший пример являл он обществу: оставил жену с крошками-детьми, да еще и женился буквально на следующий день после развода! Подняли голову и противники социалистических идей: «вот что на самом деле означает социализм» — «половую распущенность»!

Впрочем, не остались в стороне и «соратники-социалисты». В нескольких газетах появились «открытые письма»: поступок «товарища Лондона» компрометирует американских социалистов — так поступать негоже! Разумеется, писатель был возмущен: какое отношение имеет его личная жизнь к убеждениям?

Казалось бы, чепуха, и говорить здесь не о чем. Но, похоже, эта малость и есть та точка отсчета, с которой начинается отход Лондона от американских социалистов и очень скоро закончится громким «разводом».

Интересная особенность: чем дальше на восток США продвигался писатель, тем больше людей приходило на встречи с ним^[204]. Но вместе с тем прием менялся: в университетских центрах (в Гарварде и Йеле) его принимали прохладнее, нежели на Среднем Западе. Университетским интеллектуалам он был явно интереснее как личность, нежели его социалистические убеждения и «камлания» по поводу уже идущей

революции — иной раз в аудитории даже слышался смех^[205].

Ближе к Рождеству случилась долгожданная пауза: страна отмечала новогодние праздники, а Чармиан и Джек смогли устроить себе «медовый месяц»: из Бостона на пароходе «Адмирал Фаррагут» отправились в круиз к берегам Кубы, а затем к Ямайке. Оттуда — в Ки-Уэст, во Флориду, потом по железной дороге через южные штаты обратно в НьюЙорк. Теперь они были вместе, и Чармиан довольно подробно рассказала в своей книге о заключительной части лекционного турне, которое закончилось только 3 февраля — в морозной Северной Дакоте. 10 февраля они уже были в Окленде. Там в честь возвращения друга Стерлинг организовал большой прием, сняв для этой цели один из лучших ресторанов города и пригласив массу гостей — в основном из числа участников «Толпы».

Лекционный тур дал Лондону заработать деньги, но помешал работе. Устал он изрядно (подтверждение тому — жестокая простуда, свалившая его немедленно по возвращении) и почти ничего не написал. Действительно, в минувшие месяцы он сочинил всего три или четыре рассказа, и они снова о Севере. Многие литературоведы полагают, что это — вынужденное «творческое отступление» писателя, вызванное денежными затруднениями, и этот самоповтор его не украшает. Вероятно, они правы. В самом деле, такие тексты, как «Планшетка», «Тропую ложных солнц» (возможно, «Лунноликий»), едва ли можно числить по ведомству шедевров. Но среди них и прославленная «Любовь к жизни» — одна из самых известных новелл Лондона. Так что с «самоповтором» на поверку все выходит не так однозначно.

А с деньгами было напряженно. Не потому, что денег было мало, напротив — их было много: гонорары за лекции, за рассказы и статьи, регулярные (ежемесячная «стипендия») и нерегулярные поступления от Бретта. Но они порождали все новые и новые траты, провоцировали идеи, на что потратить еще не заработанное. Тем более что Лондон (уж таков был характер!) не умел и не хотел ни в чем себя ограничивать. Главной (возможно, и единственной) мотивацией для него было «я так хочу».

Он даже подвел соответствующую «философскую базу»: «... Сильнейший из побудителей на свете — это тот, который выражается словами: так мне хочется. Он лежит за пределами философствования — он вплетен в самое сердце жизни. Пусть, например, разум, опираясь на философию в течение целого месяца, основательно убеждает некоего индивида, что он должен делать то-то и то-то. Индивид в последнюю минуту может сказать «хочу» и сделает что-нибудь совсем не то, чего добивалась философия, и философии придется удалиться посрамленной.

Хочу — это причина, почему пьяница пьет, а подвижник носит власяницу; одного она делает развратником, а другого анахоретом; одного заставляет добиваться славы, другого — денег, третьего — любви, четвертого — искать Бога. А философию человек пускает в ход по большей части только для того, чтобы оправдать свое «хочу».

Приведенные слова взяты из «Путешествия на «Снарке». Конечно, это — кредо законченного индивидуалиста, каковым и был писатель.

Да и роль Гарун аль-Рашида пришлось ему очень по вкусу — благодетельствовать он любил. Почти сразу по возвращении из турне решил улучшить условия жизни матери, семья которой увеличилась — помимо Ады с ребенком с ней теперь жила и Дженни (немолодая чернокожая кормилица), — купил для них дом в счет будущих гонораров.

Как новая жена относилась к расточительству супруга? Судя по всему, довольно спокойно. Видимо, воспринимала это как часть его натуры. Да и была уверена, что он всё отработает. Основания имелись: гонорары Лондона постоянно росли, к тому времени, когда мисс Киттредж стала миссис Лондон, журналы платили ему уже не меньше 500–600 долларов за рассказ. Очень скоро (через три-четыре года) ставка достигнет рекордной величины — тысячи долларов за рассказ. Столько еще никому и никогда не платили (и еще долго платить не будут)! Включая Киплинга и других «рекордсменов». Но денег Лондону все равно не будет хватать. Слишком много желаний, слишком много «я так хочу!».

Но вот контакты Лондона Чармиан контролировала и немедленно по водворении с ним рядом принялась «освободить» супруга от лишних, по ее мнению, друзей и приятелей. Делала она это талантливо — ненавязчиво и тактично. Конечно, определенную роль играла обида. Многие из приятелей и приятельниц мужа (да и самой Чармиан, в основном из «Толпы») считали ее «хищницей», разрушившей семью и лишившей детей отца. Не раз говорили ей это в лицо. Пересуды по этому поводу не смолкали. Пытались открыть глаза и «жертве». Кэрри Стерлинг (чьи собственные семейные отношения складывались весьма драматично) направила два многостраничных письма Лондону, в которых пыталась раскрыть истинную сущность его второй жены. Разумеется, это не могло не вызвать раздражения у своенравного писателя. Ответил он резко, попутно весьма нелестно отозвавшись о тех, кто лезет в его личную жизнь.

Вот так, постепенно, из круга общения «извлекались» те, с кем Лондон дружил, с кем общался многие годы.

Особой заботой Чармиан (и тетушки Нинетты, которая претендовала теперь на особое место рядом с ее супругом^[206]) были «социалистические»

контакты писателя. Вполне буржуазной Чармиан (и еще более буржуазной «тетушке Нетте») социалистические убеждения Лондона были чужды и непонятны. Намерения устранить эти контакты пали на благодатную почву: революционный подъем 1904–1905 годов сменился разочарованием. Еще совсем недавно писатель гордо швырял в лицо обывателям: «Революция идет! Остановите ее, если сможете!» А теперь и сам видел, что ошибался — революция остановилась сама собой, без особенных усилий со стороны капитала. Да и скандалы, сотрясавшие в это время социалистические организации Америки, стимулировали разочарование в единомышленниках^[207]. Разочарование это отражено в его «социалистическом» романе «Железная пята»: революция неизбежна, но произойдет она не сегодня или завтра, а только столетия спустя. Играли свою роль и личные мотивы: товарищи-социалисты его критиковали, а он был убежден, что сделал немало для социалистического движения.

Тогда же он писал Джорджу Стерлингу: «Полагаю, что делал и продолжаю делать достаточно много для Революции. Думаю, одни мои лекции перед социалистическими организациями принесли делу не одну сотню долларов, а мои чувства, оскорбленные нападками буржуазной прессы на мою личную жизнь, стоят не дешевле... Усилия, затраченные мною в течение года на поддержку дела социализма, принесли бы мне кучу денег, если бы я употребил это время на создание произведений для рынка».

Тем не менее Джек Лондон не порывал отношений с Социалистической партией, продолжал помогать однопартийцам деньгами, но от публичных выступлений в пользу партии отказывался и, как неодобрительно, однако вполне справедливо писал в своей книге социалист Р. Балтроп: «По всем признакам круг его друзей менялся и становился обычным для преуспевающего писателя — социалисты занимали в нем уже незначительное место; к этому они с Чармиан стремились вполне сознательно»^[208].

Трудно сказать, насколько «сознательно» стремился изменить круг друзей писатель, но вот миссис Лондон в самом деле действовала осознанно, и ей вполне удалось подразогнать тех, кто совсем недавно окружал супруга. Она энергично разрушала приятельские — относительно недавние и очень давние — связи мужа.

Вот один из красноречивых примеров. Лондон, как мы помним, имел привычку несколько раз в год отправляться в плавание на «Спрее» (в 1910-х его заменит другой парусник) по заливам Сан-Франциско и Сан-Пабло и

впадающим в них рекам. Чаще всего компанию ему составлял Клодели Джонс. Лондон комфортно чувствовал себя в его обществе. И сочинялось обоим очень хорошо. После женитьбы место на палубе (и в каюте) заняла Чармиан. И старая дружба как-то сошла на нет. Они, конечно, продолжали переписываться, но письма приходили все реже и реже. Некогда прочные, проверенные временем отношения почти совсем прервались.

Обычная, по сути, история. И — неизбежная, если супруги любят друг друга.

А что же Лондон? Вот что:

«Я был так счастлив! <...> Ко мне пришла любовь. Я зарабатывал больше денег, затрачивая на это меньше усилий. Энергия была во мне ключом. Я спал, как младенец. Продолжал писать книги, имевшие успех, и в политических спорах убеждал моих противников фактами, которые ежедневно воспитывали во мне все больше уверенности в моей правоте. Грусть, печаль, разочарование ни на секунду не омрачали мою жизнь. Я был все время счастлив. Жизнь звенела, как радостный гимн».

Это написано в 1912 году. А тогда Лондон был как раз счастлив.

Глава 7

«ПЕРЕДО МНОЙ ТЕПЕРЬ ВЕСЬ МИР»

Мечте навстречу: 1906—1907

«У меня... был следующий распорядок дня: с четырех или с пяти часов утра я работал в постели над корректурами, в половине девятого садился за письменный стол, до девяти разбирал почту и тому подобное, а ровно в девять неизменно начинал писать. К одиннадцати — иногда немного раньше или немного позже — моя тысяча слов была готова. Еще полчаса уходило на то, чтобы привести в порядок письменный стол, и на этом мой рабочий день кончался. В половине двенадцатого я ложился в гамак под деревьями и читал письма и газеты. В половине первого я обедал, после обеда плавал или катался верхом»^[209].

Таким, по словам Лондона, был его обычный рабочий день. Вторую половину дня он посвящал чтению, развлечениям, хозяйственным заботам или принимал гостей, которые навещали нашего героя часто. В общем, его жизнь действительно «звенела, как радостный гимн».

Заведенный распорядок почти не менялся: он был большим трудягой и обязательную порцию в тысячу слов продолжал «выдавать на-гора» ежедневно. Ни состояние здоровья, ни настроение, ни выпитое накануне («Джон Ячменное Зерно» крепко держал писателя в своих объятиях), ни разъезды, ни путешествия под парусом по заливу — ничто не могло остановить «конвейер». Он относился к своему творчеству именно как к ремеслу, работе обязательной, ежедневной, упорной, и — неизбежной. Он прекрасно понимал, что только такой подход обеспечит ему и его близким тот уровень жизни, к которому он уже привык, и снижать планку не намеревался. Разве что стремился ее повысить.

Разумеется, подобное отношение к творчеству не сулило бесконечных «шедевров», напротив, *a priori* предполагало художественную неравноценность текстов — не было у него времени что-то отложить, обдумать, переписать, что-то переделать, усовершенствовать. Да и желания, кстати, тоже. Стремление улучшать написанное ему было не свойственно. К уже опубликованным рассказам (повестям, романам) он больше не возвращался. Разве что сочинял на схожий сюжет новый — ведь его можно

продать! Подобных примеров в творческом наследии Лондона немало.

Пока главной темой писателя оставался Север и золотоискатели, эта неравноценность текстов современниками почти не замечалась — слишком свежими были декорации, слишком пряной атмосфера, слишком колоритны ситуации и герои. Но золотоискательский Север довольно быстро начал тяготить Лондона — уже в начале 1900-х он не раз писал и говорил об этом своим друзьям и издателям. Так появлялись произведения о морских приключениях, о «Дороге», «Рыбачьем патруле». Возможно, по яркости и колориту они уступали «северным», но источником их были личные переживания, а писатель обладал уникальной восприимчивостью и удивительной способностью использовать свои впечатления по максимуму. Но собственных впечатлений при таком темпе литературной работы ему, конечно, не хватало. Он стал обращаться к фантастике, насыщая сюжеты опытом иного рода — интеллектуальным. В частности, собственными представлениями о природе человека, о законах эволюции и общественного развития, о борьбе классов, социально-политическом устройстве и т. п. Так появились «Железная пята», «До Адама» (позднее к ним добавятся «Алая чума», «Смирительная рубашка», другие фантастические произведения).

Однако в них он как художник выглядел менее убедительным. Отчасти поэтому публика принимала их прохладнее. Это особенно заметно на примере вышедших в 1906 году — почти одновременно — повестей «Белый клык» и «До Адама». Источники у них разные. «Белый клык» написан по следам личных золотоискательских впечатлений (читатель, думается, помнит историю братьев Бонд и их собаки — мы о ней рассказывали). Исток повести «До Адама» иной — во многом «интеллектуальный»: это воспринятая Лондоном спенсерианская идея об атавистичности человеческого сознания, о некой врожденной — можно сказать, генетической — памяти отдаленного прошлого, живущей в каждом и роднящей человека с его звериными предками. Эта мысль питала сюжет повествования. В американской литературной среде того времени тема была довольно широко распространена (например, рассказ А. Бирса «Житель Каркозы», некоторые его «военные» новеллы), но едва ли была близка широкому читателю. Поэтому и встретили повести по-разному: «Белый клык» вызвал восторг, а «До Адама» — недоумение и даже упреки в плагиате.

Кстати, по поводу плагиата. Лондона (особенно позднего) будут упрекать в этом не раз. Но он будет давать к тому поводы, покупая сюжеты (собственных — не хватало!) у своих коллег-писателей. Повесть «До Адама» в этом ряду — первая. Современники обвиняли писателя в том, что

он якобы позаимствовал сюжет у второразрядного писателя Стэнли Ватерлоо^[210]. Имеется в виду его роман о доисторических людях «История Эб. Повествование из времен пещерного человека» (1897). Роман был переиздан в 1905 году, так что вполне мог попасться Лондону на глаза и даже прочитан. Википедия, к примеру, утверждает, что повесть «До Адама» «почти копирует сюжет Ватерлоо»^[211]. Чармиан в своей книге пишет, что упреки в плагиате появились сразу же по выходе повести, и приводит слова Джека: «История Эб» была всего лишь одним из источников материала. Но Ватерлоо не ученый, а я писал научную книгу, излагающую мои взгляды на происхождение человека»^[212].

Автор настоящих строк сравнил оба текста и убедился: Лондон не копирует Ватерлоо. Общим является то, что у обоих авторов главный герой — ребенок. Но с таким же успехом Лондона можно обвинить в том, что он «украл» сюжет у Г. Уэллса — «Это было в каменном веке», где главный герой тоже мальчик.

Впрочем, оставим эту тему. Тем более что очень скоро у Лондона появится совершенно новый (и уникальный!) материал, основанный на свежих впечатлениях, настолько ярких и богатых, что они сформируют особый пласт творчества — тему «южных морей». А импульсом станет давняя мечта Лондона совершить путешествие вокруг света на собственном паруснике, пройти по следам капитана Слокама.

Трудно сказать, когда именно зародилась эта мечта. Скорее всего, сразу по прочтении книги путешественника-одиночки. Осознание, что он готов осуществить эту мечту, пришло на рубеже 1905–1906 годов. Окончательное решение было принято весной 1906 года. А превращение мечты в реальность Лондон зафиксировал на первых страницах «Путешествия на «Снарке»:

«Началось все в купальнях Глен Эллен. Поплавав немного, мы ложились обыкновенно на песчаном берегу, чтобы дать коже подышать теплым воздухом и напиться соком солнечного света. Роско (Роско Эймс — супруг тетушки Нинетты. — Л. Т.) был членом местного яхт-клуба. Я тоже немножко бывал на море. Поэтому рано или поздно разговор неизбежно должен был коснуться различного типа судов. Мы заговорили о яхтах и вообще о судах небольшого размера и о пригодности их для дальнего плавания. Вспомнили капитана Слокама и его трехлетнее путешествие вокруг света на шхуне «Спрей». Мы утверждали, что совсем не страшно отправиться вокруг света на маленьком судне, ну, скажем, футов в сорок длиной. Мы утверждали дальше, что это даже доставило бы нам

удовольствие. Мы утверждали, в конце концов, что ничего на свете нам не хочется до такой степени.

— Что ж, попробуем! — сказали мы... в шутку.

Потом я спросил Чармиан, когда мы остались одни, хочется ли ей на самом деле попутешествовать так, а она сказала, что это было бы слишком хорошо, но что она не верит в возможность такого путешествия»^[213].

А Джек уже загорелся. И объяснение — там же, на первых страницах книги:

«Почему я захотел отправиться вокруг света, — я скажу так. Мои «хочу» и «мне нравится» составляют для меня всю ценность жизни. А больше всего я хочу разных личных достижений, — не для того, понятно, чтобы кто-то мне аплодировал, а просто для себя, для собственного удовольствия. Это все то же старое: «Это я сделал! Я! Собственными руками я сделал это!» <...> Мои подвиги должны быть непременно материального, даже физического свойства. Для меня гораздо интереснее побить рекорд в плавании или удержаться в седле, когда лошадь хочет меня сбросить, чем написать прекрасную повесть. Всякому свое».

Но когда отправляться в путешествие? Лондон вспоминал, как его одолевали сомнения: «Мне нужно было построить дом на своем ранчо, разбить, огород, виноградник, посадить вокруг ранчо живую изгородь — и вообще переделать кучу разных дел».

Он уже нанял рабочих и выбрал устроителя работ (некоего Вернера Уигета), а тот завез оборудование и рьяно приступил к работе^[214]. А потому: «Мы решили, что отправимся лет через пять или года через четыре».

Но «...потом вино приключений ударило нам в голову. Почему не ехать сейчас? Никто из нас не станет моложе через пять лет. Пусть огород, виноградник и живые изгороди процветают в наше отсутствие. Когда мы вернемся, они будут к нашим услугам».

В своей книге, характеризуя мужа, Чармиан писала: «Еще в самом начале наших отношений я заметила за Лондоном привычку смотреть только вперед, не оборачиваясь. Тогда он сказал: «Оставьте воспоминания старикам и старухам. Весь мир теперь передо мной». Он хотел жить настоящим»^[215]. И жил им. История кругосветного путешествия — красноречивое подтверждение этого.

Лондон нашел союзника не только в Чармиан — она была согласна на всё, лишь бы «любимый был рядом» (уж она-то знала, что выпускать из рук его нельзя!). Идеей загорелся и шестидесятилетний Роско Эймс. Вообще-то

он был (да простят нас его потомки!) краснобаем и бездельником — никогда и нигде толком не работал, но считал себя спортсменом, в частности, опытным яхтсменом. Хотя весь его опыт — это короткие прогулки по заливу Пуэбло и рекам Хоакин и Сакраменто, однако пускать пыль в глаза умел как никто и... покори́л Лондона. Тот был положительно им очарован, полагал профессионалом парусного дела — заблуждение, которое вскоре дорого ему обойдется.

Первым делом Джек Лондон и Роско Эймс решили, что парусник покупать они не будут, а построят сами — по собственному проекту. Назвать его решили «Снарк». Друзья считали название не очень удачным. Ну, в самом деле, что за «Снарк»? Кто-нибудь себе представляет, что это? Разве что Льюис Кэрролл, который его и придумал. А ведь как корабль назовешь, так он и поплывет — это общеизвестно. Потому предлагали другие: «Морской волк», «Белый клык» и даже «Зов предков». Но Лондон стоял на своем твердо, а выбор имени судна объяснял так: «Мы назвали его «Снарком» просто потому, что никакое другое сочетание звуков нам не нравилось, — говорю для тех, кто будет искать в этом названии какой-то скрытый смысл».

Тогда же и решили, что «профессионал» Эймс займется надзором за постройкой судна, а Лондон будет ее финансировать, зарабатывая литературой. Они подсчитали, что обойдется это в семь тысяч долларов.

«Не жалейте денег, — напутствовал Лондон «профессионала». — Пусть на «Снарке» все будет самое лучшее. О внешнем виде не очень заботьтесь. Простые сосновые борта для меня достаточно приятны. Все деньги вкладывайте в конструкцию. «Снарк» должен быть крепким и устойчивым, как ни одно судно в мире. Все равно, чего бы это ни стоило. Вы только смотрите, чтобы оно было крепким и устойчивым, а я буду писать и писать и достану денег, чтобы оплатить всё».

Что из себя должен был представлять «Снарк»? На это дает ответ Лондон:

«Снарк» будет парусником. На нем будет газолиновый двигатель, но мы будем пользоваться им только в самых крайних случаях, как, например, среди рифов, где штиль в соединении с быстрыми течениями делает всякое парусное судно совершенно беспомощным. По оснастке «Снарк» будет так называемым «кечем»^[216]».

«Первоначально предполагалось, что «Снарк» будет иметь 40 футов длины по ватерлинии, — рассказывал Лондон. — Но обнаружилось, что не хватит места для ванны, и поэтому мы увеличили длину до 45 футов. Наибольшая ширина его — 15 футов, и трюма в нем нет. Каюта на носу —

бак — занимает шесть футов, и на гладкой палубе ничего нет, кроме двух лестниц и люка. Благодаря тому, что палуба не отягощена каютами, мы будем в большей безопасности, когда многие тонны воды будут обрушиваться на нас через борт в дурную погоду. Широкий, вместительный, утопленный в палубу кокпит с высоким ограждением и самоотливающейся системой труб должен был сделать возможно более комфортабельными наши ночи и дни в дурную погоду. <...> Когда мы увеличили длину «Снарка», чтобы выиграть место для ванной, то оказалось, что у нас еще остается немного свободного пространства, достаточного, чтобы поставить более крупный двигатель. Наш мотор — в семьдесят лошадиных сил, и так как предполагается, что он даст нам девять узлов ходу, то значит, на всем свете не существует течения, с которым мы не могли бы справиться».

Управляться с судном они планировали самостоятельно.

«Команды у нас не будет, — писал Лондон. — Вернее, командой будет Чармиан, Роско и я. Мы всё будем делать сами. Мы обойдем земной шар, пользуясь собственными силами».

Впрочем, «у нас будет повар и мальчик для услуг». Ну, в самом деле: «Зачем торчать у плиты, мыть посуду и накрывать на стол? Это мы могли бы делать с успехом и дома. Да, наконец, у нас достаточно будет дела по обслуживанию судна».

Корабль поведет опытный моряк Роско. Джек будет писать книги («Мне... придется заниматься и своим обычным ремеслом, — планировал Лондон, — писать книги, чтобы прокормить всю компанию и иметь возможность покупать новые паруса и канаты для «Снарка» и вообще поддерживать его в полном порядке»).

Спланировали они и маршрут. Впрочем, примерный.

«Мы не слишком много думали о нашем маршруте, — рассказывал Лондон. — Решено было только одно: наша первая остановка будет в Гонолулу. А куда мы направимся после Гавайских островов, мы в точности не знали. Это должно было решиться уже на месте. В общем, мы знали только, что обойдем все южные моря, заглянем на Самоа, в Новую Зеландию, Тасманию, Австралию, Новую Гвинею, на Борнео и на Суматру, а затем отправимся на север, в Японию, через Филиппинские острова. Потом очередь будет за Кореей, Китаем, Индией, а оттуда в Красное море и в Средиземное».

Однако разрабатывались и конкретные детали:

«Когда мы доберемся до Нила, мы отлично можем подняться вверх по Нилу. По Дунаю мы поднимемся до Вены, по Темзе до Лондона, по Сене до

Парижа, а там станем на якоре против Латинского квартала, одним концом на Нотр-Дам, а другим на морг. Из Средиземного моря мы поднимемся по Роне до Лиона, пройдем в Сону, из Соны в Марну Бургундским каналом, из Марны опять в Сону и потом опять в море мимо Гавра».

Кстати, собирались они посетить и Санкт-Петербург. Возможно, и зазимовать в столице империи. Планировали посетить Черное море, зайти в Одессу. Россия Лондону была весьма интересна. Он хотел с ней познакомиться основательно.

«А когда переплывем Атлантический океан к Соединенным Штатам, — мечтал мореплаватель, — сможем подняться вверх по Гудзону, пройти каналом Эри в Большие Озера, выйти из Мичигана у Чикаго, через реку Иллинойс и соединительный канал попасть в Миссисипи и вниз по Миссисипи до Мексиканского залива. А потом еще предстоят большие реки Южной Америки».

В общем, планов было великое множество. А само путешествие, рассчитал писатель, продлится примерно семь лет.

Не знаю, обращал ли внимание читатель на интонацию «Путешествия на «Снарке». Она — ироничная, даже горько-ироничная (особенно в той части, где рассказывается о планах, подготовке путешествия, постройке судна и начале плавания). Ирония эта обращена автором прежде всего на самого себя. Почему так? Да потому, что большинству этих планов сбыться было не суждено. «Я так хочу», которому, как считал Лондон, не существует преград, «разбилось» о реальность. Вину за это писатель возлагал исключительно на самого себя: причина, по его мнению, заключалась только в том, что он передоверил подготовку к «Большому приключению» другим, ограничив себя добыванием средств. Но, объективности ради, — разве он мог заниматься всем и одновременно?

Старт проекту был дан в марте 1906 года. Лондон верил в успех — главное, раздобыть достаточно денег. По его подсчетам, напомним, выходило, что на строительство судна необходимо семь тысяч долларов. Покрыть расходы писатель планировал за счет авансов от журналов — он собирался писать для них по ходу путешествия. Не откладывая, составил письмо с предложением (расписав особенности судна и его будущий маршрут) и разослал по ведущим изданиям страны. Чтобы придать весомости посланию, сообщил, что приступил к строительству и «киль уже заложен». «Макклюрс», «Кольере», «Космополитэн» откликнулись немедленно. Были заключены контракты — за право публикации каждый выложил по три тысячи долларов. Они пошли на закупку материалов и оборудования для судна. Лондон не жалел средств: на корабле все должно

быть самое прогрессивное, самое лучшее. «Длина «Снарка» — 45 футов по ватерлинии, — сообщал он журналам. — Доски киля — в три дюйма толщиной. Обшивка — в полтора дюйма. Настилка палубы — в два дюйма. Ни в одной доске нет ни одного сучка... у «Снарка» четыре внутренних отделения, непроницаемые для воды, — иначе говоря, он разделен поперек тремя непроницаемыми для воды переборками. Таким образом, если бы даже «Снарк» получил основательную течь, только одно отделение будет залито водой, а три других будут поддерживать его на поверхности». Будет бензиновый двигатель в 70 лошадиных сил, динамо-машина, электрическая лебедка-брашпиль, мощный прожектор, ходовые огни... Даже ванна, и та будет!

Но строители работали медленно, обманывали Роско, да и сам он постоянно путался и откровенно мешал — ругался с рабочими, заказывал совсем не то, что нужно, да и вообще оказался никудышным организатором; сроки отодвигались, а расходы росли и росли.

Лондон вспоминал: постоянно необходимо было доставать деньги, «и я доставал... доставал, сколько мог, ибо «Снарк» пожирал деньги быстрее, чем я их зарабатывал. В самом непродолжительном времени мне пришлось брать в долг, в дополнение к моему заработку. Иногда я занимал тысячу долларов, иногда две, а иногда и пять. И ежедневно я продолжал зарабатывать и тратить на «Снарк» всё заработанное. Я работал и в воскресенье, никаких праздников у меня не было. Но дело стоило этого. Всякий раз, когда я вспоминал о «Снарке», я думал: для него стоит поработать, стоит».

«Снарк» — небольшое судно, — писал Лондон. — Когда я вычислял, что оно обойдется мне самое большее в семь тысяч долларов, я был одновременно и щедр, и рассудителен. Мне приходилось строить амбары и дома, и я знаю, что стоимость постройки всегда имеет склонность выйти далеко за пределы первоначальной сметы. Это я знал, я твердо знал это, когда исчислял предположительную стоимость «Снарка» в семь тысяч долларов. Но он обошелся мне в тридцать тысяч».

Семь тысяч долларов «освоили» уже к лету, к августу сумма возросла до десяти тысяч, к октябрю до пятнадцати, в конце осени корабль стоил уже двадцать, но закончен еще так и не был. В конце концов пришлось заложить собственный земельный участок, а за ним и дом Флоры, да еще оформить кредит в банке на пять тысяч, а строительство всё никак не заканчивалось.

Первоначально планировалось, что «Снарк» отплывает 1 октября 1906 года. «То, что он не отплыл, — признается Лондон, — было непостижимо и

чудовищно. И, главное, не было никаких веских причин для этого, за исключением разве того, что он не был готов. Но почему он не был готов, на это опять-таки не было никаких разумных оснований. Окончание постройки было обещано к первому ноября, потом к пятнадцатому, потом к первому декабря — но «Снарк» не был готов и к этому сроку».

Лондон решил взять дело в свои руки и в декабре вместе с Чармиан перебрался в Сан-Франциско, но спуск на воду все отодвигался.

«Время шло. С каждым днем становилось очевидным, — признавался Лондон, — что в Сан-Франциско постройку «Снарка» закончить не удастся». Более того: «Он так долго строился, что начал разваливаться и изнашиваться, и это изнашивание шло скорее, чем могла идти починка. Он стал некоей притчей во языцех. Никто не относился к нему всерьез, а меньше всего те, кто на нем работал. Тогда я сказал, что пущу его таким, как он есть, и закончу постройку в Гонолулу. После этого он дал течь, которую, конечно, надо было заделать до отплытия. Пришлось ввести его в док. Но во время этой операции его здорово стиснуло между двумя баржами и помяло ему бока. В доке мы поставили его на катки, но когда мы стали его вытаскивать, катки разъехались и корма увязла в тине».

В общем, проблемам и напастям не было числа.

Отплыли они только 13 апреля 1907 года. Хотя и во вторник, но 13-го числа! И двинулись к Гавайским островам.

Корабль тек по швам и палубе, «водонепроницаемые» переборки пропускали воду, патентованный новейший двигатель сразу же вышел из строя, брашпиль отказался работать, не было электричества. Мореходные качества у «Снарка» на поверку оказались никудышными, правда, скорость он набирал быстро и шел ходко. Лондон рассчитывал выявить недостатки в походе и в Гонолулу их устранить. Что ж, план его удался вполне, и даже с лихвой: «недостаткам» не было ни конца ни края. А что касается «устранить»... Многие из них были просто-напросто неустранимы — просчеты конструкции. Все-таки каждый должен заниматься своим: писатель должен писать, а проектировать суда должны профессионалы-кораблестроители.

Тем не менее «Большое приключение» началось...

В южных морях: 1907—1909

Не будем описывать те 27 дней, что провел в плавании до Гавайских островов «Снарк» — столетие с лишним назад это сделал Лондон в своей

книге. И как описал! Ярко, живописно, с искрометным юмором. Однако, — хотя строки «Путешествия на «Снарке» полны иронии и самоиронии, — читатель без труда заметит, что этот самый первый переход на паруснике дался Лондону нелегко. Всё приходилось делать самому и многому учиться на ходу: управлять непослушным судном, стоять на вахтах (членам «экипажа» он доверял румпель только в спокойную погоду), овладевать искусством навигации и даже... конопатить палубу.

Слово «экипаж» не случайно взято в кавычки. На яхте помимо Лондона, Роско Эймса и Чармиан в путь отправились Мартин Джонсон — молодой человек из Индепенденса, штат Канзас, нанятый в качестве кока (почему писатель предпочел его из сотен претендентов, заявивших о желании присоединиться к команде, неизвестно^[217]), готовить он не умел, но за три месяца, что провел в ожидании старта, выучился этому у матушки Дженни^[218]; Герберт Штольц, студент инженерного факультета из Стэнфорда (он должен был заниматься механизмами и электричеством); и в качестве «боя» юноша-японец Пол Мураками, откликнувшийся на имя «Точиги» (Лондон предпочел бы проверенного Ман Ён Ги, но тот обзавелся семьей и плыть отказался). Кроме первых двоих морского опыта никто не имел, поэтому тотчас по выходе в океан все они слегли с морской болезнью. Тем не менее 20 мая парусник прибыл в Гонолулу.

Интересная подробность: оказывается, на Гавайях их никто не ждал, газеты сообщили, что «Снарк» пропал без вести, скорее всего, утонул, а с ним и вся команда. Лондон счел это добрым знаком. Увы, как мы убедимся, напрасно.

На Гавайях Лондон и Чармиан задержались надолго — «стоянка» продлилась без малого пять месяцев. Хотя изначально и предполагались длительные остановки (не случайно было запланировано, что кругосветка продлится семь лет!), но все же не такие продолжительные. Задержка объясняется просто: «Снарк» необходимо было «довести до ума». Вдобавок к недоделкам, о которых Лондон знал, вскрылись и совершенно неожиданные дефекты. Их тоже необходимо было устранить. Забегая вперед скажем: всё исправить не удалось. Сказались дилетантизм проектировщика и некачественные материалы. Ну и, конечно, безалаберность Роско (Лондон платил ему 50 долларов ежемесячного жалованья), которого банально надували, «втюхивая» брак под видом высшего сорта и эксклюзива.

Пока ремонтировали судно, Джек и Чармиан путешествовали по островам — Лондон описал эти вояжи сначала в статьях (они печатались

главным образом в дамских журналах), а позднее в книге «Путешествие на «Снарке» (главы «Первая остановка в пути», «Колония прокаженных» и «Обитель солнца»). Самые яркие впечатления оставила неделя, проведенная на Молокаи, на острове-колонии прокаженных.

Поразительно, что они не побоялись!

«Мы с женой провели в поселке неделю, чего мы, конечно, не сделали бы, если бы боялись заразиться, — писал Лондон. — Мы не носили длинных, наглухо застегнутых перчаток и не держались от прокаженных в стороне. Наоборот, мы постоянно были в их толпе и за неделю перезнакомились с очень многими. Единственная предосторожность, которая необходима, — это самая обыкновенная чистоплотность». Это из статьи, которую тогда же писатель отослал в *Woman's Home Companion*, а впоследствии переработал в главу «Колония прокаженных» для книги. «Ужас перед проказой вырастает в умах тех, — утверждал автор, — кто никогда не видал прокаженных и не имеет никакого понятия о болезни».

Как это ни парадоксально, жизнь колонии ему понравилась: «Проказа ужасна, — кто станет отрицать это! Но поскольку я понимаю эту болезнь и степень ее заразительности, я бы с большим удовольствием согласился провести остаток жизни на Молокаи, чем в санатории для туберкулезных. В каждой городской и сельской больнице для бедняков Соединенных Штатов, а также и других государств можно встретить, конечно, такие же ужасы, как на Молокаи, и общая сумма этих ужасов там еще более чудовищна. Поэтому, если бы мне было предложено на выбор кончать мои дни на Молокаи или в трущобах лондонского Ист-Энда, нью-йоркского Ист-Сайда и чикагского Сток-Ярда, я без малейшего колебания выбрал бы Молокаи».

Тем не менее увиденная и описанная пастораль не помешала ему пару лет спустя сочинить пронзительный рассказ «Кулау-прокаженный». Впрочем, там не столько о проказе, сколько о человеческом достоинстве и поразительной стойкости.

Вообще за пять месяцев, проведенных на Гавайях, Лондон неплохо узнал острова и их обитателей. При этом сохранил свежесть впечатлений. Очень скоро этот опыт будет писателем использован в «Рассказах южных морей».

И еще один материал, написанный на Гавайях для упоминавшегося выше женского журнала, — «Катание на волнах в южных морях». В нем Лондон рассказал о развлечении местных жителей — скольжении на доске («сёрфе») по волне океанского прибоя и описал, как сам овладевал этим непростым, но захватывающим дух искусством. Статья вызвала большой интерес. Говорят, именно с нее начинается история серфинга как особого

вида спорта. Во всяком случае, широко бытует мнение, что как раз Лондон и стоял у его истоков^[219].

А как обстояли дела с сочинительством? В переходе от Сан-Франциско к Гавайям возможности писать не было — литературу вытеснили вахты и хлопоты по судну. Первые недели на островах поглотили путешествия, но Лондон писал — обещанные статьи в журналы, обязательства необходимо было выполнять. Хотя периодические издания тех отдаленных времен в основном малодоступны, мы знаем, что и о чем он писал, — эти публикации лягут в основу все того же «Путешествия на «Снарке» (отдельным изданием книга выйдет в 1911 году). Единственный именно художественный текст, сочиненный в это время, — рассказ «Зажечь огонь» (*To Build a Fire*). Казалось бы, очередной «северный» рассказ, и написан он вроде бы ради денег. Более того, является вариантом раннего рассказа с тем же названием, опубликованного в 1902 году (интересно, кстати: в большинстве изданий русскоязычного Лондона рассказ помечен указанным годом, а читаем мы более позднюю версию — 1907 года). Но с какой силой, с каким мастерством он написан! Лондон снизил пафос, убрал героику — повествование течет ровно и спокойно, и от этого все происходящее получилось гораздо трагичнее, чем в первом варианте. Почему он опять обратился к «северу», понятно — деньги. А вот по какой причине решил обновить давний сюжет — об этом исследователи почему-то молчат, хотя ответ на поверхности: на «Снарке» Джек внезапно для себя вновь оказался в роли «чечак», как тогда, в «белом безмолвии» Клондайка. Ассоциации здесь вполне прозрачны, ведь финал мог быть самым плачевным — вспомним описанный Лондоном шторм и поведение парусника.

Невысокая продуктивность Лондона-новеллиста в этот период объясняется не только поездками по архипелагу, встречами с новыми людьми, необходимостью писать статьи для журналов (хотя и это играло свою роль), но и тем, что у него возник новый замысел и он решил плотно взяться за его осуществление. Речь о романе «Мартин Иден» — пожалуй, самом известном из произведений писателя. Здесь, на Гавайях, в августе 1907 года Джек Лондон и начал его писать. Продолжил в путешествии, отводя сочинительству (как свидетельствует Мартин Джонсон) по два часа с утра ежедневно. Даже погода не была для него помехой — спокойно было море или волновалось. Не являлось препятствием и самочувствие, а ведь известно, что Лондон болел (особенно на завершающем этапе путешествия).

«Мы отплыли от Хило (Гавайские острова) 7 ноября и прибыли на Нукухива (Маркизские острова) 6 декабря», — читаем в русскоязычной

версии «Путешествия на «Снарке»^[220]. Конечно, это ошибка (издательская?) — дотошные исследователи давно выяснили, что «Снарк» продолжил путешествие 6 октября 1907 года.

Из прежней команды на борту остались только чета Лондонов и Мартин Джонсон. Герберт Штольц вернулся в Штаты продолжать образование, Точиги страдал моребоязнью. Отделались (правда, не без труда!) и от Роско Эймса. Но Лондон вынужден был оплатить ему дорогу до Сан-Франциско и выдать жалованье — из расчета все тех же 50 долларов в месяц^[221]. Дороговато, в общем-то, обошелся дядюшка Чармиан.

На Гавайях команда пополнилась новыми членами. Лондон, наконец, уяснил себе, что без опытного моряка в океане не обойтись и нанял Джеймса Лэнгхорна Уоррена. Персонаж этот примечательный: уже немолодой капитан-парусник с изрядным опытом хождения по южным морям, а еще... его только что выпустили из тюрьмы. Он сидел, будучи обвинен в убийстве, но улики оказались недостаточно. Интересно, знала ли Чармиан, кого ее супруг подрядил управлять судном?

Точиги заменил местный японец (на Гавайях — большая японская диаспора, потомки эмигрантов, обосновавшихся на островах во второй половине XIX века) по имени Йошимйтцу Наката. Вдобавок появился матрос — молодой человек, которого звали Герман де Виссер, а также повар, тоже из местных японцев, — Цунекиши Вада.

Интересная подробность касательно покинувшего их «инженера» Герберта («Берта») Штольца. Только оказавшись на Гавайях, Лондон узнал истинную цель, с которой тот присоединился к экспедиции, — ему нужно было попасть на остров Кауаи. На острове находилась могила его отца (которого юноша никогда не видел), шерифа округа Оаху Луиса Штольца. Его застрелил прокаженный, которого разлучили с женой, чтобы отправить на Молокаи. Эта история, услышанная от Берта Штольца, и легла в основу знаменитой новеллы «Кулау-прокаженный». Лондон ее сочинил тогда же, на Гавайях, разумеется, драматизировав сюжет.

Итак, теперь путь «Снарка» лежал к Маркизским островам — не самый хоженный маршрут. Куда более освоенным считался курс на Таити — в ту сторону (а затем в Австралию) направлялось большинство судов, уходивших в южные моря.

Лондон поясняет, в чем заключалась сложность: «Расстояние по карте — две тысячи миль, мы же сделали по меньшей мере четыре; а если бы держали прямо на Маркизские, то прошли бы не меньше пяти или шести

тысяч миль, что и доказывает раз навсегда, что прямая линия далеко не всегда кратчайшее расстояние между двумя точками». Тем более что перед ними стояла задача: «не пересекать экватора западнее 130-го меридиана. <...> Переходя экватор западнее 130-го меридиана, мы попадали во власть юго-восточных муссонов, которые так отклонили бы нас от Маркизских островов, что впоследствии пришлось бы идти почти против ветра. А еще вдобавок экваториальное течение, скорость которого равна от 20 до 75 миль в день! Нечего сказать, приятная штука идти против ветра и против течения!»

А двигатель, — сообщает писатель, — «по своему обыкновению, не работал, так что приходилось рассчитывать только на паруса». К тому же «много лет ни одно парусное судно не совершало такого перехода, и мы оказались в полном одиночестве среди Тихого океана. За все шестьдесят дней, пока длилось наше плавание, — пишет Лондон, — мы не повстречали ни одного паруса, не заметили ни разу дымка парохода над горизонтом. Поврежденное судно могло бы сотни лет пробыть среди этой водной пустыни и не получить ниоткуда помощи».

К счастью, они дошли почти без повреждений — если не считать, что посередине пути обнаружилась протечка бака с питьевой водой.

«Это случилось 20 ноября, — сообщает писатель, — половина запаса пресной воды каким-то образом вытекла. Так как мы вышли из Хило 43 дня назад, то запас этот вообще был невелик. Потерять половину его было катастрофой. При условии экономного употребления запаса воды могло хватить дней на двадцать».

Воду начали выдавать порциями. «Каждый из нас получал по кварте для личного употребления, а повар получал восемь кварт для приготовления обеда. Теперь на сцене появилась психология, — вспоминал Лондон. — После первой же раздачи воды я почувствовал мучительную жажду. Мне казалось, что никогда за всю жизнь мне не хотелось так пить, как теперь. Свою маленькую квартиру я мог бы выпить одним глотком, и требовалось большое напряжение воли, чтобы не сделать этого. И не со мной одним было так. Мы все говорили о воде, думали о воде и даже во сне видели только воду. Мы тщательно исследовали карту, надеясь найти вблизи хоть какой-нибудь островок, к помощи которого можно было бы прибегнуть. Но такого островка не было. Ближайшими были Маркизские острова, но они лежали по ту сторону экватора...» А ветерок еле дул, впереди лежал пустынный океан, и предстояла еще половина пути.

Нетрудно представить, чем могла закончиться катастрофа с водой. Но им повезло: налетел шквал, а следом ливень. «В два часа мы набрали сто

двадцать галлонов, — вспоминал писатель. — Замечательно, что после этого до самых Маркизских островов не было больше ни одной капли дождя. Если бы и этот шквал прошел мимо...» Действительно, даже страшно подумать об этом.

Но почему они выбрали такой маршрут? Что тянуло Лондона и его супругу именно к Маркизским островам?

Ответ прост: детские впечатления и того и другой. Оба зачитывались в детстве Мелвиллом^[222], в частности, по нескольку раз прочли его «Тайпи», и побывать в тех местах, где блуждал беглый матрос Том, было их общей мечтой^[223]. Она осуществилась: «Во вторник, 26 ноября, во время сильнейшего шквала ветер вдруг повернул на юго-восток. Это был, наконец, настоящий пассат. Шквалы кончились; стояла ясная, ровная погода; ветер был попутный, паруса подняты, и всё в порядке. Десять дней спустя, 6 декабря, в пять утра мы заметили землю, как раз там, где ей «быть надлежало». Мы обошли Уа-Хука и Нукухива и ночью, в сильный ветер и непроглядную мглу, вошли в узкую бухту Тайохэ и стали на якорю. С берега доносилось блеяние диких коз, а воздух был душен от аромата цветов. Переход был кончен. В шестьдесят дней мы сделали этот путь от одной земли к другой через пустынный океан, на горизонте которого никогда не встают паруса встречных кораблей».

Но здесь их ждало разочарование: от живописной долины, описанной Мелвиллом, осталось очень мало — везде царили упадок и запустение, «белый человек» погубил эти места, а с ними — и местных жителей, которых почти не осталось.

«Маркизские острова вымирают, и единственное, что задерживает еще вымирание, это постоянный приток свежей крови со стороны. Чистокровный маркизанец, — замечает Лондон, — большая редкость. Все они метисы, и притом являются самым невозможным смешением различных рас». Тех маркизанцев, с которыми общался Мелвилл, уже почти не осталось. Писатель свидетельствует: «Для погрузки пальмового масла торговцы едва могут набрать в Тайохэ девятнадцать порядочных рабочих, и в жилах этих рабочих течет кровь англичан, американцев, датчан, немцев, французов, корсиканцев, испанцев, португальцев, китайцев, гавайцев. Жизнь здесь слабеет, чахнет, исчезает... В этом ровном, теплом климате — настоящем земном раю — с поразительно ровной температурой, с воздухом чистым и пахучим, как целительный бальзам, постоянно освежаемым богатыми озоном муссонами... расцветают туберкулез, астма и другие болезни. Из каждой соломенной

хижины раздаются прерывистый, мучительный кашель выеденных легких. Много и других страшных болезней, но болезни легких производят самые большие опустошения. <...> Долина за долиной вымирали целиком до последнего человека, и джунгли снова овладели обработанной плодородной землей».

Но самое большое разочарование Лондоны испытали, добравшись до вождя долины Тайпи.

«Если бы мне дано было заглянуть в райские сады, я едва ли пришел бы в такой же восторг, — цитирует Мелвилла писатель, вспоминая о том мгновении, когда американский романтик первый раз осматривал долину. — Он видел перед собою цветущий сад. Мы увидели дикую чащу. Куда делись громадные рощи хлебных деревьев, о которых говорит он? Перед нами были джунгли, и только джунгли, да еще две хижины, крытые соломой, и несколько кокосовых пальм. <...> Татуированный дикарь, вооруженный палицей и дротиком, не охранял больше входа в долину, и мы могли переходить поток, где вздумается. Священное и беспощадное табу не царствовало больше над долиной. Впрочем, нет, — табу осталось, только это было уже новое табу. Когда мы подошли слишком близко к нескольким жалким туземным женщинам, мы услышали предостерегающее табу. Это было вполне кстати, так как женщины были прокаженные.

Человек, предупредивший нас, был обезображен последней стадией элифантиазиса. Все, кроме того, были чахоточными. Долина Тайпи стала жилищем смерти, и оставшаяся горсточка ее обитателей испускала последние слабые вздохи в мучительном угасании вымирающего племени».

Разумеется, исчез и боевой дух, так восхитивший в свое время Мелвилла. Лондон упоминает такой исторический факт: «Однажды капитан Портер с фрегата «Эссекс» вторгся в долину. Кроме матросов у него было две тысячи туземцев из племени Хапаа и Тайохэ. Они прошли довольно далеко вглубь долины, но встретили такое отчаянное сопротивление, что рады были, когда удалось добраться до лодок и спастись бегством».

А теперь «вся эта мощь и красота исчезли, и долина Тайпи является пристанищем нескольких жалких созданий, съедаемых чахоткой, элифантиазисом и проказой. <...> Люди точно сгнили в этом изумительном саду, с климатом более здоровым и более очаровательным, чем где бы то ни было в другом месте земного шара. Тайпийцы были не только физически прекрасны, — они были чисты. Воздух, которым они дышали, никогда не содержал никаких бактерий и микробов, отравляющих воздух наших

городов. И когда белые люди завезли на своих кораблях всевозможные болезни, тайпийцы сразу поддались им и начали вымирать».

Печальной получилась встреча с «райским уголком» Мелвилла. Реальность часто губит иллюзии. Особенно детские и юношеские. Лучше оставить всё как есть и не поверять мечты реальностью. Чтобы не было разочарований.

От Маркизских островов путь «Снарка» лежал к Таити. Под управлением капитана Уоррена парусник «добежал» туда без проблем и происшествий. Проблемы и происшествия ожидали Лондона в Папеэте, столице острова и Французской Полинезии. Помимо газет и писем, находившихся в большом тюке адресованной Лондону корреспонденции, там были и документы из банков с требованиями погасить просроченные задолженности и залладные, а также отчаянное послание Нинетты Эймс (она совсем запуталась в бумагах и буквально возопила о помощи).

Конечно, Джек не ожидал ничего подобного. В обязанность тетушки Нинетты входило следить за передвижением бумаг и вовремя оплачивать счета (с банком о возможном превышении кредитного лимита он договорился заранее). И ни в коем случае не предпринимать никаких самостоятельных действий! Но разве можно было доверять такому персонажу? Прежде всего, ей показался ненадежным банк, с которым имел дело Джек. Она его поменяла. Вернеру Уигету (управляющему строительными работами на ранчо) необходим был склад побольше и жилище поприличнее — она направила тысячу долларов на это. Ну и решила, что у нее слишком маленькая зарплата за все эти хлопоты. Она ее себе удвоила^[224]. А после того как газеты опубликовали известие, что «Снарк» пропал без вести и Джек Лондон с супругой, скорее всего, погибли (такая публикация — и не одна! — действительно была^[225]), банк приостановил все операции по счетам писателя и предъявил Нинетте Эймс просроченные счета к оплате...

Лондон понял, что ему придется прервать путешествие и вернуться хотя бы на время в Штаты.

Разумеется, это было совсем не ко времени — он дописывал «Мартина Идена». Ему оставалось совсем немного, чтобы поставить окончательную точку... Но и иного выхода не было. Причем действовать нужно было быстро.

Наудачу Лондона в порту Папеэте стоял пароход «Марипоза». Он совершал регулярные рейсы между Таити и Сан-Франциско, недавно пришел из Калифорнии и как раз готовился отправиться в обратный путь.

Джек и Чармиан отплыли на нем 13 января 1908 года. Уже через две недели они очутились в Окленде — на приеме, устроенном в честь друга Джорджем Стерлингом в лучшем ресторане города, где непрестанно отвечали на вопросы корреспондентов газет и позировали перед фотографами^[226].

За неделю Лондон решил накопившиеся финансовые проблемы (и испросил дополнительный долларовой «транш» у Бретта, посулив тому скорое окончание «Мартина Идена»; он был уверен, что роман ему «удается», а потому издателю не стоит беспокоиться), навестил дочек и, успев к очередному обратному рейсу «Марипозы», уже 2 февраля снова был на Таити. Здесь, на Таити, — за неделю с небольшим — писатель закончил «Мартина Идена»^[227] и отослал в НьюЙорк Бретту рукопись своего лучшего (так он считал) романа.

Папее и Таити показались Лондону слишком «цивилизованными», а потому задерживаться здесь он не стал и «Снарк» отправился дальше — к берегам островов Содружества. Там путешественников ожидали удивительный остров Бора-Бора и его гостеприимные жители. В «Путешествии на «Снарке» острову посвящены две главы («В стране изобилия» и «Рыбная ловля на Бора-Бора»), живописующие островитян и их «праздник, который всегда с тобой».

«Нам говорили, что Бора-Бора — очень веселый остров, — вспоминал Лондон. — Когда мы с Чармиан сошли на берег, то увидели на лужайке у деревни танцующих юношей и девушек, сплошь увитых гирляндами и с какими-то странно фосфоресцирующими цветами в волосах, которые вспыхивали и мерцали в лунном свете. Дальше, перед громадной соломенной хижиной овальной формы, в 70 футов длиною, старейшины деревни пели химинэ^[228]. Они были тоже увенчаны цветами и тоже веселы и приветствовали нас радостно, как заблудших овец, пришедших из темноты на свет». Но этого мало. На следующий день состоялся пир. А к угощению прилагались дары — их было безумно много:

«На полу возвышалась гора плодов и овощей, и с двух сторон ее лежали куры, связанные кокосовыми мочалками. После многочисленных химинэ один из стариков поднялся и сказал речь. Речь относилась к нам, и хотя мы ничего не поняли, все же нам показалось, что между нами и горой изобилия имеется какая-то связь.

— Не может же быть, чтобы они собирались подарить нам все это? — прошептала Чармиан.

— Невозможно! — прошептал я. — Зачем бы? Да и места на «Снарке»

нет совершенно. Мы не смогли бы съесть и десятой части. А ведь остальное сгниет. Может быть, они просто приглашают нас на пир.

Но оказалось, что мы еще находились во власти страны изобилия. Оратор самыми неоспоримыми жестами вручил нам каждую мелочь горы изобилия, а затем уже всю гору в целом. <...> Эта новая нагрузка была совершенно не по силам «Снарку». Мы краснели и запинаясь, произнося *мауру-уру*. Мы лепетали *мауру-уру* долго и даже прибавляли *нуи*, что означает самую невероятную благодарность, — и все-таки старались показать жестами, что не можем принять всех подарков, что было с полинезийской точки зрения высочайшей бестактностью. Певцы химинэ совершенно растерялись от огорчения, и в тот же вечер мы постарались загладить наше невежество, приняв по одному экземпляру от каждого сорта приношений. Уйти от этого наводняющего изобилия было совершенно невозможно. Я купил у одного туземца дюжину кур, а на следующий день он доставил мне тринадцать, да еще полную лодку фруктов в придачу. Француз-лавочник подарил нам корзину гранатов и предоставил в наше распоряжение лучшую лошадь. Местный жандарм тоже предложил нам свою любимую лошадь, которую он берег больше жизни. Все решительно посылали нам цветы. «Снарк» представлял фруктовый магазин, овощную лавку или переполненный припасами склад. Мы ходили не иначе как увитые гирляндами».

Когда «Снарк» покидал Бора-Бора, вся палуба была завалена дарами.

«Что было делать с изобилием?! — восклицает Лондон. — Мы не могли работать на «Снарке» из-за этого изобилия. Мы ходили по фруктам. Шлюпка и моторная лодка были полны до краев. Натянутые тенты трещали от их тяжести. Но как только мы попали в настоящий ветер, началась автоматическая разгрузка. При каждом качании «Снарк» выбрасывал за борт то связку бананов, то десяток кокосовых орехов, то корзину с лимонами. Золотая лимонная река стекала по шканцам. Лопались огромные корзины с ямсом, а гранаты и ананасы катались взад и вперед. Куры и цыплята вырывались на свободу и торчали везде — и на борту, и даже на мачтах. Это ведь были дикие куры, умеющие летать. Когда мы пробовали их ловить, они улетали с судна и, покружившись над морем, возвращались все-таки назад, — впрочем, не всегда возвращались... Никто не заметил в суматохе, как из клетки выбрался поросенок и очутился за бортом».

Одна из глав «Путешествия на «Снарке» называется «Мореход-самоучка». Забавная глава — в ней описывается, как Лондон учился искусству навигации. Но за юмором и самоиронией видна реальная (и очень серьезная) проблема: хотя писатель немало пострадал по

водным просторам, однако судоводителем не был. Конечно, еще юношей он отважно правил парусным яликом, потом управлял «Рэзл-Дэзл» и патрульным судном, уверенно вел «Спрей», но плавал он по внутренним водам — заливам Сан-Франциско и Пуэбло, по протокам и рекам, впадающим в эти заливы. Его опыт открытого моря (богатый, что и говорить!) — был опытом матроса, а не штурмана и не капитана. Вести парусник в виду берегов в знакомой акватории — совсем иное, нежели в открытом море. Для этого надо уметь ходить по проложенному курсу, определяя свое местоположение по солнцу, по звездам, при помощи приборов, с которыми необходимо уметь обращаться. Этих навыков не было. Требовался профессиональный капитан.

Лондон признается: у него на судне дело с капитанами обстояло плохо. «Хорошие капитаны занимают хорошие места на судах с водоизмещением от одной до пятнадцати тысяч тонн и не станут менять свое положение, чтобы водить по волнам наш десятитонный «Снарк». Водоизмещение у «Снарка» было побольше — около 16 тонн, но в принципе писатель прав.

Лондон пишет, что у него на судне побывали три капитана. На самом деле — два. «Первый из них страдал таким старческим слабоумием, что не в состоянии был указать плотнику точные размеры бушприта». Это — Роско Эймс. «Он был до такой степени дряхл и беспомощен, что не в силах был приказать матросу вылить одно-два ведра соленой воды на палубу «Снарка». Двенадцать дней, которые мы простояли на якоре под отвесными лучами тропического солнца, палуба оставалась сухой. Она рассохлась, конечно. Мне стоило 35 долларов переконопатить ее». Роско, конечно, не был «дряхл и беспомощен», но совершенно никчемным — был. А что касается палубы — тут вины Лондона не меньше: не стоило оставлять судно на попечении такого разгильдяя, тем более после того, как его известили о скором увольнении.

«Второй капитан, — замечает Лондон, — был сердит. Он родился сердитым». А «третий капитан был до такой степени криводушен, что по своей кривизне мог сравняться с пробочником. Правды он не говорил никогда, понятия о чести у него совсем не было, и он был так же далек от прямых путей и честных поступков, как был далек от настоящего курса». На самом деле речь идет об одном и том же человеке — о капитане Уоррене, который вел «Снарк» от Гавайев к Маркизским островам, а затем по водам архипелагов Полинезии. Он был действительно мрачный субъект, однако дело свое знал, что бы писатель ни говорил о нем. Но, — как пишет Лондон, — «в Сува, на островах Фиджи, я рассчитал своего третьего капитана и снова взялся за роль морехода-любителя». Почему так

произошло — история темная. Скороговоркой упоминается, что Уоррена уличили в краже, но вроде бы простили. Похоже на то, что он ушел все-таки сам.

Расставание с Уорреном ознаменовало начало последнего этапа путешествия. От Фиджи мореплаватели направились к Новым Гебридам, а оттуда к Соломоновым островам.

«Страшные Соломоновы острова»: 1908—1909

У Лондона есть рассказ «Страшные Соломоновы острова». Рассказ ироничный, веселый и написан (или задуман) был тогда, судя по всему, когда писатель находился в тех местах, о которых писал. Главный герой, изнеженный западной цивилизацией молодой человек, оказался на островах волею случая, но нескольких недель, проведенных там, было достаточно, чтобы он перепугался почти до смерти и уверовал, что они действительно «страшные».

Едва ли Лондон считал острова такими уж «страшными», хотя и писал Стерлингу: «Последние три-четыре месяца «Снарк» путешествовал по Соломоновым островам. Что ни говори, но это, похоже, и в самом деле самая дикая часть света. Охота за головами, каннибализм и смертоубийство здесь свирепствуют. Есть острова, где ни днем ни ночью нельзя расставаться с оружием — мы и не расставались и обязательно, сменяясь, дежурили по ночам. Однажды Чармиан и я решили прокатиться на лодке вдоль острова Малаите. Нас сопровождали местные. Мы встретили туземцев: мужчины и женщины, они шли голышом, но были вооружены луками, стрелами, копьями, томагавками, палицами и винтовками. На берег мы сходим всегда только с оружием, и нас не только обязательно прикрывают с вельбота, но и заранее разворачивают его носом в море»^[229].

Однако именно Соломоновы острова положили конец кругосветному путешествию. Причина — болезни. Они поразили всех участников экспедиции. Лондон пишет: «Самый воздух Соломоновых островов словно пропитан каким-то ядом... Достаточно укуса москита, незначительного пореза, самой пустой царапинки, чтобы образовался нарыв... Нарыв вскрывается, образуется язвочка, которая с поразительной быстротой разъедает кожу. Едва заметный нарывчик с булавочную головку становится на второй день язвой в маленькую монету, а через неделю ее уже не покроет серебряный доллар».

Никто из экипажа «Снарка» не избежал этой напасти. Вдобавок все

заразились малярией — «Снарк» от крушения спасало лишь то, что приступы у членов экспедиции случались в разное время, иначе корабль вести было бы некому.

Разумеется, лихорадка не миновала и Лондона. Но ему пришлось хуже всех. Позднее он вспоминал: «Из всех больных на судне... я был в наихудшем положении. С первым встреченным пароходом я отправлюсь в Австралию и сразу лягу на операционный стол. Из числа моих болезней (не главных) я должен упомянуть об одной, очень таинственной. За последнюю неделю руки у меня распухли как от водянки. Сжимать их было трудно и болезненно. Тащить канат — совершенная пытка. Ощущение такое, точно они отморожены. Кроме того, кожа сходит с них с угрожающей быстротой, а новая, которая вырастает, твердая и толстая».

Что это за болезнь, никто не знал. Но даже в таком состоянии, свидетельствует Чармиан, он продолжал сочинять и выполнял свою ежедневную норму в тысячу слов. Так прошел сентябрь, наступил октябрь.

Писателю становилось только хуже. Жена начала опасаться самого страшного. На шхуне торговцев копррой они покинули «Снарк», оставив яхту под надзором Мартина Джонсона и японцев (кока и боя). Затем пересели на пароход и добрались до Австралии, в Сидней. Там Джека немедленно поместили в госпиталь.

Пять недель провел Лондон на больничной койке, а потом, по его словам, еще «пять месяцев провалялся больной по гостиницам».

«Таинственная болезнь, изуродовавшая мои руки, — писал Лондон в «Послесловии» к «Путешествию на «Снарке», — оказалась не под силу австралийским знаменитостям. В истории медицины она была неизвестна. Нигде и никогда о ней не упоминалось. С рук она перешла на ноги, и временами я был беспомощнее ребенка. Иногда руки мои увеличивались вдвое, и семь слоев омертвевшей кожи сходило с них. Иногда пальцы на ногах в течение двадцати четырех часов распухали до такой степени, что толщина их равнялась длине. Если их обчищали, они через двадцать четыре часа были точно такими же».

Вместе с тем «австралийские знаменитости признали, что болезнь не заразного происхождения, а потому, вероятно, нервная».

Ко всему прочему они обнаружили, что кроме малярии, фрамбезии (огромных нарывов и язв по всему телу) и этой загадочной «нервной» болезни у Лондона имеется еще и «ложная проказа» (кстати, Чармиан и сам писатель очень опасались, что проказа у него самая настоящая — и он подхватил ее на Молокаи).

«Известна она, — замечает Лондон, — под названием европейской или

библейской проказы. Об этой таинственной болезни известно еще менее, чем о настоящей проказе. Ни один врач не нашел еще способа лечить ее, хотя она нередко проходит сама собой. Она приходит неизвестно откуда и... проходит неизвестно почему. Врачи обнадеживали меня, что болезнь, может быть, пройдет сама собой, — и она действительно прошла сама собой».

Но только после того, как он вернулся домой в Калифорнию.

Продолжать путешествие ему запретили. И даже пригрозили, что если он ослушается, то, скорее всего, умрет.

«Мне от этого было, конечно, не легче, — вспоминал Лондон, — но и продолжать путешествие было, очевидно, невозможно. Я мог бы продолжать его, только привязав себя к койке, потому что я был до того беспомощен, что не мог ухватиться ни за какой предмет и совершенно не мог передвигаться на небольшом судне, подверженном постоянной качке. Тогда я сказал себе, что на свете еще много судов и много путешествий, а руки у меня одни, и пальцы на ногах тоже одни. Кроме того, я рассудил, что в моем родном климате, в Калифорнии, моя нервная система была всегда в полном порядке. И тогда я направился домой».

Но прежде чем «направиться домой», нужно было решить, что делать со «Снарком». Может быть, действительно, как утверждал позднее Лондон, «Снарк» родился под несчастливой звездой?»

Как бы там ни было, Лондон поручил Мартину Джонсону перегнать парусник в Сидней. Там его продали на аукционе... за три тысячи долларов. Потом, говорят, «Снарк» вернулся на Соломоновы острова — возил копру, перевозил завербованных рабочих на плантации, затем мелькал на Новых Гебридах, но вид имел самый плачевный^[230]. Где-то там он, судя по всему, и окончил свой недолгий век.

Если помнит читатель, книгу о своем путешествии по южным морям Лондон заканчивает такими словами:

«И последнее: как оценить путешествие? Мне, как любому мужчине, легко сказать: оно было интересным. Но есть свидетель объективнее — женщина, которая прошла весь путь от начала до конца. Когда в больнице я сказал Чармиан, что буду вынужден вернуться в Калифорнию, глаза ее наполнились слезами. Два дня она не могла прийти в себя — так ошеломило и огорчило ее известие, что это чудо — наше замечательное путешествие — закончилось»^[231].

Подведем итоги и мы. Путешествие на «Снарке» действительно завершилось на грустной ноте. Но, согласитесь, оно и не могло закончиться иначе: на семь лет кругосветного путешествия не хватило бы ни «Снарка» (учитывая качество строительства и просчеты в конструкции), ни сил Джека Лондона, ни его финансов — с каким напряжением он бы ни работал. А силы его, как мы видим, были не безграничны. Книга, которую он написал впоследствии об этом путешествии, — хорошая книга. Экзотика, приключения, о которых мечтал Лондон, в ней отражены. Немало и злоключений. Но о них он повествует с иронией, а о собственных — с заметной самоиронией. Есть и горечь. Но она главным образом оттого, что не всё (далеко не всё!) получилось так, как задумывалось. Ну и, конечно, присутствует разочарование: вблизи «картинка» оказалась совсем не такой, какой она представлялась со страниц книг Германа Мелвилла и капитана Слокама.

И все-таки похоже на то, что вояжем по южным морям Джек Лондон удовлетворил свою страсть к путешествиям. Он стремился попасть в эти места чуть ли не с детства. «Я так хочу!» И — сделал это. Если бы он хотел продолжать путешествие — ничто не смогло бы остановить его.

Чему невозможно не поражаться — это тому, как много он написал за эти два с небольшим года: «Путешествие на «Снарке» (опубликовано будет, как говорилось, в 1911 году, но большая часть текстов написана в южных морях); «Мартин Иден» (он начал его в Гонолулу в августе 1907-го, а закончил в феврале 1908-го); часть историй из «Рассказов южных морей» и из сборника «Храм гордыни»; основной корпус сборника «Потерявший лицо», несколько рассказов из книги «Когда боги смеются» тоже написаны в путешествии; начат и почти закончен роман «Приключение»; а еще были статьи, очерки...

Глава 8

СМЕНА ВЕХ

Возвращение: 1909—1910

Лондон вспоминал: «Выписавшись из больницы, я убедился, что от главного меня не вылечили. Серебристая проказа так и осталась. Таинственная солнечная болезнь, которую австралийские врачи лечить не умели, по-прежнему разрушала кожу. Меня все еще трепала малярия; страшные приступы валили меня с ног в самые неожиданные моменты».

А потому пришлось отказаться от лекционного турне по городам Австралии, с помощью которого он не только планировал поправить изрядно пошатнувшееся (как всегда!) материальное положение, но и посмотреть, как живут в этом отдаленном уголке Земли, — даже при болезни интереса к новому он не утратил. Но жара и солнце ему были противопоказаны.

Однако покинуть пятый континент «просто так» писатель, конечно, не мог, а потому вместе с Чармиан и Накатой (которых тоже «трепала» лихорадка) отправился «на крайний юг, на Тасманию, к 43' южной широты: там было прохладнее». Хотя визит на удивительный остров не мог оставить его равнодушным, все же решено было возвращаться домой. Здоровье и его собственное, и жены было явно подорвано. Оставалось надеяться, что благословенный климат родной Калифорнии вернет их в норму.

К тому же в «послебольничный период» поднялась «во весь рост» и старая проблема: алкоголь. Временами он, казалось, вполне успешно с нею справлялся и подолгу мог обходиться без спиртного, но проблема неизменно возвращалась. Вернулась она и в плавании.

«Когда «Снарк» вышел из бухты Сан-Франциско в дальнейшее плавание, на нем не было спиртного, — вспоминал он. — Я ввел на судне сухой закон, чтобы приструнить Джона-Ячменное Зерно». Однако уже на Гавайских островах он пил, причем «даже больше, чем перед отъездом из Калифорнии».

Но, разумеется, оправдывался, ссылаясь на обстоятельства, от него не зависевшие: «Гавайцы вообще употребляют больше спиртного, чем жители умеренных широт (точнее, широт, удаленных от экватора). А ведь

Гавайские острова — только субтропики! Чем дальше мы углублялись в тропики, тем больше пили вокруг, тем чаще пил и я».

Путешествие продолжалось: «С Гавайских островов мы направились на Маркизские. Как-то случайно наш кок, наводя порядок в камбузе, нашел клад. На дне рундука с провиантом лежала дюжина бутылок анжелики и мускателя. <...> Пролежав шесть месяцев в теплом камбузе, густое сладкое вино стало еще лучше. Я отхлебнул. Восхитительно! С тех пор раз в день, определив положение судна и заполнив лоцию, я выпивал полрюмки вина. Эффект был поразительный: я становился добрее, море — еще более прекрасным. Каждое утро, выстукивая в каюте свою тысячу слов, я с нетерпением ждал заветной минуты».

Стоит ли удивляться тому, что последовало: «Когда мы бросили якорь, я уже не владел собой. <...> Рому было море разливанное, абсента — сколько душе угодно».

Ром «на душу не лег». Он взялся за абсент.

«К сожалению, пить приходилось в большом количестве: иначе он на меня совершенно не действовал. С Маркизских островов мы увезли столько бутылок абсента, что хватило до Таити; а уж там я сделал солидный запас виски — шотландского и американского».

Хотя во время плавания Джек «сдерживался, зато вознаграждал себя на берегу. Но в тропиках я почувствовал усиленную потребность в алкоголе». А «то, что там белые очень много пьют, всем известно».

Иначе и быть не могло — зависимый от алкоголя человек всегда найдет основание и оправдание. Находит и Лондон: «У белых людей в тропиках резко портится характер. Они становятся жестокими, безжалостными, совершают чудовищные злодеяния, которых в жизни не совершили бы в привычном, умеренном климате. Они становятся нервными, раздражительными, безнравственными и пьют — пьют сверх всякой меры. Пьянство — одна из форм деградации, которой подвергаются белые, находящиеся слишком долго под действием раскаленного солнца. Потребность в алкоголе усиливается помимо их воли. Белым нельзя долго жить в тропиках. Там они обречены, и пьянство лишь ускоряет их гибель. Но никто об этом не думает. Все пьют».

Он не пил в больнице, но, покинув ее, взялся за старое — и с удвоенной энергией. Разумеется, «пусть никто не подумает, — замечает он, — что причиной моей болезни было злоупотребление алкоголем». Ведь и Наката (слуга), и Чармиан — не пили, но «болели тропической лихорадкой».

Конечно, он полагал, что может держаться: «...возвращаясь на

пароходе, капитан которого был трезвенником, я не притронулся к виски все сорок три дня пути». Однако «в Эквадоре, прямо под лучами экваториального солнца, где люди умирают от желтой лихорадки, оспы и чумы, я сразу же начал пить, и пил все, что попадалось под руку, лишь бы опьянеть». Но зато «не заболел ни одной из местных болезней»!

В своей книге Чармиан заметила, что возвращение домой показалось ей очень долгим. Нетрудно это понять — если муж, как говорится, «не просыхал» всю дорогу. Кстати, наверное поэтому латиноамериканские впечатления (а они посетили Эквадор, поднимались в горы, обследовали зону, где строился будущий Панамский канал) не оставили сколько-нибудь заметного следа в сюжетах писателя.

А возвращались они так. Вместо того, чтобы сесть на лайнер и, самое большее, через две недели оказаться дома, Лондон настоял на возвращении кружным путем — через Южную Америку. Подвернулась и оказия: огромный по тем временам (водоизмещением в пять тысяч тонн) пароход-угольщик «Тимерик» шел из Ньюкасла (Англия) в Эквадор и взял их в Австралии на борт.

В Эквадоре Лондоны задержались на месяц, оттуда на другом пароходе добрались в Панаму и уже из Панамы, на третьем, — в Новый Орлеан, откуда по железной дороге — в Калифорнию.

*

В конце июля они, наконец, вернулись домой, в Глен Эллен. В отсутствие Джека всеми его делами, напомним, заправляла Нинетта Эймс и совершенно их запутала. К тому же, она полагала, что может распорядиться деньгами Лондона так, как ей заблагорассудится (перед отъездом в Австралию он оформил на нее доверенность), и себя, надо сказать, не забывала — чего стоит только бриллиантовое кольцо, которое она приобрела за 800 долларов! В конце концов, имеет право: она так устала, занимаясь чужими делами! Впрочем, как помним, Лондон платил ей и зарплату. Поначалу (видимо, стесняясь) она определила ее размер в десять долларов ежемесячно, потом (по согласованию с Джеком) жалованье увеличилось до двадцати; в 1909 году, уже самостоятельно, она подняла его до тридцати. К тому же за комнаты, которые в ее доме занимали Чармиан и ее супруг, она взимала аренду по средней рыночной стоимости. Разумеется, в их отсутствие тоже (комнаты же пустовали!). Она отремонтировала дом за счет Джека, поменяла коммуникации (и не только в той части, что

занимали супруги). Надзирала за постройкой амбара и хозяйственных строений, которые были необходимы Джеку.

Пристраивать рукописи, которые он присылал, тоже было ее заботой. И здесь она напортила: умышленно или нет (скорее первое) она умудрилась продать некоторые рассказы одновременно нескольким журналам. Ладно, если бы это вызвало только вполне понятное неудовольствие издателей. У этого были иные последствия: цена на рассказы упала. И связано это было с тем, что Нинетта Эймс завела обычай торговаться с журналами — кто предложит больше^[232]. Вышло, как видим, — наоборот.

Впрочем, случались у нее и удачи: незадолго до возвращения Джека и Чармиан из плавания ей удалось очень выгодно пристроить в *Overland Monthly* «Мартина Идена». Журнал заплатил огромную сумму за право публиковать роман выпусками: семь тысяч долларов. Вскоре «рекорд» будет побит, но на тот момент это была ошеломляющая цифра.

Она же втягивала Лондона в операции с землей (совсем не исключено, что имела со сделок какие-то проценты). Надо сказать, Джек не возражал: после покупки первого участка в Лунной долине (в 130 акров) на протяжении нескольких последующих лет он постоянно увеличивал собственные угодья. Пока писатель отсутствовал, с подачи Нинетты его земли приросли 80 акрами виноградников. Через некоторое время миссис Эймс приобрела ранчо в 110 акров. Вскоре после возвращения писатель добавил к своим владениям еще 150 акров, а потом еще и еще. К 1913 году он превратился в крупнейшего землевладельца в округе Сонома: принадлежавшие ему пространства разрослись почти до 1400 акров (а это более 560 гектаров) пастбищ, лесов, полей и холмов!

Откуда это стремление к преумножению земель? Уже давно Джека Лондона охватило страстное желание создать «Ранчо Красоты». А места там действительно удивительно красивые. Лунная долина и сейчас — один из самых живописных уголков Калифорнии. Если прежде писатель приобретал земли от случая к случаю, то после возвращения из плавания это явно приобрело целенаправленный характер.

Вернувшись домой, Лондон решил отделиться от тетушки Нинетты. Трудно сказать, что было тому причиной — то ли ее навязчивость, то ли что-то другое. На одном из купленных в его отсутствие участков (ранчо Ла Мотт), на приличном расстоянии от Глен-Эллен, среди виноградников стоял большой фермерский дом. Джек нанял рабочих, здание подновили, немного перестроили — обнесли широкой верандой, и писатель с Чармиан и Накатой поселился там. И тут же взялся за работу — долги росли,

поступления от журналов и издателей их не покрывали.

Ирвинг Стоун высказал такое предположение: «Джек нарочно не вылезал из долгов, потому что это шло на пользу работе». Предположение, конечно, звучит довольно абсурдно. Уж чего-чего, а склонности к мазохизму у писателя точно не было. Однако биограф совершенно прав, утверждая: «После издания двадцати томов (к 1910 году их примерно столько и было) всепоглощающий восторг творчества несколько притупился, теперь он выполнял ежедневную норму под давлением обстоятельств». И надо ли удивляться тому, что написанное по возвращении из плавания на «Снарке» весьма неравноценно. Но тем не менее водворение в доме с террасами знаменовало, пожалуй, еще один из самых плодотворных периодов творчества. Какими бы мотивами писатель при этом ни руководствовался.

Если раньше он установил себе ежедневную норму — тысяча слов с утра, потом полторы, то теперь решил ее увеличить до двух тысяч и за столом работал дольше, обычно до часу дня. Хотя «Мартин Иден», вышедший вскоре, поначалу был встречен довольно прохладно, Лондон пришел к выводу, что романы сочинять все-таки выгоднее, чем рассказы, и снова засел за роман. Это было очередное возвращение к «северной теме». Далеко не единственное и уж точно не последнее. Роман получил название «Время-Не-Ждет»^[233].

Стоун утверждал, что роман «стоит в одном ряду с такими значительными представителями американского романа, как «Зов предков», «Морской волк», «Железная пята», «Мартин Иден», «Джон Ячменное Зерно», «Лунная долина» и «Межзвездный скиталец»^[234]. На наш взгляд, это — явное преувеличение. Впрочем, как и присутствие в списке «Лунной долины». Однако роман «Время-Не-Ждет» автор отделял тщательно и намеревался получить за него максимальную цену (и получил: только журнальная публикация принесла восемь тысяч долларов).

Рассказы «для денег», как помним, Лондон писал уже давно, опускаясь иной раз до самоповторов. Но «в большой форме» роман «Время-Не-Ждет» — первый опыт подобного рода^[235]. В нем масса компромиссов: начиная с «северной» темы (продолжения которой страстно желали сотни тысяч читателей и почитателей), пресловутого «хеппи-энда» и фигуры героя — Элама Харниша — «белокурой бестии», супермена, живущего по своим собственным законам. Хотя у него имеется вполне реальный прототип — один из соседей по зимовке на Верхнем острове (об этом мы упоминали в третьей главе), было в этом романе и «личное» — определенный скрытый

вызов. Много лет назад Лондон говорил Анне Стрункой, что у него есть мечта: «победить капитализм, играя по его собственным правилам». Это сделал герой романа «Время-Не-Ждет». И Джек Лондон тоже. Роман, написанный по «законам рынка» и хорошо проданный, — разве это не его победа в *игре* по *их* правилам? Симптоматично, кстати, что этот «рыночный» роман до сих пор остается одним из самых востребованных читателем крупных произведений Лондона — как в Америке, так и по всему свету.

Тогда же Лондон писал много рассказов — как на «северную», так и на «южную» тему, да и на другие — тоже. Разумеется, и они неравноценны. Рядом с шедеврами, вроде «Куска мяса», появляется масса проходных текстов, довольно небрежно — как по сюжету, так и по проработке характеров — сделанных, явно торопливых.

Интересная подробность: как раз тогда — на рубеже 1909–1910 годов Лондон испытывает недостаток в сюжетах и начинает их от случая к случаю покупать (о чем мы уже упоминали). Среди тех, кто снабжал его этим необычным «товаром», не только близкие люди, вроде Джорджа Стерлинга, Клодели Джонса и Эптона Синклера, но и будущий классик американской литературы Синклер Льюис, тогда всего лишь скромный рекламный агент и начинающий литератор двадцати с небольшим лет. В 1910 году Лондон и Синклер даже заключили вполне серьезный контракт, по которому последний обязывался поставлять сюжеты для писателя, а тот покупать. Разумеется, только те, которые сочтет интересными. Цену должен был определять Лондон. За год с небольшим писатель приобрел у молодого человека больше двадцати пяти идей — по цене от двух с половиной до десяти долларов. Конечно, не все обрело форму законченных произведений. Но, как мы видим, писатель был довольно щедр.

Работал Лондон напряженно, но уже тогда (в 1909–1910 годах) удовольствия от сочинительства не получал. Более того, постоянно говорил, что работа его тяготит, что все ему опротивело. А постоянно возрастающие расходы требовали: «еще, еще, еще...»

Отдушину находил в спиртном. «Вернувшись к себе на ферму, в Лунную Долину, — вспоминал о тех днях писатель, — я продолжал систематически пить. Мой распорядок исключал алкоголь только утром: первый стакан я выпивал, лишь окончив свою тысячу слов. После этого и до обеда я уже не считал стаканов и был все время под хмельком».

Обычно после обеда или ближе к вечеру появлялись гости. Чармиан вспоминала: «С самой первой недели (после возвращения. — А. Т.) не случилось ни одного дня, когда бы у нас не было гостей»^[236].

Гости у Лондонов бывали разные — соседи (их было меньшинство), разнообразный «литературный люд». Многих Лондон даже не знал лично. Своим долгом навещать писателя считали социалисты всевозможного толка: местные — те чаще всего просили денег (и обычно не встречали отказа); заезжие, вроде знаменитой Эммы Голдман^[237] или других «звезд» масштабом поменьше, — по ходу очередного лекционного турне (тогда социалисты и анархисты были в моде) или просто проездом. Эти часто задерживались на несколько дней и даже недель, мешая работать.

Специально в гости Лондон почти никого не звал. Но так повелось, что к нему можно было приезжать запросто. Он не раз сам говорил об этом и всегда с удовольствием играл роль радушного хозяина.

Впрочем, играл ли? Похоже на то, что был вполне искренен, — беседы с иными из гостей были ему любопытны, а к тому же у него появлялось «законное» основание выпить. Хотя и «подкреплялся» в течение дня он постоянно, но пьяным, — как утверждал, — «меня никто не видел по очень простой причине: я и не был пьян. Но навеселе обязательно». И — признавался: «Если бы другой, непривычный человек пил столько каждый день, он наверняка давно протянул бы ноги!»

А «Джон Ячменное Зерно» наступал.

«Старая история! — читаем в «Исповеди алкоголика». — Чем больше я пил, тем больше мне было нужно для достижения желаемого действия. Вскоре меня уже перестали удовлетворять коктейли. Мне было некогда возиться с ними, да и желудок мой столько не вмещал. Виски действовало куда сильнее. Его требовалось меньше, а результат был ощутимее. Теперь мою предобеденную порцию составляло пшеничное или ржаное виски, смеси выдержанных вин, а в конце дня — виски с содовой».

Разумеется, он отдавал себе отчет в том, что с ним происходит:

«Прежде я всегда превосходно спал, теперь мой сон испортился. Бывало, если я проснусь среди ночи, то начну читать и снова засыпаю. Теперь это уже не помогало. Я мог читать два часа и даже три, но сон не приходил. Навевало его только виски, да и то рюмки три, не меньше. После этого до утра уже оставалось так мало времени, что алкоголь не успевал переработаться в организме, и я просыпался с ощущением сухой горечи во рту, с головной болью и спазмами в желудке — в общем, чувствовал себя прескверно. Похмелье, как у всех заядлых пьяниц! Для бодрости срочно требовалось что-нибудь выпить. И Джон Ячменное Зерно, уже сумевший втереться ко мне в доверие, не медлил. Итак, выпивка перед завтраком — для аппетита. Я приобрел в это время еще одну привычку: держать возле постели кувшин с водой — и пил по ночам, чтобы умирить жжение и

сухость во рту. Мой организм находился под непрерывным воздействием алкоголя. Я не разрешал себе передышки. Уезжая в какое-нибудь глухое место и не зная, смогу ли достать там виски, я брал с собой из дому кварту, а подчас и несколько кварт. Прежде меня поражало, когда это делали другие. Теперь я сам так поступал не краснея! Все мои мудрые правила летели к чертям, когда я оказывался в мужской компании. Я дружно пил со всеми...»

И ничего поделаться с собой не мог. Признавался: «Во мне горел ненасытный огонь. Пламя поддерживалось изнутри и разгоралось все ярче. В течение дня не было ни минуты, когда бы мне не хотелось пить. Я начал отрываться от работы, чтобы осушить стакан, написав пятьсот слов. А вскоре и вовсе не приступал к работе, пока не выпью».

Лондон отчетливо видел проблему и явно осознавал, что превратился в алкоголика: «Я очень хорошо понимал, чем все это грозит, и положил себе за правило не пить, пока не кончу писать».

Но, как оказалось, «возникло неожиданное дьявольское осложнение. Без алкоголя работа уже не шла». И еще признание: «Не выпив, я не мог писать. <...> Я сидел за письменным столом, брал в руки перо, вертел бумагу, но слова не шли. В мозгу была одна лишь мысль: против меня в буфете стоит Джон Ячменное Зерно. Отчаявшись, я наливал себе виски, и тогда колесики в мозгу возобновляли работу, и я отстукивал тысячу слов на машинке».

Писатель вспоминал один особенно тяжелый день: «Я прикончил все запасы и решил больше их не пополнять. Это не помогло, ибо, к сожалению, на нижней полке буфета еще оставался ящик пива. Тщетно пробовал я работать, уверяя себя, что пиво — жалкий заменитель сильнодействующих средств, что я не люблю его. Мысль об этом ящике не давала работать. И только когда я выпил полкварты, появились нужные слова. Но мне пришлось многократно повторить эту порцию, прежде чем тысяча слов легла на бумагу».

Разумеется, он взялся бороться с этим. Не у многих находились силы для противостояния. В том числе среди современников и соотечественников писателя. Например, О. Генри не смог совладать с «Джоном» (правда, и не пытался!). Неравную борьбу вели с ним друг Лондона Эптон Синклер и недруг Амброс Бирс. Совершенно не сопротивлялся недугу красавец и горький пьяница Джордж Стерлинг.

Лондон — боролся. Хотя, судя по цитируемой здесь книге, он явно не считал себя алкоголиком — «Если Джон Ячменное Зерно мог так поработить меня, чуждого ему по природе, как же должен страдать

настоящий алкоголик...» — и превращаться в него точно не хотел.

Прежде всего, избавился от запасов спиртного, вернее, не стал их больше пополнять. И, «совершая героические усилия над собой, все-таки вернулся к правилу писать ежедневную тысячу слов без помощи алкоголя». Несмотря на то, что, «пока я писал, жажда все больше и больше разгоралась», а потом — «едва поставив точку, выскакивал из дома и мчался в город выпить», — все-таки это была совсем небольшая, но все же победа.

И заслуга в этой — к сожалению, временной — победе принадлежала не только (а может быть, и не столько) ему, сколько Чармиан.

«Дом Волка»: 1910—1913

В Рождество 1910 года Чармиан объявила супругу, что ждет ребенка. Появление малыша она ожидала в июле. Известие привело Лондона в восторг. Он был уверен, что на этот раз точно будет мальчик. Сын! Воображение наверняка уже рисовало ему продолжателя рода, внуков, родственников... В общем — семейный круг. Ну, а какой семейный круг без родового гнезда? И Джек решил его построить. А поскольку иных планов, кроме грандиозных, у Лондона не было и быть не могло, он намерился строить нечто совершенно невообразимое — огромный дом с множеством комнат, необыкновенной архитектуры, ни на что не похожий! Своими планами тотчас поделился с Чармиан, а та (и разве могло быть по-другому — с ее-то характером?) пришла от них в восторг. Трудно сказать, кто предложил это название — «Дом Волка» — сам писатель или супруга, но было решено, что поместье будет носить такое имя.

Замысел стал обрастать подробностями: стены сложат из местного красного цвета песчаника, перекрытия сделают из калифорнийской сосны и секвойи; в доме будет два этажа и — обязательно — башня, в ней — кабинет Лондона, там он будет сочинять. Между этажами двойные, нет — лучше тройные, перекрытия. Межкомнатные перегородки из цельных стволов сосны. Один этаж будет в полном распоряжении Чармиан, а там обязательно — детская, игровая, гардеробная для матери и, отдельно, для ребенка. Разумеется, помещения для слуг (их число увеличится). Гостиные комнаты — отдельно для мужчин и для женщин; конечно — бильярдная (Джек и его жена любили эту игру); непременно большая библиотека — целый зал, музыкальный салон, не меньше десятка комнат для гостей. Крыша будет черепичная и никакой жести — желоба будут медные,

водосточные трубы — тоже из меди и т. д. и т. п.

Оба увлеклись — часами обсуждали будущий особняк. Джек специально отправился в Сан-Франциско, нанял архитектора (конечно, «самого лучшего»), определил место — на пологом холме, чтобы дом был виден с любого конца немалого владения. Прознал: лучшие каменотесы — итальянцы. Поехал в Санта-Розу (там жило много итальянских эмигрантов в первом поколении), разыскал старика-каменотеса по фамилии Форни — у того был большой опыт в этом деле, нанял его вместе с помощниками... И работа закипела.

Чармиан вспоминала: «В то время, когда мы с увлечением рисовали планы «Дома Волка», Джек купил двадцать тысяч саженцев эвкалиптов, и 20 нанятых для этого работников их прилежно сажали». Целебные эманации эвкалиптов пойдут на пользу матери и мальчику — глава семьи был в этом уверен. А со временем принесут и большой доход потомкам.

А вот денег, как всегда, не было. Сведения из книги Чармиан — Джек сказал: «У меня на счету в банке пятьсот долларов. Нужно оплатить страховку, восемьсот. Не очень сходится, не правда ли? Но ты не беспокойся — «Смок Белью» с лихвой все покроет — еще и останется»^[238].

Речь о сборнике «северных рассказов». Он выйдет в 1912 году, и писать его Лондон будет через силу — в расчете на то, что удастся выручить достаточно средств для строительства. Но денег, полученных от журналов (сначала) и от издательства (затем), не хватит — не то что «останется»! Придется сочинять еще один цикл историй с теми же героями — «Смок и Малыш». Вот уж где отчетливо видны вымученность и ходульность сюжетов, чего даже талант беллетриста скрыть не смог. Впрочем, тогда, в 1910-м, все это было еще впереди.

Важным событием стал переезд к Лондону любимой Элизы. Она рассталась с мужем и поселилась с сыном-подростком у брата. Разумеется, по его настоятельной просьбе. Перебралась к нему насовсем. Теперь она всегда будет рядом и сможет внести некоторое подобие порядка в суматошную жизнь брата. Роль хозяйки, которую она добровольно на себя взвалила, совершенно не вызвала возражений со стороны Чармиан. Скорее, наоборот, та вздохнула с облегчением — постоянные гости ее тяготили. Причем, не столько необходимостью заниматься их приемом — сервировкой, закусками, напитками и т. д. (в этом всегда помогал Наката), сколько отвлечением мужа. Чармиан могла быть счастлива только будучи в центре его внимания. В ином случае настроение ее портилось, общаться (как вспоминали близкие) с ней становилось тяжело. Да и положение, в

котором она находилась, не то чтобы исключало активное участие в домашних делах, но серьезно его затрудняло.

Судя по всему, беременность Чармиан переносила нелегко. Не забудем, что ей было почти 40 лет. Первые роды в таком возрасте даже в наш «просвещенный век» — серьезная проблема, а уж 100 лет назад тем более. К тому же она не до конца оправилась после возвращения из тропиков.

«Несмотря на радостные перспективы к июлю (ожидаемое рождение ребенка. — Л. Г.)... полной эйфории мешали ужасная анемия и спорадические приступы малярии. Потому пользы от меня было мало — той энергией, которая должна быть у хозяйки дома, я не обладала»^[239], — вспоминала в своей книге Чармиан.

Состояние ее здоровья вкупе с возрастом создавали серьезную угрозу будущему ребенку, но Джек был уверен в благополучном исходе — верил в свою счастливую звезду.

На этот раз верил напрасно: 19 июня родилась девочка и прожила всего 38 часов.

Роды были тяжелые: самостоятельно Чармиан родить не смогла, делали кесарево сечение. У новорожденной девочки, очевидно, была серьезная родовая травма.

Малышку похоронила Элиза. Лондон на похоронах не присутствовал — слишком тяжело для него это было.

Похоже на то, что мать перенесла смерть дочери легче, нежели отец. Еще находясь в больнице, Чармиан писала подруге: «Я стала матерью. Я родила ребенка, но у меня его нет... Ах, насколько лучше бы было, если бы я не держала ее в руках, не прижимала к себе — зная, что очень скоро она уйдет. Моя девочка, скорее, плод моего воображения, нежели реальность — она и должна им оставаться навсегда и впредь»^[240].

Биографы рассказывают об инциденте, случившемся с Лондоном в день похорон дочки, — о пьяной драке в одном из оклендских баров, которую, судя по всему, спровоцировал он. Вдаваться в подробности этой истории мы не будем. Во-первых, потому, что случай нетипичен для писателя; во-вторых, что бы там ни случилось, горе его было слишком велико и не могло не сказаться на поведении.

Чармиан провела в больнице около месяца. Почти все это время Лондон отсутствовал, был в Неваде, в Рено — комментировал боксерский матч для «НьюЙорк геральд». Джек слыл (да и был) знатоком бокса — газета обещала заплатить хороший гонорар. Это был матч между негром-

гигантом Джонсоном и бывшим чемпионом мира Джимми Джеффрисом, которого Джек боготворил. Он комментировал предыдущий матч Джонсона в Сиднее, где тот нокаутировал своего соперника. Лондон не раз писал и «создал миф о Джимми Джеффрисе как о сверхчеловеке по силе и боксерскому таланту», утверждая, «что могучий старый чемпион Джеффрис — единственный, кто может заставить «ниггера» Джонсона перестать улыбаться»^[241]. Материалы о Джонсоне Лондон писал не только из Австралии, комментировал и другие его бои и, похоже, даже восхищался этим боксером. Но называл не иначе как «ниггер». В этом сейчас многие биографы видят свидетельство «присущего Лондону расизма». Конечно, писатель был сторонником «превосходства белой расы» (странно было бы ожидать иного от последователя социального дарвинизма!), но расистом... Не забудем, что писал он в основном для газет и журналов Херста, да к тому же — в начале XX века. А тогда не только в «желтой прессе», но и повсеместно употребление слова «ниггер» было в порядке вещей и не считалось оскорблением. Идиома «американец африканского происхождения» тогда была еще неизвестна.

Репортаж Джек Лондон, разумеется, написал. Если бы он только этим ограничился! Но он сделал ставку на своего любимца Джеффриса — верил в него! — поставил четыре тысячи долларов... Джеффрис проиграл. «Ниггер» его побил^[242].

Гонорар, полученный от газеты, был, понятно, куда меньше той суммы, что проиграл комментатор.

*

Потеря ребенка, а с ним и надежд на наследника стали тяжелой утратой. Но Лондон не отказался от строительства «Дома Волка» и от расширения собственных владений. Более того, именно тогда, в 1910-м, он начал всерьез увлекаться сельским хозяйством. Некоторые из биографов полагают, что таким образом он «страховал» свое будущее — заделавшись крупным землевладельцем. Заводя стада племенного скота, возделывая виноградники, выращивая лес и заготавливая деловую древесину, он сможет зарабатывать достаточно, чтобы расстаться с изрядно опостылевшей к тому времени литературной работой. Звучит не слишком убедительно. Но и виноградарством, и разведением скота (покупал племенных бычков, овец особых пород, участвовал в выставках, занимался

птицей) он действительно увлекся. Правда, это была скорее сублимация понесенной утраты и разрушившихся надежд. А что касается изнуряющего литературного труда... Жизнь покажет, что он от него не отказался. Да и дополнительные средства требовались постоянно.

В октябре 1910 года Лондон приобрел очередной парусник. Он назывался *Roamer* — «Бродяга». Собственно, им с Чармиан он и нужен был для «бродяжничества» — коротких (на несколько дней, максимум — пару недель) выходов в залив и плавания по впадающим в него рекам. Как говорил сам Лондон: для «ностальгических путешествий» по местам молодости — туда, где некогда «пиратствовал», ловил браконьеров в «Рыбачьем патруле», да просто — отдыхал душой.

На этот раз Джек не стал строить новое судно (хотя такая мысль поначалу была), а купил старое. «Бродяга», действительно, «побродил» изрядно. К тому времени, когда Джек стал хозяином посудины, ей уже сравнялось сорок лет. Приличный возраст, хотя и далеко не предельный (автору настоящих строк в начале 1980-х доводилось ходить на паруснике постройки начала XX века, и тот был еще крепок). Это был традиционный для тех мест тридцатифутовый шлюп с гафельным парусным снаряжением, широким корпусом и небольшой осадкой. А еще у него была неожиданно большая рубка с просторной каютой, что довольно необычно для такого, в общем-то, небольшого судна. И стоил он, конечно, дороже, чем за него просили, — каких-то 175 долларов. Лондон купил бы его и за бóльшие деньги — уж очень ему понравился «Бродяга»^[243].

Тогда же, в октябре, взяв с собой Накату, они с Чармиан отправились в первое плавание по заливу Сан-Франциско — поднялись до Бениции, зашли в устье реки Сакраменто, оттуда в Сан-Хоакин. Едва ли писатель догадывался, что «Бродяга» станет его последним судном... Он еще лелеял планы построить в будущем что-нибудь, подобное «Снарку», и выйти в океан. «Бродяга» будет служить ему верой и правдой до самого последнего дня.

Скорее всего, и покупку, и немедленный поход под парусом Джек затеял не для себя — хотя, безусловно, и тем, и другим был очень доволен, — а для Чармиан. Он видел, что супруга глубоко несчастна и тяжело переживает утрату ребенка. Той же причиной объясняется и предпринятое турне по Северной Калифорнии, Орегону и штату Вашингтон летом 1911 года. Это было большое путешествие — Лондоны передвигались в большом комфортабельном экипаже от «Студебеккер» (как и многие будущие автопроизводители, компания начиналась и развивалась как изготовитель экипажей и повозок), запряженном четверкой лошадей.

Двигались не торопясь, часто останавливаясь, любясь живописными видами и устраивая пикники, ночевали в маленьких сельских гостиницах^[244].

Накануне путешествия Лондон затеял очередное серьезное преобразование: во время одной из частых верховых прогулок по своим владениям на территории недавно приобретенного ранчо Колер он обнаружил заброшенные строения. Расположены они были рядом с виноградниками. В центре стоял большой дом, а вокруг хозяйственные постройки, в том числе, обширная винодельня. Все было запущено, густо заросло кустарником и травой, постройки развалились, но дом оказался еще крепок. Джеку место понравилось. Он дал команду, чтобы все расчистили, ветхие сараи и амбары снесли, винодельню соединили с домом, а сам дом подновили. Все работы планировалось завершить к возвращению супругов из конного путешествия.

В строительстве несоблюдение сроков — обычное дело. Лондона строители подводили не раз и не два и еще подведут в будущем. Но на этот раз, к удивлению, все было сделано вовремя.

Вот как описал дом Роберт Балтроп, в свое время там побывавший:

«Новое жилище представляло собой одноэтажное деревянное здание с шестью комнатами, разделенными коридором; в одном крыле были кабинет Джека и терраса, где он спал, в другом обитала Чармиан. Однако главным и наиболее оживленным помещением стала каменная винодельня, почти примыкавшая к дому и соединенная с ним крытой галереей. Получился зал длиной в 38 футов. Рядом располагалась кухня, а под ней был погреб. В одном конце зала стоял длинный обеденный стол, а во главе его — стул Джека, похожий на трон. Стены были увешаны сувенирами с южных морей, фотографиями, оригиналами иллюстраций к книгам Джека, самоанскими циновками из древесной коры; тут же находился огромный рояль; на полу лежали подушки, ковры и шкуры зверей. Все остальные помещения были превращены в комнаты для гостей...»^[245]

Известная фотография Джека Лондона, где он сидит на перилах открытой террасы и читает газету, сделана как раз там — на ранчо Колер.

В этом доме пройдет вся оставшаяся жизнь писателя, будут написаны почти все (начиная с осени 1911 года) произведения; здесь будут жить Чармиан, Элиза с сыном; здесь Лондон будет принимать своих многочисленных гостей.

Кстати, о гостях. Джек Лондон вел обширную переписку и имел довольно необычную для всемирно известного писателя привычку отвечать

на каждое присланное ему письмо. Больше всего писем было от почитателей его таланта, немало от социалистов, частые — от издателей. Существовала особая, и немалая, группа корреспондентов, утверждавших, что они были знакомы (встречались, скитались, работали, ходили по морю, наконец, пили вместе) с Лондоном. Он не только отвечал (иной раз весьма обстоятельно) на послания, но неизменно приглашал всех ему написавших приехать погостить. Даже напечатал «путеводитель» — как добраться до его дома от железнодорожной станции — и вкладывал его в конверты с ответами. Ответных посланий было действительно много: по сообщениям биографов, ежедневная «порция» составляла примерно 100 писем! Многие из них — развернутые. А всего в год Лондон получал, примерно, десять тысяч (!) писем^[246]. Причем, тщательность и подробность ответа совершенно не зависела от положения адресата. Писали начинающие литераторы; моряки; отбывавшие и отбывшие срок заключенные. Множество писем приходило от безработных и даже бездомных — просили о работе и жилье. По воспоминаниям близких, он никому не отказывал.

К счастью, приезжали далеко не все из тех, кого Джек приглашал. Но и тех, кто все-таки пользовался приглашением, было много, и они жили неделями. Лондон давал работу: на строительстве «Дома Волка», в конюшне, на виноградниках, на плантации саженцев эвкалипта^[247]. С каждым месяцем приезжих становилось все больше. «В 1913 году хозяин платил ежемесячно три тысячи долларов обитателям ранчо и строителям «Дома Волка», — свидетельствует один из исследователей, и он же замечает: — при этом бóльшая часть денег уходила на бездельников, почти или совсем не работавших»^[248].

И всех кормили! В своей книге о муже Чармиан писала: «Он до безумия любил накрытый стол и два ряда обращенных к нему приветливых дружеских лиц; он всегда был готов поставить перед любым полную тарелку!»

И это, в принципе, объяснимо. Не только толикой тщеславия (она вполне естественна у такого преуспевающего писателя!), но прежде всего убежденностью: раз есть возможность, он должен помогать тем, кто обездолен.

Впрочем, довольно скоро «страждущие» стали его изрядно тяготить. Особенно после того, как Лондон понял, что большинство из них цинично его «используют»: едят, пьют, живут за его счет, но работать не хотят, а если и работают (большинство приходили к нему именно для того, чтобы «устроиться на работу»), то делают это плохо, без желания; к тому же,

норовят обмануть, схалтурить, да еще и посмеиваются над ним: как ловко одурачили они богача-простофилю!

Но прорывалось раздражение редко — разве только в письмах: «Бездомные бродяги, проклятые отребья, кишат на ранчо, как сельди в бочке... и каждый думает только о своей шкуре...»

Кому он действительно был неизменно рад, так это старым друзьям: Джорджу Стерлингу и Джеймсу Хопперу. О первом мы писали, второй был знаком с Джеком давно, еще со школы. Но в школе не дружили, сблизились позднее, в 1900-е, когда Хоппер стал довольно известным в Калифорнии журналистом-репортером и к тому же социалистом (правда, без радикализма). Обоих, надо сказать, Чармиан недолюбливала, полагая, что они дурно влияют на супруга (и тот и другой были истовыми поклонниками Бахуса). Но отвадить от дома (как многих других членов «Толпы») то ли не смогла, то ли не решалась, зная, что мужчин связывают отношения более чем приятельские — глубоко дружеские. Сохранилось много фотографий того времени, на которых Лондон с друзьями. Они приезжали часто, но, что интересно, обычно не оставались в доме, а забирали Джека с собой — на пикник или еще куда-то. Чармиан же всегда сильно нервничала, если супруг выбирался куда-нибудь без нее. Причем, скорее всего, не из ревности, а потому что и в 40 лет продолжала оставаться «чертенком в юбке», с удовольствием участвуя в эскападах.

Еще в самом начале — сразу после приобретения самого первого своего участка в Лунной долине — Лондон писал Клодели Джонсу: «Разводить хозяйство я не собираюсь; на ранчо всего один расчищенный участок, да и тот пойдет под пастбище». Но тогда владения были совсем небольшими. В последующие годы они только прирастали, и, как мы уже знаем, «приросли» многократно. А Лондон открыл в себе «сельскохозяйственную жилку». Да не просто «открыл», но постепенно всерьез увлекся сельским хозяйством. Увлекался же он всегда с размахом: взялся разводить скот — лошадей (приобрел племенного жеребца), молочных коров и бычков на мясо; построил свинарник и планировал развивать свиноводство (купил поросят); занялся разведением коз ангорской породы; проводил эксперименты по повышению плодородности почв, экспериментировал со злаками, травами и т. д.

Лондон был человеком не просто увлекающимся, он ко всему, чем занимался, подходил серьезно. Будучи самоучкой, уверовал, что любыми знаниями каждый может овладеть самостоятельно. Ведение сельского хозяйства, разумеется, не считал исключением. Окунувшись в эту область, он, естественно, обнаружил, что очень многого не знает, и принялся

постигать неизвестное: навывисывал массу журналов, накопил книг по растениеводству и зоотехнии, читал, изучал, вдумывался, экспериментировал, общался с фермерами, вступал в переписку с владельцами образцовых хозяйств, задавал вопросы. Стал регулярным участником местных сельскохозяйственных выставок — сначала как зритель, а потом и как участник. Кстати, явно заразил своим интересом сестру: Элиза отправилась учиться на агрономические курсы при Калифорнийском университете и даже их закончила.

В начале 1913 года Джек Лондон сочиняет роман «Лунная долина»^[249], который в нашей стране публиковали мало^[250] — скорее всего, по причине «эскапизма» (то есть ухода от реальности) автора. В романе якобы проповедуются отказ от борьбы, «соглашательство», пропагандируются «буржуазные ценности». Вероятно, так и есть — особенно с позиций главенствовавшей в СССР эстетики «социалистического реализма». Да и традиционный образ Лондона как «бунтаря-социалиста» в «Лунной долине» явно не читается. Но роман интересен — прежде всего, как «моментальный снимок» идей и представлений, которые *тогда* двигали писателем. И в этом смысле история его героев — Сэксон Браун и Билла Робертса, — их уход от «городской цивилизации» и «возвращение к земле» стали отражением его собственных взглядов и меняющихся ценностей. Лондон устал от бесконечного «производства текстов», большинство из которых к тому времени вряд ли виделись ему чем-то большим, нежели верный источник финансовых поступлений. Лондон, похоже, очень хотел «слезть» с этой «иглы», остановить литературный «конвейер», вернуться к настоящему творчеству, а средства к существованию, как он надеялся (во всяком случае, успех сельскохозяйственного предприятия Сэксон и Билла позволяют это предположить), ему дадут ранчо.

Но в эти годы (1910–1913) благоденствие на основе сельского хозяйства могло быть пока мечтой и только. Финансовую основу его собственного существования (прежде всего, желаний!), семьи и огромного хозяйства составляли произведения, которые он исправно поставлял на мировой литературный рынок. К тому времени Джека Лондона публиковали не только в США и Великобритании, но и активно переводили на иностранные языки, он был очень популярен в континентальной Европе, в том числе в России^[251].

То, что сходило с «конвейера», опять же скажем, было неравнозначно. Но это совсем не означает, что все, написанное в это время, было вторично

и плохо. Отнюдь. Разумеется, романы «Время-Не-Ждет», «Приключение», отчасти «Лунная долина», пьеса «Кража», сборник рассказов «Смок Беллью», большинство историй из книг «Потерявший лицо», «Когда боги смеются», «Сын Солнца», «Храм гордыни» и «Рожденная в ночи» — ничто иное, как коммерческие поделки. Но, согласитесь, подавляющее большинство этих поделок создано на высоком *профессиональном* уровне^[252]. К тому же, недостаток сюжетов Лондон восполнял не только их покупкой и самоповторением, но и собственными напряженными художественными поисками. И, надо сказать, преуспевал в этом. Иллюстрация тому, например, фантастические произведения, созданные в это время: «постапокалиптическая» повесть «Алая чума», рассказы «Мечта Дебса» и «Когда мир был юным», вскоре осуществленный замысел романа «Смирительная рубашка»^[253]. Безусловные удачи Лондона — автобиографические повествования: «Путешествие на «Снарке» (1913) и, конечно, знаменитая «Исповедь алкоголика» — «Джон Ячменное Зерно» (1913). «Исповедь», кстати, имела широкий и не только читательский резонанс: утверждают, что именно с подачи Лондона в стране начали спонтанно возникать группы тех, кто решил встать на путь трезвости и самостоятельно бороться с этим недугом (среди них и знаменитые «Анонимные алкоголики»). Возможно, эта книга натолкнула членов конгресса США на мысль о введении «сухого закона».

Ценнейшим источником для сочинений, разумеется, оставались личные впечатления. Под Рождество 1911 года Джек с Чармиан предприняли большое путешествие. Отправились в НьюЙорк, там отметили Новый, 1912 год, оттуда перебрались в Балтимор, из него на большом четырехмачтовом грузовом барке «Дириго» вышли в плавание вокруг мыса Горн. Вообще-то корабль не перевозил пассажиров, но для Лондонов и Накаты (который путешествовал с ними) сделали исключение — взяли на борт, оформив как членов экипажа. Впрочем, «исключение» обошлось писателю в тысячу долларов^[254]. Но это были совершенно новые впечатления — на *таком* судне Лондон никогда еще не плавал! Путешествие длилось 48 дней и закончилось в Сан-Франциско без особых происшествий. Однако в творчестве писателя плавание след оставило — «Мятеж на «Эльсиноре».

Нельзя пройти и мимо небольшой повести (или большого рассказа) под названием «Мексиканец» — безусловно, одного из шедевров Лондона.

К сочинению повести автора подвигли события в Мексике — начавшаяся там революция. Хотя информация о происходившем к югу от

США была крайне противоречива (да и американская пресса крайне тенденциозно освещала события в Мексике), писатель воспринял весть о революции с восторгом, и симпатии его были на стороне восставших: история несгибаемого Филипе Риверы — вящее тому подтверждение.

Можно утверждать: в этот период (1910–1913 годы), несмотря на все сложности, Лондон с оптимизмом вглядывался в будущее и верил в свою звезду. По крайней мере, до 22 августа 1913 года. Этот день слишком многое изменил в его жизни...

Накануне, 21 августа, день начинался обычно: с раннего утра до середины дня Лондон работал. Сначала вычитывал корректуры, присланные ему издателями, затем сочинял, выполняя обычную ежедневную норму в тысячу слов. Вторая половина дня была отдана хозяйственным заботам: Джек верхом на лошади объезжал свои владения, общался с работниками, осматривал скот. Стояла жара, он свернул к пруду — искупаться. На обратном пути — неизменная остановка, чтобы пропустить пару стаканчиков в местном баре. Потом, по сложившемуся уже ритуалу, он поднялся на холм неподалеку от строящегося «Дома Волка» — полюбоваться на него. Дом его мечты, прекрасный и величественный, был почти готов: все коммуникации подведены, отделка почти закончена, строители начали уборку, на днях должны завозить мебель — Лондон был уверен, что осенью они переедут.

По возвращении Лондон довольно долго о чем-то совещался со стариком-каменотесом, итальянцем Форни: вероятно, обсуждали, что еще необходимо сделать. Ближе к полуночи Джек отправился спать...

Дальнейшее Ирвинг Стоун описал так:

«Около двух часов ночи его <Форни> разбудил фермер-сосед, ворвавшийся с криком:

— Форни, горит! Дом Волка горит!

Когда Форни достиг каньона, весь Дом Волка был объят пламенем. Через несколько минут прибежал Джек — запыхавшийся, с развевающимися волосами. На бугре, где он, бывало, распевал песни и пил вино с рабочими-итальянцами, он остановился как вкопанный. Перед ним с ревом бушевал адский огонь; горели все части дома одновременно. Стояла середина августа; воды не было. Ему ничего не оставалось делать, как стоять с мокрым от слез лицом и глядеть, как рушится еще одна заветная мечта его жизни».

Скорее, все это описано не без домыслов. Ведь Стоун писал роман, пусть и биографический.

Предоставим слово Чармиан. В данном случае она, похоже, более

надежный свидетель:

«Меня разбудили голоса, доносившиеся из комнаты Джека^[255]. Выскочив из спальни, я увидела Элизу. Она стояла подле его кровати и рукой указывала в сторону Дома Волка, который находился в полумиле от нас. Высокий столб пламени и дыма был ясно виден — он тянулся вверх — в густо усыпанное звездами небо. Погода была безветренной. Запрягли лошадей; отдав команду слугам охранять дом — на тот случай, если поджигатели явятся и сюда, мы направились туда. Двигались без спешки. «Какой смысл спешить, — сказал Джек, — если горит большой дом, пламя ничем не остановишь!»^[256].

Когда они прибыли на место, застали такую картину:

«...перекрытия и черепичная кровля с грохотом рухнули вниз, возвышались только стены. Подсвеченные пламенем пожара, они были ясно видны. Единственное, о чем следовало позаботиться, — чтобы не занялся складированный рядом с домом лес. «Только пообещай мне, — сказала я тогда Джеку, — что ты будешь беречь себя». Он дал обещание и сдержал его: внешне он был спокоен — не суетился, ходил, раздавал указания людям.

«Почему вы не плачете, почему так спокойны? — спросил у меня кто-то. — Вы, видимо, просто не понимаете, что произошло с вами!»

«А какой смысл? — повторил свою мысль Джек. — Дом все равно не вернешь!.. Но его можно восстановить!»

Последние слова он произнес даже весело, и огоньки плясали в его глазах»^[257].

Действительно ли Лондон собирался восстановить «Дом Волка»? Скорее всего, да. Но так и не восстановил. Даже не попытался.

Глава 9

«ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ»

Плохой год: 1913—1914

В своей книге о муже главу о событиях 1913 года Чармиан назвала «Плохой год»^[258]. Она сказала правду. Хотя едва ли границы «плохого года» совпадали с календарными. Начался он куда раньше, да и длился не 365 дней, а гораздо дольше.

Говорят, что «беда приходит незаметно». Однако верность данного суждения кажется неоспоримой лишь тем, к кому она «приходит». Нередко «звоночки» раздаются и загодя, просто их не слышат.

Конечно, катастрофу с «Домом Волка» предвидеть никто не мог, и она в самом деле была внезапной. Вряд ли Лондон усмотрел в случившемся «перст судьбы». И он, и Чармиан, многие близкие (и не близкие) полагали, что пожар стал результатом диверсии — умышленного поджога. Среди прочих подозревали старика Шепарда. За несколько месяцев до события, как помним, Элиза окончательно порвала с мужем и ушла жить на ранчо к Джеку — Шепарда вроде бы видели поблизости накануне. Имелись подозрения относительно одного из рабочих — за несколько дней до пожара Лондон выгнал его. Но правды тогда не установили, официальных обвинений никому предъявлено не было. Джек и Чармиан так и ушли из жизни, не узнав истинной правды. Установили ее только восемьдесят с лишним лет спустя.

Д. Дайер, один из новейших биографов Лондона, приводит интересные сведения. В 1995 году группа судебных следователей, используя специальное оборудование и изучив место и оставшиеся стены «Дома Волка» (а свой дом Джек строил на века!), установила наиболее вероятную причину пожара. Возгорание началось в гостиной (это было известно), источником его стала сваленная кучей использованная ветошь (и об этом знали): смоченная скипидаром, она применялась для пропитки несущих балок, консолей и других выступающих деревянных конструкций. Но современники Лондона не догадывались, что скипидар и образующиеся на его основе соединения имеют способность самовоспламеняться. Собрав всю ветошь и свалив ее в огромную кучу (а день был жаркий), строители,

конечно, не подозревали, что тем самым создают идеальные условия для пожара. Ветошь находилась у лестницы, ведущей на второй этаж. Туда шел и ток воздуха — окна и двери «Дома Волка» были открыты, чтобы проветрить помещения. Воспламенившись, огонь рванулся вверх, по лестничному проему, как по трубе камина. В доме никого не было, и буквально через несколько секунд огонь мгновенно охватил пропитанные горючим составом балки и перекрытия^[259].

Потеря дома, который обошелся писателю почти в 80 тысяч долларов (вместо запланированных изначально тридцати), была, разумеется, катастрофой. Постройка не была застрахована — просто потому, что у Лондона (впрочем, как всегда!) не было свободных средств.

Но что значат материальные потери по сравнению с моральными утратами? Гибель дома стала прежде всего именно *моральной утратой*. Потому что это была гибель Мечты. От этого Лондон так никогда и не оправится.

Герой наш, как знаем, давно привык жить по принципу: «я так хочу», что ему в основном удавалось. И на этот раз он не собирался отступать — достаточно вспомнить слова Джека на пепелище, приведенные супругой. Но обстоятельства оказались сильнее его.

Можно сказать: после пожара что-то в человеке надломилось. Но можно выразиться и по-другому: изменился фокус его восприятия жизни. Все вокруг приобрело какую-то новую отчетливость, проявились и стали значимы детали, на которые прежде Лондон не обращал внимания или просто не видел.

Это состояние хорошо знакомо тем, у кого в силу возраста или иных причин возникает необходимость надеть очки — мир преобразается. Конечно, это — метафора. В случае с нашим героем всё, разумеется, и глубже, и серьезнее: здесь, скорее, происходила переоценка ценностей.

Для Лондона «преображение» началось в 1912 году. Через некоторое время после возвращения из плавания вокруг мыса Горн Чармиан сообщила супругу, что вновь ждет ребенка. Увы, беременность длилась недолго — случился выкидыш. Лондону стало понятно, что отцом ему более не стать и сына, о котором он так мечтал, у него не будет.

Этим обстоятельством были обусловлены попытки сближения с дочерьми — прежде всего, со старшей, Джоан (младшая, Бекки, была, по его мнению, еще слишком мала).

В связи с последним небольшое отступление. Давным-давно, когда работа над биографией писателя еще не предполагалась, автор этих строк

читал. книгу Джоан Лондон «Джек Лондон и его время»^[260] и поразился тому, что дочь писателя была яростной социалисткой — куда убежденнее и последовательнее отца. Подумалось тогда: должно быть, их связывали особо доверительные отношения.

На поверку оказалось совсем не так. Уйдя из семьи, Лондон мало интересовался жизнью дочерей, если и встречался с ними, то урывками. Впрочем, предоставим слово Джоан, которая в своей книге об отце писала:

«Он... не преуспел... в отцовстве. Две его дочери выросли, живя с мамой в Окленде. Когда они были маленькими, он особенно о них не вспоминал — частых, но очень коротких посещений ему вполне хватало».

К тому же, даже при этих «коротких посещениях», вспоминала Джоан, «от папы всегда пахло спиртным».

«Более двух лет он отсутствовал, путешествуя на «Снарке». Если бы после возвращения он стал приезжать, тогда в их отношениях мог бы случиться прорыв. Но после южных морей он был сильно занят делами на ранчо и появлялся в Окленде куда реже, чем прежде. Между тем девочки росли, выросли, и для них Джек Лондон представлялся скорее некой эфемерной фигурой, появлявшейся вдруг из ниоткуда на мгновение; им казалось совершенно невероятным, что он их отец — они его совсем не знали»^[261].

Начиная с конца 1912-го, попытки сближения с дочерьми со стороны Джека стали настойчивыми. Он увеличил содержание бывшей жене, приезжал, гулял с девочками, приглашал их и Бесси пожить на ранчо (даже предлагал закрепить за ними в доме постоянные комнаты). Впрочем, единственный их визит закончился скверно. Чармиан, которая, безусловно, ревновала Джека к прежней семье, устроила скачки на лошади — рядом с тем местом, где ее супруг расположился на пикник с детьми и их матерью. Да и сама атмосфера разгула, царившая на ранчо, по мнению матери, могла оказать на девочек дурное влияние, а потому Бесси отказалась от дальнейших посещений.

Повзрослевшая на четверть века Джоан (свою книгу она писала в 1930-е) понимала, что руководило Лондоном: «Он хотел ребенка, мечтал о сыне от второй жены, но дочь, которую родила ему Чармиан через год после возвращения Калифорнию, прожила всего несколько дней... Через несколько лет он попросил Джоан и маленькую Бекки приехать на ранчо и погостить — пожить, познакомиться, лучше узнать друг друга; девочки попали в непонятную для них ситуацию — с мамой расставаться они совсем не хотели».

Лондон пытался завязать с Джоан переписку, но дальше нескольких ответов, вероятно, написанных не без участия матери, дело не пошло. Это не были происки Бесси. Отнюдь. Это было решение дочери: она не могла простить отцу измены. К тому же ей было 12 лет — начало переходного возраста, тяжелый период.

Вскоре после пожара отец написал Джоан письмо. Она не ответила. Через два дня он написал еще: «Мой дом, в котором так никто и не жил, сгорел дотла, а от тебя я не получил ни слова. Когда ты болела, я навещал тебя. Я принес тебе канарейку и цветы. Теперь я болен (это — правда, вскоре после пожара Лондон заболел. — А. Т.), а ты молчишь. Мой дом — моя мечта — уничтожен. А тебе и сказать нечего... Джоан, дочь моя, пожалуйста, помни, что мир принадлежит честным, правдивым и справедливым, тем, кто громко говорит правду, тем же, кто молчит, лжет и обманывает самым своим молчанием, превращая любовь в посмешище, а отца — в право на бесплатный обед, тем мир никогда не будет принадлежать. Не думаешь ли ты, что мне пора, наконец, получить от тебя весточку? Или ты хочешь, чтобы я навсегда потерял к тебе интерес?»^[262]

Были там и слова о матери — что она не может быть объективной, ревнует, но это только потому, что «ревность — свойство женской природы».

Как мы видим, письмо — жесткое, если не сказать жестокое. Джоан ответила (под нажимом матери или нет?): «Папа, ну, я прочитала Ваше письмо, прочитала его два раза и внимательно... я довольна той обстановкой, в которой живу... меня возмущает Ваше мнение о маме — она хорошая мама, и что, вообще, в этом мире может быть важнее, чем замечательная мать?.. А теперь, папа, поскольку этот вопрос мы обсудили, можно мы не будем уже к нему возвращаться? Мне нечего больше сказать по этому поводу...»

Лондон написал еще. Джоан ответила: «Пожалуйста, папа, пожалуйста, — пусть это письмо станет последним из тех ужасных писем, которыми Вы заставляете меня отвечать Вам. Мне так больно писать их, но Вы требуете от меня ответов, а по-другому я не могу — на Ваши письма могут быть только такие ответы»^[263].

В 1915-м их переписка возобновится, но на тот момент (в 1913-м) это были последние письма от дочери^[264].

Похоже на то, что после пожара Джек в новом свете увидел и Чармиан. Прежде он явно не замечал того, что с самого начала видели другие — близкие писателю люди (почти всех Чармиан после замужества быстро от Джека «отвадила»): «Ее смех звучал слишком громко, навыки верховой

езды выглядели нарочитыми, страсть и пыл, с которыми она играла на фортепьяно и пела, граничили с безвкусицей...» Впрочем, старшая дочь писателя объясняла «присущий ей эксгибиционизм... совершенно нормальным для женщины желанием постоянно привлекать внимание мужа — пока не станет слишком поздно»^[265].

Современник Лондона Ирвинг Стоун представлял ситуацию яснее:

«Он <Джек Лондон> с беспощадной ясностью увидел, что Чармиан в возрасте сорока трех лет — все еще ребенок, целиком поглощенный ничтожными ребяческими забавами. Соседи вспоминают, как она «рассказывала нескончаемые истории, по-детски болтала вздор о своих драгоценностях, старинных нарядах, шапочках, других мелочах. Ей хотелось быть вечно женственной, вечно очаровывать и покорять». Он страдал, замечая, что гости пытаются скрыть замешательство, что они смущены ее делаными манерами, кокетством, стараниями изобразить юную, прелестную девушку, которой она постоянно мнила себя; что они озадачены ее причудливыми, украшенными драгоценностями, ярко-красными, точно маскарадными, костюмами, чепчиками в кружевных оборках, которые носили еще в девятнадцатом веке. Ее сводная сестра вспоминает, что в детстве у Чармиан была привычка выглянуть из-за угла, скорчить рожу или сострить и пуститься бежать, чтобы ее догоняли. Она и сейчас выглядывала из-за угла, острела, ждала, что будут догонять. Однажды вечером Джек и Элиза сидели за конторкой в столовой и ломали голову, как справиться с уплатой долгов. В этот момент в комнату влетела Чармиан, прихотливо задрапированная куском бархатной ткани, и манерно прошла по комнате: «Посмотри-ка, Друг, ну не дивная ли получится вещичка? Я только что купила два отреза». Она ушла, и наступило долгое грустное молчание. Потом Джек повернулся к Элизе и сказал: — Это наше дитя. Мы всегда должны заботиться о ней»^[266].

Разумеется, их любовь не закончилась; она была жива и продолжала оставаться взаимной. По-прежнему Чармиан называла Джека «Друг», «Мужчина», а он ее — в глаза и в письмах — «Друг», «Женщина» (именно так: всегда с большой буквы), демонстрируя страсть и не скрывая откровенной чувственности отношений. Но вот полагаться на нее как на свою *половину*, доверяя во всем полностью, — теперь он понимал это отчетливо — не мог. А сейчас ему нужна была именно опора: после пожара он должен был объявить себя банкротом, но не способен был отказаться от «Ранчо Красоты».

Опора Лондону была нужна и вот еще почему — из-за реакции

американских социалистов, тех, кого он считал единомышленниками, «товарищами». Они не раз порицали его, когда он строил свой «Дом Волка», утверждая, что Лондон «окончательно обуржуазился». Напрасно писатель отвечал, что свою собственность он заработал сам, а не нажился, эксплуатируя труд рабочих. Теперь кое-кто из «товарищей» утверждал: пожар, погубивший мечту, стал актом справедливости. Такая душевная рана, конечно, кровоточила.

В добавление, не оправдались расчеты на урожай (вскоре после пожара это стало очевидно) — свое дело сделала жара, поразившая в тот год Калифорнию, а также нашествие насекомых, уничтоживших то, что пощадила засуха. Ближе к осени добавился падеж скота. К тому же кто-то застрелил (преступника не нашли) жеребца-производителя, купленного за большие деньги.

Были и другие потери.

Джек Лондон, как и многие писатели, испытывал особый интерес ко всевозможным печатным устройствам — будь-то пишущая машинка или типографское оборудование. Конечно, ему далеко было до Бальзака-типографа или Марка Твена, который постоянно покупал все новые модели «ундервудов» и «ремингтонов» и вложил целое состояние в «Печатную машину Пэйджа». Но он явно верил в «силу печатного слова» и в возможность извлечения дохода из этого. В частности, большие надежды Лондон возлагал на некий «Миллеграф» — «новейшее устройство для фотомеханической печати». Он рассчитывал, что это изобретение произведет переворот в издательской деятельности и принесет ему много денег. В «дело» его вовлек давний приятель Джозеф Ноэл, журналист и писатель (позднее создавший содержательную книгу о Лондоне, Стерлинге и Бирсе, которых много лет знал^[267]). Писатель поверил и два года подряд (1912–1913) вкладывал в проект изрядные суммы, но все закончилось «пшиком». Он, конечно, мог бы успокоить себя тем, что его потери несопоставимы с потерями Твена. Но едва ли от этого было бы легче.

Что интересно: сам Ноэл денег в проект не вкладывал (у него их просто не было) и отделался «легким испугом», но дружба с Лондоном на этом закончилась (в книге, правда, Ноэл об этом не упоминает).

Тогда же Лондон оказался вовлечен в еще одно «большое дело», с большими же вложениями. Правда, в него он вошел по собственному почину. Оно было связано с кинематографом. В то время Голливуд еще только обретал свои очертания, но Лондон видел его перспективы, понимал, что «фабрика грез» может приносить изрядный доход. Вместе с

актером Хобартом Босуортом^[268] он взялся за экранизацию собственных произведений, первой должен был стать «Морской волк». Деньги требовались большие, а перспективы были туманными, поскольку существовала проблема авторских прав. Лондон с удивлением узнал, что авторские права не распространяются на экранизации. Более того, они принадлежат не только ему как автору, но и журналам, публиковавшим его произведения. И, вообще, в этой области царит неразбериха, ущемляющая писателей. Потому в 1914 году вместе с ведущими американскими писателями (среди них знаменитости тех лет: Элен Глазгоу, Бут Таркингтон, Рекс Бич) вступил в «Авторскую лигу» (*Authors League of America*), с тем чтобы бороться за интересы авторов (и свои собственные)^[269].

Кстати, кино Лондону нравилось. Он не только с удовольствием смотрел фильмы, но интересовался технологией съемок и с увлечением наблюдал за процессом кинопроизводства. Даже сыграл эпизодическую роль (роль моряка) в экранизации Босуортом «Морского волка» (1914)^[270]. Правда, доходов из прибыльного в грядущем бизнеса тогда извлечь Лондону не удалось. Произошло это позднее — в 1916 году, когда он начал сотрудничать с Ч. Годдардом^[271], переработав сценарий последнего в «кинороман», измыслив некую новую жанровую модификацию, чем очень гордился^[272].

Но в другом деле Джек Лондон прогорел — в 1912 году дал вовлечь себя в земельные спекуляции и вложил десять тысяч долларов в какие-то пастбища в Мексике^[273]. Банк, привлекавший средства, лопнул вскоре после пожара, погубившего «Дом Волка». Деньги пропали. Теперь надо было судиться, но у Лондона на это просто не хватало сил.

Вообще-то Лондон считал, что у него есть чутье и деловая хватка. Интересно, на чем зиждилась эта уверенность? Вероятно на том, что ему — будем справедливы! — в основном удавалось дистанцироваться от разнообразных «предприятий», к участию в которых его постоянно пытались привлечь. В одном из интервью писатель заметил по этому поводу: «Каждый год я получаю примерно сотню предложений, сулящих настоящие золотые горы... и это не считая не меньше сотни проектов вечных двигателей и других изобретений, в том числе лекарств от всех болезней сразу».

Но, как мы видим, от всех предложений уберечься не смог. А если вспомнить, что за «Снарк» он заплатил почти в пять раз больше, чем тот стоил, а за «Дом Волка» — почти втрое, становится ясно, что бизнесмен из

писателя был неважный.

Что ему оставалось в создавшейся ситуации? Только одно: сочинять, сочинять, сочинять. Другого способа зарабатывать деньги и расплачиваться с долгами он не имел, да и не знал.

1913 год Ирвинг Стоун назвал «самым плодотворным» и утверждал: тогда «его <Лондона> творчество достигло зенита». Если судить по гонорарам и количеству вышедших в свет произведений, биограф прав. Но вот что касается качества литературной работы, оно было неровным. В 1913-м году вышли четыре крупные вещи Лондона^[274]: повести «Алая чума» и «Лютый зверь», романы «Лунная долина» и «Джон-Ячменное зерно», а также сборник рассказов «Рожденная в ночи», куда были включены знаменитые «Мексиканец», «Убить человека», «Когда мир был юным». Действительно, за исключением, пожалуй, «Лунной долины», всё упомянутое принадлежит к числу лучших произведений Лондона. Но почти все это написано раньше — в 1912-м и в первой половине 1913 года (а «Мексиканец» и «Лютый зверь» вообще в 1911-м!).

После пожара работоспособность и продуктивность писателя резко снижаются, но он, сжав зубы, преодолевая депрессию, — день за днем — сочиняет и сочиняет. Тогда Лондон писал роман «Мятеж на «Эльсиноре», и роман шел очень трудно. Читая его, буквально ощущаешь, как тяжело давался автору текст (особенно вторая половина), как он «вымучивал», «выжимал» из себя слова, предложения, абзацы... Затем, без перерыва, Лондон принимается за новый, теперь фантастический сюжет — «Смирительная рубашка», в основу которого легла история Эда Мбрелла, заключенного, проведенного в каторжной тюрьме более пяти лет (Лондон был одним из тех, кто добивался его освобождения, а потом привечал у себя на ранчо), в полной мере испытавшего на себе все ужасы описанной в романе пытки. И в зарубежной, и в отечественной критике произведение это оценивается высоко — как с точки зрения замысла, так и исполнения. Довольно странно: на наш взгляд, роман (особенно в начале) излишне многословен, изобилует ненужными подробностями и деталями, да и перемещения героя во времени и в пространстве, скажем так, весьма слабо мотивированы. Не говоря уже о научно-фантастической составляющей сюжета — от «науки» он предельно далек. Но удивляться тут особенно нечему — Лондон спешил, и следы этой спешки видны «невооруженным глазом». Впрочем, он давно (еще в 1911 году) объяснил принципы своей работы: «У меня нет незаконченных произведений. Бывает только так: если я начинаю сочинять историю, я обязательно ее заканчиваю. Если она удалась, я подписываю рукопись и отсылаю издателю. Если не получилась

и я не доволен... подписываю рукопись и отсылаю издателю»^[275].

Три года спустя ничего в его «подходе» не изменилось. Или — если и произошли изменения, то явно не в лучшую сторону.

Осознавал ли Лондон *что* происходит? Безусловно. Но сбавить темп, не брать займы под то, что еще только предстоит сочинить, не мог — ведь на него давили не только огромные долги по сгоревшему дому и ранчо, но и необходимость содержать Бесси и девочек, Флору с «матушкой» Дженни, вести собственное хозяйство, да и стиль жизни менять он не собирался. Это была работа на износ.

Случались, конечно, и паузы. Но, в основном, небольшие — когда ездил повидать дочек (на день-два, не дольше), навещал Флору с Дженни (и того короче), встречался со Стерлингом (несколько раз за два года они с Чармиан выбирались в городок Кармел на берегу океана, где обосновался Джордж). Чуть дольше (неделя — полторы) длились выходы в залив на «Бродяге»; за два года их случилось несколько.

Единственное продолжительное путешествие за два года — командировка в Мексику в апреле — июне 1914 года. Но и туда Лондон отправился только потому, что журнал «Кольере» предложил освещать американскую интервенцию, которая должна была начаться с захвата города и порта Вера-Крус, главной гавани страны. Владельцы журнала посулили Лондону немалые деньги — 1100 долларов в неделю. Причем изрядную сумму заплатили ему авансом.

К сожалению, из экспедиции ничего путного не вышло. Сначала американские военные, опасаясь репутации Лондона-социалиста и антимилитариста, отказывались аккредитовать писателя. Потом все-таки аккредитовали и допустили в Мексику. Но к тому времени, когда он добрался до Вера-Крус, боевые действия уже закончились. Тем не менее Лондон написал и отправил в «Кольере» несколько корреспонденций — таких, как ему и заказывали: мужественных, полных милитаристического задора. А потом заболел. Его свалила дизентерия. Будто почувствовав, что с ее «Мужчиной — Другом» что-то неладно, в Вера-Крус примчалась Чармиан. Оттуда они вернулись в Калифорнию вместе.

Восстанавливался Лондон тяжело и долго. К физическому недомоганию добавилась депрессия.

Вообще-то, депрессии различной глубины и интенсивности были привычными спутницами писателя. Они начали преследовать его еще в юношеском возрасте. Нередко случались и после двадцати, и после тридцати. Читавшие «Мартина Идена» наверняка обратили внимание, что тем же недугом страдал и герой романа (собственно, депрессия и заставила

его свести счеты с жизнью). Но ведь иначе и быть не могло — Мартина он писал с самого себя.

Обычно, как мы помним, приступы провоцировались чрезмерными физическими и нервными нагрузками, но были не частыми. К тому же, Джек научился их преодолевать, — меняя род деятельности, отсыпаясь, уходя в море или при помощи спиртного. Теперь — после гибели «Дома Волка» — они стали глубже, интенсивнее и, главное, случались чаще. Прежние средства почти не работали. Если раньше Джеку помогали заботы по хозяйству, теперь они скорее вызывали только раздражение. Полноценно спать он не мог — мучила бессонница, несколько раз за ночь вставал, курил. Отдушиной оставались выходы в залив на «Бродяге», но это были лишь краткие эпизоды.

Что оставалось? Только одно, но самое верное, давно проверенное средство — спиртное. К осени 1914 года Лондон не мог обходиться без него и дня. Да что там — дня, и пятисот слов с утра не мог сочинить без стакана вина или порции (а то и двух-трех) виски. Словом, та же проблема, о которой уже не раз говорилось.

В 1913 году, завершая свою «Исповедь алкоголика», Джек писал: «Привычка пить укоренилась в моем сознании и осталась на всю жизнь. <...> Я решил... буду все-таки пить время от времени! Несмотря на все мои книги, несмотря на все философские мысли, нашедшие во мне особый отклик, я решил спокойно продолжать то, к чему привык. Буду пить...» Конечно, надеялся, что справится с проблемой и станет пить более умеренно.

Но он не знал, что буквально за полгода его жизнь *так* изменится...

Попытка к бегству: 1914—1915

На исходе 1914 года Лондон писал Джорджу Бретту в НьюЙорк:

«Чертовски тяжело объяснить моим друзьям, что значит для меня ранчо. Дело вовсе не в доходе. Моя самая безрассудная, тщетная, несбыточная надежда состоит в том, что через шесть или семь лет ранчо себя оправдает и не будет приносить убытки. Оно значит для меня примерно то же, что для других актрисы, скаковые лошади или коллекционирование марок»^[276].

Слова о ранчо здесь не случайны. В письме — очередная просьба об авансе в счет будущего романа, и речь не о каких-то мифических «друзьях», — так Лондон пытался объяснить своему издателю, что значит

для него его «владение». Он действительно очень надеялся (даже был уверен), что через несколько лет «ранчо себя оправдает» и он сможет остановить изматывающий конвейер по производству текстов. Это была его Мечта о Земле Обетованной, где он сможет укрыться, как на острове, и жить спокойно и счастливо. Он очень устал и мечтал о покое.

Иллюзия о возможности счастья в созидательном труде на собственной земле уже отразилась в недавней «Лунной дороге». Эта тема пронизывает и тот роман, о котором Лондон пишет издателю, — «Маленькая хозяйка большого дома». По мнению писателя, это будет «грандиозный роман». Более того, он утверждал: «...история мировой литературы еще не знает ничего подобного. Три сильные фигуры в необычайной ситуации. Просматривая план романа, я готов поверить, что это и есть то самое, к чему я стремился с тех пор, как начал писать. Это будет вещь совершенно свежая, абсолютно не похожая на все, что я делал до сих пор».

Ирвинг Стоун задается вопросом: «Было ли это убеждение искренним? Не старался ли он, подстегивая себя, преодолевая усталость и отчаяние, заинтересовать работой не столько редактора, сколько самого себя?»

Едва ли. Думается, что Лондон был вполне искренен и верил в то, о чем писал Джорджу Бретту. Во всяком случае, Чармиан в своей книге ни о каких сомнениях супруга по поводу романа не упоминает. Лишь сообщает, что «Хозяйку» Лондон завершил 8 декабря 1914 года и тут же отправил рукопись издателю^[277].

Оценка «Маленькой хозяйки большого дома» Стоуном жестока: «Это фальшивая, надуманная, напыщенная книга... Задуманный как книга о сельском хозяйстве, в основу которой положены идеи создания образцовой фермы и возрождения фермерства Калифорнии, роман мало-помалу сходит в разряд литературы о «любовном треугольнике», с полным набором цветистых, сентиментальных преувеличений...»^[278]

Однако роман был незамедлительно опубликован в журнале *Cosmopolitan*, а затем вышел отдельной книгой в издательстве «Макмиллан» и... пользовался у читателей успехом. Правда, *Cosmopolitan* издавал У. Р. Херст, и журнал был рассчитан на самую широкую (читай — невзыскательную) аудиторию. Да и Бретта из «Макмиллана» в первую очередь все-таки интересовали продажи книги. Разумеется, в «красные» 1930-е годы (когда писалась биография) роман выглядел явной уступкой «буржуазным» вкусам. Высокие литературные критерии той эпохи не могли, конечно, не влиять на оценку Стоуна. Впрочем, последнее не

означает, что он не был прав.

Литературная работа — необходимость регулярно поставлять на рынок все новые и новые произведения — явно тяготит Лондона. Чармиан отмечает в своей книге: «Он постоянно повторял, что он ненавидит сочинительство, но — вынужден этим заниматься». Муж и раньше говорил нечто подобное, но в постоянно звучащий рефрен эти слова превращаются в 1915-м. Раздражение нарастало.

«Каждый день, — писал Джек в одном из писем того времени, — я как раб отправляюсь исполнять свою ежедневную норму. Я разлюбил писать. Но это единственный верный способ обеспечить необходимый уровень жизни. А потому — буду продолжать писать...»^[279] Понятно, невольник не может получать удовлетворения от своей работы. Да и какое качество может быть у «рабского» труда? Даже в том случае, если «раб» обладает богатым воображением и развитыми профессиональными навыками.

Очевидно, Лондон — не только как художник, но и как человек — менялся. Менялось его отношение к жизни, к самому себе, к окружающей действительности. Тезис этот почти не нуждается в доказательстве. Судите сами: мировая война, разразившаяся летом 1914 года, оставила писателя совершенно равнодушным. Он мог поехать корреспондентом в Европу, но отказался от этого^[280]. Разве можно было представить такое три, два, даже год назад? Куда больше разворачивавшихся там событий Лондона беспокоило то, что война ударит по его интересам: перестанут публиковать, сократятся финансовые поступления за книги, изданные в Европе.

Происходит еще и другое: после пожара Джек начинает меньше уделять внимания ранчо, перепоручив дело верной Элизе, которая, кстати, справлялась с ним явно лучше, чем брат. Во всяком случае, никаких грандиозных проектов она не затевала, да и расходы смогла сократить. Хозяин теперь мало — наездами — бывал у себя в Лунной долине. Дотошные биографы подсчитали: за период в полтора года (вторая половина 1914-го — 1915-й) из восемнадцати месяцев в Глен Эллен он отсутствовал двенадцать^[281]. Джек провел их в разъездах. Вместе с Чармиан несколько раз плывал на «Бродяге» по заливу и рекам, посещал сельскохозяйственные, промышленные и иные выставки. Об этом Чармиан пишет в своей книге^[282]. Совершили они поездку в горы Сьерра-Невады, где катались на санках и лыжах, было еще путешествие к озеру Тахо и т. д.

В январе 1915 года в составе «президентского пула» Лондон по поручению *Cosmopolitan* (еще одно платное мероприятие!) должен был отправиться в Панаму — к строительству Панамского канала издания

Херста проявляли повышенный интерес, — но поездка сорвалась. Писатель решил воспользоваться случаем и отправиться с Чармиан на Гавайи (жену, разумеется, в Панаму он взять с собой не мог, и она планировала погостить у кузины).

Из Сан-Франциско в Гонолулу они отплыли 24 февраля и через несколько дней уже нежились на гавайском пляже.

Пять месяцев, проведенные в райском уголке, должны были стать счастливым «возвращением в прошлое». Но не стали.

Чармиан в книге пишет об этом периоде довольно лаконично, явно избегая подробностей. В принципе, можно понять (хотя не говорится об этом прямо), что она возлагала надежды на гавайский «отпуск». Прежде всего, в том, что касалось здоровья супруга. К поездке оно совсем расстроилось: Джек совершенно не слышал правым ухом; у него обострились многие давние проблемы, к тому же, и уже несколько лет донимавший ревматизм. Мучили головные боли, одолевала бессонница. Но, главное, не отпускало нервное напряжение: он был постоянно взвинчен — с этим справиться не удавалось ни врачам (впрочем, к их советам Джек не особо прислушивался), ни Чармиан, ни самому Лондону. У него, правда, имелось средство, и он им, разумеется, пользовался: выдав очередную норму в тысячу слов, «угощался», а потом отправлялся в местный яхт-клуб, где играл в карты и продолжал «угощаться».

Горячий песок и солнце справились с ревматизмом, удалось подлечить и другое. Глухота осталась. Расслабляющая атмосфера, вероятно, повлияла и на расшатанные нервы. Впрочем, об этом Чармиан не сообщает — видимо, особенного улучшения в этом направлении она не увидела. Но едва ли могло быть иначе — «рабский» труд никуда не делся: ежедневную норму он «выдавал на гора» неукоснительно.

В то время Джек Лондон создавал одну из своих самых успешных в коммерческом плане книг, «Джерри-островитянина».

«Хочу уверить Вас заранее, — писал он тогда же Джорджу Бретту в НьюЙорк, — что Джерри — нечто единственное в своем роде, нечто новое, не похожее на все, что пока существует в беллетристике — и не только под рубрикой «литературы о собаках», но в художественной литературе вообще. Я напишу свежую, живую, яркую вещь, портрет собачьей души, который придется по вкусу психологам и по сердцу тем, кто любит собак».

Несмотря на похвальбу (последние два-три года иначе он о своих новых книгах не говорил, полагая, видимо, что подобная реклама поможет выжать из издателей по максимуму; впрочем, может быть, он действительно верил в то, что писал), книга в самом деле получалась

«живой и свежей». И пришлось «по вкусу и по сердцу тем, кто любит собак». Но «новизна» ее, конечно, относительна. Особенно, если вспомнить его же замечательный «Зов предков». Писался «Джерри-островитянин» легко. Ежедневную тысячу слов Лондон выдавал, по воспоминаниям Чармиан, за полтора-два утренних часа и постоянно звал ее, чтобы прочитать тот или иной фрагмент, который, как ему казалось, удался особенно.

Обратно в Калифорнию они вернулись летом. Кроме «Джерри», Джек написал также несколько статей о Гавайях для Херста (их тогда же опубликовал *Cosmopolitan*), но рассказов на этот раз не сочинял.

Чармиан в своей книге почти ничего не говорит о том, что происходило после возвращения. Отмечает только, что здоровье супруга немного улучшилось, да упоминает, что на ранчо приезжали Эдгар Сиссон (редактор журнала *Collier's*) и Ч. Годдард — вели переговоры по поводу новеллизации сценариев последнего и превращения их в роман («Сердца трех»)^[283]. Впрочем, об этом мы рассказывали в предыдущей главке. Напомним только, что за работу Лондону было обещано 25 тысяч долларов, и часть уплачена сразу по подписании договора. Видимо, большой популярностью пользовался у американцев сериал (*The Perils of Pauline*), к которому Годдард писал сценарии (на тот момент — ноябрь 1915 года — съемки и показ сериала продолжались).

Вообще, материальное положение Лондона улучшилось. Хорошо платили херстовские издания, платил Бретт, да еще «Авторской лиге», к которой Лондон присоединился в 1914 году, удалось урегулировать проблему писательских прав на экранизации. Отчисления за последние принесли Лондону в 1915–1916 годах не меньше 20 тысяч долларов^[284].

Вполне можно было братья за восстановление «Дома Волка» — средства позволяли. Но недавний пыл угас — о доме своей Мечты Лондон даже не упоминал. Хотя вскоре по возвращении и затеял строительство силосной башни и «дворца свиней» (так и называл его — *Pig Palace*) — образцового, механизированного и отапливаемого свиарника^[285], его интерес к ведению сельского хозяйства стремительно падал. Заботы по ранчо целиком отданы были Элизе. Впрочем, ей заниматься ранчо нравилось. Она, как уже говорилось, оказалась куда более толковой в этом деле, нежели брат. Думается, он понимал это.

Финн Фролих, тесно общавшийся с писателем в эти годы^[286], вспоминал: «Я никогда не видел, чтобы в ком-нибудь было столько неотразимого очарования. Если бы какой-нибудь проповедник сумел

внушить к себе подобную любовь, он приобщил бы к религии весь мир. Разговаривая, Джек был бесподобен: густые, непослушные волосы; большие, выразительные глаза; не менее выразительный, нервный рот, а слова просто журчат. Что-то особенное находилось у него там, внутри; мысль работала со скоростью 60 миль в минуту, угнаться за ним было невозможно. Говорил он еще лучше, чем писал»^[287].

Приведенные слова относятся к 1914 году, а следующие — к осени 1915 года: «Он уж не затевал, как бывало, веселые игры и забавы, не боролся, не хотел ездить верхом по холмам. Глаза его потухли, прежний блеск исчез».

Ирвинг Стоун, который в 1930-е годы водил знакомство с Фролихом и записал его воспоминания, приводит и такие сведения (скорее из того же источника): «Теперь он вступал в беседу не для того, чтобы узнать что-то новое, насладиться умственной дуэлью. Он хотел переспорить, раздражался, ссорился. Когда на ранчо собрался погостить Элтон Синклер, Джордж Стерлинг отсоветовал ему: Джек стал другим»^[288].

Изменения можно объяснить нервным истощением: выматывающий труд куда сильнее обычного, неизбежно связанный с напряжением духовных сил (а какое без этого творчество?), алкоголь — в те дни, после возвращения с Гавайев, Лондон пил особенно много...

В своей книге Чармиан, разумеется, не пишет об этом, и в этом нет ничего удивительного. Компрометировать собственного мужа, великого писателя? Это уже за гранью здравого смысла.

Почему-то не сообщает она о другом: о состоянии здоровья супруга. Вот это точно не могло пройти мимо нее и должно было вызывать у жены беспокойство. Лондон не имел привычки советоваться с нею по поводу лечения своих недугов, но и скрывать их от Чармиан обычая у него не было. А, между тем, известно, что как раз тогда Лондон начал усиленно принимать успокоительные и снотворные препараты. Эндрю Синклер, один из биографов писателя, даже предпринял специальное расследование и установил, что это были за средства, их количество и источники.

Выяснилось следующее: к концу 1915 года Лондон принимал дозу препаратов, в шесть раз (!) превышающую терапевтическую норму. Средство, которое он использовал, представляло собой смесь опиума, гиосциамин и камфоры. Производили его местные фармацевты (*Bowman Drug Company*) из Окленда. В добавление к пилюлям, он регулярно делал сам себе инъекции^[289]. Так он боролся с нечеловеческим нервным напряжением и постоянной бессонницей.

В экспозиции музея Джека Лондона в Глен Эллен есть небольшой специальный «аптечный» стенд. Там представлены препараты, которые Джек Лондон принимал, в том числе анальгетики разнообразного свойства, а среди них опий, героин, морфин, аконит, белладонна, сульфат стронция; есть даже стрихнин. Большинство из этих средств писатель потреблял в последний год жизни, когда у него возникли серьезные проблемы с почками, но кое-что из выставленного использовал уже в 1915-м.

Как все самоучки, постигавшие науки и жизнь самостоятельно, Лондон во всем и всегда полагался на собственный опыт и доверял исключительно собственным знаниям и представлениям. Относилось это не только к философии, политэкономии, социологии и т. д., но и к иным аспектам знания, в частности, — к медицине. Вспомним, как в юности, пытаясь разобраться в истоках социальной несправедливости, Джек не столько слушал ораторов-социалистов, сколько читал Маркса, Спенсера, Фейербаха и других мыслителей, в том числе и весьма сомнительного свойства. Теперь, когда возникли проблемы с нервами и сном, он, пытаясь разобраться в себе, обратился к работам К. Юнга, З. Фрейда, других психоаналитиков^[290]. А для разработки собственного курса излечения — к медицинским справочникам, учебникам и пособиям. Если ему и нужен был врач, то только для выписки рецепта. А дозировку он назначал себе сам.

Зима 1915/16 года разрушила веру писателя в «счастливую жизнь на земле», а эта вера — что очевидно — явно вдохновляла его в последние годы. О катастрофе, которую пережил Лондон в это время, выразительно сказал Ирвинг Стоун:

«Планы стали рушиться немедленно, один за другим. Несмотря на то, что он ездил советоваться насчет свинарника на сельскохозяйственное отделение Калифорнийского университета, в Поросьячем дворце были каменные полы; все его отборные чистокровные обитатели схватили воспаление легких и окобели. Премированный короткорогий бык, надежда Джека, родоначальник будущей высокой породы, оступился в стойле и сломал себе шею. Стадо ангорских овец унесла эпидемия. Многократно удостоенный высшей награды на выставках широкий жеребец, которого Джек любил, как человека, был найден мертвым где-то в поле. Да и вся затея с покупкой широких лошадей оказалась ошибкой; на ногах у этих лошадей растет густой волос, и поэтому оказалось невозможным зимой содержать их в чистоте, в рабочей форме. Это были пропащие деньги. Еще одним промахом оказались тяжеловозы; их отовсюду вытесняли: появились более легкие сельскохозяйственные орудия, с которыми, соответственно, могли справиться лошади более легкого веса; а кроме того, появились и

тракторы. Внезапно оказалось, что никому не нужны и сто сорок тысяч эвкалиптовых деревьев, которым полагалось бы расти да расти, чтобы через двадцать лет принести хозяину состояние»^[291].

Здесь же биограф пишет: «Он <Лондон> проиграл. Он знал, что дело проиграно, но не хотел признаться в этом».

Лондон никогда не признавал поражения. Но, надо сказать, никогда до этого *так* и не проигрывал. А тут... он предложил Чармиан уехать на Гавайи и даже спросил ее: а не перебраться ли туда насовсем?

Глава 10

ПОСЛЕДНИЙ ГОД

«Острова накануне»: январь — август 1916 года

Свой сороковой день рождения Джек Лондон должен был встретить на пути к Гавайским островам. Но — не сложилось: как раз в эти дни случился падеж скота. Можно представить, с каким настроением он отмечал эту дату. Примерно к этому времени относятся и слова Финна Фролиха, которые мы приводили: о «потухших глазах» и «раздражении». На настроение влияло и состояние здоровья: оно явно ухудшалось, и Лондон чувствовал это.

В эти дни (почти к юбилею) он закончил очередную книгу — «Сердца трех», роман-новеллизацию по «шедевр» голливудского сценариста Ч. Годдарда, и писал по этому поводу: «Это юбилейная вещь. Закончив ее, я отмечаю свое сорокалетие, появление моей пятидесятой книги и шестнадцатый год, как я начал играть в эту игру». Несмотря на бодрый тон, звучащий в авторском предисловии к роману, писатель чувствовал, что «играть» стал хуже, былой запал угас. Да и продажи, о которых ему регулярно сообщал Джордж Бретт из Нью-Йорка, постепенно, но неуклонно падали. За предыдущий год ни одна из книг Джека Лондона не вошла в списки бестселлеров, а ведь еще совсем недавно в них неизменно попадал любой очередной том с именем писателя на переплете.

С последним обстоятельством или с вечной нехваткой денег, а скорее и с тем и с другим связаны очередные обязательства Лондона: он заключил пятилетний контракт с херстовским журналом *Cosmopolitan* на поставку изданию двух романов ежегодно. И без промедления взялся за очередное сочинение — роман «Майкл — брат Джерри», продолжение «Джерри-островитянина». Видимо, еще и потому, что мыслями был уже не здесь, в промозглой зимней Калифорнии, а на тропических островах в Тихом океане, на Гавайях.

Ирвинг Стоун, повествуя об этом периоде жизни писателя, сообщает о проблемах в отношениях между Джеком и Чармиан, о некоей возникшей «трещине», об изменах Лондона^[292]. Найти подтверждений этому нам не удалось (не сообщают о чем-либо подобном и другие биографы).

Разумеется, никаких сведений такого рода не содержат книги жены и дочери писателя. Но это совсем не означает, что Стоун не прав. Учитывая психическое состояние Лондона, нечто подобное допустить можно. Косвенное подтверждение — стойкое сопротивление Чармиан неоднократным попыткам супруга подыскать себе секретаря. Она сдалась только тогда, когда это место занял Джек Бирнс, супруг покойной сводной сестры Лондона — Ады. Но и этот факт возможно интерпретировать по-другому: Чармиан хотела быть в курсе всех дел мужа, помогать ему, а уступила свое место лишь тогда, когда работы и в самом деле стало невпроворот: ведь Джеку необходимо было вести огромную переписку, общаться с журналистами, издателями, заниматься юридическими вопросами и прочим.

На Гавайи Джек и Чармиан отплыли только в последних числах февраля и прибыли туда в начале марта. Обосновались они, сообщает Чармиан, там же, где жили в прошлом году, «арендовав просторное старое бунгало по адресу: 2201 Кэлиа-роуд, Вайкики»^[293]. В этом доме они провели безвыездно (в отличие от прошлогоднего визита) семь месяцев.

Насколько можно судить по книге Чармиан (а она, несмотря на понятную предвзятость, остается единственным источником сведений «из первых рук»), это было довольно странное существование. В отличие от прежнего посещения Джек почти не бывал на пляже, купался редко; в прошлом остались также прогулки под парусом и так увлекавшие его занятия серфингом. Вообще в главе посвященной этому отрезку их общей истории, Чармиан больше пишет о себе, чем о муже. Вспоминает о том, с каким увлечением танцевала (сообщая: «я без ума от танцев и не могу существовать без них»), а Джек наблюдал за ней, «посылая взгляды, полные обожания»; как он постоянно признавался ей в любви и клялся любить всегда и т. п.^[294] «Слушать» это сентиментальное «щебетание», помня о скором уходе ее «обожаемого мужа», скажем прямо, довольно неловко и временами даже неприятно. Впрочем, и здесь, «отделяя зерна от плевел», можно выловить кусочки информации и почувствовать атмосферу, в которой жил в те месяцы Джек Лондон.

Прежде всего, легко понять, что все это время Джек находился в подавленном состоянии. Ремарки Чармиан, разбросанные по тексту «гавайской» главы, например, такие: «счастье, как он понимал его, было достижимо, всегда достижимо, но ему было и его мало»; «он был обречен оставаться неудовлетворенным, и неудовлетворение всегда жило в нем»; «казалось, он стремился убежать от самого себя»^[295], — красноречиво

говорят об этом. И речь здесь идет не о литературной работе, а об отношении к жизни в целом. Не удалось Чармиан скрыть и собственное непонимание, недоумение да и раздражение. Она продолжала наслаждаться жизнью и желала продолжения^[296], а он — не то что не хотел этого, а просто не мог.

Уже тогда Джек начал принимать наркотики. Скорее всего, в качестве седативного средства — чтобы заснуть. На озабоченность жены он реагировал, по ее словам, так: «Ах, не беспокойся, моя дорогая... Этим я увлекаться не стану — понимаю, куда это ведет. Я хочу прожить сто лет!»^[297] Впрочем, судя по всему, его мучили и боли. Вполне может быть — ревматические или, скорее, почечные — вскоре они дали о себе знать в полную силу. В очередной раз предоставим слово Чармиан:

«Поскольку я с детства страдаю бессонницей... существовало неписаное правило никогда не тревожить меня ночью. Но однажды под утро в Гонолулу я проснулась в легкой тревоге и увидела Джека с лицом, перекошенным от боли. Он стоял в дверном проеме при входе в мою комнату:

— Я вынужден потревожить тебя, дружок, — прости, — но ты должна послать за доктором. Не знаю, что это, но боль ужасная...

<...> Доктор помог Джеку — снял болевой синдром и поставил диагноз: камни в почках»^[298].

Скорее всего, врач был прав — это была колика. Но другой диагноз — острый интерстициальный нефрит, — который поставят Лондону через несколько месяцев, озвучен не был.

Почечная колика случилась у Лондона в мае. С этого времени (и уже до конца) писатель живет на наркотиках. Чармиан, Ирвинг Стоун и другие биографы говорят о том, что Лондон в этот — последний — год своей жизни испытывал постоянные перепады настроения: лихорадочную активность сменяла депрессия, за которой следовало возбуждение, а потом очередной упадок сил. Очевидно, что Лондон страдал от глубокого нервного истощения. Квалифицированного врача рядом не было. Да и не любил писатель, как знаем, обращаться к докторам — разве что в самом крайнем случае.

Если бы у Джека была «нормальная» жена (Бэсс Мэддерн, его первая супруга, была совершенно «нормальной»), она давно бы забила тревогу, предприняла необходимые шаги, принялась бы действовать. Чармиан же, органически не способная видеть такие «мелочи», продолжала свой «праздник жизни». Более того, похоже, что прозрение так и не пришло к

ней. Во всяком случае, в ее книге звучат такие слова: «Я полагаю, мудрая жена, вместо того, чтобы отравлять брак постоянным нытьем, не будет мешать мужу заниматься саморазрушением». Видимо, себя она считала «мудрой». Впрочем, оправдывается она вот чем: «Сам Джек ничего не делал для того, чтобы справиться со своим состоянием»^[299]. Как будто последнее обстоятельство хоть что-то оправдывает...

Скорее, именно взвинченностью, а не какими-то действительно серьезными и глубокими — идеологическими — разногласиями (которые весьма подробно разбирает в своей книге о Лондоне британский социалист Р. Балтроп^[300]) можно объяснить и демарш писателя — открытое письмо о выходе из Социалистической партии, направленное им в газеты вскоре по прибытии на Гавайи.

Вот оно:

«Дорогие товарищи!

Я выхожу из Социалистической партии, потому что она утратила свой боевой пыл и дух и перестала уделять внимание классовой борьбе.

Первоначально я состоял членом старой, революционной, твердо стоящей на ногах, боевой Социалистической Рабочей партии. С тех пор и по настоящее время я был активным членом Социалистической партии. Мои заслуги в борьбе за общее Дело и сегодня, по прошествии немалого времени, еще не окончательно забыты. Воспитанный в традициях классовой борьбы, как она велась Социалистической Рабочей партией (и, по-моему, велась правильно), я верю, что, сражаясь и сплываясь, не вступая в соглашение с врагом, рабочий класс мог бы завоевать себе свободу. В связи с тем, что за последние годы социалистическое движение в Соединенных Штатах перешло на позиции примиренчества и компромисса, мой разум более не одобряет пребывания в партийных рядах. Таковы причины моего выхода из партии.

Вместе со мной выходит из партии и моя жена, товарищ Чармиан К. Лондон.

И последнее. Справедливость, свобода и независимость по природе своей столь грандиозны, что не могут быть ни подарены, ни навязаны народам или классам. Если угнетенные народы или классы не восстанут и усилиями своего разума и мускулов не вырвут справедливость, свободу и независимость у мира, они никогда не получают их вовремя; а если эти грандиозные по самой природе своей явления власть имущие щедро преподнесут им на серебряном блюде, они не будут знать, что с ними делать, не сумеют их использовать и останутся тем, чем были в прошлом,

— низшими расами и низшими классами.

Ваш для дела Революции,

Джек Лондон»^[301].

Писатель давно отошел от реальной борьбы за права трудящихся масс. Он, конечно, оставался социалистом, но по сути был социалистом от «чувства». К идее борьбы за справедливость его вели эмоции, порожденные, прежде всего, собственным опытом, хотя, как знаем, он читал соответствующие книги и труды Маркса и других теоретиков. Поначалу, в 1890-е — в первой половине 1900-х он активно участвовал в социалистическом движении — выступал на митингах, читал лекции, писал статьи и книги, но постепенно дороги американских социалистов и его собственный путь расходились все дальше и дальше. Фактически, уже в 1900-е годы он не принадлежал к тому классу, из которого вышел. Постепенно все меньше считали Джека Лондона «своим» и социалисты — по мере того, как росло его благосостояние и умножалась собственность. Переломным событием стали пожар, уничтоживший любимое детище писателя — «Дом Волка», и реакция на это происшествие многих из тех, кого по инерции Лондон все еще продолжал считать своими товарищами. Так что его открытое письмо от 17 марта 1916 года — вполне ожидаемый финал писательского «романа с социализмом». И дело, конечно, было вовсе не в том, что «социалистическое движение перешло на позиции примиренчества и компромисса». Просто Джек Лондон сам стал другим. Да и его психофизическое состояние сбрасывать со счетов нельзя. А оно продолжало постепенно, но неуклонно ухудшаться.

Чармиан утверждает: «...Джек во всех смыслах оставался вполне нормальным», но оговаривается: «...если не считать появившуюся у него привычку подолгу просиживать за обеденным столом, не притрагиваясь к пище». Почему вдруг? А потому, что «железный желудок» Джека, которым он прежде так гордился, теперь «страдал несварением»^[302]. Случались тошнота и рвота. Но эти явные признаки нездоровья мужа, похоже, не слишком беспокоили супругу. Во всяком случае, единственный тревожный обертона, прозвучавший в главе, посвященной жизни на Гавайях, — это наркотики, о чем мы упоминали.

Тем более что свой «ежедневный урок» в тысячу слов писатель продолжал выполнять неукоснительно. Более того, можно говорить о том, что его продуктивность (по сравнению с прошлогодним гавайским периодом) выросла. Закончив к маю «Майкла — брата Джерри», после долгого перерыва Лондон вновь обратился к жанру рассказа и писал тогда

«Бесстыжую». Рассказ вошел (уже после смерти писателя, в 1918 году) в его сборник «Красное божество». Там же, на Гавайях (скорее всего, тоже в мае), был написан и заглавный рассказ сборника^[303]. Пришлось дописать и несколько эпизодов к «кинороману» по сценарию Годдарда (на этом настаивали в *Cosmopolitan*) — в предисловии к «Сердцам трех» Лондон об этом упоминает^[304]. В Гонолулу написаны рассказ «Принцесса» и большинство историй из сборника «На циновке Макалоа»^[305]. В добавление к художественной прозе писатель обращался к статьям: две по заказу одного журнала из Филадельфии (о лепрозории и прокаженных) и цикл из трех статей — для *Cosmopolitan*.

Так что напрасно несколько лет спустя Чармиан (видимо, пытаясь реабилитировать себя) писала: «Он <Джек> прирожденный боец, теперь отказался бороться»^[306]. Судя по текстам, написанным в этот период, «бороться» он не перестал. Вот только делал это в одиночку. И только так, как понимал эту борьбу. Чармиан могла придать ей нужное направление, но, как уже говорилось, была органически не способна на это.

Диагноз смерти: август — ноябрь 1916 года

В августе Лондоны вернулись в Глен Эллен. Там Джека ожидал новый удар. Нинетта и ее супруг Эдвард Пэйн^[307], подговорив соседей, подали против писателя судебный иск — они оспаривали его право построить на участке плотину и завести пруд, перегородив ручей. Это, якобы, лишает соседей источника воды для полива. Трудно сказать, кто прав, кто виноват, но в любом случае близкие родственники могли бы договориться, не прибегая к судебным разбирательствам. Конечно, как мы знаем, между Джеком и «тетушкой» никогда не было особой теплоты. Но, разумеется, ничего подобного ожидать он не мог и принял произошедшее очень близко к сердцу. Приступ ревматизма, о котором говорят биографы, последовал как раз после получения этого известия.

Кстати, вряд ли у Лондона был именно ревматизм. Судя по описанным симптомам, это, скорее, похоже на радикулит. В те годы их не слишком различали, и лечить, понятно, не очень умели. Он принимал анальгетики, но вот о противовоспалительных препаратах, спазмолитиках, а тем более, антиоксидантах, никто тогда и представления не имел. Видимо, мучился Джек изрядно.

Те, кто видел его после возвращения — в последние месяцы жизни, —

говорили, что он сильно изменился внешне: пополнил, обрюзг, кожа приобрела нездоровый оттенок. Все это явно указывало на почечную недостаточность. Обезболивающие и прочие облегчающие средства он принимал теперь постоянно, но и пить при этом не перестал. Лондон изменился и внутренне — у него, — по свидетельству тех, кто был рядом, — «испортился характер». Он стал сварлив, раздражался по пустякам, мог накричать. После таких эмоциональных всплесков обычно наступало опустошение — Джек впадал в тоску, жаловался Чармиан и Элизе, что его никто не понимает, не жалеет, все только используют. В то же время, случались периоды лихорадочной активности и приподнятого настроения. В такие моменты он строил планы на будущее: как восстановит «Дом Волка» и еще расширит владения; как построит большую трехмачтовую шхуну с великолепной кают-компанией, где будет стоять большой рояль и разместится библиотека, а потом отправится в кругосветное путешествие на несколько лет; строил планы, какие напишет книги... Но затем неизбежно он погружался в депрессию.

Чармиан с восторгом принимала участие в строительстве воздушных замков, однако в периоды депрессии старалась держаться от Джека подальше. Неизменным и единственным его утешителем в такие моменты становилась Элиза. В самом деле, кто мог справиться с этим лучше нее? Девочкой она пеленала маленького Джонни и качала его в колыбели, водила за ручку, играла. Теперь ему снова понадобилась помощь. Она была мудрой женщиной, к тому же и сама пережила многое. Однажды она сказала брату: «Джек, ты самый одинокий человек на свете. У тебя никогда не было того, чего жаждало твое сердце»^[308]. Имела ли она в виду то обстоятельство, что рядом с ним не оказалось женщины, которая была нужна ему, сумела бы окружить его заботой, или что-то другое — не очень важно. Важнее суть высказывания — Джек Лондон действительно был одинок. Всегда — одинок. Несмотря на массу друзей, приятелей, собутыльников, поклонников, женщин.

Джек делился с Элизой и собственными страхами, естественными спутниками депрессии. Он, конечно, понимал, что с ним происходит нечто неладное. Казалось бы, ясно: его состояние — прямое следствие коктейля из антидепрессантов, анальгетиков и наркотических средств. Но такое объяснение не приходило ему в голову — он подозревал, что начинает сходить с ума. К врачам, естественно, не обращался — боялся, что они подтвердят его страхи. Сестра была единственной, с кем он делился своим опасением, и взял с нее слово: если он в самом деле сойдет с ума, она не отправит его в сумасшедший дом. Элиза, конечно, обещала.

Появились и мысли о самоубийстве — Джек много говорил об этом, рассуждал о праве человека на добровольный уход из жизни, собирался написать статью о суициде^[309]. Он боялся превратиться в беспомощное существо — хотел, чтобы «последнее слово» осталось за ним. И самое последнее решение должен был принять сам.

Интересно: в последние месяцы жизни у Джека Лондона появилось новое увлечение. Прежде он не был меломаном, а тут обзавелся патефоном новейшей конструкции и взялся скупать (целыми коробками!) грампластинки — оперы и симфоническую музыку. И часами, сидя в одиночестве на веранде, слушал. Никто не мешал ему — только слуга менял и менял, одну задругой, пластинки. Музыка — успокаивает. Видимо, и на Джека она действовала умиротворяюще. Не приходится сомневаться, что это был еще один из способов борьбы с депрессией.

После возвращения, осенью 1916 года, Лондон писал мало: физическое и психическое состояние препятствовало продуктивной работе. Роман «Черри», над которым он тогда работал по контракту с *Cosmopolitan*, шел тяжело. Писатель его так и не окончил. Но последние завершённые произведения говорят: огонь таланта еще горел. И — временами — вспыхивал ярко. «Как аргонавты в старину» — замечательный, как и прежде, живой и свежий рассказ, в котором автор в очередной (и, увы, в последний) раз обратился к «северной теме», был закончен в середине сентября^[310]. 2 октября^[311] он поставил точку в самом последнем своем произведении — истории под названием «Дитя воды» (рассказ войдет в посмертный сборник «На циновке Макалоа»). Лондон продолжал сочинять и после этого, но завершить уже ничего не успел.

Октябрь ознаменовался изменениями в семейном укладе. Для Чармиан они, вероятно, были не так важны (в книге она упоминает об изменениях мимоходом), а вот для Джека — напротив. В конце октября их покинул верный Наката — решил отправиться в «самостоятельное плавание». Лондон не препятствовал. Еще летом (вскоре по возвращении) слуга женился и поступил учиться — захотел стать врачом. Писатель, кстати, частично оплатил его учебу. Забегая вперед скажем: врачом Наката стал, жил на Гавайях, практиковал, в основном, среди своих соотечественников и, говорят, пользовался у них большим уважением. Прежде чем покинуть Лондонов, с которыми он за много лет, можно сказать, сроднился, подыскал себе замену — юношу-японца по имени Токиносукэ Секинб и около двух месяцев объяснял и показывал ему, что к чему — вводя в курс дела^[312]. Так получилось, что последние два месяца своей жизни писатель общался с

«новичком» больше, чем с кем бы то ни было.

*

22 ноября 1916 года — последний день жизни Джека Лондона. Многочисленными биографами, журналистами, исследователями этот день изучен досконально — расписан чуть ли не по минутам. Расскажем главное.

По свидетельству Чармиан, 22 ноября Джек планировал уехать в НьюЙорк. И почти весь день накануне был посвящен сборам и распоряжениям, которые хозяин давал слугам. Он долго общался с Элизой — видимо, по делам ранчо. Супруги, не считая совместных трапез, общались мало, к тому же к вечеру Джек пришел в возбужденное состояние — даже «попытался поссориться». Поэтому Чармиан отправилась вечером на прогулку одна, а когда вернулась, он, видимо, уже спал — она лишь заглянула в его комнату^[313].

22 ноября «в десять минут девятого, — как пишет Чармиан, — я проснулась и увидела, что подле моей кровати стоит Элиза, а чуть позади нее, за спиной Секинэ, наш слуга-японец. Я спросила:

— Что случилось?

Разумеется, я понимала, что сюда их могло привести только нечто очень серьезное.

Ответ Элизы подтвердил это:

— Секинэ не может разбудить Джека. Потому он пришел ко мне. Я думаю, тебе будет лучше пойти с нами и попробовать что-то предпринять.

Тяжелое, судорожное дыхание Джека мы слышали еще до того, как вошли в его спальню. Он был без сознания, лежал на боку, наполовину свесившись вниз с кровати...»^[314]

Чармиан вместе с Элизой попытались привести его в чувство, но безрезультатно.

Послали за докторами. Первыми прибыли А. Томпсон и У. Хайес из недалней Сономы. Они сразу решили, что это отравление: промыли желудок, ввели противоядие, затем — возбуждающее средство. Даже попытались поднять его на ноги. В какой-то момент им показалось, что Джек пришел в себя, открыл глаза и даже произнес что-то вроде «привет», но затем вновь потерял сознание. Приехали врачи из Окленда и Сан-Франциско. Совместными усилиями на протяжении нескольких часов они

продолжали попытки привести писателя в чувство, но тщетно... Около семи вечера, 22 ноября 1916 года, сердце Джека Лондона остановилось.

*

Что стало причиной смерти? Этим вопросом задаются все, кто писал о Джеке Лондоне. Говорят о передозировке наркотиков и приводят факты: рядом с кроватью обнаружили флаконы с морфием и листок с расчетами обычной дозы и дозы, превышающей норму. Но что это было: сознательный умысел или ошибка? В связи с этим некоторые утверждают, что Лондон покончил жизнь самоубийством (в частности, так считал один из врачей, пытавшихся его реанимировать). Другие верят в роковую оплошность. Иные готовы спорить — причина все же в почечной недостаточности. На этой причине смерти настаивала и Чармиан — так и занесли в медицинское заключение: «Умер от уремии как следствия почечной колики». Но в последние десятилетия возникла еще и такая версия: Лондона убили, инсценировав несчастный случай (или — самоубийство). Такой сюжет родился в «желтой прессе» — по обе стороны океана. Не раз он озвучен и у нас. Приводить источники не будем — много чести авторам подобных публикаций.

Какая же версия, на наш взгляд, представляется наиболее убедительной?

В морском деле есть такое понятие — «автономное плавание». Продолжительность и эффективность его определяется *автономностью* судна — длительностью пребывания корабля в море без пополнения запасов топлива, боезапаса, провианта и т. д.^[315] И чем выше скорость и расход топлива, больше экипаж, чаще боестолкновения и убыль боеприпасов, тем *автономность* ниже и «автономное плавание» короче.

Конечно, человек — не корабль. Но обращали ли вы внимание на то, как быстро сгорают таланты, безжалостно тратившие себя?

М. Лермонтов, А. Блок, В. Шукшин, В. Высоцкий, Ш. Бодлер, Эдгар По, О. Генри... Их — много. Можно говорить: одного убила пуля, другого — болезнь, третьего — водка и наркотики, четвертого — еще что-то... Все это верно отчасти. Одно у всех общее: они *истратили себя*, выплеснув свою энергию в творчество. Потому таким коротким — но ярким! — оказалось для них «автономное плавание»...

Так и Джек Лондон — умер, прежде всего, потому, что *исчерпал себя*; потому, что уж очень истово тратил... Он сказал не всё, что хотел, но всё —

что мог...

И еще. Каждый большой талант «плывет» в одиночку. Кому-то везет больше, и рядом есть близкие, которые помогают, поддерживают, продлевают физическое (а нередко и творческое) существование. Подпитывают энергией. В таком случае «автономное плавание» длится дольше, но и расход потенциала обычно ниже.

У Лондона было *одиночное плавание*. Потому оно и не могло быть долгим.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ДЖЕКА ЛОНДОНА

1876, 12 января — в Сан-Франциско у Флоры Уэллман родился мальчик, которому дали имя Джон Гриффит Чейни. Отцом ребенка был назван сожитель матери, астролог, «профессор» Уильям Чейни, который оставил женщину за несколько месяцев до рождения ребенка и свое отцовство не признал. Ребенка передали чернокожей кормилице Дженни Прентисс. 7 сентября — Флора Уэллман выходит замуж за вдовца Джона Лондона; он усыновляет ребенка и дает ему свою фамилию «Лондон». У маленького Джонни появляются старшие сестры — Элиза и Ада, дочери отчима. До февраля 1877 года девочки находятся в приюте.

1878 — маленький Джонни и Элиза заболевают дифтеритом, родители не надеются на выздоровление и готовятся к похоронам. Тем не менее, дети выжили. Семья перебирается из промозглого Сан-Франциско в более здоровый Окленд. Джон Лондон успешно занимается торговлей.

1881 — семья переезжает в сельскую местность, в местечко Аламеда; занимается фермерством.

1882 — маленький Джонни идет в начальную школу.

1883 — семья переезжает на арендованную ферму в графстве Сан-Матео.

1885 — семья Лондонов покупает ферму в Ливерморской долине и переезжает туда. Джонни начинает увлекаться чтением; его любимые книги: «Альгамбра» В. Ирвинга и «Сйнья» Мэри Луизы Рэмй.

1886 — Лондоны переселяются в Окленд; с этого времени они — городские жители; семья нуждается, они постоянно меняют жилье, переезжая с места на место; десятилетний Джонни вынужден работать, помогая семье, — торгует газетами вразнос, работает помощником у торговца льдом, по субботам и воскресеньям подрабатывает мальчиком в кегельбане. Увлечение чтением продолжается; «открывает» Оклендскую публичную библиотеку, знакомится с Айной Кулбрит — известной поэтессой (она работает библиотекарем), та становится наставником мальчика в мире литературы, выдает ему книги на дом (что запрещено правилами).

1887 — осенью идет в среднюю школу (Коул Скул) в Западном Окленде, продолжает подрабатывать по субботам и воскресеньям. Знакомится с Фрэнком Атгертоном, знакомство перерастает в дружбу. «Джонни» превращается в «Джека» — юный Лондон требует, чтобы теперь его называли именно так.

1888 — увлекается походами под парусом; покупает свое первое судно — небольшой парусный ялик, ходит на нем в акватории Окленда.

1890 — оканчивает «базовую» школу, работает на консервной фабрике — с одним выходным, по 12–14 часов ежедневно. «Бывало и так, — вспоминал писатель, — что нас не отпускали домой до полуночи. А иногда рабочий день длился по восемнадцать и двадцать часов». Платили детям десять центов за час.

1891 — бросает работу на фабрике; за 300 долларов, взятых в займы у «матушки» Дженни, покупает парусный шлюп «Рэзл-Дэзл» — свое первое «серьезное» судно; становится «устричным пиратом» — ночами «чистит» устричные плантации в заливе Сан-Франциско.

1892 — в результате ссоры теряет судно; нанимается в «Рыбачий патруль», борется с браконьерами в северной части залива. За нарушение дисциплины отчислен из «патруля», живет некоторое время с бродягами, путешествует на товарных поездах, но осенью возвращается домой, в Окленд.

1893, январь — по контракту нанимается матросом на промысловую шхуну «Софи Сазерленд», направляющуюся к берегам Японии и в Берингово море охотиться на котиков. Побывал на островах Бонии и в Иокогаме, занимался промыслом у берегов Хоккайдо, Курильской гряды и Алеутских островов. Проведя семь месяцев в плавании, возвращается в Окленд, намеревается наняться на другое судно. Устраивается рабочим на джутовую фабрику.

Газета «Сан-Франциско колл» объявляет конкурс на лучший очерк. Лондон пишет очерк «Тайфун у берегов Японии». 12 ноября его публикуют, а автору присуждают первую премию.

Уходит с фабрики, устраивается в трамвайное депо — в надежде приобрести специальность электромонтера.

1894, апрель — присоединяется к «Армии Келли» — безработным, идущим маршем на Вашингтон. Опыт и впечатления от этого путешествия позднее легли в основу книги «Дорога». С «армейцами» пересек всю Америку, побывал во многих городах, в том числе в Де-Мойне, Вашингтоне, Бостоне, Нью-Йорке. Незадолго до окончания марша расстается с безработными, отправляется в Чикаго, оттуда — к

родственникам в городок Сент-Джозеф; через несколько недель продолжает путешествие по Америке.

29 июня — в городе Ниагара-Фоллз Джека арестовывают за бродяжничество и приговаривают к месяцу тюрьмы. Проводит 30 дней в Исправительной тюрьме Эри. По окончании срока возвращается в Окленд.

1895, январь — Джек решает продолжать образование и идет в старшую школу; решает поступать в университет. Много читает, живет случайными заработками и с помощью сестры Элизы. В школьном журнале публикует статьи, рассказы и очерки. Сближается с местными социалистами, вступает в дискуссионный клуб. Влюбляется в Мэйбл Эпплгарт.

1896 — публикует несколько статей в калифорнийских газетах, выступает на митингах, становится известен среди местных социалистов под прозвищем «мальчик-социалист».

Март — оставляет учебу, решает окончить школу экстерном и готовится к поступлению в университет.

Апрель — становится членом Социалистической рабочей партии. Начинает посещать подготовительные курсы для поступления в университет; после вынужденного ухода с курсов готовится самостоятельно.

Август — сдает экзамены и поступает в Калифорнийский университет (Беркли).

1897, февраль — успешно сдает экзамены, но, разочаровавшись, оставляет университет. Активно участвует в политической деятельности, выступает на митингах, его арестовывают. Работает в прачечной. Сочиняет рассказы — преимущественно приключенческие и фантастические, рассылает их по редакциям. *25 июля* — вместе с Джеймсом Шепардом, мужем сестры Элизы, отправляется на Аляску за золотом.

2 августа — высаживаются в Джуно (Аляска), с тем чтобы двинуться к Клондайку. Через несколько дней, у подножия Чилкутского перевала, Джеймс Шепард решает прервать путешествие и вернуться домой. Джек продолжает путь самостоятельно. В сентябре бостонский журнал «Оул» публикует рассказ Лондона «Два куска золота» — об этой публикации писатель узнал только много лет спустя.

Октябрь — Джек встает на зимовку на Верхнем острове при впадении реки Стюард в реку Юкон, в нескольких десятках километров от города Доусон. 15 октября в Окленде умирает отчим Джон Лондон.

1898, весна — Джек заболевает цингой.

Июнь — вместе с двумя товарищами на лодке плывет из Доусона вниз

по Юкону, а затем вдоль побережья Берингова моря к форту Святого Михаила. Оттуда, нанявшись кочегаром на пароход, добирается до Сиэтла.

12 сентября — прибывает в Окленд; пытается устроиться на постоянную работу, но вынужден перебиваться случайными заработками. Начинает всерьез заниматься литературой, упорно совершенствует стиль, пытается «нащупать» своего героя и тему. Продолжаются отношения с Мэйбл Эпплгарт, но постепенно их дороги расходятся.

1899, январь — журнал «Оверленд манфли» публикует рассказ Лондона «За тех, кто в пути!», в феврале — «Белое безмолвие». Отказывается от должности в почтовом ведомстве; происходит разрыв отношений с Мэйбл. В феврале вступает в переписку с Клодели Джонсом. Много сочиняет, пробует себя в разных жанрах, рассылает рукописи, в основном получает отказы. Тем не менее за год у него накопилось два десятка публикаций.

Декабрь — знакомство и начало отношений с Анной Стрункой. Джек Лондон подписывает договор на издание своей первой книги; приходит первая известность.

1900, январь — журнал «Атлантик манфли» публикует рассказ «Северная одиссея». Джек Лондон впервые встречается с Чармиан Киттредж (ее тетя, Нинетта Эймс, берет у него интервью для журнала), но молодая женщина не производит на него впечатления.

Март — предлагает «руку и сердце» Анне Струнке кой, но получает отказ.

Апрель — женится на Элизабет (Бесси) Мэддерн. Выходит первая книга писателя — сборник рассказов «Сын Волка».

1901, 15 января — рождается старшая дочь. Встречается с Джорджем Стерлингом. Участвует в выборной кампании, балотируется на пост мэра Окленда от Социалистической рабочей партии. Начинает сотрудничество с концерном У. Р. Херста. Выходит вторая книга рассказов — «Бог его отцов». Начинает писать свой первый роман «Дочь снегов».

1902 — переселяется в Пидмонт, пригород Окленда; пишет «Путешествие на «Ослепительном», работает с Анной Стрункой над книгой «Письма Кэмптона и Уэйса».

Июль — от информационного агентства «Америкэн Пресс Ассошиэйшн» едет военным корреспондентом в Южную Африку, но задерживается в Лондоне и в течение нескольких недель живет в трущобах Ист-Энда — работает над книгой «Люди бездны». Затем отправляется во Францию, оттуда планирует ехать в Италию.

Октябрь — получает известие о рождении второй дочери и

возвращается в США. В Нью-Йорке встречается с Джорджем Бреттом (главой издательства «Макмиллан» в Америке) и заключает договор: издательство будет публиковать все его новые книги; кроме причитающихся гонораров, издатель обязуется ежемесячно выплачивать Лондону стипендию в 150 долларов. В течение года опубликованы: роман «Дочь снегов», книга «Путешествие на «Ослепительном», сборник рассказов «Дети мороза».

1903 — Лондон пишет повесть «Зов предков», ее публикация приносит ему мировую известность и гонорар в две тысячи долларов (не считая тех денег, которые он получит за книжное издание). Писатель приобретает яхту, называет ее «Спрей» (в честь «Спрея» Джошуа Слокама), путешествует по заливу Сан-Франциско. Весной начинает работу над романом «Морской волк». В июне переезжает в округ Сонома, в местечко Глен Эллен, увлекается Чармиан Киттредж и оставляет семью. В течение года опубликованы: «Зов предков», «Письма Кэмптона и Уэйса», «Люди бездны».

1904 — по договору с синдикатом У. Р. Херста в январе отплывает в Иокогаму в качестве военного корреспондента на фронт русско-японской войны. Возвращается в июне и получает от Бесси Мэддерн документы о разводе (причина развода «другая женщина» — подразумевалась Анна Струнская, что не соответствовало действительности). Строит дом в Пидмонте для оставленной жены и детей. В течение года увидели свет: роман «Морской волк», сборник рассказов «Вера в человека».

1905, февраль — март — путешествует с К. Джонсом на «Спрее» по заливам Сан-Франциско и Сан-Пабло, по реке Сан-Хоакин. В конце марта снова участвует в выборах мэра Окленда от Социалистической партии и опять проигрывает. Покупает первые земельные участки в Лунной долине, мечтает о «Прекрасном ранчо».

Октябрь — начинает лекционный тур по городам Среднего Запада и Востока.

18 ноября — на следующий день по получении развода женится в Чикаго на Чармиан Киттредж.

Декабрь — «медовый месяц» с Чармиан; путешествуют на пароходе, посещают Кубу и Ямайку. В течение года вышли из печати: «Война классов», «Игра», «Рассказы рыбацкого патруля».

1906, январь — возобновляет прерванное лекционное турне, но в феврале досрочно завершает его из-за болезни.

Середина февраля — возвращается в Глен Эллен. Задумывает кругосветное путешествие. Начинает строительство «Снарка», поручает

это дело Роско Эймсу, дяде Чармиан. Опубликовано: «Белый клык», «Луннолицый» и другие истории».

1907, 23 апреля — вместе с Чармиан, Накатой, Роско Эймсом и другими отплывает на «Снарке» в кругосветное путешествие. Приступает к работе над романом «Мартин Иден».

За год вышли из печати: «Любовь к жизни» и другие рассказы», «Дорога», «До Адама».

1908, январь — в связи с финансовыми проблемами вынужден прервать путешествие и вернуться в США.

Февраль — опубликован роман «Железная пята», встреченный прохладно.

Апрель — путешествие на «Снарке» возобновляется; посещает Таити, Самоа, Фиджи, Маркизские и Гебридские острова. Заболевает.

Ноябрь — писателя госпитализируют в Сиднее.

Начало декабря — решает прервать путешествие и вернуться в США.

1909 — «Снарк» продают с аукциона.

Июль — через Эквадор и Панаму Лондоны возвращаются в Калифорнию.

Сентябрь — из печати выходит «Мартин Иден».

1910 — начинается строительство «Дома Волка».

19 июня — у Чармиан и Джека рождается дочь, но через 38 часов умирает.

Джек Лондон покупает старый парусник «Бродяга» и в сопровождении Чармиан и Накаты плавает по заливу.

За год опубликованы книги: сборник статей «Революция», роман «Время-Не-Ждет», пьеса «Кража», сборник рассказов «Потерявший лицо».

1917, январь и часть февраля — Лондон находится в Лос-Анжелесе. *Апрель-май* — в очередной раз путешествует по заливу и рекам на «Бродяге»; затем вместе с Чармиан и Накатой предпринимает большую поездку в экипаже по Северной Калифорнии, Орегону и Монтане. Навещает Джорджа Стерлинга в Кармеле. На ранчо Колер восстанавливает фермерский дом и поселяется в нем с семьей. В этом доме (за исключением разъездов) пройдет вся оставшаяся жизнь писателя. *Конец декабря* — отправляется в НьюЙорк. За год вышли из печати: «Путешествие на «Снарке», «Приключение», сборники рассказов «Когда боги смеются» и «Рассказы южных морей».

1912, январь, февраль — Лондоны находятся в Нью-Йорке.

Март — на большом паруснике «Дириго» отплывают из Балтимора в плавание вокруг мыса Горн до Сиэттла. Чармиан беременна.

Август — у Чармиан случается выкидыш. Джек продолжает строительство грандиозного «Дома Волка».

За год выходят: сборники рассказов «Сын Солнца», «Храм гордыни» и «Смок Беллью».

1913, в ночь с 21 на 22 августа — пожар уничтожает достроенный и готовый к заселению «Дом Волка».

Опубликованы сборник «Рожденная в ночи», романы «Джон Ячменное Зерно» и «Лунная долина».

1914, начало года — Лондон посещает НьюЙорк.

Апрель — отправляется в качестве военного корреспондента в Мексику освещать действия американского экспедиционного корпуса.

Июнь — возвращается в Глен Эллен.

В течение года опубликованы роман «Мятеж на «Эльсиноре» и сборник рассказов «Сила сильных».

1915 — начинается ухудшение здоровья.

Февраль — вместе с Чармиан уезжает на Гавайи, проводит там пять месяцев. Джек начинает писать «Джерри-островитянина».

Июль — возвращаются в Глен Эллен. Писатель заключает контракт с *Cosmopolitan* с обязательством сочинять по два романа ежегодно. Начинает писать «кинематографический» роман «Сердца трех».

За год из печати выходят: повесть «Алая чума» и роман «Смирительная рубашка».

1916, февраль — август — Джек и Чармиан находятся на Гавайях. В марте у писателя случается приступ почечной колики. Работает над продолжением «Джерри-островитянина» — повестью «Майкл — брат Джерри», заканчивает «Сердца трех», сочиняет рассказы.

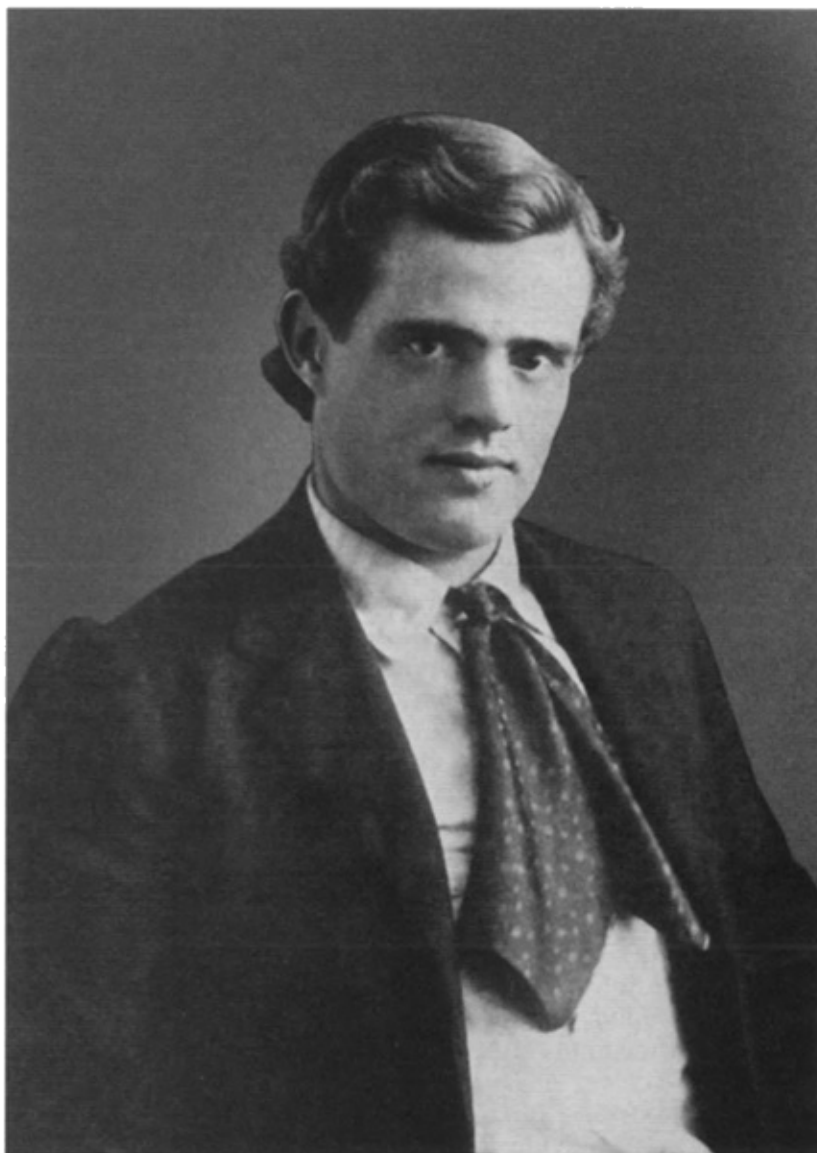
17 марта — публикует открытое письмо, в котором сообщает о выходе из Социалистической партии.

Май — издан роман «Маленькая хозяйка большого дома». *Август* — возвращается в Глен Эллен; здоровье ухудшается, страдает от ревматических болей и тяжелого нефрита. *Сентябрь* — выходит последняя прижизненная книга писателя — сборник рассказов «Черепахи Тасмана».

2 октября — Лондон заканчивает свое последнее произведение — рассказ «Дитя воды».

22 ноября — в 7 часов 45 минут Джек Лондон умирает.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Jack London

Флора Уэллман, мать писателя

Джон Лондон, отчим писателя

Джонни, будущий Джек Лондон, в девять лет. 1885 г.

Джонни с одноклассниками и учителями на террасе школы

(Cole Grammar School). Окленд

Поэтесса Айна Кулбрит, первая наставница Джонни-школьника в мире литературы.

Фото 1860-х гг.

За работой.

Начало 1910-х гг.

Джек Лондон на Клондайке.

Аляска. 1897–1898 гг.

Джек Лондон в середине 1900-х годов

В Кармеле с поэтами Джорджем Стерлингом, Мэри Остин (слева от Дж. Лондона) и журналистом Джеймсом Хоппером (справа).

Калифорния. 1910-е гг.

«Человек бездны». Англия, Лондон. 1902 г.

Военный корреспондент на фронтах Русско-японской войны. Проверка документов.

Корея. 1904 г.

Писатель с дочерьми от первой жены Элизабет Мэддерн.

Конец 1900-х гг.

На «Ранчо Мечты». Строительство «Дома Волка».

1912 г.

Постройка парусного судна «Снарк».

1906 г.

«Снарк» готов к плаванию.

1907 г.

Со второй женой Чармиан на палубе «Снарка».

1907 г.

Чармиан и Джек Лондон на Гавайях.

1915 г.

«Снарк» входит в гавань Гонолулу.

1907 г.

Джек Лондон в Австралии.

1908 г.

Преуспевающий писатель в начале 1900-х годов

Джек Лондон со знаменитым иллюзионистом Гарри Гудини

Повзрослевшие дочери в период отчуждения от отца.

1913 г.

Писатель за рабочим столом.

1914 г.

Чармиан и Джек Лондон на отдыхе в Вайкики.

Гавайские острова. 1915 г.

За чертежами на строителство «Дома Волка».

1912 г.

Джек Лондон с друзьями. Крайний слева — Джордж Стерлинг, сидит — Джеймс Хоппер.

1912 г.

Сгоревший «Дом Волка».

Современное фото

Чармиан Лондон в 1916 году

Джек Лондон на пороге собственного дома незадолго до ухода из жизни.

1915 г.

На паруснике «Бродяга» в 1914 году.

Таким писатель запомнился миллионам своих почитателей

Книги Джека Лондона, вышедшие посмертно

Романы и повести

Джерри-островитянин (1917)
Майкл — брат Джерри (1917)
Сердца трех (1919)

Сборники рассказов

Красное божество (1918)
На циновке Макалоа (1919)
Голландская доблесть (1922)

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Книги Джека Лондона

Лондон Дж. Полное собрание сочинений: В 22 т. М.: Земля и Фабрика, 1924–1927.

Лондон Дж. Собрание сочинений: В 7 т. М.: Гослитиздат, 1954–1956.
Лондон Дж. Собрание сочинений: В 14 т. М.: Правда, 1961.

Лондон Дж. Сочинения: В 2 т. Т. 2 / Пер. с англ. В. Быкова. М., 2001.

London J. The Letters of Jack London in 3 vol. / ed. by E. Labor. Vol. 1: 1896–1905; Vol. 2: 1906–1912; Vol. 3: 1913–1916. Stanford: Stanford Univ. Press, 1988.

Литература о Джеке Лондоне

Балтрон Р. Джек Лондон: человек, писатель, бунтарь. М., 1981. Джек Лондон. Библиографический указатель / Сост. Б. М. Парчевская. М., 1969.

Зверев А. М. Джек Лондон. М., 1975.

История США: В 4 т. / Под ред. Г. Н. Севостьянова. Т. 2: 1877–1918. М., 1985.

Стоун И. Моряк в седле / Пер. с англ. М. И. Кан. М., 1960.

Танасейчук А. Б. Амброз Бирс: от полудня до заката. Саранск, 2006.

Фонер Ф. Джек Лондон — американский бунтарь. М.: Прогресс, 1966.

Benediktson T. E. George Sterling. Boston: Twayne Publ., 1980.

Bridge J. H. Millionaires and Grub Street. N. Y., 1931.

Dyer D. Jack London. A Biography. N. Y.: Scholastic Ink., 1998.

Haley J. M. Wolf. The Lives of Jack London. N. Y.: Basic Books, 2011.

Kershaw A. Jack London: A Life. Griffin: St. Martin's Press, 1999.

Kingman R. A Pictorial Life of Jack London. N. Y., 1979.

Lewis O. Bay Window Bohemia. An Account of the Brilliant Artistic World of Gaslit San Francisco. N. Y., 1956.

London Ch. The Book of Jack London: in 2 vol. N. Y.: The Century Co., 1921.

London J. Jack London and His Times: An Unconventional Biography. N.

Y — Seattle: Univ. of Washington Press, 1968.

Noel J. Footloose in Arcadia: A Personal Record of Jack London, George Sterling, Ambrose Bierce. N. Y., 1940.

Sinclair A. Jack: A Biography of Jack London. N. Y., 1979.

Stasz Cl. Jack London's Women. Boston, 2001.

Walker D. No Mentor but Myself: Jack London on Writing and Writers. Port Washington — N. Y., 1975.

Walker F. Jack London and the Klondike: The Genesis of an American Writer. San Marino (Ca.), 1994.

Williams J. W. Author under Sail: The Imagination of Jack London, 1893–1902. Lincoln, 2004.

INFO

Танасейчук А. Б.

Т 18 Джек Лондон: Одиночное плавание / Андрей Танасейчук. — М.: Молодая гвардия, 2017. — 331(5) с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1659).

ISBN 978-5-235-03976-6

УДК 821.111.0(73)(092)

ББК 83.3(7Сое)

знак информационной продукции 16+

Танасейчук Андрей Борисович
ДЖЕК ЛОНДОН: ОДИНОЧНОЕ ПЛАВАНИЕ

Редактор *Л. С. Калюжная*
Художественный редактор *И. И. Суслов*
Технический редактор *М. П. Качурина*
Корректор *Г. В. Платова*

Сдано в набор 18.04.2017. Подписано в печать 30.06.2017.
Формат 84×108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 17,64+0,84. Тираж 3000 экз.
Заказ № 6693.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:
127055, Москва, Суцневская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru.

Отпечатано с готовых файлов заказчика в АО «Первая Образцовая типография», филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ» 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

- Л. Данилкин «ЛЕНИН»
- В. Бондаренко «ЛЕГЕНДЫ БЕЛОГО ДЕЛА»
- А. Вдовин «ДОБРОЛЮБОВ»
- А. Коровашко «МИХАИЛ БАХТИН»
- И. Фаликов «ЕВТУШЕНКО»
- М. Макеев «НИКОЛАЙ НЕКРАСОВ»
- А. Сенкевич «БУДДА»
- В. Антонов «ЭЙТИНГОН»
- П. Ренуччи «КЛАВДИЙ»
- А. Кулагин «ШПАЛИКОВ»
- А. Куланов «ОЩЕПКОВ»
- Н. Старосельская «КАВЕРИН»

---

notes

Примечания

По данным Книжной палаты, Джек Лондон — второй (после Х. К. Андерсена) по издаваемости зарубежный автор в СССР. В период с 1918 по 1986 год общий тираж его книг составил более семидесяти семи миллионов экземпляров. Разумеется, с тех пор их количество изрядно возросло.

Стоун И. Моряк в седле. М.: Молодая гвардия, 1960.

Лондон Дж. Полное собрание сочинений: В 24 т. (в 48 кн.). М.; Л.: Земля и Фабрика, 1928–1929.

Эта биография в очень сокращенном виде (примерно 20 процентов текста) была опубликована в первом томе (книга 2) вышеназванного Полного собрания сочинений писателя (ЗИФ).

Богословский В. Джек Лондон. М., 1964; Быков В. Джек Лондон. М., 1964; Он же\ По следам Джека Лондона. М., 1996; Садагурский А. Джек Лондон: Время, идеи, творчество. Кишинев, 1978; Батурин С. «Ваш во имя революции»: Рассказ о Джеке Лондоне. М., 1983; Он же. Портреты американских писателей: Л. Стеффенс, Дж. Лондон, Т. Драйзер. М., 1979; Зверев А. Джек Лондон (к 100-летию со дня рождения). М., 1975.

Полное название журнала: *Common Sense. A Journal of Live Ideas.*

Здесь и далее цитаты из книги И. Стоуна приводятся по изданию: *Стоун И. Моряк в седле / Пер. с англ. М. И. Кан. М.: Молодая гвардия, 1960.*

Haley J. M. Wolf. The Lives of Jack London. N. Y.: Basic Books, 2011. P. 11.

Пер. с англ. М. И. Кан.

Haley J. M. Wolf. P. 11–12.

См.: *London Ch. The Book of Jack London. Vol. I. N. Y.: The Century Co., 1921. P. 23.* Флора была самой младшей из детей Маршалла и Элеонор Уэллман. Кроме нее в семье росли ее брат Хайрэм и сестры Мэри, Сьюзен и Луиза. Вскоре после рождения Флоры мать умерла. Спустя четыре года отец женился вторично.

Роберт Балтроп, автор весьма содержательной биографии писателя, утверждает, что Ф. Уэллман покинула отчий дом в 16 лет (см.: *Балтроп Р. Джек Лондон: человек, писатель, бунтарь*. М., 1981. С. 33), но эта информация не находит подтверждения.

London Ch. The Book of Jack London. Vol. I. P. 24.

London Ch. The Book of Jack London. Vol. I. P. 26.

Haley J. M. Wolf. P. 13.

Биографы указывают разные компании: Ч. Лондон, Д. Лондон, И. Стоун сообщали, что он работал в компании *Singer*, современные биографы (в частности, Дж. Хейли) утверждают, что Джон Лондон являлся сотрудником *Victor Sewing Machine Co* — конкурента *Singer*.

Пер. с англ. М. И. Кан.

Подробнее о Д. Кирни и обстановке в Сан-Франциско в 1877–1878 годах см.: *Танасейчук А. Б. Амброз Бирс: ранние годы.* Саранск, 2005. С. 108–113.

Так можно перевести фамилию компаньона Sowell: so well (*англ.*) — так хорошо.

Цит. по: *Dyer D.* Jack London. A Biography. N. Y.: Scholastic Ink., 1998.
P. 7.

Необходимое пояснение для тех, кто только знакомится с жизнью и творчеством Джека Лондона. Роман назван именем героя старинной англ и йской/шотл андской народной песни-баллады — «John Barleycorn» («Джон Ячменное Зерно»). Образ героя олицетворяет собой ячмень и напитки, которые из него варятся — пиво и виски; в балладе описывается жизнь Джона, наполненная сражениями, страданиями, смертями и воскрешениями героя. Поэт Роберт Бёрнс создал свою версию злоключений и прославления Джона Ячменное Зерно (стихотворение считается одной из жемчужин его поэзии; пер. М. Л. Михайлова): «...Ах, Джон Ячменное Зерно! Ты чудо-молодец! Погиб ты сам, но кровь твоя — Улада для сердец. Как раз заснет змея-печаль, Все будет трын-трава... Отрет слезу свою бедняк, Пойдет плясать вдова. Гласите хором: «Пусть вовек / Не сохнет в кружках дно!..» и т. д. В определенном смысле Джон Ячменное Зерно собрат русского Зеленого Змия (искусителя и вдохновителя), пришедшего из славянского фольклора. — Прим. ред.

Пер. В. Лимановской.

Haley J. M. Wolf. P. 15.

Пер. М. И. Кан.

London Ch. The Book of Jack London. Vol. I. P. 29.

Биографы, вслед за Ч. Лондон, утверждают, что узнал мальчик это случайно: невольно услышал разговор (на повышенных тонах) между матерью и отчимом. Произойти это могло или в Сан-Матео или раньше — в Аламеде.

Вашингтон Ирвинг (Washington Irving', 1783–1859) — американский писатель-романтик, считается одним из зачинателей американской национальной литературы; автор знаменитых рассказов «Рип Ван Винкль», «Легенда о Сонной долине» и многих других, а также биографий Джорджа Вашингтона и пророка Мухаммеда.

Пер. с англ. В. Лимановской.

Пол де Шейю (Paul Belloni Du Chaillu; 1831–1903) — американский ученый французского происхождения, путешественник, зоолог и антрополог. Первым из ученых наблюдал и описал жизнь горилл в дикой природе; считается первооткрывателем пигмеев. Обладавал литературным даром, был прекрасным рисовальщиком, сам иллюстрировал свои книги. Его труды пользовались популярностью не только в США, но и в Европе, в частности в России, где он бывал неоднократно, выступая с лекциями. Умер, к слову, в Санкт-Петербурге, во время очередного лекционного турне.

Мэри Луиза де ла Рэми (Marie Louise de la Ramée; 1839–1908) — английская писательница Викторианской эпохи, писавшая под псевдонимом *Уида (Ouida)*, автор более тридцати романов сентиментального свойства, весьма популярных в свое время (особенно среди женщин).

Балтрон Р. Джек Лондон: человек, писатель, бунтарь / Пер. с англ. Г. Анджапаридзе. М., 1981. С. 36.

См.: *Лондон Дж. Джон Ячменное Зерно // Лондон Дж. Собрание сочинений: В 14 т. М.: Правда, 1961. Т. И. С. 22.*

См.: *London Ch.* The Book of Jack London. Vol. I. P. 42–43.

Горацио Элджер (Alger; 1832–1899) — американский писатель, поэт, журналист и священник, один из самых плодовитых американских литераторов XIX века. Традиционная тематика его произведений — жизненный путь бездомных нищих детей, которые, преодолевая многочисленные трудности и неудачи, самостоятельно добиваются богатства и успеха, оставаясь честными, неунывающими и трудолюбивыми.

Джеймс Гарфилд (Garfield, 1831–1881) — 20-й президент США (март — сентябрь 1881 года).

London Ch. The Book of Jack London. Vol. I. P. 50.

Haley J. M. Wolf. P. 25.

Garlic (*англ.*) — чесночный, чеснок.

Стоун И. Моряк в седле. С. 31.

Dyer D. Jack London. A Biography. P. 15.

Ibid. P. 16–17.

Haley J. M. Wolf. The Lives of Jack London. P. 19.

Цит. по: *Балтрон Р* Джек Лондон: человек, писатель, бунтарь. С. 38.

В автобиографическом романе «Джон Ячменное Зерно» есть такие строки: «...что я действительно любил, так это сласти. За пять центов можно было купить пять громадных шоколадных бомб и наслаждаться ими до бесконечности. Я умел растянуть такую бомбу на целый час. Любил и тягучую коричневую нугу, которую продавал один мексиканец. За пятак он давал такой кусище, что с ним, бывало, за три часа не справишься. Съев его, я частенько обходился без обеда».

London Ch. The Book of Jack London. Vol. I. P. 52.

Танасейчук А. Б. «Вы были тем человеком, кто поощрял мою страсть к чтению...» (о А. Кулбрит, библиотекаре из США) // *Библиотекосведение*. 2008. № 5. С. 81–85.

Кстати, самую большую сумму назвал Джек Лондон в письме своей возлюбленной Мэйбл Эпплгарт (от 30 ноября 1898 года). См.: *London J. The Letters of Jack London in 3 vol.* Stanford, 1988. Vol. 1 (1896–1905). P. 25.

Пер. с англ. В. Хинкиса.

Цит. по: *Стоун И.* Моряк в седле. С. 33.

Цит. по: *Dyer D. Jack London. A Biography. P. 20–21.*

London J. Letters of Jack London: in 3 vol. Vol. 1. P. 25.

«Пирушка».

London Ch. The Book of Jack London. Vol. I. P. 59.

Здесь и выше перевод цитируемого романа с англ. В. Лимановской. Название судна, которое покупал Джек Лондон, переведено как «Карусель», что едва ли точно; в оригинале название «Razzle-Dazzle» означает «пирушка», «кутеж», «пьяный загул»; видимо, переводчица выбрала более корректный вариант (в соответствии с советской традицией).

Фразу из его книги: «Долгие месяцы ходил Джек на своей «Рэзл-Дэзл», выплачивая долги няне Дженни, кормил семью, сотни раз пускался в опасные авантюры» — едва ли стоит принимать как окончательный ответ, поскольку не было «долгих месяцев», «выплаты долгов», «авантюры» — были, но отнюдь не «сотни».

См.: *Лондон Дж. Джон Ячменное Зерно // Лондон Дж. Собрание сочинений: В 14 т. М.: Правда, 1961. Т. 11. С. 47.*

Make love (*англ.*) — буквально: «заниматься любовью».

См.: *Haley J. M. Wolf. The Lives of Jack London. P. 35, 320.*

Пер. с англ. В. Хинкиса.

Бениция была столицей штата Калифорния с 11 февраля 1853-го по 25 февраля 1854 года.

Балтрон Р. Джек Лондон: человек, писатель, бунтарь. М., 1981. С. 46.

См. «Джон Ячменное Зерно».

Р. Балтроп в биографии писателя сообщает: «Брошенное судно ограбили, сняли с него снасти и пустили по волнам соперники по охоте на устриц». См.: *Балтроп Р. Джек Лондон: человек, писатель, бунтарь*. С. 45. Но откуда взял эти сведения биограф и насколько они достоверны, неизвестно — источников он не приводит.

Пер. с англ. В. Лимановской.

Лондон Дж. Желтый платок Пер. с англ. В. Хинкиса / Лондон Дж.
Собрание сочинений: В 14 т. М.: Правда, 1961. Т. 3. С. 443–444.

Haley J. M. Wolf. The Lives of Jack London. P. 43.

London Ch. The Book of Jack London. Vol. I. P. 109.

Кварта (англ., *quart* от лат. *quartus* — четверть) — единица объема, применяемая в США, Великобритании и других странах; равна четверти галлона, или 946 миллилитрам.

Пер. с англ. В. Лимановской.

Сам Джек Лондон сообщал, что контракт «в вербовочном агентстве подписал 22 января 1893 года», то есть фактически ему уже исполнилось 17 лет.

По другим сведениям, водоизмещение «Софи Сазерленд» было больше — 156 тонн, а длина — около 40 метров.

«Мэри Томас» — реально существовавшее судно, и его появление в рассказе Джека Лондона едва ли случайно. В небольшом очерке «О себе» писатель упоминает о шхуне с таким названием: «Я рассчитывал... присоединиться к своим старым товарищам по кораблю <«Софи Сазерленд»>. Они уплыли на «Мэри Томас» — судно это погибло со всей командой». По слухам, которые циркулировали в матросской среде, шхуну будто бы потопили русские, которые с американскими браконьерами поступали (опять же по слухам) довольно жестоко.

Балтрон Р. Джек Лондон: человек, писатель, бунтарь. С. 47.

Цит. по: *London Ch.* The Book of Jack London. Vol. I. P. 112.

Пер. с англ. В. Быкова.

Пер. с англ. В. Быкова.

Об этом Лондон пишет в очерке «О себе». См.: *Лондон Дж.* Собрание сочинений: В 14 т. М.: Правда, 1961. Т. 6. С. 30.

См.: *London Ch.* The Book of Jack London. Vol. I. P. 134.

Цит. по: *Лондон Дж.* Собрание сочинений: В 14 т. М.: Правда, 1961. Т. 7. С. 97.

Пер. с англ. В. Лимановской.

См.: *London Ch.* The Book of Jack London. Vol. I. P. 140–141.

В отечественных (и не только) биографиях писателя название газеты указывают неверно: *The San Francisco Call*. На самом деле газета называлась *The Morning Call*. Это была утренняя весьма популярная газета. Под таким названием она выходила с 1856-го по март 1895 года. И лишь потом была переименована в *The San Francisco Call*. Кстати, в 1863–1864 годах ее сотрудником был молодой Марк Твен.

Именно так в данном случае следовало понимать прилагательное «descriptive [article]», упомянутое в требованиях.

Цит. по: *Лондон Дж.* Собрание сочинений: В 14 т. М.: Правда, 1961. Т. 6. С. 30.

См.: *London Ch.* The Book of Jack London. Vol. 1. P. 138.

См.: *Балтрон Р.* Джек Лондон: человек, писатель, бунтарь. С. 53.

См.: *Haley J. M. Wolf. The Lives of Jack London. P. 61.*

Джейкоб С. Кокси (Jacob Sechler Coxe; 1854–1951) или «Генерал Кокси» — американский политический деятель либеральных взглядов, член Демократической партии (1871–1874), партии Гринбеков (1874–1889), Народной («Популистской») партии (1891–1908), Независимой партии (1908–1926). Всю жизнь активно занимался политической деятельностью, многократно баллотировался в Конгресс и Сенат США, участвовал в выборах губернатора штата Огайо и президентских выборах, но неизменно терпел поражение. Умер в возрасте 97 лет в городе Мэссилон (Огайо), мэром которого не раз избирался.

О значении и силе АФТ в то время см.: История США: В 4 т. / Под ред. Г. Н. Севостьянова. Т. 2: 1877–1918. М., 1985. С. 187–212.

Золотая монета достоинством в десять долларов (основа американского «золотого стандарта»), чеканившаяся в США с 1795 по 1933 год.

6 футов 4 дюйма — чуть больше 1 метра 90 сантиметров. Цит. по:
Haley J. M. Wolf. The Lives of Jack London. P. 65.

Балтрон Р. Джек Лондон: человек, писатель, бунтарь. С. 57.

Там же. С. 58.

Пер. с англ. М. Бессараб.

Цит. по: *London Ch.* The Book of Jack London. Vol. I. P. 161.

London Ch. The Book of Jack London. Vol. I. P. 161.

Ibid. P. 162.

London Ch. The Book of Jack London. Vol. I. P. 161; p. 175. По сведениям некоторых биографов, Джека ударил дубинкой по голове полицейский, потому что у него «было потрепанное платье и в руках он нес книжку». Может быть, полицейский принял его за бунтаря-социалиста.

Ibid. P. 178. *Артур Мак Ивен (Mac Ewen; 1837–1904)* — американский (калифорнийский) журналист и публицист социалистического толка; сотрудничал в периодических изданиях Сан-Франциско и Окленда; в 1890-е годы издавал собственную газету *Mac Ewen Letter*.

Джосайя Флинт (Josiah Flynt; 1869–1907) — выпускник Берлинского университета, американский социолог и писатель. Изучал люмпенизированные слои общества: бродяг, преступников, заключенных.

См. на сайте «Проект Гуттенберга»: <http://www.gutenberg.org/files/40036/40036-h/40036-h.htm>

Пер. с англ. С. Займовского.

См.: *Sinclair A. Jack: A Biography of Jack London*. N. Y., 1979. P. 24–25.

Пер. с англ. М. Бессараб.

Балтрон Р. Джек Лондон: человек, писатель, бунтарь. С. 66–67.

См.: *Haley J. M. Wolf. The Lives of Jack London. P. 77.*

Генри Клей (*Clay*; 1777–1852) — американский юрист, видный государственный и политический деятель, парламентарий; считается одним из самых одаренных ораторов и полемистов в американской истории.

Пер. С. Заяцкого.

Балтрон Р. Джек Лондон: человек, писатель, бунтарь. С. 69.

Цит. по: *Haley J. M. Wolf. The Lives of Jack London. P. 84.*

Dyer D. Jack London. A Biography. P. 65.

Р. Балтроп, правда, высказывает иную версию. По его мнению, причиной ухода из университета стала психологическая травма — как раз в это время он узнал, что Джон Лондон ему не родной отец, а потому взялся разыскивать Чани (Чейни), которого считал настоящим отцом, переписывался с ним, но подтверждения отцовства от него не получил. Последнее обстоятельство якобы и вызвало «психологическую травму». Подробнее см.: *Балтроп Р.* Джек Лондон: человек, писатель, бунтарь. М., 1981. С. 74–75.

Пер. с англ. В. Лимановской.

Здесь и выше пер. с англ. В. Лимановской.

Р. Балтроп придерживался иной точки зрения: он полагал, что и Лондон заболел «золотой лихорадкой». «Джек, — пишет он, — ломал голову, где бы раздобыть деньги на снаряжение и одежду, еду и дорогу». По его словам, он даже решил занять у Хоакина Миллера (калифорнийского поэта), которого якобы знал по митингам социалистов (предположение довольно странное — если бы Лондон действительно знал Миллера, он бы знал и другое: это — последний человек, к которому можно обратиться за помощью, и отправился к нему, но тот был в отъезде. Подробнее см.: *Балтроп Р. Джек Лондон: человек, писатель, бунтарь*. С. 77. Впрочем, эту историю повторяет и другой, современный, биограф писателя — Д. Хейли (см.: *Haley J. M. Wolf. The Lives of Jack London*. P. 97).

Уточним «географию» места событий на полуострове Аляска: Клондайк — общее название золотоносного района на северо-западе Канады; расположен в бассейне реки Клондайк — правого притока реки Юкон; город Доусон — главный населенный пункт, «столица» Клондайка (отсюда: ехать в Клондайк, возвращаться из Клондайка; если же речь идет о реке: ехать на Клондайк и т. д.). — *Прим. ред.*

Цит. по: *Dyer D.* Jack London. A Biography. P. 81.

London Ch. The Book of Jack London. Vol. I. P. 222.

Джек Лондон использует слово *rarooses* — то есть мартышки, обезьянки, папуасики.

То есть 400 килограммов.

Озера Линдеман, Беннетт, Тагиш, Марш и Лабёрдж — к северовостоку от поселка Дайи на пути к Доусону (Канада).

London J. The Letters of Jack London: In 2 vol. Vol. I: 1896–1905. Stanford, 1988. P. 11.

Чармиан Лондон в своей книге приводит эпизод, связанный с Шепардом: накануне отъезда на Аляску Элиза с мужем ехали в трамвае на встречу с Джеком, и у Шепарда случился сердечный приступ. «Он смертельно побледнел и почти потерял сознание. Кондуктор помог Элизе вывести его из трамвая и уложить на траву газона, один из пассажиров побежал за доктором, который, осмотрев больного, прописал ему строгий постельный режим в течение двух недель. Но на следующее утро он поднялся и в тот же день вместе с женой и Джеком отправился за покупками к вояжу», а через несколько дней был уже на пути в Аляску. См.: *London Ch. The Book of Jack London. Vol. I. P. 225.*

Dyer D. Jack London. A Biography. P. 83–84.

Пер. с англ. В. Курелла.

Р. Балтроп утверждал, что доски они купили (см.: *Балтроп Р. Джек Лондон: человек, писатель, бунтарь. С. 78*). Это больше походит на правду: строить лодку из непросохшего леса — занятие бесперспективное, так как она даст течь и потонет.

Пер. с англ. М. И. Кан.

Цит. по: *London Ch.* The Book of Jack London: in 2 vol. Vol. I. P. 225.

Цит. по: *Haley J. M. Wolf. The Lives of Jack London. P. 108.*

Пер. с англ. М. Абкиной.

См.: *Dyer D.* Jack London. A Biography. P. 95.

Цит. по: *Haley J. M. Wolf. The Lives of Jack London. P. 108.*

Пер. с англ. Н. Хуцишвили.

133

Название поселка золотоискателей.

Цит. по: *London Ch.* The Book of Jack London: in 2 vol. Vol. I. P. 236–239.

Цит. по: *Лондон Дж.* Сочинения: В 2 т. Т. 2 / Пер. с англ. В. Быкова. М., 2001. С. 196–197.

Современное название — Холли-Кросс.

Цит. по: *Лондон Дж.* Сочинения: В 2 т. Т. 2. С. 205–206.

London J. The Letters of Jack London: in 3 vol. N. Y. S. F.: Stanford Univ. Press, 1988. Vol. I (1896–1905). P. 12.

Пер. с англ. В. Лимановской.

Очерк он предварил письмом, в котором писал: «Я вернулся с Клондайка после проведенного там года. Я пробирался туда через Дайи, одолел Чилкутский перевал. Возвращался по Юкону через форт Святого Михаила, преодолев 2500 миль вниз по реке в маленькой лодке. Я много попутешествовал и поплавал в разных частях света и вполне уяснил, что может быть интересно читателю, что нужно, чтобы завоевать внимание и раскрыть романтику вещей — я понимаю, что хотят прочитать люди. Я написал очерк в четыре тысячи слов, в котором описал свое путешествие из Доусона до Святого Михаила в утлой посудине. Будьте так любезны, дайте знать — существует ли у вас потребность в материалах подобного рода? Разумеется, я понимаю, что одобрение рукописи зависит от ее литературного уровня и художественных достоинств. С почтением к Вам, Джек Лондон» (цит. по: *Haley J. M. Wolf. The Lives of Jack London. P. 116*).

Здесь и выше цит. по: *Лондон Дж.* Собрание сочинений: В 14 т. Т. 7. С. 172–177.

См.: *Williams J. W. Author Under Sail: The Imagination of Jack London. 1893–1902. Lincoln: Univ, of Nebraska Press, 2004. P. 103.*

Пер. с англ. В. Лимановской.

Цит. по: *Haley J. M. Wolf. The Lives of Jack London. P. 116.* Интересно, что свои десять долларов он за очерк все-таки получил. Напечатали его в газете *Buffalo Express* в июне 1899-го под названием «From Dawson to the Sea».

См.: *Williams J. W. Author Under Sail... P. 97.*

О дружбе Стерлинга и Лондона см.: *Benediktson Th. E. George Sterling*. Boston: Twayne Publ., 1980. P. 28–31. О взаимоотношениях А. Бирса и Дж. Стерлинга см.: *Танасейчук А. Б. Амброс Бирс: от полудня до заката*. Саранск, 2006. С. 89–95.

London J. The Letters of Jack London: in 3 vol. Stanford, 1988. Vol. I. P. 23.

DyerD. Jack London. A Biography. P. 104.

Cm.: *London J.* The Letters of Jack London: in 3 vol. Stanford, 1988. Vol. I.
P. 23–37.

См.: *Балтрон Р. Джек Лондон: человек, писатель, бунтарь. М., 1981. С. 83.*

London J. The Letters of Jack London: in 3 vol. Vol. I. P. 48.

Цит. по: *Лондон Дж.* Собрание сочинений: В 14 т. Т. 7. М., 1961. С. 172–177.

Bridge J. H. Millionaires and Grub street: Comrades and Contacts in the Last Half Century. New York: Brentano's Books, 1931. P. 200, 202.

Джеймс Хэйли утверждает, что они совпали по времени: предложение от «Оверленда» пришло с утра, а от «Блэк кэт» — пополудни (см.: *Haley J. M. Wolf. The Lives of Jack London. P. 120*). Ирвинг Стоун говорит менее определенно: «В тот же день...» Но более весомых подтверждений этому «факту» нам отыскать не удалось.

Пер. с англ. В. Лимановской.

По сведениям Дж. Бриджа, это были «Белое безмолвие», «Сын Волка», «В далеком краю», «Мудрость снежной тропы», «На Сороковой Миле», «По праву священника». Первый из них — «Белое безмолвие» — через пару недель, по его словам, был перепечатан в *New York Evening Post* (см.: *Bridge J. H. Millionaires and Grub street. 1931. P. 202*). Впрочем, имеющиеся в нашем распоряжении сведения не подтверждают информацию мемуариста.

См.: *London J. Letters of Jack London*: in 3 vol. Vol. I. C. 50.

Балтрон Р. Джек Лондон: человек, писатель, бунтарь. С. 86.

London J. The Letters of Jack London: in 3 vol. Vol. I. P. 52–53.

Здесь и выше цит. по: *Балтрон Р.* Джек Лондон: человек, писатель, бунтарь. С. 88–89.

В дополнение к шести рассказам, опубликованным в журнале с января по июль 1899-го, в августе на его страницах появилась история под названием «Жена короля», а в декабре того же года — «Мудрость снежной тропы».

Подробнее см.: *Haley J. M. Wolf. The Lives of Jack London. P. 127.*

Ibidem.

См.: *London J.* Jack London and His Times: An Unconventional Biography. N. Y. Seattle: Univ, of Washington Press, 1968. P. 167.

Балтрон Р. Джек Лондон: человек, писатель, бунтарь. С. 92.

Здесь и далее цит. по книге Дж. Лондона и А. Стрункой «Письма Кэмптона и Уэйса».

См.: *DyerD.* Jack London. A Biography. P. 129.

Цит по: *Струнская А. Воспоминания о Джеке Лондоне // Лондон Дж. Сочинения: В 2 т. Т. 2 / Пер. с англ. В. Быкова. М., 2001. С.375.*

Kershaw A. Jack London: A Life. Griffin: St. Martin's Press, 1999. P. 109.

Дж. Бретт (*Brett*, 1858–1936) принадлежит к династии знаменитых американских издателей Бреттов. Первым был его отец, Джордж Эдвард Бретт (1829–1890), основавший в 1869 году по поручению британского издателя А. Макмиллана американское отделение компании в Нью-Йорке. Крупным издателем и главой американского *Macmillan* был и сын Бретта-старшего, Джордж Бретт-младший (1893–1984), главным успехом которого была публикация знаменитого романа Маргарет Митчелл «Унесенные ветром».

Цит. по: *Лондон Дж*, Собрание сочинений: В 14 т. Т. 3. М., 1961. С. 11–12. Пер. с англ. В. Лимановской.

См.: *Балтрон Р.* Джек Лондон: человек, писатель, бунтарь. С. 100.

Танасейчук А. Б. Литературный герой и прототип: Рэсс Бриссенден в романе Джека Лондона «Мартин Иден» и Джордж Стерлинг // Вестник Мордовского университета. 2000. № 3–4. С. 81–84.

Танасейчук А. Б. Амброз Бирс: от полудня до заката. Саранск, 2006. С. 133–139.

Существует монография, посвященная его жизни и творчеству:
Benediktsson T. George Sterling. Boston: Twayne Publ., 1980.

Название сборника можно перевести как «Свидетельство небес».

См.: *Sinclair A. Jack: A Biography of Jack London*. N. Y., 1979. P. 71.
Дикий Берег (*Barbary Coast*) — район «красных фонарей» в Сан-Франциско во второй половине XIX — начале XX века. Славился питейными заведениями, публичными домами и музыкальными клубами. Был разрушен в результате катастрофического землетрясения 1906 года. Замечательное описание Дикого Берега можно найти в книге О. Льюиса: *Lewis O. Bay Window Bohemia. An Account of the Brilliant Artistic World of Gaslit San Francisco*. N. Y., 1956.

Цит. по: *Балтрон Р.* Джек Лондон: человек, писатель, бунтарь. С. 113–114.

Кейт, Чарат, Чармиан — подружки Лондона; последняя — его будущая жена.

Цит. по: *Танасейчук А. Б.* Амброз Бирс: от полудня до заката. Саранск, 2006. С. 10–11.

Уильям Рэндольф Херст (*Hearst*; 1863–1951). Вот что пишет о нем Википедия: «Американский медиамагнат, основатель холдинга *Hearst Corporation*, ведущий газетный издатель. Создал индустрию новостей и придумал делать деньги на сплетнях и скандалах. С именем Уильяма Рэндольфа Херста связано появление в обиходе таких понятий, как «желтая пресса», «связи с общественностью» и «медиамагнат». К сказанному добавим: Херст — мультимиллионер, не только газетно-журнальный, но и кинематографический магнат, создатель и на начальном этапе полновластный властитель знаменитого Голливуда, беспринципный политик и циничный бизнесмен; на рубеже XIX–XX веков в Америке, пожалуй, не было человека влиятельнее его.

Напомним кратко ареал военных действий: война между Россией и Японией велась за контроль над Маньчжурией и Кореей, а также за господство в Северо-Восточном Китае, поэтому все эти страны фигурируют в корреспонденциях Джека Лондона. Нелишне уточнить для молодого читателя и то обстоятельство, что Русско-японскую войну развязали японцы: в ночь на 27 января 1904 года японские корабли-миноносцы внезапно (без объявления войны) напали на русскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде Порт-Артура. — *Прим. ред.*

Здесь и далее текст корреспонденций Лондона приводится с сокращениями по журналу «Иностранная литература» (1992, № 2) Пер. с англ. А. Борисенко, В. Сонькина.

Напомним, что в Русско-японской войне США (наряду с Великобританией) поддерживали сторону Японии, о чем упоминает выше и автор книги. Так что вряд ли по военным корреспонденциям Джека Лондона, рассчитанным на американскую прессу, можно однозначно судить о его симпатиях или антипатиях в отношении России. — *Прим. ред.*

Ричард Хардинг Дэвис (Davis; 1864–1916) — американский журналист и писатель, один из наиболее известных репортеров своего времени, автор приключенческих романов и рассказов. Освещал в качестве военного корреспондента события Англо-бурской, Испаноамериканской, Русско-японской и других войн; был дружен с Теодором Рузвельтом и Уинстоном Черчиллем.

Здесь и выше фрагменты писем цитируются по книге И. Стоуна «Моряк в седле» в переводе М. Кан.

См.: *London Ch.* The Book of Jack London: in 2 vol. Vol. II. P. 3.

Стоун И. Моряк в седле. Художественная биография Джека Лондона.
М.: Книга, 1984. С. 161.

Цит. по: *Балтрон Р.* Джек Лондон: человек, писатель, бунтарь. С. 124.

Позднее Лондон писал: «За много лет у меня сложилась привычка проводить каждую зиму шесть или восемь недель в плавании по заливу Сан-Франциско. На моей ходкой яхте «Морская пена» <то есть «Спрей»> была удобная каюта с печкой. Юноша-кореец готовил мне еду, и я обычно приглашал кого-нибудь из друзей, чтобы разделить с ними прелесть плавания. Пишущая машинка неизменно путешествовала со мной, свою обязательную тысячу слов я печатал ежедневно» («Джон Ячменное Зерно»).

Джошуа Слокам (Slocum; 1844–1909) — канадец, профессиональный моряк, капитан. По завершении плавания (в 1898-м) написал книгу о своих приключениях «Sailing Alone Around the World» (1900). Осенью 1909 года пропал без вести в так называемом Бермудском треугольнике.

См.: *Слокам Дж.* Один под парусами вокруг света. М., 1960.

В письме речь идет о Бланш Партингтон — начинающей поэтессе, дочери известного калифорнийского художника Дж. Партингтона. Познакомил их Джордж Стерлинг, роман был яркий, о нем много судачили. Бланш была очень красива, из «хорошей» (художественной!) семьи; некоторые из друзей писателя надеялись, что новая любовь отвратит писателя от Чармиан, которую считали «охотницей за мужьями» (основания к тому были), да и вообще недолюбливали в среде калифорнийской богемы.

Манзаниты — вечнозеленые кустарники с небольшими жесткими листьями; земляничное дерево — род кустарника, родственник вереску.

Балтрон Р. Джек Лондон: человек, писатель, бунтарь. С. 124.

Цит. по: *London Ch. The Book of Jack London in 2 vol. Vol. II. P. 21.*
Позднее эти слова послужили вступлением сначала к лекции Джека Лондона, а затем и к статье, которая так и называлась «Революция» (1908).

Большинство из них не принадлежат к числу известных, и справедливо: их уровень невысок, видна печать ученичества. Единственное, пожалуй, исключение — рассказ «Тысяча смертей», опубликованный в журнале *Black Cat* в 1897 году. Тем не менее большая их часть переведена на русский язык исследователем творчества писателя В. Быковым. См.: *Лондон Дж. Сочинения: В 2 т. Т. 1 / Пер. с англ. В. Быкова. С. 187–368.*

Сошлюсь на собственную статью по этой теме, помещенную в качестве послесловия к одному из современных изданий подобного рода: *Танасейчук А. Б. «Алая империя» и ее автор // Пэрри Д. М. Алая империя. М., 2015. С. 297–302.*

См.: *London J. The Letters of Jack London*: in 3 vol. N. Y. S. F.: Stanford Univ. Press, 1988 in 3 vol. Vol. Ill (1913–1916). P. 935–936.

Dyer D. Jack London. P. 147.

Здесь и ниже пер. с англ. Р. Гальпериной.

Цит. по: *Dyer D.* Jack London. A Biography. P. 149–150.

Haley J. M. Wolf. The Lives of Jack London. P. 215.

Dyer D. Jack London. A Biogtaphy. P. 151.

В книге о муже Чармиан сообщает, что в Нью-Йорке на встречу с ним собралось десять тысяч человек. Поверить в это трудно — в то время просто не существовало помещений, способных вместить *такое* количество слушателей. А если бы и существовало, о микрофонах тогда еще не знали.

См.: *Dyer D.* Jack London. A Biogtaphy. P. 152–153.

Приведем по этому поводу выдержку из письма Лондона Чармиан (а написано оно еще до того, как «мисс Киттрэджд» превратилась в «миссис Лондон»): «Что имеет в виду тетушка Нетта, сообщая, что «каждое ее мгновение принадлежит Джеку?» Непонятно. Пересылать мне почту — да. Беречь мою одежду от мышей — да. Но что еще?»

По этому поводу см.: История США: В 4 т. / Под ред. Г. Н. Севостьянова. Т. 2: 1877–1918. М., 1985. С. 213–235.

Балтрон Р Джек Лондон: человек, писатель, бунтарь. С. 134.

Пер. с англ. В. Лимановской.

Стэнли Ватерлоо (Stanley Waterloo; 1846–1913) — американский беллетрист, журналист, редактор и издатель. Его романы пользовались популярностью в США в 1880—1890-е годы.

См.: https://en.wikipedia.org/wiki/Stanley_Waterloo

London Ch. The Book of Jack London in 2 vol. Vol. II. P. 121.

Здесь и далее цит. по: *Лондон Дж.* Путешествие на «Снарке» *Пер. Е. Гуро / Лондон Дж.* Собрание сочинений: В 14 т. Т. 6. М., 1961.

См.: *Haley J. M. Wolf. The Lives of Jack London. P. 210.*

London Ch. The Book of Jack London: in 2 vol. Vol. II. P. 137.

Кеч (англ., *ketch*) — двухмачтовое парусное судно с «косым» парусным вооружением. Особенность кеча (и отличие от шхуны) состоит в том, что у него задняя мачта (бизань) ниже передней (грота). У шхуны наоборот: грот — задняя мачта (передняя — фок — ниже). Лондон считал (и не без оснований), что кеч обладает преимуществами по управляемости и маневренности.

См. главу «Жажда приключений» в книге «Путешествие на «Снарке». Писатель, судя по всему, немало повеселился, читая письма претендентов занять место повара на его паруснике.

Dyer D. Jack London. A Biography. P. 174.

Dyer D. Jack London. A Biography. P. 175–176.

См.: *Лондон Дж.* Путешествие на «Снарке» *Пер. Е. Гуро / Лондон Дж.*
Собрание сочинений: В 14 т. Т. 6. М., 1961. С. 420.

Haley J. M. Wolf. The Lives of Jack London. P. 248.

Герман Мелвилл (Melville; 1819–1891) — американский писатель-романтик. Летом 1842 года в бухте Нукухива на Маркизских островах моряк-китобой Мелвилл вместе с товарищем-матросом сбежал со своего судна и целый месяц жил в долине Тайпи, жители которой слыли людоедами, а потом добрался до Таити. После возвращения Мелвилл описал свои приключения в книге «Тайпи» (1846).

В «Путешествии на «Снарке» Джек Лондон вспоминал: «Когда я был маленьким мальчиком, я прочел удивительную книгу, которая так и называлась «Тайпи», книгу Германа Мелвилла, — и много-много часов провел я, мечтая над этой книгой. Но я не только мечтал. Я твердо решил, что когда вырасту — будь что будет, а я поеду на Тайпи. <...> Годы шли, но Тайпи не была забыта. Однажды, вернувшись в Сан-Франциско из семимесячного плавания по северной части Тихого океана, я решил, что время пришло. На Маркизские острова отправлялся бриг «Галилей», но экипаж был уже набран... и опять шли годы, полные проектов, достижений, неудач; но Тайпи не была забыта, и вот я, наконец, здесь и вглядываюсь в ее неясные очертания...» Сходные воспоминания присутствуют и в книге Чармиан Лондон.

Смл Haley J. M. Wolf. The Lives of Jack London. P. 252–253.

См. выпуск *New York Times* от 10.01.1908: <http://query.nytimes.com/gst/abstract.html?res=9A04E0DE1639E333A25753C1A9679C946997D6CF&legacy=true>

Cm.: *Dyer*D. Jack London. A Biography. P. 180.

Cm.: *London Ch.* The Book of Jack London: in 2 vol. Vol. II. P. 170.

Здесь — приветственная песнь.

Цит. по: *London Ch.* The Book of Jack London: in 2 vol. Vol. II. P. 172.

См.: *Dyer D.* Jack London. A Biography. P. 184.

Цит. по: *London Ch.* The Book of Jack London: in 2 vol. Vol. II. P. 174.

Балтрон Р. Джек Лондон: человек, писатель, бунтарь. М., 1981. С. 154.

В ранних переводах на русский язык роман называется «День пламенеет», почти повторяя оригинальное название — *Burning Daylight*.

Стоун И. Моряк в седле. М., 1984. С. 206.

Если не считать таковым откровенно слабый и «торопливый роман о «страшных» Соломоновых островах — «Приключение».

London Ch. The Book of Jack London: in 2 vol. N. Y., 1921. Vol. II. P. 180.

Эмма Голдман (*Goldman*; 1869–1940) — политик-анархист, журналистка, философ, борец за права женщин, ратовавшая за полную свободу слова, личных отношений и освобождение от опеки государства. Родом из Ковно (Каунаса), она училась в Кёнигсберге; в Санкт-Петербурге начала политическую деятельность (партия «Народная воля»); в 1886 году эмигрировала в США, увлеклась анархизмом и быстро стала одной из крупнейших фигур движения. В 1919-м была депортирована из США в Россию, встречалась с Лениным, но в 1921 году уехала из СССР; продолжала активно заниматься политикой в Европе и Америке. На ранчо у Лондона останавливалась, по меньшей мере, дважды — в 1909 и 1910 годах.

London Ch. The Book of Jack London: in 2 vol. Vol. II. P. 201–202.

Ibid. P. 200.

Цит. по: *Haley J. M. Wolf. The Lives of Jack London. P. 269.*

Цит. по: *Балтрон Р.* Джек Лондон: человек, писатель, бунтарь. С. 158.

Haley J. M. Wolf. The Lives of Jack London. P. 271.

См.: *Haley J. M. Wolf. The Lives of Jack London. P. 272–273.*

Чармиан оставила подробное описание этого путешествия. См.: *London Ch. The Book of Jack London: in 2 vol. Vol. II. P. 212–233.*

Балтрон Р. Джек Лондон: человек, писатель, бунтарь. М., 1981. С. 160.

Sinclair A. Jack: A Biography of Jack London. N. Y., 1979. P. 183.

Всего на своих землях Джек Лондон высадил около 150 тысяч саженцев эвкалипта. Это обошлось ему в астрономическую сумму — почти 50 тысяч долларов (современный доллар стоит примерно в двадцать пять раз дешевле тех, которыми платил писатель). Он верил, что это принесет в будущем большой доход.

См.: *Балтрон Р.* Джек Лондон: человек, писатель, бунтарь. С. 161.

Роман печатался выпусками в журнале *Cosmopolitan* с апреля по декабрь 1913 года.

«Лунная долина» есть в «гослитиздатовском» собрании сочинений (1954–1956), но отсутствует в самых массовых: в четырнадцати-и тринадцатитомном собраниях издательства «Правда» (1961 и 1976 год, соответственно).

Первые рассказы Джека Лондона в переводах на русский язык увидели свет в 1905 году; в 1910 году начинает выходить первое собрание сочинений писателя на русском.

Единственный сюжет, который ему «не дался», — роман «Бюро убийств» (*The Assassination Bureau, Ltd*, 1910). Идею Лондон приобрел у Синклера Льюиса, в 1910 году написал большую часть текста, но продолжать не стал, видимо (во всяком случае, так утверждают биографы), не смог придумать логичного продолжения. Много лет спустя роман за Лондона «дописал» американский автор-детективщик Роберт Пайк (под этим псевдонимом скрывался Роберт Ллойд Фиш; 1912–1981).

Англоязычный аналог названия — *The Star Rover*. В Великобритании роман публиковался под названием *The Jacket*. В СССР и России издавался (и издается) под разными заголовками: «Звездный скиталец», «Межзвездный скиталец», «Смирительная рубашка».

Haley J. M. Wolf. The Lives of Jack London. P. 278.

Чармиан и Джек спали в разных комнатах. На этом настоял Джек: спал он плохо, часто просыпался, вставал среди ночи, курил, ходил по комнате, кашлял.

London Ch. The Book of Jack London: in 2 vol. Vol. II. P. 261.

Ibid. P. 262.

См.: *London Ch.* The Book of Jack London: in 2 vol. Vol. II. P. 252.

См.: *Dyer D.* Jack London. A Biography. P. 194.

London J. Jack London and His Times: An Unconventional Biography. N. Y. Seattle: Univ, of Washington Press, 1968.

London J. Jack London and His Times. N. Y. Seattle, 1968. P. 324.

Цит. по: *Балтрон Р.* Джек Лондон: человек, писатель, бунтарь. С. 169.

Фрагменты писем 1912–1913 годов старшей дочери отцу цит. по: *Haley J. M. Wolf. The Lives of Jack London. P. 284.*

«В последние годы жизни отца переписка вытеснила личное общение, — сообщает Джоан, — в Калифорнии он бывал редко... Но, поскольку дочери подросли и поумнели, благодаря письмам они сблизилась». Однако здесь она скорее выдает желаемое за действительное, потому что буквально тут же сообщает: «К сожалению, его уход произошел до того, как отношения наладились. По-другому и быть не могло: люди должны жить рядом» (цит. по: *London J. Jack London and His Times*. P. 324).

London J. Jack London and His Times. P. 260–261.

Стоун И. Моряк в седле. М., 1984. С. 237–238.

Noel J. Footlose in Arcadia: A Personal Record of Jack London, George Sterling, Ambrose Bierce. N. Y., 1940.

Хобарт Босуорт (Bosworth; 1867–1943) — американский актер, сценарист и продюсер. Лондон был большим поклонником его таланта.

См.: *Sinclair A. Jack: A Biography of Jack London*. N. Y., 1979. P. 205.

В 1913 году Х. Босуорт учредил кинокомпанию *Hobart Bosworth Productions Company*, основным пайщиком которой стал Лондон, — специально для экранизации его произведений (во всяком случае, так считал писатель). Босуорт экранизировал «Лунную долину», «Время-Не-Ждет», а уже после смерти писателя создал картину по мотивам его «северных рассказов».

Чарлз У. Годдард (Goddard; 1879–1951) — известный американский драматург и сценарист. Начиная на Бродвее, затем переключился на кино. В 1910-е годы один из самых известных сценаристов Голливуда.

Речь идет о киноромане «Сердца трех». Переделка сценария в роман в наши дни обычное дело, называется она новеллизацией, но тогда это действительно было внове. В предисловии к роману Лондон писал: ««Сердца трех» — это новое направление. До сих пор я, безусловно, не создавал ничего подобного... И я вовсе не намерен скрывать, что горжусь этой работой». Работу по новеллизации Лондон вел по инициативе журнала *Cosmopolitan*, который предложил писателю 25 тысяч долларов.

Sinclair A. Jack: A Biography of Jack London. P. 204.

Речь идет о книжных изданиях; многие из произведений печатались прежде в периодике. «Алая чума» отдельным изданием вышла в 1915 году.

Цит. по: *London J. Jack London and His Times*. N. Y.; Seattle, 1968. P. 331.

Цит. по: *Балтрон Р.* Джек Лондон: человек, писатель, бунтарь. С. 176.

См.: *London Ch.* The Book of Jack London: in 2 vol. Vol. II. P. 303.

Здесь и выше пер. с англ. М. И. Кан.

Цит. по: *London Ch.* The Book of Jack London: in 2 vol. Vol. II. P. 318.

Вот что Джек Лондон писал по этому поводу: «Пусть этим занимаются <Ричард Хардинг> Дэвис и остальные, они лучшие в мире, а я постою в сторонке, понаблюдаю, что они пишут... Не для меня это. <...> Я свой урок получил. Если я и пойду на войну, то только для того, чтобы воевать вместе с англичанами...» (цит. по: *London Ch. The Book of Jack London: in 2 vol. Vol. II. P. 301–302*).

См.: *Sinclair A. Jack: A Biography of Jack London*. P. 220.

См.: *London Ch.* The Book of Jack London: in 2 vol. Vol. II. P. 308–309.

См.: *London Ch.* The Book of Jack London: in 2 vol. Vol. II. P. 314, 318.

Sinclair A. Jack: A Biography of Jack London. N. Y., 1979. P. 223.

См.: *Dyer D.* Jack London. A Biography. N.Y., 1998. P. 195–196.

Финн Хаакон Фролих (*Frolich*; 1868–1947) — американский скульптор, который по причине личных обстоятельств (и по приглашению писателя) жил на ранчо Лондона в 1914–1916 годах.

Цит. по: *Sinclair A. Jack: A Biography of Jack London*. P. 241.

Пер. с англ. М. И. Кан.

Sinclair A. Jack: A Biography of Jack London. P. 224–225.

Балтрон Р. Джек Лондон: человек, писатель, бунтарь. С. 177. Об увлечении трудами Юнга и других психоаналитиков упоминает и Чармиан. См.: *London Ch. The Book of Jack London: in 2 vol. Vol. II. P. 322.*

Пер. с англ. М. И. Кан.

См.: *Стоун И.* Моряк в седле. М., 1984. С. 248.

London Ch. The Book of Jack London: in 2 vol. Vol. II. P. 320.

' Ibid. P. 329–333.

Ibid. P. 321, 334.

Те, кто читал рассказ «Прибой Канака» (один из последних у писателя — он датирован августом 1916 года), без труда узнают в Ли Бартоне Джека, а в Аде Бартон — Чармиан. Интересно, а как на самом деле звали Санни, плейбоя, с которым так отчаянно флиртовала (даже целовалась!) Ада? Возможно, Джек что-то и преувеличил, но автобиографичность этого текста очевидна. Чармиан и в свои сорок шесть так и осталась безответственной девчонкой.

London Ch. The Book of Jack London: in 2 vol. N. Y., P. 326.

London Ch. The Book of Jack London: in 2 vol. Vol. II. P. 326–327.

Ibid. P. 327.

См.: *Балтрон Р. Джек Лондон: человек, писатель, бунтарь. С. 178–180.*

London Ch. The Book of Jack London: in 2 vol. Vol. II. P. 336–337.

London Ch. The Book of Jack London: in 2 vol. Vol. II. P. 326, 328.

Оба рассказа — «Майкл — брат Джерри» и «Красное божество» — были опубликованы в журнале *Cosmopolitan* в декабре 1916 года.

См.: *Лондон Дж. Сердца трех* Пер. Т. Кудрявцевой / *Лондон Дж. Собрание сочинений: В 14 т. Т. 14. С. 155–156.*

Все они были опубликованы уже посмертно: в 1917–1919 годах. Отдельным изданием сборник вышел в «Макмиллане» в 1919 году.

London Ch. The Book of Jack London: in 2 vol. Vol. II. P. 331.

Тетушка Нинетта развелась со своим прежним супругом Роско Эймсом вскоре после его возвращения из плавания на «Снарке» (в 1910 году) и вышла замуж за преподобного Пэйна, проповедника и публициста, своего давнего друга.

Цит. по: *Балтрон Р.* Джек Лондон: человек, писатель, бунтарь. С.185.

См.: *Sinclair A. Jack: A Biography of Jack London*. P. 246–247.

См.: *London Ch.* The Book of Jack London: in 2 vol. Vol. II. P. 354–355.

Ibid. P. 354.

Cm.: *Haley J. M. Wolf*. The Lives of Jack London. P. 308.

См.: *London Ch.* The Book of Jack London: in 2 vol. Vol. II. P. 385.

Ibid. P. 386.

См.: Морской энциклопедический словарь: В 3 т. / Под ред. В. Дмитриева. Т. 1. Л., 1991. С. 26.